

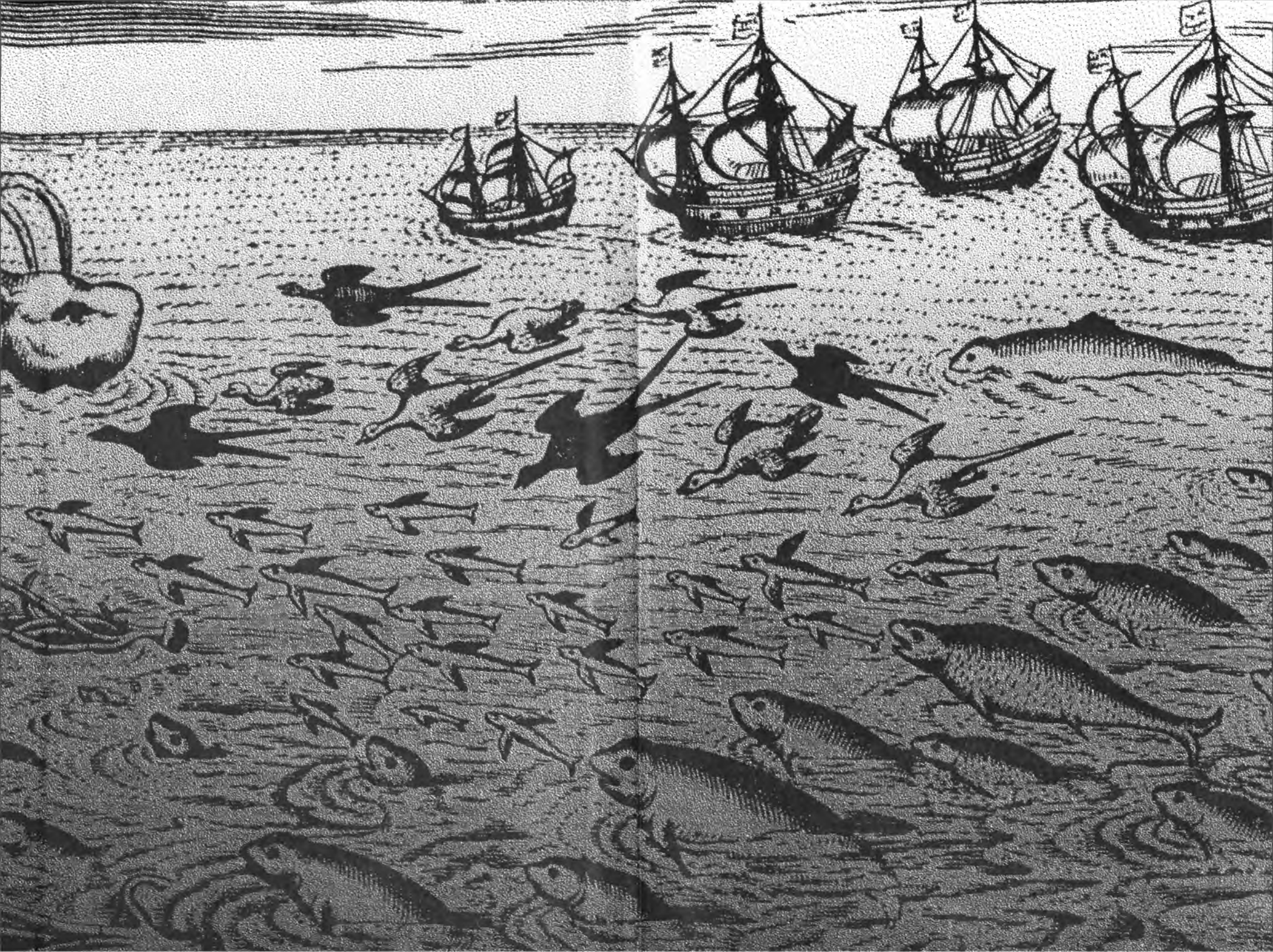

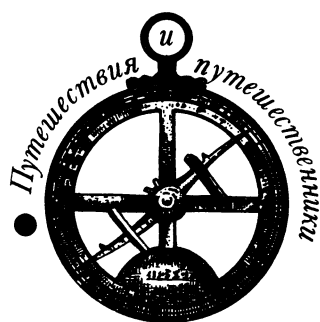
**Антонио
Пигафетта
ПУТЕШЕСТВИЕ
МАГЕЛЛАНА**

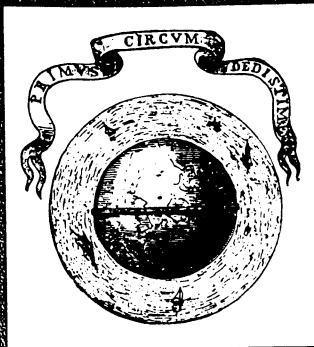
**Мэйрин
Митчелл
ЭЛЬ-КАНО —
ПЕРВЫЙ
КРУГОСВЕТНЫЙ
МОРЕПЛАВАТЕЛЬ**

МОСКВА
«МЫСЛЬ» 2000

Антонио
Пигафетта
**ПУТЕШЕСТВИЕ
МАГЕЛЛАНА**
❖
Мэйрин
Митчелл
**ЭЛЬ-КАНО —
ПЕРВЫЙ
КРУТОСВЕТНЫЙ
МОРЕПЛАВАТЕЛЬ**

УДК 910.4+929 [Магеллан+Эль-Кано]

ББК 26.8 г

П 32

IL PRIMO VIAGGIO INTORNO AL GLOBO DI ANTONIO PIGAFETTA.

Raccolta di documenti e studi pubblicati dalla R. Commissione
Colombiana pel quattro centenario dalla scoperta dell'America

Roma, 1894

Перевод с итальянского и примечания *В. С. Узина*

ELCANO: THE FIRST CIRCUMNAVIGATOR

by Mairin Mitchell

London, 1958

Перевод с английского *И. Г. Гуровой*

Послесловие и примечания *Я. М. Света*

ПЕРВОЕ КРУГОСВЕТНОЕ ПЛАВАНИЕ

Имя Антонио Пигафетты неразрывно связано с историей первого кругосветного плавания. Этот провинциальный дворянин волей случая стал историографом предприятия Магеллана, и его записки по праву считаются одним из наиболее ценных документов эпохи географических открытий.

Сын богатого патриция, уроженец Виченцы — древнего, погруженного в дремотный покой города, чьи судьбы были связаны с судьбой дряхлеющей Венеции, Антонио Пигафетта прямо из покоев старого фамильного палаццо попадает в Барселону, а оттуда в Севилью — порт, из которого десятки испанских кораблей отправлялись в недавно открытые заморские страны. Он становится участником экспедиции Магеллана, пересекает три океана, видит цветущие берега Бразилии и унылые, погруженные в молочный туман утесы Огненной Земли, попадает на острова Тихого океана, мерзнет в холодных водах Южной Атлантики, изнывает от жары в Индийском океане, терпит невероятные лишения и голод, участвует в ожесточенных схватках с туземцами на берегах неведомых земель и возвращается с горстью моряков, переживших мытарства трехлетнего плавания, совершив первое в истории человечества путешествие вокруг света.

Его записки — не хроника бесстрастного летописца и не дневники вдумчивого ученого-исследователя. Это беглые заметки наивного и любознательного человека, страстного искателя приключений и наживы.

Пигафетта ничем не отличается от своих современников и сверстников — рыцарей знатных и худородных, с дворянским гербом или без него, которые кинулись в новооткрытые земли в поисках легкой добычи.

Быть может, многим из них он уступает в знаниях, способностях, энергии и предприимчивости. Вместе с тем ему чужды фарисейские приемы летописания, свойственные многим «заслуженным» историкам. Он не рядит своих спутников в одежды ратоборцев «христианской цивилизации», не извращает факты в угоду предвзятым концепциям. Разумеется, далеко не все, что видит он на своем пути, может он понять и объяснить. О многом не упоминает, хотя порой с излишней подробностью описывает мелочи. С подкупающей непосредственностью ведет он свой немудреный рассказ. Вчитайтесь в его записки — и перед вами раскроется одна из наиболее ярких страниц хроники великих открытий.

В глазах историков и географов события бурного века открытий рисуются как эпизоды грандиозной героической

эпопеи. В солидных трудах и исторических романах, в журнальных статьях и школьных хрестоматиях они поют осанну подвигам «Одиссеев нового времени», раздвинувших границы старого мира, приобщивших к «благам европейской цивилизации» колоссальные территории Нового и Старого Света. Достаточно, однако, ознакомиться с подлинными записями, которые вели эти прославленные Одиссеи, чтобы лишний раз убедиться, насколько справедлива была характеристика, данная Марксом в XXIV главе «Капитала»:

«Открытие золотых и серебряных приисков в Америке, искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первые шаги к завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих — такова была утренняя заря капиталистической эры производства. Эти идиллические процессы составляют главные моменты первоначального накопления»*.

В течение XV столетия пиренейские державы — Испания и Португалия — выходят на путь широкой заморской экспансии. В обеих странах особенности их внутреннего развития и географического положения определили необходимость и возможность поисков новых земель и новых морских путей. В социальных битвах XV в. и в Португалии, и в Испании феодальная знать потерпела поражение в борьбе с королевской властью, опиравшейся на города. И там, и здесь процессы объединения страны шли в условиях Реконквисты — непрерывных внешних войн с маврами, которые шаг за шагом вынуждены были уступать земли Пиренейского полуострова, захваченные ими в VIII столетии. В Португалии эти войны закончились в середине XIII в., в Испании — лишь на исходе XV в.

Реконкиста породила рыцарство, класс, который жил и кормился войной и по мере ее завершения мало-помалу терял свои экономические позиции.

Когда захвачены были последние мавританские земли на юге полуострова, алчное и неуемное в своем стремлении к обретению легкой добычи рыцарство бросилось на поиски новых источников дохода. В них остро нуждалась и молодая, еще не окрепшая буржуазия, и королевская власть.

Обстановка, сложившаяся в том же XV в. в Передней Азии и в восточной части Средиземноморского бассейна, препятствовала установлению прямых связей между Западной Европой и богатейшими странами Дальнего и Среднего Востока, к которым устремлялись помыслы искателей наживы. Мон-

* Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. XVII. С. 821.

гольская империя распалась, закрылись прямые торговые пути, проложенные в XIII в. по сухопутью из Европы в Китай и Среднюю Азию. На Балканском полуострове и в Малой Азии утвердились турки, которые преградили европейским купцам путь, ведущий через главные ворота Востока — Византию (Византия была захвачена турками в 1453 г.). Правда, оставалась еще свободной южная дорога в Индию через Египет и Красное море, но вся транзитная торговля, которая велась через Александрию с Южной Азией, находилась в руках венецианцев.

Найти новые пути к землям Востока — такова была задача, которую настойчиво стремились разрешить в XV в. во всех западноевропейских странах, и в первую очередь в Португалии и Испании, расположенных на полуострове, далеко выдвинутом в воды Атлантики.

Португалия первая начинает эти поиски. К 1415 г. относится ее первый захват, совершенный в Африке. А за 83 года, которые отделяют этот захват от экспедиции Васко да Гамы, португальские мореплаватели открыли и освоили новый морской путь из Европы в Индию, в обход Африканского материка. Рабы, пряности, золото, слоновая кость на португальских кораблях (а в непрерывных морских походах португальцы создали новые типы кораблей, приспособленные для дальних плаваний в открытом океане) стали доставляться в портовые города Португалии — Лагуш, Лиссабон, Порту. Задолго до того как флотилия Васко да Гамы появилась у берегов Индии, Португалия обрела богатейшие источники в Африке.

В последней четверти XV в., когда завершилось объединение Испании, эта страна вступила в соревнование с Португалией. Но португальцы готовы были любой ценой удержать свои приобретения в Африке и исключительные права на плавание открытым ими путем, который проходил вдоль западных берегов этого материка. В 70-х годах XV в. Португалия и Кастилия* вели между собой войну, которая завершилась крайне невыгодным для Кастилии Алькасовасским мирным договором 1479 г. По условиям договора, санкционированного в 1481 г. папой Сикстом IV, Португалия резервировала за собой монопольные права на торговлю

* Объединенная в 1479 г. Испания состояла из двух королевств — Кастилии и Арагона. В 1469 г. кастильская инфанта Изабелла вышла замуж за арагонского наследного принца Фердинанда. Спустя пять лет Изабелла сменила на кастильском престоле своего слабоумного брата Энрике IV, а в 1479 г. на арагонский престол вступил Фердинанд. Личная уния арагонского короля и кастильской королевы в условиях того времени явилась фактором, который содействовал окончательному объединению страны.

в Атлантическом океане, к югу от принадлежащих Кастилии Канарских островов. В 1487 г. португалец Бартоломеу Диаш обогнул мыс Доброй Надежды и вышел в Индийский океан. Таким образом, путь в Индию был уже фактически проложен португальскими мореплавателями — побывавший со специальной разведывательной миссией в Абиссинии португалец Ковильян в 1488 г. сообщил португальскому королю Жуану II, что от восточных берегов Африки до Индии остается совсем немного, да при этом воды Индийского океана хорошо известны арабским мореплавателям и не таят в себе каких бы то ни было опасностей. Алькасовасский договор лишил испанцев возможности пользоваться уже более чем на три четверти открытым путем в Индию. Разумеется, испанские мореплаватели менее всего склонны были считаться с пунктами договора. Но морские силы Португалии были настолько внушительны, что из опасения столкновения с ними испанцы предпочитали соблюдать условия невыгодного для них соглашения.

Испанским кораблям оставалась только одна возможность достичь берегов Индии и Китая — для них открыт был путь на запад через неведомый океан. Следуя этим путем, Колумб в 1492 г. открыл первые американские земли.

В марте 1493 г. Колумб вернулся в Испанию, а спустя месяц папа Александр VI, выполняя требования испанских монархов, объявил все новооткрытые земли кастильским владением. С апреля по октябрь 1493 г. Александр VI подписал четыре буллы о заморских делах. По требованию Изабеллы и Фердинанда он не только подтвердил права Испании (Кастилии) на земли, уже открытые Колумбом, но и объявил, что все моря и земли, расположенные к западу от линии, намеченной в Атлантике, в 100 лигах (около 600 км) к западу от островов Зеленого Мыса и Азорских островов, отныне должны принадлежать Кастилии.

В 1494 г. по компромиссному кастильско-португальскому договору, подписанному в Тордесильясе, обе державы наметили новый демаркационный рубеж в Атлантическом океане: в 370 лигах к западу от уже упомянутых островов (т. е. приблизительно вдоль 50° з. д.). К востоку от нее была португальская, к западу испанская сфера заморской экспансии.

Вести о плаваниях Колумба, Кабота, Веспуччи, да Гамы вызывают в Европе лихорадку открытий. Слухи о золоте, рабах, пряностях, жемчуге, дорогих и редких породах дерева, о тучных и плодородных землях, о богатых городах Индий Восточных и еще неизведанных возможностях Индий Западных волнуют и возбуждают искателей наживы, которые

устремляются за океан в надежде на быстрое и легкое обогащение.

Летопись открытий — это прежде всего убийственный обвинительный акт против новой общественной формации, которая зарождалась на костях и на крови истребляемого и порабоощаемого населения Америки, Африки и Азии.

За короткий период времени от первого плавания Колумба до путешествия Магеллана почти полностью были истреблены индейцы на Антильских островах — этом опытном поле испанской колонизации Нового Света. Здесь, на Эспаньоле (Гаити), Кубе, Ямайке, была выработана жестокая система эксплуатации труда коренного населения, которая по мере завоевания Южной и Центральной Америки распространялась на огромные территории.

А открытия и завоевания шли невиданно быстрыми темпами. Они были настолько стремительны, что уже во втором десятилетии XVI в. португальцы и испанцы, двигаясь в противоположных направлениях, вышли к берегам Тихого океана.

Португальцы, направляясь на восток, в 1505—1510 гг. создали опорные базы в Индии. В 1509 г. португальский флот в битве под Диу разгромил морские силы венецианско-египетской коалиции. Захватив в 1511 г. Малакку и вырезав ее население, португальцы проникли в воды Малайского архипелага и на Молуккские острова — родину пряностей.

Нашему читателю-современнику трудно представить себе, какое значение придавали европейцы XV в. гвоздике, перцу, мускатному ореху. Эти ныне заурядные товары вплоть до появления португальцев в Юго-Восточной Азии доставлялись в Европу чрезвычайно сложным и долгим путем: арабские купцы скупали пряности у мелких царьков на Молуккских островах, на Целебесе (Сулавеси), Тиморе, Яве и перепродавали их товары в Ормузе или Александрии венецианцам. Затем уже на венецианских кораблях пряности доставлялись в Италию, Францию, Испанию, причем венецианцы, которые сами закупали перец или гвоздику у арабов по цене, втрое превышающей обычные цены на рынках Юго-Восточной Азии, при продаже получали колоссальные барыши. Ведь монополия торговли пряностями принадлежала им безраздельно.

Весть о проникновении португальцев к самому источнику сказочных богатств — берегам Молуккских островов, носивших заманчивое название Островов Пряностей, возбудила лихорадочную активность испанских искателей наживы.

Венецианцы после битвы при Диу не могли и мечтать о восстановлении своих былых позиций на Востоке. К тому же

в 1514—1516 гг. они получили еще один удар: турки овладели Египтом и накрепко закрыли единственный путь в Индию, которым могли еще пользоваться венецианские купцы.

Венеция от этих ударов не смогла оправиться. В середине XVI столетия она становится второстепенной державой, уступая Испании, Франции и Турции пальму первенства даже в пределах Средиземноморского бассейна. Но испанцы менее всего склонны были считать успехи своих соперников окончательными. В 1513 г. испанский авантюрист Васко Нуньес Бальбоа пересекает Панамский перешеек (на восточных берегах которого испанцы основывают первые поселения в 1508 г.) и открывает Южное море — Тихий океан. Известие об этом открытии обнадежило и утешило его соотечественников. Причины этих, быть может не вполне обоснованных, упований и надежд заключались в одном «географическом» заблуждении, в котором пребывали вплоть до завершения Магеллановой экспедиции все европейские мореплаватели.

Как известно, Колумб, открывая первые американские земли — Багамские острова, Кубу и Эспаньолу (Гаити), считал, что он уже доплыл до восточных берегов Азии. В 1503 г., излагая в своем письме королю и королеве Испании результаты предпринятого им четвертого плавания, он отметил, что открытые им на восточном берегу Центральной Америки земли лежат в десяти днях пути от Ганга. До Колумба дошли слухи о большом море по ту сторону центральноамериканского перешейка. Он сравнивал открытую им землю с Апеннинским и Пиренейским полуостровами, предполагая, что расположенное на западе и все еще неизвестное море является заливом, который врзается в Азиатский материк. Верагуа (нынешняя Панама) казалась ему выступом этого материка, отделенного от Большой земли сравнительно узким заливом.

Открытие Бальбоа ни в коей мере не могло поколебать эту теорию, хотя в 10-х годах XVI столетия земли, открытые Колумбом и другими мореплавателями в западной части Атлантики, склонны были рассматривать не как часть Азиатского материка, а как группу крупных островов, лежащих между Европой и Азией. Но водные пространства к западу от новооткрытых американских земель казались ничтожными по ширине по сравнению с Атлантическим океаном, который всего лишь двадцать лет назад впервые пересекли каравеллы Колумба.

Испанские мореплаватели полагали, что Молуккские острова расположены совсем близко от Верагуа. Но достичь Островов Пряностей можно было только в том случае, если бы

удалось найти проход, ведущий из Атлантического океана в Южное море.

Испанцы не сомневались, что проход этот скоро будет открыт. А как только это случится, кастильские флотилии, следуя западным, и, как представлялось тогда, самым кратчайшим, путем, дойдут до Молуккских островов и изгонят оттуда ретивых португальских конкурентов. При этом в Испании искренне считали португальцев, захвативших Молукку, узурпаторами и нарушителями Тордесильяского договора.

В Севилье в Главном архиве Индий* — ведомстве, созданном в 1511 г. для управления всеми новооткрытыми землями, и в Casa de Contractacion — Торговой палате, учрежденной в 1503 г. для руководства морскими и торговыми предприятиями, старательно изучали карты мира, на которых нанесены были контуры Южного моря и земли, открытые португальцами в Азии.

И чем больше космографы и астрологи трудились над картами, тем охотнее приходили они к мысли, что португальцы «незаконно» присвоили себе право на Молуккские острова. В Тордесильясе в 1494 г. демаркационный рубеж был проведен только через Атлантику — ведь тогда еще никто не предполагал, что вскоре потребуются провести подобную же разграничительную линию в противоположном полушарии. Но в 1513 или 1515 г. испанцам казалось несомненным, что Малакка, Ява и Китай лежат на незначительном расстоянии от земель, открытых Колумбом, а следовательно, Молуккские острова должны лежать в испанской сфере, далеко к востоку от вероятного направления демаркационного рубежа, намечаемого в антиподах.

На самом деле этот рубеж проходит по 134° в. д. и, разделяя на две почти равные части Австралию, пересекает Новую Гвинею, проходит к востоку от Молуккских островов и через остров Сикоку, Амурскую область и Якутию направляется в арктическую зону Северного полушария. Но кто же мог до путешествия Магеллана предполагать, что Южное море окажется таким широким!

Следует отметить, что как раз в эти годы в Испании все более нарастало чувство разочарования в уже открытых землях. Для всех было очевидно, что Антильские острова, карибские берега Южной Америки и Верагуа с Дарьеном по своим богатствам не могут сравниться с землями Индии, Китая и Сипанго (Японии), за каковые были они приняты Колумбом. Здесь

* См. примеч. 4 на с. 300. — *Ред.*

найденно было мало золота, пряностей же, если не считать скверного местного перца (ахи), не удалось обнаружить вовсе. Коренное население Антильских островов к 1515 г. было почти истреблено, а вся система эксплуатации новооткрытых земель — добыча руд, плантационное хозяйство, разведение скота — основывалась на применении труда закрепощенных или обращенных в рабство индейцев.

Испанские колонии на Эспаньоле, Кубе, Пуэрто-Рико, Ямайке, Дарьене находились в жалком положении. Острова Пряностей грезилась всем кастильским рыцарям наживы, о них и о несметно богатых странах Востока, где, как у себя дома, распоряжались португальцы, страстно мечтали и севильские купцы, и полунищие кастильские идалго, и незадачливые кубинские плантаторы, и министры короля Фердинанда, казна которого оскудевала с каждым днем.

Пройдет еще несколько лет, и Кортес завоюет Мексику. Минует еще полтора-два десятилетия, и другой завоеватель, Писарро, покорит богатейшее государство инков. Тогда золотые и серебряные реки потекут в Испанию (менее всего, правда, обогащая эту страну).

Но накануне выхода в плавание экспедиции Магеллана в Испании ничего не знали о богатствах Мексики и Перу. Поэтому в то время, в 10-х годах XVI столетия, и перед организаторами новых заморских предприятий, и перед жадной златолюбивой вольницей, готовой отправиться хоть на край света в поисках добычи, стояла задача, требующая быстрого и эффективного разрешения. Необходимо было во что бы то ни стало найти проход в Южное море и, следуя им, добраться до Островов Пряностей и вытеснить оттуда португальцев.

* * *

Поиски пролива, через который, следуя западным путем, можно было бы попасть в Индию и Китай, велись упорно и настойчиво со времен Колумба. При этом не только испанцы, но и португальцы, англичане и французы проявляли немалый интерес к этим поискам.

В 1494 г. Колумб, выйдя из Изабеллы, гавани на северном берегу острова Эспаньола (Гаити), проследовал в западном направлении вдоль южного берега Кубы. Он не дошел, однако, до западной оконечности этого острова и повернул обратно, заставив экипаж под присягой подтвердить, что Куба — не остров, а часть материка. Вплоть до своей кончины Колумб

был убежден, что Куба — это восточная окраина китайской провинции Манго, или Маго.

Как уже указывалось выше, в четвертом, и последнем, своем плавании Колумб искал на атлантических берегах Центральной Америки проход, который мог бы его привести в море, омывающее Индию.

Англичане и португальцы искали этот проход у берегов Лабрадора. Однако особенно рьяно велись поиски на юге. В 1503 г. флорентиец Америго Веспуччи представил португальскому королю Мануэлу проект экспедиции, которая должна была пройти в Юго-Восточную Азию, обогнув Землю Св. Креста (Вера-Круш), т. е. Южно-Американский материк, северную часть которого открыл в 1498 г. Колумб, а восточную, выдающуюся далеко на восток оконечность (Бразилию) — португалец Кабрал (в 1500 г.).

Веспуччи полагал, что, подобно Африке, новооткрытая земля сужается к югу и что в ее южной части может быть обнаружен пролив.

Этот проект был разработан вскоре после возвращения из плавания в Южную Атлантику. Веспуччи, плавая в 1502 г. под португальским флагом, зашел далеко на юг и открыл суровую и безлюдную землю, расположенную, по его словам, выше 52° ю. ш.

Веспуччи удалось снарядить новую экспедицию, но, дойдя до Бразилии, он с грузом красящего дерева вернулся обратно в Лиссабон, не предпринимая поисков прохода у южноамериканских берегов.

Вскоре Веспуччи перешел (или, точнее говоря, вернулся) на испанскую службу и совместно с выдающимся мореплавателем Висенте Яньесом Пинсоном и опытным кормчим Хуаном де Солисом разработал план экспедиции, которая должна была достичь Португальской Индии. При этом поиски пролива, которым следовало пройти к Индии, компаньоны-предприниматели намерены были вести у берегов Центральной Америки.

В 1508 г. Висенте Яньес Пинсон и Хуан де Солис вышли в путь. Экспедиция эта была, однако, неудачной. Солис, обвиненный в плохом руководстве предприятием, был по возвращении в Испанию посажен в тюрьму. После того как ему вернули свободу, он предложил свои услуги португальскому королю и некоторое время состоял на португальской службе.

В 1512 г., т. е. именно в тот год, когда в Испании узнали о появлении на Молуккских островах португальцев, президент Индийского Совета Хуан де Фонсека предложил Солису

возвратиться на испанскую службу и возглавить экспедицию, которая должна была отправиться к Молуккским островам восточным путем, в обход Африки.

Этот план не был приведен в исполнение, так как отправка крупной флотилии португальским морским путем чревата была серьезными осложнениями для Испании.

Солис, назначенный главным кормчим Кастилии, разработал проект поисков юго-западного пути в Азию и в 1516 г. вышел в плавание к берегам Южной Америки. На 35° ю. ш. он вступил в широкий и глубокий залив, который сперва показался ему проливом, ведущим далеко в глубь материка.

Но по мере продвижения вперед Солис замечал, что вода в этом «проливе» становится все более пресной. Солис открыл не вожделенный проход в Южное море, а устье могучей реки Парана, по недоразумению названной Ла-Плата — серебряная река. На берегах Ла-Платы Солис в 1516 г. сложил голову в стычке с индейцами.

* * *

Незадолго до открытия Солисом Ла-Платы португальская экспедиция вела поиски пролива на южноамериканских берегах.

Об этой экспедиции имеется краткое сообщение в брошюре на немецком языке, вышедшей около 1515 г. и озаглавленной «Письмо о новых вестях из бразильской земли» (*Copia der Newen Zeitung aus Presillg Landt*). В ней один из португальских агентов торгового дома Фуггеров в Аугсбурге сообщал, что 12 октября 1514 г. на остров Мадейра прибыло два португальских корабля под водительством «самого выдающегося кормчего Португалии». Эта экспедиция приблизительно на 40° ю. ш. открыла и обогнула мыс, подобный мысу Доброй Надежды, и за этим мысом был расположен пролив, напоминающий Гибралтарский, который тянется от одного моря до другого, так что нет ничего легче, как этим путем достичь Островов Пряностей.

Несомненно, в период 1500—1516 гг. португальцы не раз предпринимали попытки отыскать этот пролив. Но материалы всех заморских экспедиций король Мануэль хранил за семью печатями, и разглашение их каралось смертной казнью. Даже морские карты выдавались кормчим португальских кораблей с обязательством неперменной и немедленной сдачи их в казну по возвращении из плавания. О том, что такие экспедиции снаряжались, имеется косвенное свидетельство Пигафетты. Пигафетта указывает, что Магеллан был твердо убежден в су-

уществовании пролива (на юге Южно-Американского материка), ибо он видел такой пролив на карте Мартина Бегайма.

Бегайм, немецкий космограф и картограф, долгое время провел в Португалии на государственной службе и умер в 1507 г. Вполне вероятно, что Бегайм незадолго до смерти мог составить карту, на которую нанесены были контуры «пролива», бывшего на самом деле каким-нибудь заливом, глубоко вдающимся в аргентинский берег и «открытым» португальскими моряками.

На глобусе Иоганна Шёнера 1520 г. пролив этот показан под 43°. Мы увидим дальше, что мнение о существовании этого пролива разделял Магеллан.

Однако желанные Острова Пряностей оставались для испанцев по-прежнему вне пределов досягаемости. Осуществление замыслов Веспуччи, Солиса и безвестных португальских мореплавателей выпало на долю Фернана Магеллана.

Этот маленький человек с жесткой бородкой и холодными, колючими глазами, сухой, сдержанный и молчаливый, олицетворяет суровую и бурную эпоху великих заморских предприятий, эпоху, когда в поисках золота и пряностей люди пересекали неведомые моря и, на каждом шагу рискуя жизнью, преодолевая безмерные трудности, покоряли, обрекая на голод и разорение, открываемые ими земли.

Магеллан — типичный представитель плеяды рыцарей чистогана, до дерзости отважных и неразборчивых в средствах. Он один из наиболее энергичных вожак полупиратских, полупромышленных предприятий и один из наиболее талантливых организаторов поистине феерических разбойничьих экспедиций, в ходе которых за одно столетие границы издревле известного мира переместились от атлантических берегов Европы и восточных рубежей Передней Азии к островным дугам Малайского архипелага и исполинским горным цепям Анд.

Колумб возглашал хвалу золоту, он, открывая новые земли, грезил о золотых залежах, жемчуге, корице, флотилиях, груженых рабами и красящим деревом.

Магеллан мечтал о пряностях Молуккских островов, о несметных богатствах Малакки и легендарных городов Китая.

Вся его жизнь была своеобразным подвижничеством. Но он терпел лишения и подвергался смертельным опасностям, одержимый острым и жгучим желанием обогащения.

Магеллан начал свою деятельность как матрос и солдат экспедиции Франсишку Алмейды, посланной в 1505 г. для утверждения португальского господства в Индии.

25-летний дворянин из португальского захолустья, гористой и бедной области Траз-уш-Монтиш (что по-португальски

значит «за горами»), попадает в Индию. По дороге в эту страну он принимает участие в разграблении африканских городов Килоа и Момбаса. Так в пиратском набеге начинается его военная карьера. В Индию Магеллан попадает как раз в то время, когда португальцы, перебросив достаточные вооруженные силы на берег этой страны, приступают к завоеванию в ней опорных пунктов и баз. Он сражается и на море, и на суше, получает тяжелые ранения в морском бою у Каннонора (1506) и, оправившись от ран, отправляется с небольшим португальским отрядом в Софалу, арабское поселение на восточном берегу Африки, которое португальцы превращают в одну из своих укрепленных баз на морском пути Лиссабон — Индия.

Здесь, в грязном городке, где на зловонном рынке арабские купцы торгуют черными рабами, перцем и слоновой костью, где тропические болезни косят непривычных к африканскому климату европейцев, Магеллан собирает сведения о караванных тропах, ведущих во внутренние области Африки, о золотых россыпях, местоположение которых тщательно скрывают арабы, о силах местных царьков и вождей. Через некоторое время Магеллан возвращается в Индию, в город Кочин, резиденцию вице-короля Индии Алмейды. Он участвует в знаменитой битве у острова Диу 2—3 февраля 1509 г., отважно сражается с арабами и венецианцами и снова попадает вместе с партией раненных в этом бою португальцев в Кочин.

Весной 1509 г. он отправляется к берегам полуострова Малакка на флотилии Диогу Сикейры, которому король Мануэль поручил собрать сведения о богатых странах, лежащих между Индией и Китаем. Благодаря мужеству Магеллана и его друга Франсишку Серрана флотилии Сикейры удается избежать гибели в гавани Малакки. В водах Малайского архипелага Магеллан не раз принимает участие в пиратских нападениях на арабские и китайские суда.

В январе 1510 г. Магеллан возвращается в Кочин. За это время на посту вице-короля осторожного и медлительного Алмейду успел сменить стремительный в своих действиях Афонсу Албукерки, который прибыл в Индию с широкими планами завоевательных походов и дальнейших морских экспедиций.

Осенью 1510 г. Албукерки штурмом берет город Гоа, который отныне становится столицей Португальской Индии.

Летом 1511 г. Албукерки захватывает Малакку, город, который португальцы по праву считали ключом к Китаю. Магеллан сражается и под стенами Гоа, и в Малакке. Однако никакой

награды за свои боевые подвиги он не получает. Албукерки не склонен жаловать угрюмого и смелого в суждениях воина, нередко позволяющего себе открытую и резкую критику мероприятий и планов вице-короля.

В 1511 г. Магеллан участвует в экспедиции Антониу де Абреу, посланной из Малакки к Молуккским островам. Флотилия Абреу дошла до островов Банда, где в изобилии произрастали мускатные орехи. Скупив огромное количество орехов, Абреу поспешил возвратиться в Малакку. Только один корабль под командой Франсишку Серрана отправился дальше, к Молуккским островам. Серран высадился на острове Тернате, родине лучшей в мире гвоздики, и здесь надолго обосновался, сделавшись советником местного султана. С Серраном Магеллан состоял затем в переписке. Мы увидим дальше, что сведения, полученные Магелланом из Тернате, оказались для него далеко не бесполезными.

Между тем на целых два года следы Магеллана теряются. Арагонский историк XVI в. Архенсола сообщает, что Магеллан побывал на каких-то островах, расположенных в 600 лигах (т. е. около 3000—3500 км) от Малакки. Будучи там, он переписывался с Серраном, который якобы звал его к себе на остров Тернате.

Один из испанских историков XVI столетия, Овьедо, указывает, что Магеллан, отправляясь в свое знаменитое плавание, оставил в Главном архиве Индий записку, в которой упоминалось о его пребывании в Восточных Индиях и на Островах Пряностей.

Неизвестно, однако, побывал ли он в этих краях сам или собрал о них сведения, находясь в Малакке. Бесспорно, что в конце 1513 г. Магеллан появляется в Португалии.

Его сбережения погибли: их присвоили себе наследники одного португальского купца, с которым вел торговые дела Магеллан. Его родовое поместье было разорено. Магеллан снова поступает на военную службу и сражается в Марокко. Он становится жертвой интриг собственных соратников и, несмотря на отвагу, проявленную в боях, не только не получает благодарности, но и навлекает на себя немилость командующего португальской армией. Король отказывает ему в пенсии, темные слухи о бесчестных сделках с «маврами» сопутствуют Магеллану после его возвращения из Марокко.

Вероятно, в 1515—1516 гг., вернувшись в Лиссабон, Магеллан разработал свой проект плавания юго-западным путем к Островам Пряностей. Этот проект был категорически отвергнут королем Мануэлем, и Магеллан оставил Португалию.

20 октября 1517 г. он прибывает в Севилью, с тем чтобы осуществить свой замысел на службе у испанской короны.

В Севилье Магеллан попадает в колонию португальских эмигрантов. Он знакомится здесь с комендантом севильской крепости Алькасар, старым португальским воином Диогу Барбозой, и с его сыном Дуарте, впоследствии участником кругосветного плавания.

На дочери Диогу Барбозы Магеллан женится в 1518 г. В Севилье он встречает своего старого знакомого португальца-астронома Руй Фалейру, одного из лучших картографов того времени, и продолжает совместно с Фалейру разработку своего проекта. Диогу Барбоза рекомендует Магеллана видному должностному лицу Индийской торговой палаты Хуану де Аранде. Начинаются долгие переговоры об осуществлении проекта Магеллана.

В Испании заморские экспедиции, как правило, организовывались на паевых началах короной и частными лицами. Король по рекомендации Индийского Совета заключал договор (асьенто) с предпринимателем, предложившим проект экспедиции. Казна обязывалась оказать материальную поддержку предпринимателю, предоставляла ему права наместника (аделантадо) в новооткрытых территориях и долю в ожидаемых барышах. Однако корона специальными пунктами договора ограничивала юрисдикцию наместника-открывателя и связывала все его действия, поскольку каждое мероприятие лица, стоящего во главе экспедиции, контролировалось особыми чиновниками, назначаемыми Индийским Советом. При этом в большинстве случаев судьба таких открывателей оказывалась плачевной. Воспользовавшись их услугами, корона прибирала к рукам новооткрытые территории, а организаторы заморских предприятий годами обивали пороги Индийского Совета и королевской приемной, тщетно пытаясь восстановить свои права. Коронные казуисты всегда толковали договорные обязательства казны в аспекте, не благоприятном для истца, и нередко случалось, что человек, открывший на испанской службе богатейшие земли, умирал в нищете. Таков был финал деятельности Колумба.

Когда Магеллан начал хлопоты о своем проекте, вести о дальнейших португальских успехах на Востоке и о бедственном положении испанских колоний в Новом Свете как нельзя более благоприятствовали осуществлению его замысла. Но не так-то легко было добиться официального одобрения проекта. В 1516 г. на престол вступил шестнадцатилетний внук короля Фердинанда Карл Габсбург, впоследствии император Священ-

ной Римской Империи, вошедший в историю под именем Карла V.

Молодой король прибыл в Испанию из Фландрии, где он провел детские и отроческие годы. Он привез с собой советников-фламандцев, но они не пользовались в Испании популярностью и плохо разбирались в испанских делах. Менее всего они были озабочены проектами заморских экспедиций; все их внимание приковано было к Германии, где близкая кончина престарелого императора Максимилиана сулила тяжкую борьбу за корону.

Между тем проект должен был рассматривать королевский совет, в котором министры-фламандцы оказывались в большинстве.

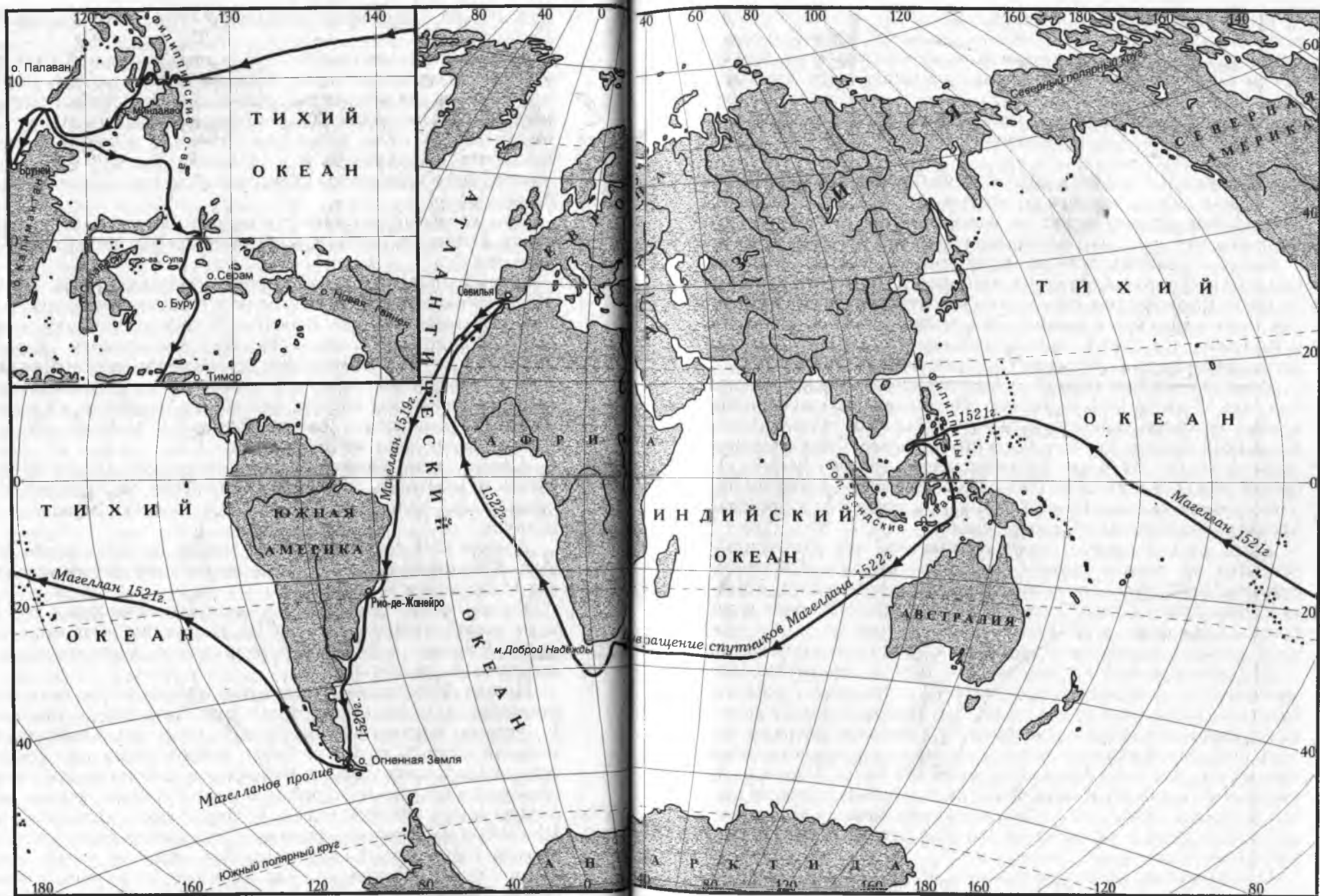
Аранда, после долгих споров с Магелланом и Фалейру выговоривший себе восьмую долю в грядущих прибылях предприятия, заинтересовал проектом Хуана де Фонсеку, президента Индийского Совета. Это был влиятельный сановник, четверть века ведавший делом организации дальних экспедиций и управления новооткрытыми территориями. Фонсека отстаивал интересы короны, абсолютно не считаясь с претензиями открывателей, знания и энергию которых он умел, однако, великолепно использовать.

Аранда также заинтересовал проектом Магеллана богатого купца и опытного организатора морских экспедиций Кристоваля де Аро, который обещал щедрую материальную помощь.

В марте 1518 г. в Вальядолиде, городе, где за 12 лет до этого умер Христофор Колумб, королевский совет рассмотрел проект Магеллана и Фалейру.

Король и его фламандские советники отнеслись холодно к их предложениям. Однако по настоянию Фонсеки совет одобрил проект, и 22 марта король подписал первые указы об организации экспедиции.

Проект Магеллана и Фалейру основывался на двух предпосылках, в истинности которых они были твердо убеждены. Во-первых, составители проекта считали, что Южно-Американский материк уходит на запад, подобно тому как африканская земля у мыса Доброй Надежды уходит на восток, и что, следовательно, где-то за 40° ю. ш. должен быть проход, ведущий из Атлантического океана в Южное море. Магеллан показал глобус, на котором в том месте, где должен был находиться пролив, расплылось белое пятно. Это пятно он нанес, опасаясь, что португальские шпионы проведают об истинном местоположении пролива.

ну, который впоследствии явится организатором мятежа во флотилии Магеллана.

Снаряжение флотилии шло в Севилье, причем агенты португальского короля всячески препятствовали осуществлению замысла Магеллана. Португальский посол при испанском дворе Алвару да Кошта потратил немало усилий, чтобы сорвать подготовку экспедиции. Когда его тайные интриги и открытые протесты оказались безуспешными, португальскому представителю в Севилье Себастьяну Алваришу было поручено любым путем помешать отправке экспедиции. Провокации, диверсии, покушения на жизнь Магеллана — все эти приемы пытается использовать Алвариш. В личном своем свидании с Магелланом он рисует перед ним тяготы предстоящего пути. «Я доказывал, — пишет Алвариш Мануэлю, — что лежащий перед ним путь таит не меньше страданий, чем колесо св. Екатерины, и что не в пример благоразумнее было бы ему возвратиться на родину, под сень Вашего благоволения и милостей, на каковые он смело может рассчитывать». Алваришу не удалось ни соблазнить Магеллана «монаршими милостями», ни запугать его. Между прочим, этот клевет короля Мануэля привел Магеллану довод, с которым, казалось бы, нельзя было не считаться. Он намекнул, что вся власть, предоставленная договором и королевскими указами Магеллану, иллюзорна. Чиновники, назначенные на корабли короной, имеют-де секретные инструкции, «о которых Магеллан узнает, когда это будет уже поздно для спасения чести».

Алваришу не удастся помешать выходу флотилии в море. Но кое-чего он все же добился: корабли увозят в своих трюмах гнилую муку, недоброкачественные продукты.

Борьба с португальскими шпионами, диверсантами и шептунами не исчерпывает трудностей, которые приходится переносить Магеллану при снаряжении экспедиции. Торговая палата закупает для Магеллана старые корабли, о которых тот же Алвариш доносил Мануэлю: «Они очень дряхлы и усеяны заплатами. Я осмотрел их и заверяю Ваше высочество, что не отважился бы плыть на них даже до Канарских островов». Немало хлопот доставило комплектование корабельных экипажей. Рука Алвариша чувствовалась во всем: в Севилье и в других андалузских портах распространялись слухи, крайне неблагоприятные и для экспедиции, и для ее руководителя. Фалейру отказался выйти в плавание в самый трудный момент подготовки флотилии к выходу в море.

Значительную помощь оказал Магеллану Кривоваль де Аро. В августе 1518 г. он взял на себя снаряжение и финансирование экспедиции при условии выделения ему значительной доли доходов предприятия.

Флотилия Магеллана, вышедшая из Санлукар-де-Баррамеда 20 сентября 1519 г., состояла из пяти кораблей — «Тринидада», «Сан-Антонио», «Консепсьона», «Виктории» и «Сантьяго» (подробное описание их дается в примеч. 8 к «Путешествию Магеллана»).

Раздоры в судовых командах начались еще до отправления в плавание и продолжались на всем протяжении его. Обиженные Магелланом королевские чиновники, капитаны и кормчие, затаившие по тем или иным причинам злобу на команду флотилии, человека железной воли и крутого нрава, искусно пользовались разноплеменностью экипажей.

Надо было обладать волевыми качествами Магеллана, чтобы довести до желанного конца труднейшее в истории мореплавания предприятие с такой разношерстной командой, во главе которой стояли (как это показал мятеж в бухте Сан-Хулиан и дезертирство Иштевана Гомиша) люди, которые ради достижения собственных выгод готовы были на любые предательства. Однако не следует думать, что на корабли Магеллана набран был лишь человеческий сброд, отребье портовых кабаков. Простые матросы явили в плавании немало примеров мужества и выносливости. Правда, подобно Магеллану, они стойко переносили тяготы путешествия в надежде, что труды их будут сторицей оплачены пряностями и золотом далеких Молуккских островов...

Пигафетта попал во флотилию накануне ее отправления, и Магеллан взял его крайне неохотно. Он был зачислен запасным и явился в Севилью с рекомендательными письмами, испросив у короля разрешение участвовать в плавании.

Итак, ценой неимоверных усилий Магеллан добился осуществления своего проекта. К берегам Островов Пряностей отправилась экспедиция, в которой на паевых началах участвовали испанская корона, севильские купцы, видные чиновники Торговой палаты, сам Магеллан и его спутники, покинувшие родину в надежде на огромные барыши.

Об этом предприятии, которое было в сущности крупным и в достаточной мере рискованным «бизнесом», записки Пигафетты дают отчетливое представление, хотя автор их, как уже указывалось выше, не может претендовать на роль историографа первого кругосветного плавания*.

* Круг источников, основываясь на которых можно восстановить историю плавания Магеллана, невелик. Наиболее ценные документы — дневники самого Магеллана и подробные записки Пигафетты, кратким конспектом которых является его книга, посвященная магистру родосского ордена. — бесследно исчезли сразу же после прибытия экспедиции из плавания.

Записки Пигафетты не позволяют шаг за шагом восстановить маршрут экспедиции и намечают лишь в общих чертах, в грубой схеме, последовательность главнейших событий. В книге Пигафетты много пропусков и пробелов. Этот юноша был скорее свидетелем, чем участником, знаменательных происшествий, причем многие из них (например, мятеж в бухте Сан-Хулиан, раздоры и усобицы на кораблях, столкновения испанцев с туземцами) либо остались вне поля зрения Пигафетты, либо получили в его записках недостаточное освещение.

Отметим также, что у Пигафетты не приводятся данные о курсах флотилии, крайне запутанна в его записках вся географическая номенклатура. Пигафетта в вольном стиле передает воспринятые на слух местные названия и имена, широко пользуясь при этом различными версиями Марко Поло, Лодовико Вартемы*, португальских и испанских мореплавателей.

Следует иметь в виду, что Пигафетта, плоть от плоти человек своего века и своего класса, наблюдая и описывая неведомые дотоле страны и живущих в них людей, невольно придавал всему наблюдаемому черты хорошо ему знакомого

О дневниках Магеллана вообще ничего не известно. Быть может, их уничтожил Эль-Кано, опасаясь, что репутация его пострадает, если выяснится правда о событиях в бухте Сан-Хулиан. Но сохранились неопровержимые свидетельства современников о том, что Пигафетта передал Карлу V свой дневник, в котором история плавания была изложена значительно более обстоятельно, чем в дошедшем до нас кратком описании путешествия Магеллана. Судьба этого документа неизвестна.

Сохранились следующие документы, писанные рукой участников плавания:

- 1) Краткое описание кругосветного плавания Пигафетты.
- 2) Шканцевый журнал одного из кормчих экспедиции, Франсиско Альбо.
- 3) Записки безымянного генуэзского кормчего.
- 4) Краткий рассказ неизвестного португальского моряка.
- 5) Один из приказов Магеллана, данный им вскоре после подавления мятежа в бухте Сан-Хулиан.

Значительную ценность представляют некоторые свидетельства современников, и в первую очередь письмо секретаря Карла V Максимилиана Трансильванского епископу Зальцбургскому от 23 октября 1522 г., в котором излагается история кругосветного плавания, а также донесения Антониу Бриту, командира эскадры, захватившего в плен на Молуккских островах экипаж «Тринидада», португальскому королю. Существенное значение имеют испанские хроники XVI столетия, посвященные истории новооткрытых земель, — «История Индий» Лас Каса, работы Овьедо, Гомары, Эрреры, Архенсолы, Акосты. Интересны также труды португальских историков XVI в. Барруша, Корреа и Кастаньеды, которые использовали обильный материал секретных архивов португальской короны.

* Лодовико Вартема — венецианский искатель приключений, полукупец, полубродяга, в самом начале XVI столетия исколесивший Египет, Аравию, Персию, Индию и Юго-Восточную Азию. Его «Путеводитель» был в XVI в. одной из популярнейших книг в Европе.

общественного устройства и быта. К тому же он обращал внимание главным образом на внешнюю, подчас даже на парадную, показную, сторону жизни коренного населения заморских стран. Описанию всевозможных церемоний и процессий, деталям придворного этикета туземных царьков он уделяет больше внимания, чем материальной жизни, обычаям и нравам обитателей Южной Америки и островов Южного моря.

Чтобы дать читателю представление о маршруте экспедиции, ее целях и средствах, которыми цели эти достигались, необходимо привести краткую характеристику пути, пройденного кораблями флотилии.

Флотилия, покинув 20 сентября 1519 г. Санлукар-де-Баррамедда, аванпорт Севильи в устье Гвадалквивира, и пройдя Гибралтарский пролив, взяла курс на Канарские острова. От Канарских островов к берегам Бразилии можно было либо идти непосредственно на юго-запад, либо спуститься вдоль африканского берега к югу до островов Зеленого Мыса и далее повернуть на запад. В этом случае корабли могли использовать попутные течения и ветры (северо-восточные пассаты). В ротеируш (лоциях) португальских мореплавателей рекомендовался именно такой маршрут. И его придерживались те португальские суда, которые направлялись в Бразилию, и те, что шли в Индию. В последнем случае корабли от островов Зеленого Мыса отклонялись далеко на запад и почти у самых берегов Бразилии меняли курс, следуя далее на восток-юго-восток к мысу Доброй Надежды*.

Магеллан, несмотря на возражения Хуана де Картахены, взяв от Канарских островов курс на юг и, дойдя до широты северного берега Гвинейского залива, повернул на юго-запад.

29 ноября флотилия достигла бразильского берега (южнее города Пернамбуку). 13 декабря она вступила в бухту Санта-Люсия (Рио-де-Жанейро). 26 декабря корабли покинули эту бухту и направились на юг вдоль берега Южно-Американского материка.

10 января 1520 г. флотилия вступила в устье Ла-Платы; местности на северном ее берегу было присвоено наименование Монтевиди. Ныне здесь расположена столица Уругвая Монтевидео.

Оставив в Монтевиди три корабля, Магеллан на «Сан-Антонио» направился к южному берегу эстуария Ла-Платы, а Жуана Серрана на «Сантьяго» послал вверх по течению реки.

* Португальцы пользовались этим маршрутом уже в 90-х годах XV в. Кабрал в 1500 г. открыл бразильский берег по пути в Индию вокруг мыса Доброй Надежды.

Серран обследовал реку Парана на значительном протяжении и возвратился в Монтевиди в конце января, где застал все четыре корабля готовыми к выходу в плавание.

6 февраля корабли вышли в путь.

13 февраля, после того как «Виктория» наткнулась на подводные камни, Магеллан приказал флотилии держать мористее. В открытом море, вдали от берега, корабли шли до 22 февраля. Затем, опасаясь пропустить пролив, который, по расчетам Магеллана, должен был находиться близ 40° ю. ш., капитан-генерал флотилии приказал повернуть к северу, подойти к суше и плыть в дальнейшем тем же направлением, не отдаляясь от берега.

24 февраля корабли вошли в залив Сан-Матиас, который Магеллан тщательно обследовал, желая знать, имеется ли в этом месте пролив, ведущий в Южное море. Не задерживаясь в водах залива Сан-Матиас, Магеллан направился дальше в поисках удобной якорной стоянки, где корабли могли бы укрыться от ярости зимних бурь и пробить там до наступления весны.

Первая бухта, избранная для этой цели (гавань Великих Трудов), оказалась крайне негостеприимной. Покинув ее, флотилия на $49^{\circ}30'$ ю. ш., т. е. всего лишь в $2\frac{1}{2}$ градуса к северу от входа в искомый пролив, вступила 31 марта в бухту, названную Магелланом Сан-Хулиан (Св. Юлиана).

Здесь 2 апреля разразился мятеж, с большим трудом подавленный Магелланом (см. примеч. 31). В бухте Сан-Хулиан флотилия оставалась до 24 августа. В мае погиб посланный под командой Серрана на рекогносцировку самый маленький корабль экспедиции «Сантьяго». Это случилось в устье реки Санта-Крус (Св. Креста), в 170 км к югу от бухты Сан-Хулиан. Потерпевшие кораблекрушение, испытывавшие немало мук и лишений, были спасены. Во время стоянки в бухте Сан-Хулиан испанцы вероломно напали на индейцев-патагонцев и несколько человек взяли в плен.

Выйдя 24 августа из бухты Сан-Хулиан, флотилия два дня спустя дошла до устья реки Санта-Крус и здесь пробыла до 18 октября.

Отправившись в путь 18 октября, Магеллан 21 октября на 52° ю. ш. за выступом берега, названным мысом Одиннадцати Тысяч Дев*, открыл глубокую выемку — восточный вход в пролив. На рекогносцировку направлены были корабли «Сан-Антонио» и «Консепсьон». К исходу четвертого дня оба корабля возвратились, и капитаны их доложили Магеллану,

* Мыс Кабо-Вирхенес.

что, следуя водами пролива на много лиг, они везде встретили соленую воду и обнаружили очень сильное течение, увлекающее суда к западу.

1 ноября Магеллан направился на запад. Здесь, в проливе, дезертировал кормчий Иштеван Гомиш захвативший корабль «Сан-Антонио», арестовавший и заковавший в цепи капитана Альваро де Мескиту. Этот предатель, прибыв в Испанию, возвел на Магеллана тяжелые обвинения. Тесть Магеллана, Диогу Барбоза, и жена его Беатриж подверглись домашнему аресту. Следственные органы принялись усиленно собирать материал, порочащий Магеллана. Любопытно, что сам Гомиш нисколько не пострадал, когда выяснилась его подлинная роль в событиях Магелланова плавания. Более того, он удостоен был королем Карлом V рыцарского звания «за выдающиеся заслуги, оказанные им флотилии Магеллана».

В конце ноября Магеллан вступил в западную часть пролива. Моряки, посланные на лодке вперед, дошли до места, за которым открывалось безбрежное море. Этот мыс — западную оконечность острова Санта-Инес — на южной стороне пролива Магеллан назвал Желанным (Deseado).

28 ноября флотилия в составе трех кораблей вышла в Тихий океан (название это дано было спутниками Магеллана потому, что во время более чем трехмесячного перехода через океан они ни разу не испытали бурь и штормов. До плавания Магеллана этот океан носил название Южное море. Впрочем, еще в XVII столетии он так именовался многими мореплавателями).

Испытывая жестокий голод (запасы провианта на кораблях были почти исчерпаны), страдая от цинги (болезнь эта унесла во время перехода через Тихий океан 19 человек), флотилия пересекла океан.

Сперва корабли шли на северо-запад, затем на запад-северо-запад. Курс, выбранный Магелланом, был не совсем удачным, и разумеется, в этом не вина, а беда руководителя экспедиции. Если бы Магеллан сразу же при выходе из пролива направился на запад-северо-запад, он не миновал бы архипелаг Туамоту — скопление обитаемых, утопающих в зелени островов, на берегах которых можно было пополнить оскудевшие запасы продовольствия и пресной воды. Но на пути, которым шел Магеллан, расстилалась беспредельная водная пустыня, и лишь изредка в этой части океана встречались необитаемые островки, бесплодные и негостеприимные.

24 января 1521 г. был открыт такой необитаемый островок, названный именем св. Павла; 4 февраля — еще один остров, получивший название острова Акул (Isola de Tiburones)*.

Только 6 марта флотилия дошла до цветущих и густонаселенных островов, туземцы которых проявили полнейшее неуважение к священному принципу частной собственности. Эти острова (10—20° ю. ш., 140—150° в. д.) Магеллан назвал островами Латинских Парусов, так как туземные каноэ оснащены были треугольными, или латинскими, парусами. Впоследствии островам было дано наименование Разбойничьих (Ladrones), а с 1668 г. они именуются Марианскими.

Обитатели Марианских островов жестоко поплатились за свою неосведомленность в нормах испанского уголовного права. Смуглокожие островитяне находились на самой ранней ступени варварства. У них лишь начинал складываться родовой строй, и все достояние этих людей было общим. Поэтому, охотно давая пришельцам все, в чем последние нуждались, они без спроса брали на кораблях диковинные для них вещи, не имея ни малейшего представления о суровых законах, охраняющих частную собственность европейцев.

В результате Магеллан предпринял карательную экспедицию, о чудовищных деяниях которой с обычной непосредственностью повествует Пигафетта. Спалив 40—50 хижин и умертвив семерых туземцев, разграбив селение островитян, флотилия 8 марта отправилась дальше и спустя восемь дней прибыла к берегам острова Самар, одного из 7000 островов Филиппинского архипелага (этот архипелаг назван был островами Св. Лазаря. Впоследствии ему присвоено было имя Филиппинского в честь Филиппа II. В 1563—1565 гг. испанцы утвердились на Филиппинских островах и удерживали их в своем владении до 1898 г.).

Высадившись на островке Хумуну по соседству с Самаром, испанцы пробыли здесь десять дней. Магеллан и Дуарте Барбоза, который, подобно своему патрону, долгое время прожил в Юго-Восточной Азии, встретили в лесах Хумуну множество деревьев, подобных тем, которые растут в Индии, на островах Малайского архипелага и в Малакке. Очевидным становилось, что цель экспедиции — Молуккские острова — не за горами.

25 марта флотилия покинула остров Хумуну и спустя три дня подошла к другому острову Филиппинского архипелага — Масава. Здесь раб Магеллана, малаец Энрике, вступив в переговоры с местными жителями, убедился, что они понимают его родной язык. 7 апреля корабли бросили якорь у берегов острова Себу (Себу у Пигафетты), куда провел их властитель Масава.

* У Пигафетты он назван Злосчастным островом (Isola Infortunado).

Пребывание на этом острове участников экспедиции подробно описано у Пигафетты. Именно здесь Магеллан применил основные принципы «туземной политики» португальско-испанских колонизаторов, политики, в тонкостях которой Пигафетта, как мы это увидим дальше, мало разбирался.

Христианизация туземного населения в сочетании с прямым насилием и дипломатическими приемами, существо которых сводилось к старой римской формуле «разделяй и властвуй», — таковы в сущности те методы, которыми пользовался Магеллан на Филиппинских островах.

Пигафетта с умилением описывает сцены массового обращения обитателей Себу в «истинную веру». Но и он отмечает, что на берегах Себу торжественные мессы слушались под грохот корабельных пушек. Убеждая властителя острова принять христианство, Магеллан внушал ему, что сие обращение явится гарантией неприкосновенности имущества туземцев. Пигафетта отмечает, что испанцы сожгли город Булайя на острове Мактан, но он забывает упомянуть, что его соратники и единоверцы таким образом карали «упорствующих язычников». Менее всего Пигафетта говорит о «духовных целях» миссионерской деятельности Магеллана. Видимо, он отлично отдаёт себе отчет в том, что не ради «спасения языческих душ» прибыли на далекие острова вооруженные до зубов «миссионеры». Но Пигафетта либо по неведению, либо по иным причинам умалчивает об истинных целях христианизации. Цели же эти станут понятны, если мы обратимся к другому документу, почти современному запискам Пигафетты, — дневнику первого путешествия Христофора Колумба.

Колумб, обращаясь к королю и королеве, писал: «...я вижу и знаю, что нет никаких верований у этих людей [индейцев] и что они не идолопоклонники, а очень смирные люди, не ведающие, что такое зло, убийство и кража, безоружные и такие боязливые, что любой из наших людей может обратить в бегство сотню индейцев, если он пожелает потешиться над ними. Они легковверны и знают, что в небе есть Бог, и твердо уверены, что мы пришли с неба. Они легко усваивают любую молитву, повторяя ее за нами, и совершают крестное знамение. Таким образом, Ваши высочества должны принять решение и сделать их христианами. Стоит только начать, и я убежден, что в короткое время можно будет завершить обращение в нашу святую веру многих народов, и тогда Испания приобретет великие владения и богатства...» (курсив мой. — Я. С.).

Эта запись была сделана в 1492 г., на заре эпохи освоения новооткрытых земель, но за три десятилетия практика христианизации обогатилась. В самом начале XVI столетия была

разработана целая система «миссионерских» мероприятий, фарисейская природа которых вызывала возмущение прогрессивных мыслителей-гуманистов того времени.

Испанские теологи, которые «по совместительству» нередко занимали крупные посты в ведомстве управления «Индиями», полагали, что акт обращения в христианство автоматически превращает туземцев в рабов католического короля, который отныне становится их господином, вольным по своему усмотрению распоряжаться имуществом и жизнью новообращенных. Разумеется, подобное толкование вряд ли могло вызвать у туземцев чувство энтузиазма. Но с практическими последствиями акта крещения они вынуждены были считаться вне зависимости от своего желания. За попом-миссионером шли солдаты и чиновники, которые располагали целым арсеналом достаточно убедительных и веских доводов, перед которыми смолкали любые протесты...

В 1508 г. была составлена стандартная форма проповеди-ультиматума (рекеримьенто), после прочтения которой (а читалась она на кастильском языке) индейцам предлагалось либо принять христианство, либо отвергнуть его догматы. Но в последнем случае туземцы от имени св. Петра и его заместителя на земле — папы провозглашались врагами рода человеческого, и им объявлялась война. Таким образом, индейцам предоставлялись две возможности: или стать «на законном основании» рабами испанцев, или вступить с «миссионерами» в борьбу, исход которой сулил упорствующим поголовное истребление.

Итак, массовая христианизация была своеобразной прелюдией к колониальным захватам.

Христианская проповедь всегда сочеталась с демонстрацией силы белых пришельцев. Этот прием Магеллан умел использовать прекрасно, о чем свидетельствуют записки Пигафетты.

В условиях когда горсть завоевателей является в густонаселенную страну, принцип «разделяй и властвуй» определял обычно политику пришельцев.

Магеллан вскоре после прибытия на Себу убедился, что на близлежащих островах расположены враждующие между собой туземные княжества и что, следовательно, используя эти распри и раздоры, нетрудно будет покорить новооткрытые земли. Однако он стал жертвой своих же собственных хитроумных комбинаций.

27 апреля Магеллан погиб в стычке с туземцами островка Мактан. Поход на этот остров, где за несколько дней до того испанцы сожгли селение Булайя, был предпринят Магелланом с тем, чтобы покорить его обитателей, крестить их и обложить

данью и чтобы продемонстрировать обитателям Себу и их властителю Хумабоне силу испанского оружия.

Обстоятельства, при которых был совершен этот поход, судя по другим источникам, не вполне точно описываются Пигафеттой.

В примечании 69 к настоящему изданию приводится выдержка из дневника одного из участников экспедиции, которая не оставляет сомнений в том, что Магеллан после первой карательной экспедиции на остров Мактан предъявил его жителям требование об уплате дани натурой (рисом, козами и свиньями). Туземцы просили Магеллана умерить требования, и, когда им было в этом отказано, они заявили, что ничего не дадут испанцам. Тогда Магеллан и предпринял поход на остров, где суждено было ему сложить голову. Несомненно, Хумабона был в курсе этих переговоров и сделал все возможное, чтобы облегчить царьку одной из областей острова Мактан — Силапулапи победу над испанцами.

Великий мореплаватель, совершивший переход через два океана, пал в заурядной разбойничьей экспедиции. Таков был трагический конец деятельности Магеллана — человека, чей талант, мужество, энергия призваны были проложить дорогу к новым источникам наживы.

1 мая Хумабона захватил в плен и умертвил 20 моряков флотилии. Погибли Дуарте Барбоза, заменивший Магеллана на посту руководителя экспедиции, капитан «Консепсьона» Жуан Серран, главный кормчий, картограф и астролог Сан-Мартин. В гибели этих людей в большей степени, чем Хумабона, был повинен оставленный во флотилии в качестве временного ее начальника Жуан Карвалью, который, несмотря на призывы Серрана, не пришел на помощь своим товарищам и отдал приказ немедленно сниматься с якоря.

Вскоре после отплытия из Себу на стоянке у острова Бохоль решено было продолжать путешествие только на двух кораблях — «Тринидаде» и «Виктории». «Консепсьон» оставлен был на этой стоянке — судно дало течь и было признано непригодным для плавания.

От острова Бохоль «Тринидад» (под командой Карвалью) и «Виктория» (под командой Гонсало Эспиносы) отправились на поиски Молуккского архипелага. К этому времени из 265 человек, которые вышли в путь 20 месяцев назад из Сан-лукар-де-Баррамеда, уцелело только 113. Лишенная единого руководства, флотилия блуждала в неведомых водах, экипажи кораблей испытывали голод и жажду, страдали от тропических болезней, пускались во все тяжкие, чтобы добыть пропитание. Флотилия нападала на беззащитные китайские и малайские

джонки и, пробавляясь пиратским промыслом, медленно шла на юго-запад мимо мелких островков, рассеянных между Филиппинами и Борнео (Калимантаном).

В конце июня корабли дошли до северо-восточной оконечности острова Борнео. Около месяца моряки пробыли в столице княжества Бруней, богатом восточном городе. Здесь испанцы вступили в преддверие Восточных Индий, в край с высокой и древней культурой.

Мореплаватели отличились наглыми пиратскими предприятиями, которые вызвали возмущение у местного населения. Спасая себя, Карвалью вышел в море, оставив на берегу в руках у брунейского раджи группу моряков.

Вскоре судовые команды вынесли решение сместить Карвалью. На его место избран был Гонсало Эспиноса, мужественный и честный человек, в свое время оказавший Магеллану неоценимые услуги при подавлении мятежа в бухте Сан-Хулиан. Капитаном «Виктории» стал баск Себастьян Эль-Кано, молодой моряк, один из активнейших участников мятежа. Вряд ли можно осуждать моряков за этот выбор. Только человек с железной волей и несгибаемым мужеством мог провести потрепанное в долгом плавании суденышко от берегов Малайского архипелага в Севилью через воды Индийского и Атлантического океанов. А на этом пути опасности, подстерегавшие экипаж, удваивались, ибо больше, чем штормов и голода, приходилось опасаться португальцев и, как огня, избегать встречи с их кораблями.

В сентябре кораблям встретилась лодка с двумя гребцами-туземцами, от которых Эспиноса узнал, каким путем следует идти к Молуккским островам.

Направившись к югу, флотилия 8 ноября достигла острова Тидоре в Молуккском архипелаге. Желанная цель — Острова Пряностей — была достигнута!

Забыв об испытанных лишениях, не думая о трудностях обратного пути в Испанию, моряки принялись скупать пряности — гвоздику, мускатный орех, корицу, имбирь.

На Тидоре испанцы встретили португальского купца Педру Афонсу ди Лорозу, пробывшего в этих краях около 10 лет. Выяснилось, что король Мануэль, опасаясь, что друг Магеллана — Франсишку Серран облегчит испанцам овладение Молуккскими островами, послал эскадру на Тернате и приказал ее командиру увести Серрана подальше от Островов Пряностей. Серран был доставлен в Малакку, бежал оттуда на Тернате и убедил местного властителя искать покровительства у испанского короля. Португальская эскадра снова появилась у берегов Тернате, но португальцам при их попытке высадиться на

берег оказано было сопротивление. Убедившись, что Серрана не удастся захватить в плен, командир эскадры подкупил одну туземную женщину, которая отравила Серрана вскоре после того, как португальские корабли покинули Тернате.

Ди Лороза сообщил, что португальцы намерены захватить корабли экспедиции Магеллана, и порекомендовал испанцам как можно скорее отправляться восвояси, так как можно было ожидать, что сильная португальская флотилия вскоре появится в водах Молуккских островов.

Корабли закончили погрузку пряностей и собирались выйти в море, но тут выяснилось, что корпус «Тринидада» дает сильную течь. Решено было, что «Виктория» отправится в Испанию одна через Индийский и Атлантический океаны, а «Тринидад» после ремонта выйдет в обратный путь, следуя не в Испанию, а к берегам Панама через Тихий океан.

«Тринидад» 6 апреля 1522 г. покинул Тидоре, но после шестимесячных скитаний в водах Тихого океана вынужден был возвратиться к Молуккским островам. В этом плавании погибла большая часть экипажа, а два десятка измученных испанских моряков на Молуккских островах были захвачены в плен португальской эскадрой. Страшная участь выпала на долю этих пленников — один за другим умирали они в португальских тюрьмах или на плантациях. Тех, кто вынес тяготы первого года пленения, отправили в Индию, где Эспиноса и его спутники влачили жалкое существование, зарабатывая себе на жизнь подаянием и все время пребывая под неусыпным надзором португальских властей. Только в 1527 г. Эспиноса попадает в Испанию с двумя моряками и священником — «последними могиками» из экипажа «Тринидада», которым удалось выдержать муки многолетнего плена.

Иная судьба ждала «Викторию», которая 21 декабря 1521 г. отправилась в путь и 26 января 1522 г. прибыла на Тимор, где было закуплено небольшое количество сандалового дерева. Пополнив запасы воды и провианта, «Виктория» покинула Тимор, пересекла Индийский океан, выдержала жестокую бурю у мыса Доброй Надежды и 13 июля, совершив тяжелый переход через два океана, подошла к острову Сантьягу в архипелаге островов Зеленого Мыса. От цинги и голода погибла значительная часть моряков. Трудности усугублялись еще и тем, что испанцы вынуждены были держаться как можно дальше от берегов Африки, опасаясь встречи с португальскими кораблями. Капитану «Виктории» надо было обладать огромной выдержкой и несокрушимой волей, чтобы заставить экипаж ценой невероятных мук довести до конца предприятие, начатое Магелланом. Эль-Кано решительным образом воспроти-

вился высадке на берегах Мозамбика, где можно было опасаться встречи с португальцами, и провел корабль по маршруту, который гарантировал экспедицию от нежелательных встреч с португальскими судами.

Настоятельная необходимость заставила Эль-Кано остановиться на Сантьягу в португальских владениях. Едва избежав пленения, оставив в руках у португальцев 12 человек из судовой команды, Эль-Кано 15 июля отправился дальше. 6 сентября 1522 г. «Виктория» вошла в гавань Санлукар-де-Баррамеда. 18 моряков, истощенных от голода и болезней, опаленных тропическим солнцем, в ветхой, изодранной одежде, сошли на испанский берег.

Первое кругосветное плавание было завершено.

За три года, которые миновали со времени выхода экспедиции Магеллана в плавание, многое изменилось в Испании. Была открыта и завоевана Мексика, и новые источники наживы найдены были, таким образом, в той части мира, где испанцам не надо было опасаться португальской конкуренции.

Существенно изменилась и внешняя политика Испании. Карл V руководствовался в своей политике великодержавными имперскими интересами куда в большей степени, чем интересами Испании. Началась серия кровопролитных и изнурительных войн за гегемонию в Европе, и в эти войны была втянута Испания. Знать и рыцарство обогащались в военных предприятиях Карла V; при этом добыча доставалась не за счет ограбления далеких и труднодостижимых земель, а путем разорения соседних стран — Италии и Фландрии, на полях которых шла непрерывная война с французами.

Наконец, знаменательные события произошли и во внутренней жизни Испании. В 1521—1522 гг. было подавлено восстание городских общин (комунерос), и на пепелище городских свобод знать справляла кровавую тризну. Победа над городами возвестила наступление эпохи феодальной реакции и нанесла сокрушительный удар по еще не окрепшему классу буржуазии, который формировался в недрах испанского города.

Поэтому-то сообщение об открытии пролива, ведущего в Южное море, и вести о том, что испанские корабли дошли до Островов Пряностей, не возбудили интереса ни у советников короля, ни у всевозможных искателей наживы.

Правда, по приказу Карла V в 1525 г. была снаряжена экспедиция Лоайсы к Молуккским островам, но она носила скорее характер демонстративной антипортугальской акции, необходимой для того, чтобы воздействовать на воображение и психику энергичных конкурентов. В 1523 г. начались

испано-португальские переговоры о демаркации тихоокеанского полушария, и подобные демонстрации казались Карлу V более действенным аргументом, чем дипломатические ноты и ссылки на изыскания космографов и астрологов.

Лоайса через Магелланов пролив прошел к Молуккским островам, растеряв по пути часть кораблей своей флотилии. Сам он умер при переходе через Тихий океан, а его спутники, добравшись до Молуккских островов, столкнулись здесь с португальцами. После долгой борьбы испанцы (к ним присоединились в 1527 г. моряки с корабля, отправленного на Молукки из Мексики) вынуждены были сложить оружие под натиском более удачливых конкурентов.

В 1529 г., когда испанцы еще продолжали борьбу с португальцами на Молукках, Карл V уступил за 350 тыс. дукатов свои более чем сомнительные права на эти острова португальскому королю Жуану III. Императору нужна была звонкая монета для ведения войн с Францией и для подавления грозных крестьянских движений в Германии.

После плавания Лоайсы дорога через Магелланов пролив признана была в Испании опасной и далекой. Не было смысла водить корабли в Тихий океан кружным путем, когда имелась реальная возможность совершать плавания к западным берегам Южной Америки и к островам Южного моря из гаваней на тихоокеанских берегах Панамского перешейка и Мексики.

Испанцы и в XVII и в XVIII столетиях предпочитали вести торговлю с Китаем и малайскими странами, доставляя товары из метрополии в Вера-Круш или Пуэрто-Бельо, а оттуда перебрасывая их по суше в Акапулько и Панаму для погрузки на корабли своего тихоокеанского флота. Таким же путем осуществлялась связь Испании с ее владениями в Южной Америке — Перу, Чили и даже Ла-Платой.

Зато англичане и голландцы по достоинству оценили выгоды Магелланова пролива. Они, следуя по пути, проложенному Магелланом, проникали в Тихий океан и к западным берегам Америки и наносили чувствительные удары испанской колониальной империи, подрывая ее монополию торговых сношений с южноамериканскими владениями, разоряя города и поселения испанцев на берегах Чили, Перу и Центральной Америки.

К концу XVI столетия в Испании настолько основательно забыты были открытия Магеллана, что распространились даже слухи о том, что пролив, названный его именем, вообще недоступен для мореплавателей. Поэт Эрсилья, долгие годы проживший в Чили, утверждал, что Магелланов пролив засыпан огромным обвалом. Лопе де Вега считал этот пролив

непроходимым и отзывался о его берегах как о самом жутком уголке земного шара.

Таким образом, непосредственные результаты первого кругосветного путешествия были ничтожны, и предприятие Магеллана не получило достойной оценки в той стране, где оно было организовано.

Значение его было, однако, огромно. В результате кругосветного плавания Магеллана — Эль-Кано окончательно было доказано, что можно морем обойти вокруг земной шар, развеяны были мифы античной и средневековой географии, стало ясно, что океаны и моря занимают большую часть поверхности нашей планеты (а ведь еще за двадцать лет до плавания Магеллана Колумб пытался уверить своих современников, что библейские легенды, в которых вещается, что $\frac{6}{7}$ поверхности земли заняты сушей, неопровержимы и подтверждаются результатами его собственных открытий), открыт был проход из Атлантики в Тихий океан, найден южный предел гигантского материка Южная Америка.

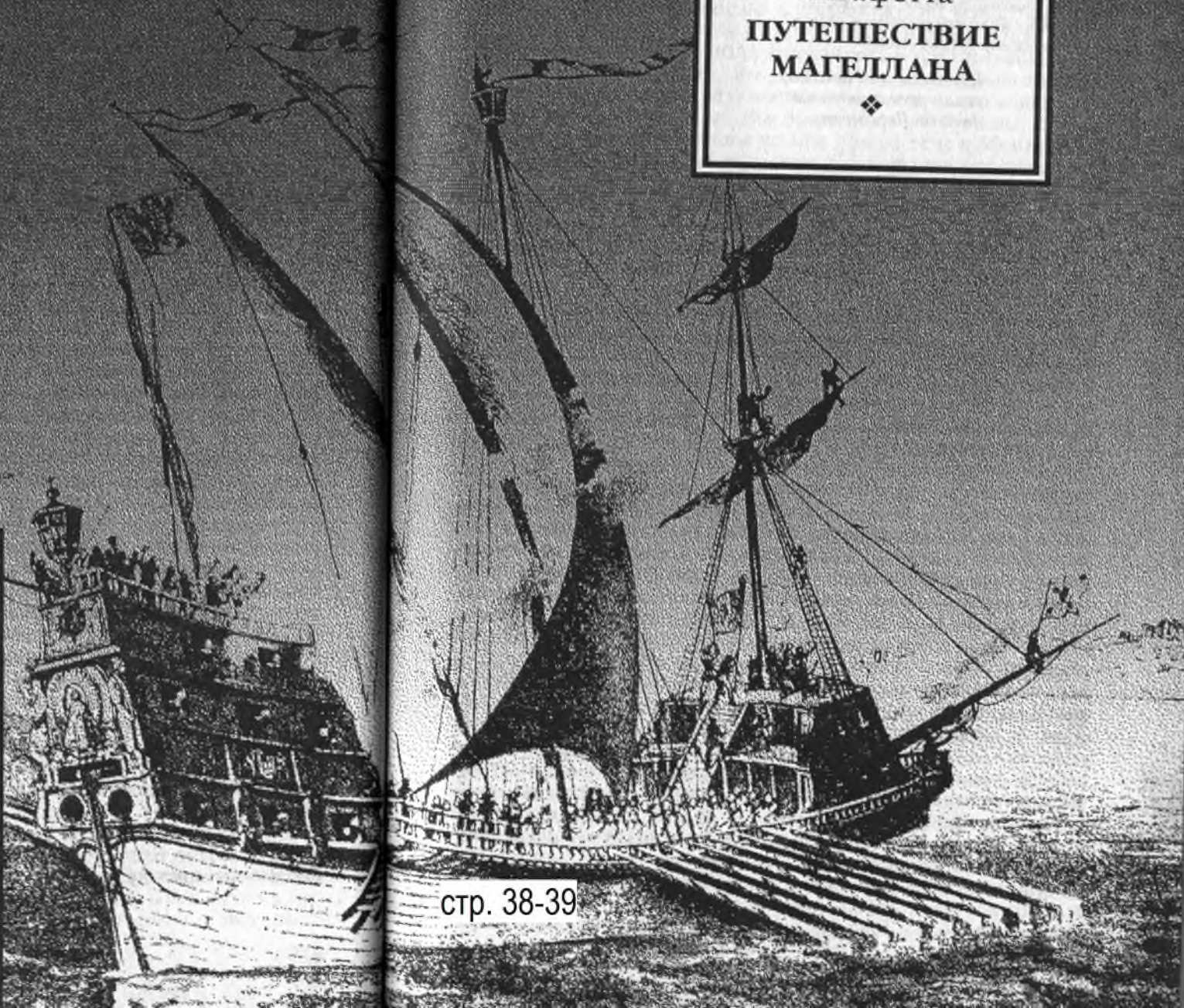
Подобно экспедициям Колумба и Васко да Гамы плавание Магеллана было одним из самых значительных предприятий начального этапа великих открытий. Однако еще в течение более чем двух столетий зыбкими и неясными оставались контуры новооткрытых материков, в XVII в. на картах мира оставались огромные белые пятна как в Северном, так и в Южном полушарии.

Безуспешно мореплаватели пытались отыскать легендарный южный материк — Terra Australis incognita. XVIII век и первые десятилетия XIX столетия явились в истории великих открытий завершающим этапом. И именно в это время в летопись замечательных открытий русскими мореходами-исследователями были вписаны памятные страницы.

«Колумбы росские» открывают Северо-Западную Америку. Начало этим открытиям было положено еще в середине XVII столетия Семеном Дежневым. После экспедиций Беринга и Чирикова на картах мира исчезают колоссальные белые пятна в Северном полушарии, определяются очертания берегов Сибири и Аляски, известными становятся моря до той поры не изведенной части океана, который пересекли корабли Магеллана.

А спустя три столетия после плавания Магеллана русские мореплаватели Беллинсгаузен и Лазарев открыли шестую часть света — Антарктиду.

Антонио
Пигафетта
**ПУТЕШЕСТВИЕ
МАГЕЛЛАНА**

стр. 38-39

*Его сиятельству и превосходительству
синьору Филиппу де Вилье Лиль Адану¹,
именитому магистру родосского ордена,
достойнейшему синьору моему,*

*от патриция из Виченцы,
рыцаря ордена родосского
Антонио Пигафетты.*

Сиятельный и превосходительный синьор!

На свете немало любознательных людей, которые не только не удовольствуются тем, что узнают и услышат о великих и удивительных вещах, которые Господь Бог сподобил меня переживать и претерпеть в долгом и опасном плавании, ниже мною описанном, но также пожелают узнать, какими средствами, способами и путями пользовался я, совершая это плавание, и не придадут полной веры его успешному завершению, пока им не будет доподлинно известно, каково было его начало. Ввиду этого да будет ведомо Вам, сиятельный синьор, что в бытность мою в Испании в 1519 году от Рождества Нашего Спасителя при дворе светлейшего короля римлян² в составе свиты достопочтенного монсеньора Франческо Кьерикати³, апостолического протонотария и нунция блаженной памяти папы Льва X, возведенного впоследствии в сан епископа Апрутинского и принца Терамского, узнав до того из многих книг, мною прочитанных, а также из рассказов разных особ, беседовавших с Вами, мой господин, о великих и удивительных явлениях на Море-Океане, я решил, пользуясь благоволением его кесаревского величества, а также и вышеупомянутого господина моего, испытать сам и повидать все это собственными глазами, дабы в некоторой мере удовлетворить свою любознательность, равно как и для того, чтобы снискать себе некую славу в далеком потомстве. Услыхав, что в городе Севилье снаряжен с этой целью флот в составе пяти кораблей для добычи пряностей на Молуккских островах под начальством капитан-генерала Фернана ди Магальянша [Магеллана], португальского дворянина, командора ордена св. Иакова Меченосца⁴, многократно пересекавшего в различных направлениях Океан и снискавшего себе этим великую славу, я отправился туда из города Барселоны, где в это время пребывало его величество, везя с собой много благожелательных писем. Я отплыл на корабле в Малагу, а оттуда сушей прибыл в Севилью.

Целых три месяца я провел в Севилье в ожидании, пока упомянутый флот готовился к плаванию, и, когда наконец наступил срок отправления, путешествие началось при чрезвычайно счастливых предзнаменованиях, в чем, превосходнейший мой господин, Вы убедитесь из дальнейшего. А так как в бытность мою в Италии для свидания с его святейшеством папой Климентом⁵ Вы были столь милостивы, благосклонны и благожелательны ко мне при встрече в Монте-Розо и заявили мне, что Вам доставило бы большое удовольствие, если бы я составил для Вас описание всего того, что увижу и претерплю во время моего путешествия, то, хотя у меня представлялось к тому мало удобств, я все же постарался удовлетворить Ваше желание, насколько мне это позволяло мое скудоумие. В соответствии с этим в сей маленькой книжке, мною написанной, я преподношу Вам описание всех моих бдений, трудностей и странствований и прошу Вас, как бы Вы ни были заняты непрерывными заботами о родосском ордене, соблаговолить бегло просмотреть ее, чем Вы, светлейший мой господин, немало вознаградите меня,веряющего себя Вашей благосклонности.

Решив совершить столь длительное плавание по Океану, на котором повсеместно свирепствуют неистовые ветры и сильные бури, и не желая в то же время, чтобы кто-нибудь из его экипажа знал о его намерениях в этом предприятии, дабы их не могла смутить мысль о свершении столь великого и необыкновенного деяния, которое он готовился осуществить с помощью Господа Бога (сопровождаявшие его капитаны испытывали к нему чрезвычайно сильную неприязнь, неизвестно по какой причине, если только не оттого, что он был португальцем, а все они были испанцы), наряду с желанием выполнить клятвенное обещание, данное им императору дону Карлу, королю Испании, он предписал нижеследующие правила и преподавал их кормчим и боцманам своих кораблей с той целью, чтобы корабли не отделялись друг от друга во время бурь и в ночную пору. Он должен был все время идти впереди других кораблей в ночное время, они же следовать за ним, причем на его корабле будет гореть большой смоляной факел, называемый «фаролем». Этот фароль будет находиться на корме его корабля и служить для других кораблей знаком, чтобы они следовали за ним. Другой световой сигнал — при помощи фонаря или фитиля, сделанного из камыша и носящего название «веревки из эспарто»⁶, хорошенько вымоченного в воде и затем высушенного на солнце или прокопченного в дыму, — превосходный материал для этой цели. Другие корабли долж-

ны давать ответные сигналы таким образом, чтобы он мог всегда знать, двигаются ли все корабли вместе. Если за фаролем будут гореть два световых сигнала, то корабли должны менять направление или поворачивать на другой галис, по той ли причине, что ветер неблагоприятен или не подходит для плавания по взятому курсу, или когда он желал идти медленнее. Когда он давал три световых сигнала, они должны были убирать лисель, каковой представляет собой часть снастей, находящуюся под грот-мачтой и прикрепленную к ней при хорошей погоде, чтобы лучше придерживаться ветра; он убирается затем, чтобы возможно было с большей легкостью опустить грот-мачту тогда, когда внезапный шквал начинает сильно трепать корабль. Когда на корме у него показывались четыре световых сигнала, то это означало, что на кораблях должны немедленно убрать все паруса, а затем он давал один световой сигнал, показывая этим, что его корабль остановился. Если показывалось еще больше световых сигналов или стреляли из пушки, то это означало близость земли или мелей. Четыре сигнала зажигались, когда он хотел, чтобы корабли шли на всех парусах в его кильватере, руководствуясь факелом, горящим на корме. Когда нужно было поднять лисель, он зажигал три света. Когда он менял курс, он показывал два света, а чтобы удостовериться в том, что все корабли следуют за ним и что они идут вместе, он показывал один сигнал, и каждый из кораблей в ответ делал то же самое. По ночам назначались три вахты: первая — с наступлением ночи, вторая, называемая средней, полуночной, — в полночь, а третья — к концу ночи. Экипаж кораблей был разделен на три части: над первой начальствовал капитан или боцман, они сменяли один другого ночью; начальником второй был либо кормчий, либо помощник боцмана; начальником третьей — боцман. Капитан-генерал требовал неуклонного соблюдения правил о сигналах и вахтах всеми кораблями, дабы тем обеспечить наиболее благоприятные условия для плавания.

В понедельник утром 10 августа, в день св. Лаврентия, упомянутого уже года флот, снабженный всем необходимым для морского путешествия⁷ и имея на борту разных людей, числом всего двести тридцать семь⁸, готовился покинуть севильский порт. Дав залп из многих орудий, поставили фок-стаг по ветру и спустились вниз по Бетису, ныне называемому Гвадалквивиром, и миновали Хуан д'Альфаракс, некогда обширное поселение «мавров»⁹, посреди которого находился мост, пересекавший эту реку и ведущий в Севилью. До нынешнего дня еще сохранились под водой два устоя этого моста, и,

когда суда проходят в этом месте, приходится прибегать к помощи людей, отлично знающих расположение устьев, дабы суда не ударились о них. Лучше всего проходить эти места во время полноводья, бывающего при приливах. То же самое относится ко многим другим поселениям вдоль этой реки, около которых река недостаточно глубока для прохода судов с грузом, да и самый проход не очень широк. Затем корабли прошли мимо другого поселения, Кория-дель-Рио, а также многих других, пока не достигли замка герцога Медина Сидонья, называемого Сан-Лукар¹⁰ и являющегося гаванью и выходом в Море-Океан. Он находится в юго-западном направлении к мысу Сан-Висенти, который лежит на 37° широты и на расстоянии 10 лиг¹¹ от этого порта. А от Севильи до этого пункта [Сан-Лукара] 17 или 20 лиг по реке. Тут мы пробыли немало дней для окончания работ по снаряжению флота всем необходимым. Ежедневно отправлялись мы на берег служить мессу в селении Баррамедская Богоматерь, неподалеку от Сан-Лукара. Перед отплытием капитан-генерал пожелал, чтобы все мы исповедались. Он распорядился не допустить на эскадру ни одной женщины ввиду важности предприятия.

Во вторник 20 сентября того же года мы оставили Сан-Лукар и взяли курс на юго-запад. 26-го того же месяца мы прибыли к острову Тенерифе, что лежит на 28° широты, и сделали тут остановку, чтобы запастись мясом, водой и дровами. Мы простояли тут три с половиною дня, запасаясь всем вышесказанным. Затем мы пришли в порт Монте-Розо за смолой и простояли там два дня. Да будет ведомо Вашему именитству, что среди Канарских островов есть один, на котором нет ни одного источника воды, но где в полдень с неба сходит облако, которое окутывает растущее на этом острове дерево, после чего из его листьев и ветвей сочится большое количество воды. У подножия этого дерева находится ров, напминающий своим видом ключ, и в него стекает вся эта вода, и только этой водой, и никакой другой, утоляют жажду обитающие тут люди, домашние и дикие животные¹².

В понедельник 3 октября, в полночь, мы плыли на всех парусах на юг и вступили в открытый Океан, пройдя между Зеленым мысом и примыкающими к нему островами, расположенными на 14°30' широты. Таким образом мы шли много дней вдоль берегов Гвинеи или Эфиопии, где находится гора под названием Сьерра-Леоне, расположенная на 8° широты, испытывая и противные ветры, и штилы. и дожди без ветра, пока не достигли экватора, причем в течение шестидесяти дней беспрерывно лил дождь. Вопреки мнению древних¹³, до

того, как мы достигли этой линии на 14° широты, мы выдержали много яростных шквалов и течение шло против кормы. Так как не было возможности двигаться вперед, то во избежание кораблекрушения паруса убирали, и таким-то образом нас носило то туда, то сюда все время, пока продолжалась буря, — так яростна была она. При дожде ветер стихал. С появлением солнца наступало затишье. Какие-то большие рыбы, называемые акулами, подплывали к кораблям. У них страшные зубы, и как только им попадает человек, они пожирают его. Мы выловили много рыб при помощи железных крюков, но они непригодны для еды; размерами поменьше лучше, но точно так же не годятся для этой цели. Во время этих бурь нам не раз являлось светлое тело, т. е. св. Эльм, в пламени¹⁴, а в одну очень темную ночь он показался на грот-мачте, пылая точно ярко горящий факел, где и оставался в продолжение двух с лишним часов, принося нам отраду, так как все мы проливали слезы. Когда этот благословенный свет погас, столь яркой была его последняя вспышка, что она поразила наше зрение, и все мы больше чем одну восьмую часа не могли видеть ничего и молили, чтобы сжалились над нами. Но как раз тогда, когда мы считали себя на краю гибели, море внезапно успокоилось. Я видел много разнообразных родов птиц, в том числе таких, которые вовсе не имеют гузки; были и другие, у которых самка, собираясь класть яйца, делает это на спине самца и там же высидывает их. У этой птицы нет ног, и она постоянно живет на море. Видел я и такую птицу, которая питается пометом других птиц и, кроме этой, никакой иной пищи не принимает. Я часто наблюдал, как эта птица, называемая «кагасела»¹⁵, летала вслед за другой до тех пор, пока последняя не выпускала помета, который первая немедленно же подхватывала, после чего оставляла преследуемую в покое. Я видел летающих рыб и много других рыб, собравшихся вместе, так что они напоминали собою целый остров.

Миновав экватор и направляясь на юг, мы потеряли из виду Полярную звезду, затем, идя по курсу юго-юго-запад, пришли в страну, именуемую страной Верзин¹⁶, расположенную на $20^\circ 30'$ широты в направлении к Южному полюсу. Эта страна тянется на пространстве от мыса Св. Августина, лежащего на 8° той же широты. Там мы сделали обильный запас кур, пататов, множества сладких ананасов — воистину самый вкусный плод, который только можно найти на земле, мяса «анта»¹⁷, напоминающего по вкусу говядину, сахарного тростника и бесчисленного множества другого продовольствия, которого не перечисляю, дабы не быть докучным. Здесь нам давали за

один рыболовный крючок пять или шесть кур, за гребенку — пару гусей, за зеркало или пару ножниц — столько рыбы, сколько хватило бы на прокормление десятка людей, за погремушку или кожаный шнурок — целую корзину пататов. Пататы вкусом напоминают каштаны, величиной они с репу. За короля в игральных картах давали мне шесть кур и при этом считали, что надули меня.

В этот порт мы вступили в день св. Люсии, солнце стояло в зените, и как в этот, так и в последующие дни, в которые солнце все время оставалось в зените, мы страдали от жары гораздо сильнее, чем когда находились на экваторе¹⁸.

Страна Верзин и размерами своими, и богатствами больше, чем Испания, Франция и Италия, вместе взятые, она принадлежит королю Португалии. Здешний народ — нехристиане и ничему не поклоняются. Они живут сообразно с велениями природы и достигают возраста 125—140 лет. Как мужчины, так и женщины ходят нагие. Они живут в продолговатых домах, называемых «бойи», и спят в хлопчатобумажных сетках «амаке», привязываемых внутри этих домов концами к толстым брускам. Под этими сетками на полу разложен очаг. В каждом из бойи помещается по сотне мужчин с женами и детьми¹⁹, отчего стоит большой шум. У них есть лодки, каноэ, выдолбленные из одного громадного дерева при помощи каменных топоров. Так как у местных жителей нет железа, то они пользуются камнем так же, как мы пользуемся железом. В подобного рода лодке помещается от 30 до 40 человек. Гребут веслами, напоминающими ухваты; черные, нагие, остриженные наголо, они ходят во время гребли на гребцов на стиковом болоте. Мужчины и женщины такого же сложения, как и мы. Они едят мясо своих врагов, и не потому, чтобы оно было вкусное, а таков уж установившийся обычай. Обычай этот, общий для всех, возник благодаря одной старой женщине, у которой единственный сын был убит врагами. По прошествии нескольких дней друзья старой женщины взяли в плен одного из тех, что убили ее сына, и привели его в то место, где она находилась. Увидев его и вспомнив сына, она накинулась на него, как разъяренная сука, и укусила в плечо. Вскоре пленнику удалось бежать к своим соплеменникам, которым он рассказал, что его пытались съесть, и при этом показал знаки укуса на своем плече. После этого, как только они брали в плен кого-нибудь из врагов, они съедали его, и точно так же поступали с ними их враги. Вот каким образом возник подобный обычай. Они не съедают труп целиком, но каждый отрезает по кусочку и уносит его домой, где и коптит

его. Затем каждую неделю он отрезает небольшой прокопченный кусочек и съедает вместе с другой пищей, чтобы помнить о своих врагах. Все это рассказал мне кормчий Жуан Каваджо²⁰, ехавший с нами и проживший в этой стране четыре года.

Туземцы разрисовывают тело и лицо удивительным способом при помощи огня на всевозможные лады; то же делают и женщины. Мужчины обриты наголо, бород у них нет: волосы они выщипывают. Одеты они в платье из перьев попугая, у пояса же они носят круг из самых больших перьев — вид прямо-таки уморительный. Почти у всех, за исключением женщин и детей, в нижней губе проткнуты три отверстия, с которых свисают круглые камушки длиною около пальца. Цвет кожи у них не черный, а желтоватый. Срамные части ничем не прикрыты, все тело лишено волос, и тем не менее и мужчины и женщины ходят всегда нагие. Своего повелителя они называют «кастик».

Тут водится бесчисленное множество попугаев; нам давали в обмен на одно зеркало восемь штук. Водятся и маленькие обезьянки, похожие на львов, но желтого цвета и очень красивые. Туземцы пекут круглый белый хлеб из мякоти, находящейся между древесиной и корою и напоминающей собою заквашенное молоко²¹; он не очень хорош на вкус. Тут водится свинья с пупком на спине²², а также большие птицы без языка, но с клювами наподобие ложек²³.

За один топор или большой нож мужчины отдавали нам в рабыни одну или двух своих дочерей, но жен своих они отказывались давать в обмен на что бы то ни было. Да и сами жены ни за что на свете не позволяют себе вести себя постыдно по отношению к мужьям, и, как нам передавали, они дают согласие своим мужьям только ночью, а не днем. Женщины обрабатывают поля, они носят пищу с гор в корзинах или коробах прямо на голове или прикрепленными к голове. Но их постоянно сопровождают мужья, вооруженные при этом луком, сделанным из бразильского дерева или черной пальмы, и пучком бамбуковых стрел, так как они очень ревнивы. Женщины носят детей в хлопчатобумажной сетке, подвешенной к шее. Я опускаю другие подробности, дабы не быть докучным.

На берегу была дважды отслужена месса, в продолжение которой туземцы стояли на коленях с таким покаянным видом и поднятыми горé сложенными руками, что видеть их такими доставляло истинную радость.

Они соорудили для нас дом, полагая, что мы намерены оставаться здесь дольше, а перед нашим отплытием нарубили для нас большое количество бразильского дерева.

Около двух месяцев тут не было дождей, но как раз в тот день, когда мы вошли в этот порт, пошел дождь, вследствие чего они твердили, что мы явились с неба и принесли с собой дождь. Этот народ можно легко обратить в веру Иисуса Христа.

На первых порах они думали, что маленькие лодки не что иное, как дети кораблей, и что роды происходят тогда, когда их спускают с кораблей на воду, тогда же, когда они привязаны вдоль кораблей, как это обычно и бывает, им казалось, что корабли кормят их грудью.

В этой стране мы пробыли тринадцать дней, затем, продолжая наш путь, мы достигли $34\frac{1}{3}^{\circ}$ широты в направлении Южного полюса, где встретили на берегу пресноводной реки людей, называемых каннибалами, употребляющих в пищу человеческое мясо. Один из них, гигантского роста, приблизился к флагманскому судну, ободряя своих сотоварищей. Голос его походил на рев быка. В то время когда он находился на борту корабля, остальные занимались тем, что уносили свои пожитки подальше от места, где жили, из боязни перед нами. Видя это, мы высадили на берег сотню наших людей с целью найти языков и поговорить с ними или захватить одного из них силой. Они немедленно обратились в бегство и делали такие большие шаги, что мы не могли догнать их, хотя старались также быстро бежать.

На этой реке расположено семь островов, и на самом большом находятся драгоценные камни. Это место носит название мыса Св. Марии. Одно время полагали, что отсюда можно выйти в Южное, то есть Полуденное, море, но ничего дальше не было когда-либо открыто. Теперь это название присвоено не мысу, а реке с устьем шириною 17 лиг²⁴. Испанский капитан Хуан де Солис²⁵ некогда отправился с шестьюдесятью моряками для открытия стран, подобно нам, и был съеден на этой реке каннибалами, которым он слишком доверился.

Продолжая путь по направлению к Южному полюсу вдоль побережья этой страны, мы бросили якоря у двух островов, изобилующих гусями и морскими волками. Поистине трудно было определить число этих гусей: их было так много, что за один час мы нагрузили ими все пять кораблей. Гуси эти черного цвета, и все тело и крылья покрыты перьями одинаковой формы. Они не летают и питаются рыбой. Они такие жирные, что вовсе не было необходимости ошипывать перья — мы попросту сдирали с них кожу. Клюв их похож на вороний. Морские волки разной масти, они таких же размеров, как корова, с коровьей головой, маленькими круглыми ушами

и большими зубами. У них нет лап, а только подошвы с маленькими когтями у самого туловища, похожие на наши руки, а между пальцами у них перепонка, как у гусей. Умей они бегать, они были бы весьма свирепы. Они плавают и питаются рыбой.

В этом месте корабли перенесли очень сильную бурю, во время которой неоднократно являлись нам три святых тела, а именно: св. Эльма, св. Николая и св. Клары, вскоре после чего буря прекратилась.

Оставив это место, мы достигли наконец $49^{\circ}30'$ широты в направлении Южного полюса. Так как наступила зима, то суда остановились в одном безопасном для зимней стоянки порту²⁶. Тут мы провели два месяца, не видя ни одного человека. Однажды мы вдруг увидели на берегу голого человека гигантского роста, он плясал, пел и сыпал голову пылью. Капитан-генерал велел одному из наших сойти на берег и проделать то же самое в знак миролюбивых намерений. Таким способом ему удалось завести его на островок и представить капитан-генералу. Когда гигант увидел нас и капитана, он чрезвычайно удивился и начал делать знаки поднятием пальца вверх, как бы заявляя, что мы явились с неба. Он был очень хорошо сложен и такого роста, что наши головы достигали только до его пояса. Его широкое лицо было все расцвечено красной краской, около глаз — желтой, на щеках нарисованы два сердца. Скучные волосы его были раскрашены белой краской. Одет он был в шкуры одного животного, искусно сшитые вместе. У этого животного голова и уши такой же величины, как у мула, шея и туловище — как у верблюда, ноги — как у оленя, а хвост — как у лошади, подобно которой он так же и ржал. В этой стране живет очень много подобных существ²⁷. Обут дикарь был в кожу от ног того же животного, шкурой которого было покрыто его тело²⁸. В руке у него был короткий тяжелый лук с тетивой немного потолще струны лютни, сделанной из кишок того же животного, и пучок не очень длинных бамбуковых стрел, оперенных, как и наши, и снабженных острыми наконечниками из белого и черного кремня вместо железных, наподобие турецких стрел. Острия эти обрабатываются при посредстве другого камня. Капитан-генерал велел накормить и напоить великана. Между прочими предметами ему показали большое стальное зеркало. Когда он увидел в зеркале свое лицо, он был страшно испуган и шарахнулся назад, опрокинув при этом на землю четырех наших. Затем ему дали несколько погремушек, зеркало, гребенку и несколько молитвенников. Капитан-генерал отправил его на берег

в сопровождении четырех вооруженных. Когда один из сотоварищей великана, не побывавший на наших кораблях, увидел его и спутников, он кинулся к тому месту, где находились остальные. Все они, выстроившись в ряд, нагие, начали подходить к нашим людям. При приближении к ним наших людей они пустились в пляс и начали петь, поднимая палец к небу. Они показали нашим белый порошок, изготовляемый ими из корней одной травы и сохраняемый в глиняных горшках; этот порошок служит им пищей, ничего другого у них нет. Наши знаками пригласили их на корабли, обещая помочь им перенести туда все их пожитки. Но мужчины взяли только свои луки, в то время как их жены, словно мулы, нагрузили на себя все остальное. Женщины не такого высокого роста, как мужчины, зато гораздо более тучные. Их вид нас крайне поразил. Груды у них длиною в полтора локтя, они раскрашены и одеты так же, как и мужчины, но спереди кусок меха прикрывает их срамные части. Они вели за собой четырех детенышей упоминавшихся уже животных, связанных ремнями наподобие поводьев. Охотясь на этих животных, они привязывают детенышей к терновому кусту. Взрослые животные приходят поиграть с детенышами, и туземцы убивают их стрелами из своих укрытий.

Наши люди привели к кораблям восемнадцать туземцев, мужчин и женщин, и расставили их по обеим сторонам бухты, чтобы они изловили нескольких животных.

Спустя шесть дней наши люди, занятые рубкой дров, заметили другого великана, раскрашенного и одетого точно таким же образом. В руке у него были лук и стрелы. Когда наши приблизились к нему, он прежде всего коснулся руками головы, лица и туловища, и то же самое проделали и наши, и затем поднял руки к небу. Извещенный об этом, капитан-генерал приказал привезти его на маленькой лодке. Его привезли на островок в бухте, где нами был выстроен дом под кузницу и кладовую для хранения некоторых предметов с кораблей. Великан этот был даже выше ростом и еще лучше сложен, чем остальные, и столь же смирный и добродушный, как и они. Он плясал, подскакивая, и при каждом прыжке ноги его вдавливались в песок на целую пядь. Он прожил у нас много дней, так что мы его окрестили и дали имя Хуан. Он повторял за нами слова «Иисус», «Отче Наш», «Ave Maria» и «Хуан» столь же отчетливо, как и мы, но необыкновенно громким голосом. Капитан-генерал дал ему рубаху, шерстяную куртку, суконные штаны, шапку, зеркало, гребенку, погремушки и всякой всячины и отослал его так же, как и его сотоварищей, домой. Он

покинул нас счастливый и веселый. На следующий день он привел к капитан-генералу одно из упомянутых больших животных, взамен чего ему дано было много вещей, с тем чтоб он привел животных побольше, но с той поры мы его не видели больше. Мы решили, что сотоварищи убили его за то, что он общался с нами.

Спустя две недели мы увидели четырех таких же безоружных великанов: они скрыли свое оружие в кустах, о чем нам стало известно от двух взятых нами в плен. Каждый из них был раскрашен по-разному. Двоих из них, помоложе и лучше сложенных, капитан-генерал захватил при помощи хитрой уловки для того, чтобы повезти их в Испанию. Если бы он употребил для этой цели другие средства, то они легко могли бы убить кого-нибудь из нас. Уловка же, к которой он прибегнул для того, чтобы их захватить, состояла в следующем. Он дал им много ножей, ножниц, погремушек и стеклянных бус; всем этим заняты были обе руки великанов. Капитан при этом держал две пары ножных кандалов и делал такие движения, как если бы хотел передать их великанам, которым эти вещи пришлось по вкусу, так как они были из железа, но они не знали их назначения. Им очень не хотелось отказываться от этого подарка, но им некуда было положить остальные подарки, да они еще должны были придерживать руками меха, в которые были укутаны. Другие два великана собирались было помочь им, но капитан не разрешил им этого. Видя, что они не склонны отказываться от кандалов, капитан знаками показал им, что может прикрепить их к их ногам и таким образом они могут их унести с собой. Они кивнули головами в знак согласия, и в ту же минуту капитан наложил кандалы на обоих одновременно. Когда наши приступили к запору замков на кандалах, великаны заподозрили что-то недоброе, но капитан успокоил их, и они продолжали стоять неподвижно. Однако, увидев, что обмануты, они рассвирепели, как быки, громко крича: «Сетевос»²⁹ — и призывая его на помощь. С трудом связали мы руки остальным двум и отправили их с девятью нашими на берег, с тем чтобы они указали место, где спряталась жена одного из захваченных нами великанов, так как этот последний выражал сильное горе по поводу того, что она осталась одна, судя по знакам, которые он делал и по которым мы поняли, что речь идет именно о ней. Пока они находились в пути, один из великанов высвободил свои руки и пустился бежать с такой быстротой, что наши вскоре потеряли его из виду. Он прибежал на то место, где остались его сотоварищи, но не нашел там одного из них, который остался с женщинами

и отправился на охоту. Он немедленно отправился в поиски за ними и рассказал ему обо всем случившемся. Другой великан делал такие усилия освободиться от уз, что наши вынуждены были ударить его, слегка ранив при этом в голову, и заставили повести их, несмотря на его ярость, туда, где находились женщины. Кормчий и предводитель нашего отряда Жуан Каваджо порешил не уводить женщин ночью, а заночевать на берегу, так как уже вечерело. В это время появились два других великана. Увидев своего сотоварища раненым, они заколебались было, но ничего не сказали. Однако на рассвете они сообщили об этом женщинам, и все они бросились тотчас же бежать, покинув все свои пожитки, причем те, что были ростом поменьше, бежали быстрее других. Двое из них обернулись и выстрелили в наших из луков. Один уводил с собою животных, предназначенных для охоты, как описано было выше. В этом бою один из наших был поражен стрелой в бедро и вскоре умер. Увидев это, великаны побежали еще быстрее. Наши были вооружены мушкетами и самострелами, но не могли ранить ни одного из великанов, так как во время сражения великаны не стояли на одном месте, а кидались в разные стороны. Наши похоронили убитого товарища и сожгли все имущество великанов, оставленное ими. Действительно, эти великаны бегают быстрее, чем лошади, и весьма сильно ревнуют своих жен.

Когда у туземцев болит желудок, они, вместо того чтобы очистить его, засовывают в глотку стрелу на глубину двух и более пядей и изрыгают смешанную с кровью массу зеленого цвета, так как они употребляют в пищу какой-то вид чертополоха. Если у них болит голова, они делают порез на лбу; порезы делают они также на руках, ногах и на других частях тела, чтобы выпустить побольше крови. Один из тех, которых мы захватили и содержали на нашем корабле, объяснил нам, что кровь отказывается оставаться дольше (там, где чувствуется боль), отчего и причиняет им страдание.

Волосы у них острижены, как у монахов, в виде тонзуры, но они длиннее³⁰. Голова охвачена хлопчатобумажным шнурком, к которому они, отправляясь на охоту, прикрепляют стрелы. Когда кто-нибудь из них умирает, появляются десять или двенадцать раскрашенных с головы до ног демонов и затевают веселую пляску вокруг трупа. Один из них, утверждают они, выше всех остальных, он и кричит и веселится громче всех. Они и окрашивают себя на тот же лад, что и появляющиеся им демоны. Самого большого демона они называют именем Сетевоса, а других — Келуле. Великан знаками дал нам знать, что

он сам видел демонов с двумя рогами на голове и длинными волосами, висящими до пят; они изрыгают пламя изо рта и зада. Капитан-генерал назвал этот народ патагонцами. Одежды они в шкуру упомянутого уже животного, и других жилищ, кроме как из шкур того же животного, у них нет; в этих домах они кочуют с места на место, подобно цыганам. Питаются они сырым мясом и сладким корнем, называемым ими «капа». Каждый из захваченных нами великанов съедал по корзине сухарей и залпом выпивал полведра воды. Они едят также крыс вместе с кожей.

В этой бухте, названной нами бухтой Св. Юлиана [Сан-Хулиан], мы пробыли около пяти месяцев. Тут имело место немало происшествий. Дабы Ваша светлость знал некоторые из них, расскажу, что, как только мы вошли в бухту, капитаны остальных кораблей замыслили измену с целью убийства капитан-генерала. Заговорщиками были смотритель флота Хуан де Картахена, казначей Луис де Мендоса, счетовод Антонио де Кока и Гаспар де Кесада. Заговор был раскрыт, и смотритель был четвертован, а казначей умер от ударов кинжала. Спустя несколько дней после этого Гаспар де Кесада вместе с одним священнослужителем был изгнан в Патагонию. Капитан-генерал не захотел убить его, так как сам император дон Карл назначил его капитаном³¹. Корабль «Сантьяго» потерпел крушение во время экспедиции, предпринятой для исследования побережья страны. Экипажу удалось спастись каким-то чудом, никто даже не промок. Двое из них, испытав множество трудностей, явились к нам и рассказали о случившемся. Тогда капитан-генерал послал несколько человек с запасом сухарей на два месяца. Они нуждались в пище, так как каждый день собирали обломки корабля. Дорога туда была далекая, 24 лиги, или 100 миль, весьма неровная и заросшая колючим кустарником. Наши моряки провели четыре дня в дороге, отдыхая по ночам в кустах. Воды найти нельзя было, и они утоляли жажду льдом, что усугубляло их трудности³².

В этой бухте [Сан-Хулиан] мы находили моллюсков, названных нами «миссيليони». Они несъедобны, но внутри их находятся жемчужины, правда небольшие. Мы встречали тут также ладан, страусов, лисиц, воробьев и кроликов помельче наших. Мы тут водрузили крест на самой высокой вершине в знак того, что страна эта принадлежит королю Испании, и назвали эту вершину Монте-Кристо.

Покинув это место, мы нашли на 51-м градусе без одной трети в направлении Южного полюса пресноводную реку. Наши корабли тут чуть не погибли из-за яростных ветров, но

Бог и святые тела вызволили нас из беды. Мы простояли на этой реке около двух месяцев для обеспечения кораблей водой, дровами и рыбой длиною в один и более локоть, покрытой чешуей. Она очень хороша на вкус, но ее было немного. Перед тем как покинуть реку, капитан-генерал и все мы исповедались и причастились, как подобает истинным христианам³³.

Подойдя к 52° той же широты, мы открыли в день Одиннадцати тысяч дев пролив, мыс на котором был назван мысом Одиннадцати Тысяч Дев в память столь великого чуда. В длину этот пролив простирается на 10 лиг, или 40 миль, а в ширину — на пол-лиги, в одном месте он уже, в другом шире. Он ведет к другому морю, получившему название Тихого моря, и окружен со всех сторон очень высокими горами, покрытыми снегом. Мы не могли нащупать дно и вынуждены были ошвартоваться у берега, на расстоянии 25—30 морских брасов. Без капитан-генерала нам бы ни за что не обнаружить этот пролив, так как нам говорили, что он закрыт со всех сторон. Но капитан-генерал, который знал, куда следует направиться, чтобы найти скрытый от глаз пролив, так как он видел его на карте в сокровищнице короля Португалии, нарисованной таким превосходным мужем, как Мартин Бегайм³⁴, отрядил два корабля, «Сан-Антонио» и «Консепсьон», для исследования того, что именно находится внутри бухты Байя³⁵. Мы же на других кораблях, флагманском «Тринидад» и «Виктория», оставались внутри бухты, ожидая их возвращения. В эту «ночь на нас налетела буря, продолжавшаяся до полудня следующего дня. Она вынудила нас поднять якоря, и нас кидало в бухте из стороны в сторону. Те же два корабля не в состоянии были из-за встречного ветра обогнуть мыс, образуемый бухтой почти у выхода из нее, и с минуты на минуту ожидали гибели. Но как раз тогда, когда они подошли к краю бухты, ожидая неминуемой гибели, они заметили какой-то проход, который оказался не проходом даже, а резким поворотом. В отчаянии они устремились туда, и так вот случайно они и открыли пролив. Убедившись в том, что это не резкий поворот, а пролив, граничащий с сушей, они проследовали дальше и обнаружили бухту. Направляясь еще дальше, они открыли еще один пролив и еще одну бухту, еще более широкие, чем предыдущие. С радостным чувством поспешили они известить об этом капитан-генерала. Мы же решили, что они потерпели крушение, во-первых, из-за жестокого шторма, а во-вторых, потому, что прошло уже два дня, а они еще не вернулись, а также потому, что были замечены дымовые сигналы, сделанные двумя посланными с наших кораблей на берег, чтобы подать нам весть.

В таком состоянии мы и увидели эти два корабля, подходившие к нам на всех парусах с развевающимися по ветру флагами. Подойдя к нам ближе в таком виде, они тут же стали стрелять из орудий и шумно приветствовали нас. Тогда все мы возблагодарили Бога и Деву Марию и направились на дальнейшие поиски.

Вступив в этот пролив, мы нашли два выхода из него: один — на юго-восток, другой — на юго-запад. Капитан-генерал отправил корабль «Сан-Антонио» вместе с кораблем «Консепсьон» удостовериться, имеется ли выход на юго-востоке в Тихое море. Корабль «Сан-Антонио» отказался ждать «Консепсьон», намереваясь бежать и вернуться в Испанию, каковое намерение он и осуществил. Кормчим этого корабля был Стефан Гомес³⁶, который ненавидел капитана пуше всего оттого, что, когда эскадра была уже снаряжена, император повелел дать ему несколько каравелл для совершения открытий, но его величество так и не предоставил их ему вследствие появления капитан-генерала. По этой-то причине он и замыслил заговор с некоторыми испанцами, и на следующий день они захватили капитана своего корабля, двоюродного брата капитан-генерала, Альваро де Мескита, ранили его, заключили в оковы и в таком виде отвезли в Испанию.

На этом корабле находился один из великанов, которого мы захватили, но он умер, как только наступила жаркая погода. «Консепсьон» не мог следовать за этим кораблем и стал крейсировать в ожидании его отправления. «Сан-Антонио» вернулся ночью и в ту же ночь бежал тем же проливом.

Мы отправились в поиски другого выхода к юго-западу. Направляясь все время по этому проливу, мы подошли к реке Сардин, названной так потому, что там было очень много сардин. Мы пробыли здесь четыре дня в ожидании прихода двух остальных кораблей. За это время мы отрядили хорошо снаряженную лодку для исследования мыса другого моря. Посланные вернулись через три дня с известием, что они видели мыс и открытое море. Капитан-генерал прослезился от радости и назвал этот мыс Желанным³⁷, так как мы долгое время его желали. Затем мы возвратились, чтобы соединиться с двумя другими кораблями, но нашли только «Консепсьон». На наш вопрос, где же второй корабль, Жуан Серран³⁸, капитан и кормчий первого, так же как и корабля, потерпевшего крушение, ответил, что он не знает и что после вступления в проход он более его не видел. Мы произвели розыски на всем протяжении пролива вплоть до самого выхода, через который он бежал, а капитан-генерал отправил корабль «Виктория»

обратно к входу в пролив, чтобы удостовериться, там ли этот корабль. Было дано распоряжение, в случае ненахождения корабля, водрузить на вершине невысокого холма флаг и зарыть под ним письмо в глиняном горшке с таким расчетом, чтобы, когда станет виден флаг и найдено будет письмо, корабль мог узнать курс, по которому мы направились. Таков был согласованный между нами способ на случай, если бы отдельные корабли сбились с пути. С такого рода письмами были водружены два флага: один — на небольшом возвышении в первой бухте, другой — на островке в третьей бухте³⁹, где находилось множество морских волков и больших птиц. Капитан-генерал поджидал этот корабль вместе с другим своим кораблем у островка Йслео⁴⁰ и поставил крест на островке у реки, протекающей между высокими горами, покрытыми снегом, и впадающей в море вблизи реки Сардин. Не открой мы этого пролива, капитан-генерал непременно дошел бы до 75° широты в направлении к Южному полюсу.

На этой широте в летнее время ночи нет, а если ночь и бывает, то короткая; столь же короток и день в зимнее время. Чтобы Ваше сиятельство мог этому поверить, скажу, что, когда мы находились в этом проливе, ночь продолжалась не более трех часов, а были мы там в октябре месяце.

По левую сторону от пролива земля тянулась в юго-восточном направлении и представляла собою низменность.

Пролив этот мы назвали Патагонским проливом. Через каждые пол-лиги мы находили надежнейшие гавани, воду, превосходные деревья, но не кедр, рыбу, сардины и миссиолионы, сельдерея⁴¹, сладкую траву (хотя там имеются и более горькие виды), растущую около источников. Мы питались этой травой много дней подряд за неимением другой пищи.

Думаю, что нет на свете пролива более прекрасного и удобного, чем этот.

На этом Море-Океане можно быть свидетелем очень забавной охоты. Охотником является рыба трех родов. Она достигает в длину более одной пяди и носит название: дорадо, альбикор и бонито. Эта рыба преследует летающую рыбу, колондрино, длиною более одной пяди и очень приятную на вкус. Когда упомянутая рыба трех родов замечает летающую рыбу, последняя тут же выскакивает из воды и летит на расстояние выстрела из самострела, пока крылья у нее еще влажные. Пока она летит, другие рыбы мчатся вслед за нею под водой, следуя за ее тенью. Как только колондрино падает в воду, они немедленно хватают ее и пожирают. Забавно и ловко так, что приятно смотреть.

Когда туземцы намерены развести огонь, они трут один заостренный кусок дерева о другой, пока огонь не охватит сердцевины одного какого-то дерева, помещаемой ими между двумя этими кусочками.

В среду 28 ноября 1520 г. мы выбрались из этого пролива и погрузились в просторы Тихого моря. В продолжение трех месяцев и двадцати дней мы были совершенно лишены свежей пищи. Мы питались сухарями, но то уже не были сухари, а сухарная пыль, смешанная с червями, которые сожрали самые лучшие сухари. Она сильно воняла крысиной мочой. Мы пили желтую воду, которая гнила уже много дней. Мы ели также воловью кожу, покрывающую грот-грей, чтобы ванты не перетирались; от действия солнца, дождей и ветра она сделалась неимоверно твердой⁴². Мы замачивали ее в морской воде в продолжение четырех-пяти дней, после чего клали на несколько минут на горячие уголья и съедали ее. Мы часто питались древесными опилками. Крысы продавались по полдуката за штуку, но и за такую цену их невозможно было достать.

Однако хуже всех этих бед была вот какая. У некоторых из экипажа верхние и нижние десны распухли до такой степени, что они не в состоянии были принимать какую бы то ни было пищу, вследствие чего и умерли⁴³. От этой болезни умерло девятнадцать человек, в том числе и великан, а также индеец из страны Верзин. Из числа тридцати человек экипажа переболело двадцать пять, кто ногами, кто руками, кто испытывал боль в других местах, здоровых оставалось очень мало. Я, благодарение Господу, не испытал никакого недуга.

За эти три месяца и двадцать дней мы прошли четыре тысячи лиг, не останавливаясь, по этому Тихому морю. Поистине оно было весьма мирным, ибо за все это время мы не выдержали ни одной бури. Кроме двух пустынных островков, на которых мы нашли одних только птиц да деревья и потому назвали их Несчастливыми островами, мы никакой земли не видели. Они лежат на расстоянии двухсот лиг один от другого. Мы не находили места, куда бы бросить якоря, и видели около них множество акул. Первый островок лежит под 15° южной широты, а другой — под 9°⁴⁴. Согласно измерениям, которые мы производили по бревну от корабельного носа до кормы, мы делали ежедневно 50, 60 или 70 лиг. Если бы Господь Бог и Присноблаженная Мать Его не послали нам хорошей погоды, мы все погибли бы от голода в этом необычайно обширном море. Я глубоко уверен, что путешествие, подобное этому, вряд ли может быть предпринято когда-либо в будущем.

Если бы после оставления пролива мы двигались беспрерывно в западном направлении, мы объехали бы весь мир, но не открыли бы ничего, кроме мыса Одиннадцати Тысяч Дев. Этот мыс в этом проливе у Тихого моря в прямом направлении на юго-запад, как и мыс Желанный в Тихом море. Оба эти мыса лежат точно на 53° в направлении к Южному полюсу.

Южный полюс не такой звездный, как Северный. Здесь видны скопления большого числа небольших звезд, напоминающие тучи пыли. Между ними расстояние небольшое, и они несколько тусклые. Среди них находятся две крупные, но не очень яркие звезды,двигающиеся очень медленно. Это две звезды Южного полюса. Наша магнитная стрелка, хотя и отклонялась то в одну, то в другую сторону, все же направлялась все время к Северному полюсу, но тут сила этого движения не такая, как в своем полушарии. По этой-то причине, когда мы находились на этих просторах и капитан-генерал запрашивал кормчих, идут ли они вперед по курсу, отмеченному нами на картах, и они в ответ ему заявляли: «Точно по вашему курсу, здесь начертанному», он указывал им, что они шли по неправильному курсу, в чем он был прав, и что надлежит выправить магнитную стрелку, ибо у нее не хватает силы в этом полушарии. Когда мы находились посреди этих открытых просторов, мы наблюдали пять необычайно ярко сверкающих звезд, расположенных крестом в прямом направлении на запад и одна против другой⁴⁵.

Эти дни мы шли между западом и северо-западом, пока не достигли экватора на расстоянии 122° от демаркационной линии. Линия же демаркации лежит на 30° от начального меридиана, а этот меридиан лежит на 3° к юго-западу от Зеленого Мыса.

Идя в этом направлении, мы прошли на коротком расстоянии от двух изобилующих большими богатствами островов, расположенных один под 20° широты Южного полюса под названием Сипангу и другой — под 15° — под названием Сумбдит-Прадит⁴⁶.

Миновав экватор, мы направились на запад-северо-запад, между западом и севером, после чего шли 200 лиг на запад, переменяв курс на юго-запад, и достигли 13° широты Северного полюса с целью быть ближе к мысу Гатикара. Этот мыс — да простят мне космографы, которыми он не был замечен, — вовсе не находится там, где представляют себе его местоположение, а севернее на 12° или около этого.

Пройдя около 70 лиг по этому курсу, мы нашли под 12° широты и 146° долготы в среду 6 марта небольшой остров

в северо-западном направлении⁴⁷ и два других — в юго-западном, из которых один более возвышенный и больше двух остальных. Капитан-генерал намеревался было сделать стоянку около большого острова, чтобы запастись свежей водой, но он не мог выполнить своего намерения потому, что жители этого острова забирались на корабли и крали там все, что было под руками, мы же не могли защититься от них. Наши решили уже спустить паруса и высадиться на берег, но туземцы весьма ловко похитили у нас небольшую лодку, прикрепленную к корме флагманского судна. Тогда капитан-генерал в гневе высадился на берег с 40 или 50 вооруженными людьми, которые сожгли 40—50 хижин вместе с большим числом лодок, и убил семерых туземцев. Он забрал свою лодку, и мы тотчас же пустились в путь, следуя по тому же направлению. Перед тем как мы высадились на берег, некоторые из больных нашего экипажа попросили нас принести им внутренности мужчины или женщины, в том случае если мы кого-нибудь уьем, дабы они могли немедленно излечиться от своей болезни.

Когда кто-нибудь из туземцев бывал ранен дротиками наших самострелов, которые пронзали его насквозь, он раскачивал конец дротика во все стороны, вытаскивал его, рассматривал с великим изумлением и таким образом умирал. Так же поступали и раненные в грудь, что вызывало у нас сильное чувство жалости. Когда мы уезжали, туземцы провожали нас на расстоянии свыше одной лиги более чем на сотне лодок. Приближаясь к кораблям, они показывали нам рыбу, точно хотели дать ее нам, и тут же забрасывали нас камнями. И хотя мы шли на всех парусах, они с большой ловкостью скользили в своих лодчонках между кораблями и небольшими шлюпками, привязанными к корме. Вместе с ними на лодках находились и женщины, которые кричали и рвали на себе волосы, вероятно оплакивая убитых нами.

Каждый из этих туземцев живет согласно своей воле, так как у них нет властелина. Ходят они нагие, некоторые носят бороду и черные волосы, спускающиеся до пояса. Они носят, подобно албанцам, небольшие шляпы из пальмовых листьев. Они такого же роста, как и мы, и хорошо сложены. Они ничему не поклоняются. Цвет их кожи смуглый, хотя родятся они белыми. Зубы окрашены в красный и черный цвета, они считают это признаком самой большой красоты. Женщины ходят голые, только срамная часть у них прикрыта узкой полоской тонкой, как бумага, коры, растущей между древесиной и корою пальмы. Они миловидны и изящно сложены, цвет кожи у них светлее, чем у мужчин. Черные волосы их распуше-

ны и падают до земли. Женщины не занимаются полевыми работами, а проводят время дома за плетением циновок, корзин и изготовлением других хозяйственных предметов из пальмовых листьев. Пищу их составляют кокосовые орехи, пататы, фиги⁴⁸ величиной в одну пядь [бананы], сахарный тростник и летающие рыбы помимо другого съестного. Они мажут тело и волосы кокосовым и кунжутным маслом. Дома их построены из дерева, крышей служат жерди, на которых лежат листья фигового [бананового] дерева длиною в две пяди; имеются полы и окна. Комнаты и постели убраны очень красивыми пальмовыми циновками. Спят они на пальмовых тюфяках, очень мягких и нежных. Иного вида вооружения, кроме копья с насаженной на его конце рыбьей костью, у них не имеется. Они бедны, но весьма ловки и особенно вороваты, вследствие чего эти три острова названы были Островами Воров (Разбойничьими). Они бороздят море на своих лодчонках, что служит развлечением как мужчин, так и женщин. Они напоминают собой физолеры⁴⁹, но они уже, некоторые окрашены в белый или красный цвет. Напротив паруса лежит заостренное в конце бревно; к нему накрест прикреплены жерди, опускающиеся в воду, чтобы уравновесить лодку. Парус изготовляется из сшитых вместе пальмовых листьев и напоминает собой латинский парус. Рулем служит лопасть, похожая на лопатку булочника, с куском дерева на конце. Корма служит также и носом; в общем они напоминают дельфинов, которые перескакивают с волны на волну. «Воры», судя по знакам, которые они делали, были в полной уверенности, что, кроме них, на свете иных людей нет.

В субботу 16 марта 1521 г., поутру, мы подошли к возвышенной местности, на расстоянии 300 лиг от Разбойничьих островов, — то был остров Самаль [Самар]. На следующий день капитан-генерал решил для большей безопасности высадиться на другом необитаемом острове, расположенном справа от вышеупомянутого, и там запастись водой и отдохнуть немного. Он велел раскинуть на берегу два шатра для больных и зарезать для них свинью.

В понедельник 18 марта, под вечер, мы заметили приближающуюся к нам лодку с девятью туземцами. Капитан-генерал приказал всем не делать ни малейшего движения и не вымолвить ни одного слова без его позволения. Когда они подошли к берегу, их начальник тотчас направился к капитан-генералу со знаками радости по поводу нашего прибытия. С нами остались пятеро наиболее пышно разукрашенных, другие вернулись к лодке позвать оставшихся в ней и занятых рыбной

ловлей, после чего собрались все. Видя, что эти люди благорас-судительные, капитан-генерал распорядился дать им поесть и роздал им красные головные уборы, зеркала, гребенки, погремушки, безделушки из слоновой кости, демикотон и дру-гие вещи. Довольные обхождением капитана, они предложили рыбу, кувшин пальмового вина, называемого у них «урака» [аррак], фиги длиною более пяди [бананы], а также фиги меньшего размера и более сладкие и два кокосовых ореха. У них с собою больше ничего, кроме этого, не было, но знаками, при помощи рук, они показали, что привезут нам в ближайшие четыре дня «умай», или рис, кокосовые орехи и множество других предметов пищи.

Кокосовые орехи — это плоды пальмового дерева. Подобно тому как мы удовлетворяем свою нужду в хлебе, вине, масле и молоке, туземцы извлекают все необходимое для питания из этого дерева. Поступают же они для получения из пальмы вина следующим образом. Они просверливают в стволе на вершине пальмы отверстие до самой древесины, и из этого отверстия начинает сочиться жидкость, похожая на белый муст. Жид-кость эта сладкая, но несколько терпкая на вкус. Ее собирают в бамбуковые стебли толщиной в ногу и даже больше. Привя-занные к пальме стебли бамбука они оставляют до утра, а при-вязанные с утра — до самого вечера.

Плод пальмы, кокосовый орех, величиною с голову или около этого. Его внешняя скорлупа зеленого цвета и толще двух пальцев. Внутри скорлупы находятся волокна, из которых они изготовляют веревки для связывания лодок. Под этой скорлупой находится твердая кожа, более толстая, чем у оре-ха; они ее сжигают и получают таким образом порошок для различного употребления. Под этой кожей находится белая мякоть толщиной с палец, которую они едят в сыром виде, как мы едим хлеб с мясом и рыбой. По вкусу она напоминает миндаль. Ее можно высушить и превратить в муку. Внутри этой мякоти находится весьма укрепляющая сладкая жидкость. Стоит ей постоять некоторое время на воздухе, как она за-стывает и становится похожей на яблоко. Для получения масла они дают перебродить мякоти вместе с жидкостью, затем кипятят и получают масло вроде сливочного. Для по-лучения уксуса они дают перебродить одной только жидкости, выставляют ее на солнце и получают уксус, похожий на наш из белого вина. Из этой жидкости можно также раздобыть молоко; мы получили его немного. Так, мы наскоблили мякоть и смешали ее с ее же жидкостью, процеженной через полотно, и получили таким образом молоко вроде козьего. Эти пальмы

похожи на финиковые, но хотя ствол их не гладкий, он все же не такой сучковатый, как ствол финиковой пальмы. Семья из десяти человек может прокормиться при двух пальмах, используя одну из них одну неделю, а другую — другую неделю, в противном случае пальмы высохнут. Пальмы эти живут целое столетие.

Туземцы свыклись с нами. Они рассказывали нам о многом, о том, как их зовут, а также названия некоторых островов, которые мы могли видеть из нашей стоянки. Остров, на котором они жили, носит название Сулуан⁵⁰. Он не очень больших размеров. Встречи с туземцами доставляли нам большое удовольствие, так как они были очень приветливы и общительны. Дабы оказать им еще больше внимания, капитан-генерал привел их на свой корабль и показал им все свои товары: гвоздику, корицу, перец, имбирь, мускатный орех, матию, золото и многое другое. Он велел выстрелить из нескольких орудий, отчего они были сильно испуганы и пытались даже спрыгнуть с корабля. Они знаками дали нам понять, что все эти предметы как раз и находятся там, откуда они сами. Прощаясь с нами, они расстались очень вежливо и приветливо и заявили, что скоро вернутся.

Остров, где мы находились, носит название Хумуну, но, так как мы нашли на нем два источника прозрачайшей воды, мы дали ему название Водоем с хорошими признаками; мы действительно обнаружили тут первые признаки золота, имеющегося в этой стране⁵¹. Мы нашли тут также множество белых кораллов и огромные деревья, плоды которых не намного меньше миндаля и напоминают семена сосны. Тут растет много пальм различных пород, одни похуже, другие получше. В этом краю много островов, почему мы и назвали его архипелагом Святого Лазаря, так как мы их открыли в субботу, в день св. Лазаря. Он лежит на 10° широты к Северному полюсу и 161° долготы от демаркационной линии⁵².

В пятницу 22 марта, в полдень, туземцы, согласно обещанию, приехали к нам на двух лодках, груженных кокосовыми орехами, сладкими апельсинами, кувшином пальмового вина и петухом⁵³, чтобы показать, что на острове водится птица. При виде нас они выражали большое удовольствие. Мы закупили у них все привезенные ими предметы. Их властителем был разрисованный [татуированный] старик. В ушах у него были две золотые серьги, у его спутников было много золотых браслетов на руках и платки на головах.

Мы простояли тут неделю, и за это время наш капитан ежедневно высаживался на берег, навещая больных и давая им

из своих рук напитков из кокосового ореха, что весьма подкрепило их.

В этом краю поблизости от этого острова мы встретили людей, в ушах которых были проделаны такие широкие отверстия, что сквозь них можно было просунуть руку. Это кафры, то есть «язычники». Они ходят голые, только срамная часть покрыта плетением из древесной коры; их начальники одеты в хлопчатобумажную ткань, вышитую по концам шелком при помощи иглы. Они темного цвета, тучны и разрисованы. Они мажут тело кокосовым и кунжутным маслом для защиты от солнца и ветра. У них очень черные волосы, опускающиеся до пояса. У них в употреблении кинжалы, ножи и копья, украшенные золотом, широкие щиты, гарпуны, дротики и рыболовные сети, похожие на наш невод. Их лодки напоминают наши.

В понедельник на Страстной неделе, в день Нашей Владычицы, 25 марта, под вечер, когда мы собирались уже поднимать якорь, я подошел к борту, намереваясь половить рыбу, и, не успев поставить ногу на рею, ведущую в кладовую, поскользнулся, так как рея была мокрая от дождя, и упал в море, а меж тем поблизости не было никого. Я уже погрузился в воду, но тут моя левая рука нащупала веревку от грот-мачты, которая болталась в воде. Я крепко ухватился за нее и стал так громко кричать, что ко мне поспешили на шлюпке и спасли меня. Разумеется, не мои заслуги были причиной моего спасения, а только благодать этого источника милосердия (Богородицы).

В тот же день мы направились на юго-юго-запад между четырьмя небольшими островами, именно: Сенало, Хьюнанган, Ибуссон и Абарьен⁵⁴.

В четверг 28 марта, утром, мы отшвартовались у острова, на котором накануне ночью заметили огонь. К флагманскому кораблю приблизилась лодка, которую туземцы называют «бóлото», с восемью людьми на ней. С ними заговорил раб капитан-генерала⁵⁵, уроженец Саматры⁵⁶, носившей ранее название Трапробана. Они его поняли сразу, но остановились поодаль от корабля, отказываясь подняться на борт. Видя, что они нам не доверяют, капитан приказал сбросить им красную шапку и другие вещи, привязанные к куску дерева. Они очень охотно приняли эти вещи и тотчас уехали, чтобы известить своего властителя. Часа два спустя мы увидели две баланги. Так называются у них большие лодки. На них было множество людей, а на самой большой находился их властитель, который сидел под навесом из циновок. Раб повел с ним разговор, как

только тот приблизился к флагманскому кораблю. Он понял речь раба, так как в этих краях властители знают больше наречий, чем все другие [его подданные]. Некоторым из своих спутников он приказал подняться на корабль, сам же оставался в своей баланге на некотором расстоянии от корабля, ожидая возвращения своих людей. Как только они вернулись, он уехал. Капитан-генерал оказал большое внимание туземцам, взошедшим на корабль, и одарил их некоторыми вещами, за которые их властитель пожелал перед отъездом дать капитану большой слиток золота и корзину имбиря. Капитан, однако, отказался их принять, сердечно поблагодарив властителя. Под вечер мы подошли на кораблях ближе к берегу и остановились недалеко от поселения властителя.

На следующий день, в Страстную пятницу, капитан-генерал отправил своего раба, служившего нам толмачом, на берег в небольшой шлюпке, поручив ему спросить властителя, может ли он прислать на корабль съестные припасы; он велел передать, что тот будет полностью вознагражден нами, так как он и его люди явились в эту страну как друзья, а не как враги. После этого властитель приехал с шестью или восемью своими людьми и взошел на корабль. Он обнял капитан-генерала и дал ему три фарфоровых кувшина с невареным рисом, закрытые листьями, две большие рыбы (дорадо) и другие предметы. Капитан-генерал в свою очередь преподнес ему платье из красной и желтой материи турецкого фасона и красивый красный головной убор, а его свите — одним ножи, другим зеркала. Затем он велел подать им завтрак, а толмачу-рабу приказал передать властителю, что хочет быть ему «каси-каси»⁵⁷, то есть братом, на что властитель ответил, что он точно так же желает находиться в братских отношениях с капитан-генералом. Капитан показал ему разноцветные материи, полотно, коралловые украшения и множество других товаров, а также артиллерию, при этом были сделаны выстрелы из нескольких пушек, что сильно напугало туземцев. Затем капитан-генерал велел одному из наших надеть полное вооружение, а трем другим, вооруженным мечами и кинжалами, наносить ему удары по всему телу. Властитель был донельзя поражен этим зрелищем. При этом капитан-генерал сказал ему через раба, что один вооруженный таким образом человек может сражаться против ста его же людей. На что властитель ответил, что он в этом убедился воочию. Капитан-генерал заявил, что на каждом из кораблей находится по двести человек, вооруженных таким же образом. Он показал ему кирасы, мечи, щиты, а также как ими пользоваться. После этого он повел властителя на

дек корабля, что находится над кормой, и велел принести туда морскую карту и бусоль⁵⁸. Через толмача он объяснил, каким образом ему удалось открыть пролив, позволивший ему прибыть сюда, и сколько месяцев он провел на море, не видя суши. Рассказ этот сильно удивил властителя. В заключение он попросил у властителя позволения послать с ним двух своих людей, с тем чтобы тот показал ему некоторые из его предметов. Властитель изъявил согласие, после чего туда отправился я в сопровождении одного из наших людей.

Едва мы сошли на берег, как властитель поднял руки к небу, после чего повернулся к нам. Мы повторили то же перед его лицом, точно так же поступили и все окружающие. Властитель взял меня за руку, а спутника моего взял за руку один из начальников. Они повели нас под бамбуковый навес, под которым находилась баланга, в длину равная восьмидесяти моим ладоням и напоминающая собой галеру (фусту). Мы сели на корме этой баланги, переговариваясь все время при помощи знаков. Свита властителя окружила нас, вооруженная мечами, кинжалами, копьями и щитами. Властитель распорядился принести блюдо со свининой и большой кувшин с вином. Каждый кусок пищи мы запивали чашей вина. Остатки вина в чаше — это, правда, случалось редко — выливались обратно в кувшин. Чаша властителя оставалась все время закрытой, и из нее дозволялось пить только властителю и мне.

Перед тем как поднести чашу ко рту, властитель поднимал сложенные руки к небу, а потом простирал их ко мне, когда же он приступал к питью, то протягивал сжатый кулак (на первых порах я решил было, что он собирается ударить меня) и только после этого принимался пить. Я поступал точно так же, обращаясь все время к нему. Каждый из присутствующих делал такие же движения по отношению к рядом с ним находившимся. С такими церемониями мы вкушали пищу, обмениваясь в то же время знаками, выражающими дружбу. Я ел мясо в Страстную пятницу, но ничего не поделаешь.

До наступления ужина я передал властителю множество предметов, которые захватил с собою. Названия многих предметов на их наречии я тут же записал. Они были крайне удивлены, видя меня пишущим и особенно узнав, что я записал их собственные слова.

Пока я занимался этим, подали ужин. Внесли два больших фарфоровых блюда: одно — с рисом, другое — со свининой с подливкой. Ужин сопровождался такими же церемониями и знаками, после чего мы направились во дворец властителя,

который имел вид сеновала, покрытого банановыми и пальмовыми листьями. Он покоился высоко над землей на огромных деревянных сваях, и, чтобы туда взойти, надо было взбираться по лестнице. Властитель предложил нам сесть со скрещенными ногами на бамбуковую циновку, как то делают портные. Спустя полчаса было внесено блюдо с вареной рыбой, разрезанной на куски, свежесобранный имбирь и вино. В это время явился наследник, старший сын властителя, и властитель велел ему сесть рядом с нами, что он и сделал. После этого внесли два блюда: одно — с рыбой и подливкой, другое — с рисом, чтобы мы могли поужинать вместе с наследником. Мой спутник опьянел оттого, что много пил и ел.

Здесь для освещения употребляется смола одного дерева, называемая ими «аниме», которую они заворачивают для этой цели в пальмовые или банановые листья. Властитель сделал нам знак, что отправляется на покой. Наследник остался с нами, и мы спали вместе с ним на бамбуковой циновке и подушках, сделанных из листьев.

С наступлением рассвета явился властитель, взял меня за руку и повел туда, где накануне мы ужинали, для того, чтобы попотчевать нас, но в это время пришли звать нас с нашей шлюпки. При расставании властитель с большой радостью облобызал нам руки и мы — его. С нами отправился один из его братьев, властитель другого острова, и трое туземцев. Капитан-генерал оставил его обедать с нами и надавал ему много вещей.

На этом острове, откуда властитель явился к нам на корабль, можно найти куски золота, стоит только просеять землю. Все блюда этого властителя сделаны из золота, из золота сделана также часть его дома — так рассказывал нам он сам. Сообразно существующим здесь обычаям он был одет наряднее всех других и действительно казался самым красивым среди всех окружающих его людей. Волосы его были черного-черного цвета и спускались до плеч. Его голова была покрыта шелковой тканью, а в ушах висели большие золотые серьги. От пояса до колен он был покрыт хлопчатобумажным покровом, расшитым шелком. На боку висел кинжал с довольно длинной золотой рукояткой в ножнах из инкрустированного дерева. На каждом зубе у него были три золотые крапинки, и казалось, будто зубы его связаны золотом. Он был надушен росным ладаном. Цвета он был желтого и весь покрыт татуировкой.

Острова, которыми он владел, называются Бутуан и Калаган. Всякий раз как властители этих двух государств пожелают встретиться друг с другом, они отправляются на охоту на

тот остров, на котором мы теперь находились. Имя первого властителя было раджа Коламбу, другого — раджа Сиау.

В воскресенье, в последний день марта, день пасхальный, рано утром капитан-генерал отправил священнослужителя вместе с некоторыми нашими людьми на берег для приготовлений к мессе. Вместе с ними поехал и наш толмач предупредить властителя, что мы высаживаемся не для того, чтобы откусать вместе с ним, а слушать мессу. Властитель прислал нам двух зарезанных свиней. С наступлением часа мессы на берег сошло человек около пятидесяти, не в полном вооружении, но все же имея при себе оружие и одетых как можно лучше. Перед тем как мы добрались до берега, были сделаны выстрелы из шести пушек в знак наших мирных намерений. После того как мы показали на берегу, оба властителя обняли капитан-генерала и поместили его рядом с собою. Боевым маршем прибыли мы на место, предназначенное для мессы и находившееся неподалеку от берега. Прежде чем приступить к службе, капитан окропил обоих властителей от головы до пят мускусной водой. Во время мессы властители выступили вперед, чтобы приложиться к кресту, следуя нашему примеру, но не вознесли жертвы. Во время возношения даров они оставались коленопреклоненными и возносили моления со сложенными руками. Как только Тело Христово вознеслось, раздался артиллерийский залп по знаку, данному выстрелами из мушкетов теми, которые были на берегу. По окончании мессы некоторые наши причастились. Капитан-генерал устроил фехтовальный турнир, который сильно понравился властителям. Затем он распорядился принести крест и венец с гвоздями, перед каковым все упали на колени. Властителям он объяснил через толмача, что это знамя, доверенное ему императором, его сувереном, и что он обязан воздвигать его повсюду, в какое бы место он ни приезжал. Он намерен водрузить крест этот ради их же блага, потому что, какой бы корабль ни явился сюда в будущем, они по этому кресту убедятся, что мы уже были тут, и, следовательно, не предпримут ничего такого, что могло бы причинить им неприятность или нанести ущерб их имуществу. Если бы кто-нибудь из туземцев был ими задержан, то его освободят тут же, как только им будет показан этот крест. Крест же этот надлежит водрузить на вершине самой высокой горы так, чтобы, видя его каждое утро, они могли поклоняться ему; если они будут поступать таким образом, то ни гром, ни молния, ни буря ни в какой степени не повредят им. Властители сердечно поблагодарили его, заявив при этом, что они охотно сделают

все, чего он от них потребует. Капитан-генерал в свою очередь спросил их, какова их вера — «мавры» они или «язычники». В ответ они заявили, что они не поклоняются ничему, но что они воздевают сложенные руки, обращают лицо к небу и называют своего бога «абба». Капитан остался весьма доволен таким ответом, а первый властитель, заметив это, воздел руки к небу и заявил, что он желал бы чем только возможно показать, как он любит его. Толмач задал ему вопрос, почему тут так мало съестного. Властитель ответил, что он бывает в этих местах только тогда, когда отправляется на охоту и на свидание со своим братом, а что живет он на другом острове, где пребывает также и его семья. Капитан-генерал попросил его сказать, нет ли у него врагов, дабы он вместе со своим флотом мог истребить их или привести в покорность. Раджа поблагодарил его за это и сообщил, что тут действительно находятся два острова, которые враждебно относятся к нему, но теперь не время идти на них войной. Капитан дал ему понять, что, если Господу будет угодно позволить ему вновь вернуться в эти края, он приведет с собою столько людей, что сможет силой заставить врагов раджи повиноваться ему. Он сказал ему, что так как наступило время обеда, то он вернется на берег после обеда для водружения креста на вершине горы. Раджи выразили свое согласие, наши люди построились в батальон и дали залп из мушкетов, капитан обнял обоих раджей, и мы попрощались с ними.

Мы отправились после обеда, одетые в простые куртки, и вместе с обоими раджами поднялись после полудня на вершину самой высокой горы. Когда мы взойшли на эту гору, капитан-генерал заявил, что он считает за высокую честь для себя труды, положенные им ради их же блага, ибо, раз крест будет находиться тут, он послужит им только на величайшую пользу. Он спросил их, в какой гавани легче всего будет найти съестные припасы, на что они ответили, что поблизости имеются три гавани: Сейлон, Субу и Калаган⁵⁹ и что Субу — самый крупный торговый порт. По собственному почину они предложили дать нам лоцманов для указания туда дороги. Капитан-генерал поблагодарил их и решил направиться туда, куда влекла его злосчастная судьба.

После того как крест был водружен на месте, каждый из нас повторил молитвы «Отче Наш» и «Ave Maria» и поклонился кресту; то же самое сделали раджи, после чего мы спустились вниз, миновали их возделанные поля и пришли в то место, где находилась баланга. Раджа приказал принести туда несколько кокосовых орехов, чтобы мы могли подкрепиться. Капитан

попросил прислать к нему лоцманов, так как он собирался утром следующего дня отбыть, и заявил при этом, что будет обращаться с ними так, как если бы они были раджами, и что он согласен дать им одного из своих людей в качестве заложника. Раджи в ответ заявили, что лоцманы будут в его распоряжении, когда он только пожелает, но за ночь первый раджа изменил свое мнение и послал сказать капитан-генералу, что ему нужно собрать урожай риса и закончить кое-какие другие работы, а потому просил из любви к нему переждать два дня. Одновременно он попросил капитан-генерала прислать ему на помощь несколько человек для того, чтоб ускорить окончание работ, и заявил, что он самолично отправится в качестве лоцмана. Капитан послал ему несколько человек, но раджи пили и ели столько, что целый день спали. В оправдание некоторые сказали нам, что они слегка занедужили. Наши люди ничего не делали в этот день, но зато поработали следующие два дня.

Один из туземцев принес нам миску с рисом и восемь или десять бананов в виде связки в обмен на нож, которому красная цена была три кваттрино⁶⁰. Капитан, видя, что туземец хлопочет только о ноже, позвал его, чтобы показать другие предметы. Он вынул из кошелька реал и собирался дать ему, но тот отказался. Он показал ему дукат, но он отказался и от дуката. Наконец капитан попытался предложить ему доппьоне⁶¹ стоимостью в два дуката, но он решительно отказывался от всего, требуя только нож, и капитан поэтому дал ему нож. Когда один из наших людей сошел на берег, чтобы запастись водой, туземец предложил ему большой слиток золота размером в колону⁶² в обмен на шесть стеклянных бус, но капитан запретил производить обмен, дабы туземцы с самого начала усвоили себе, что мы ценим наши товары гораздо выше золота.

Здесьшний народ — «язычники», ходят голые и раскрашенные. Срамную часть они прикрывают древесной тканью. Они большие пьяницы. Женщины носят покровы из древесной коры от пояса и ниже, волосы у них черные и ниспадают до земли. У них отверстия в ушах, заполненные золотом. Туземцы постоянно жуют плод, называемый ими «арека» и напоминающий грушу. Они разрезают этот плод на четыре части и заворачивают его в листья дерева, которое носит у них название «бетре»⁶³. Листья эти похожи на листья тутового дерева. Они примешивают к нему немного глины и, прожевав, выплевывают его. От этого рот становится невероятно красным. Во всех

этих краях бетель употребляют все, так как он освежает сердце, и, откажись они от его употребления, они умерли бы.

Тут водятся собаки, кошки, свиньи, куры, козы, растет рис, имбирь, кокосовые орехи, фиги [бананы], апельсины, лимоны, просо, птичье просо, сорго, имеется воск и большое количество золота. Этот остров расположен на $9\frac{2}{3}^\circ$ в направлении Северного полюса и на 162° долготы от демаркационной линии. От Аквады он отстоит на расстоянии 25 лиг и называется Масава.

Мы пробыли тут семь дней, по истечении коих взяли курс на северо-запад, миновав пять островов, именно: Сейлон, Бохол, Каниган, Байбай и Гатиган⁶⁴. На этом последнем острове Гатиган встречаются летучие мыши величиной с орла. Так как был уже конец дня, мы убили одну из них, вкусом напоминающую курицу. Тут водятся голуби, горлицы, попугаи и какой-то род черных птиц, равных своими размерами домашним курам, с длинным хвостом. Упомянутые птицы кладут яйца в песок, и птенцы вылупляются оттого, что песок этот очень горячий. Вылупившись, птенцы вылезают из-под песка и выходят на свет Божий. Эти яйца очень питательны.

От Масавы до Гатигана 200 лиг расстояния. Мы направились на запад от Гатигана, но так как властитель Масавы не имел возможности тут же последовать за нами, то мы в ожидании его задержались вблизи трех островов, именно: Поло, Тикобон и Посон⁶⁵. Догнав нас, он выразил большое удивление по поводу быстроты нашего плавания. Капитан-генерал пригласил его на свой корабль вместе с некоторыми его начальниками, что доставило всем им большое удовольствие. Так мы шли от Субу до Гатигана, а расстояние между ними 15 лиг.

В воскресенье 7 апреля, в полдень, мы вступили в гавань Субу, минуя множество поселений, и увидели большое число хижин, построенных на сваях. При приближении к городу капитан-генерал распорядился поднять все флаги. Паруса были спущены, как то бывает перед боем, и из всех пушек дан был залп, что навело большой страх на туземцев. Капитан отправил одного из своих питомцев в качестве посла вместе с толмачом к властителю Субу. Достигнув города, они увидели около властителя большую толпу народа, встревоженную нашими пушками. Толмач объяснил им, что таков наш обычай, когда мы вступаем в эти края, что это — знак мира и дружбы и что мы стреляли из пушек в честь властителя этого селения. Властитель и окружающие его успокоились, и через своего правителя властитель спросил, чего мы хотим. Толмач ответил, что его хозяин — капитан

на службе у величайшего из государей и владык в мире и что он направляется отыскивать Молукку, но сюда он прибыл только ради того, чтобы свидеться с властителем, так как слышал о нем много хорошего от властителя Масавы, а также для того, чтобы получить продовольствие в обмен на свои товары. В ответ властитель заявил, что он приветствует их приход, но у них обычай таков, что все вступающие в эти гавани суда обязаны платить дань и что только четыре дня назад такую дань уплатила прибывшая сюда джонка из Сиам с грузом золота и рабов. В доказательство своих слов он указал толмачу на купца из Сиам, оставшегося здесь для торговли золотом и рабами. Толмач заявил ему, что, раз его хозяин является капитаном на службе у столь могущественного государя, он не платит дани ни одному властителю в мире и что, если властитель этот хочет мира, пускай будет мир, а если вместо этого он хочет войны, пускай будет война. Тогда купец-«мавр» сказал властителю: «Смотри в оба, государь. Эти люди — те же самые, что завоевали Каликут, Малакку и всю большую Индию. Если с ними будут обращаться хорошо, они будут также хорошо обращаться, а если с ними будут обращаться дурно, они будут обращаться еще хуже, подобно тому как они поступили в Малакке». Толмач понял эту речь и сказал, обращаясь к властителю, что государь его господина гораздо могущественнее и людьми и кораблями, чем король Португалии, что он — король Испании и император всех христиан и что если властитель не будет относиться к нему с дружеским отношением, то в ближайшее же время он направит сюда такое число людей, что его владения будут разрушены. «Мавр» передал все эти слова властителю, который ответил, что посоветуется со своими и даст ответ капитану завтра. После этого он распорядился попотчевать нас разнообразной пищей из мяса, поданной на фарфоровых блюдах, а также вином, принесенным в кувшинах. Закусив, наши вернулись на корабль и передали все слышанное. Властитель Масавы, наиболее влиятельный после этого властителя и владетель многочисленных островов, направился на берег затем, чтобы рассказать властителю о большой учтивости нашего капитан-генерала.

В понедельник утром в Субу направились наш нотариус и толмач. Властитель явился на площадь в сопровождении своих начальников и предложил нашим сесть рядом с ним. Он спросил нотариуса, много ли капитанов в нашем экипаже и требует ли капитан, чтобы он платил дань императору, его хозяину. Нотариус ответил, что этого не требуется и что капитан желает лишь одного: вести торговлю с ними, и ни

с кем другим. Властитель заявил, что удовлетворен этим ответом, и прибавил, что, если капитан желает стать его другом, пускай пришлет ему каплю крови из правой руки, и он сделает то же — в знак искреннейшей дружбы. Нотариус сказал, что капитан так и поступит. После этого властитель сообщил ему, что все приезжавшие сюда капитаны обычно давали ему подарки и он в свою очередь давал подарки им, и спросил, кто должен теперь начать первый: капитан или он. Толмач сказал, что, раз он желает поддерживать этот обычай, пусть он и начинает.

Во вторник утром властитель Масавы пришел на корабль в сопровождении «мавра». Он приветствовал капитана от имени властителя [Субу] и сообщил, что тот занят сбором продовольствия в таком количестве, в каком только его возможно собрать, чтобы дать ему, и что после обеда он пришлет сюда своих племянников и двух других из своих начальников на предмет заключения мира. Капитан-генерал велел одному из наших людей надеть свое вооружение и, показывая на него «мавр», объяснил, что все мы сражаемся подобным образом. «Мавр» был сильно напуган, но капитан успокоил его, заявив, что наше оружие мягко по отношению к друзьям, но жестко по отношению к нашим врагам и с той же легкостью, с какой оттирают пот носовым платком, наше оружие низвергает и сокрушает всех наших противников, равно как и тех, кто враждебен нашей вере. Капитан поступил так с той целью, чтобы «мавр», казавшийся более смышленным, чем все прочие, мог передать это властителю.

После обеда племянник властителя, его наследник, пришел на корабль вместе с властителем Масавы, «мавром», правителем, начальником охраны и восемью другими начальниками для заключения с нами мира. Капитан-генерал принял их, сидя в кресле, обитом красным бархатом, его главные помощники сидели на стульях, обитых кожей, а остальные расположились на циновках на полу. Через толмача капитан-генерал задал им вопрос, каков их обычай в этих случаях: вести переговоры втайне или публично, а также уполномочены ли наследник и властитель Масавы заключить мир. В ответ они заявили, что в обычае у них вести переговоры публично и что они имеют полномочие на заключение мира. Капитан-генерал много говорил о том, что касается до мира, и о том, что он молил Бога утвердить этот мир в небесах. Они заявили, что им никогда еще не приводилось слышать такие речи и что для них было удовольствием внимать ему. Убедившись в том, что они слушали и отвечали ему охотно, он начал

приводить доказательства в пользу обращения их в [христианскую] веру. На его вопрос, кто наследует владения после смерти властителя, он получил ответ, что у короля нет сыновей, а есть только дочери, старшая из которых — жена одного из его племянников, который потому и является наследником властителя. Когда у них отцы и матери становятся старыми, они уже больше не пользуются почетом, и власть переходит к их детям. На это капитан сказал им, что Господь Бог сотворил небо, землю, море и все остальное и завещал нам почитать наших отцов и матерей, тот же, кто поступает не так, осуждается на горение в вечном огне, что мы все происходим от Адама и Евы, наших праотцев, что дух наш бессмертен, и многое другое говорил он касательно веры. Выражая радость, они просили капитана оставить им двоих из наших людей или по меньшей мере одного, дабы он наставлял их в вере, обещая оказывать им большие почести. В ответ на это капитан заявил, что он не может оставлять им людей, но, если они желают стать христианами, наш священник совершит над ними обряд крещения, а он сам в скором времени привезет с собою священников и монахов для наставления их в нашей вере. Они сказали, что поговорят об этом сначала со своим властителем, а затем станут христианами; слушая их, все мы прослезились от большой радости. Капитан-генерал объяснил им, что их должны подвигнуть на то, чтобы стать христианами, не страх перед нами или желание доставить нам приятное, а только их собственная свободная воля и что те, кто желают продолжать жить согласно своему уставу, не должны опасаться каких-либо неприятностей, но все же с христианами будут обходиться и обращаться лучше, чем с остальными. Все вскричали в один голос, что не из страха или из желания сделать нам приятное, а только по собственной свободной воле они намерены стать христианами. Тогда капитан заявил им, что, когда они станут христианами, он оставит им одно полное вооружение, ибо так повелел ему государь. Он также сказал, что если мы будем вступать в общение с их женами, то совершим этим очень большой грех, так как они «язычницы». Он уверил их также в том, что, как только они станут христианами, дьявол перестанет являться им, разве только перед самой смертью. Они же сказали, что им невозможно надлежащим образом отвечать на прекрасные речи капитана, но они доверяют ему полностью, и он может относиться к ним, как к преданнейшим своим слугам. Со слезами на глазах капитан обнял их, и, взяв руку наследника и руку властителя в свои собственные, он заявил им, что обещает им вечный мир с королем Испании, в чем

заверяет их своей верой в Бога и своего суверена, императора, а также принадлежностью своей к ордену. Они в свою очередь дали подобный же обет. После заключения мира капитан велел попотчевать их, а затем наследник и властитель [Масава] передали капитану от имени властителя несколько корзин с рисом, свиней, коз и кур, прося простить им ничтожность даров для столь достойного мужа. Капитан подарил наследнику белое платье из тончайшего полотна, красный головной убор, несколько стеклянных бус и позолоченную чашку. В этих краях такие чашки ценятся очень высоко. Властителю Масава он не дал ничего, так как уже подарил ему раньше платье из камбайской материи, не говоря уже о других вещах. Каждому из остальных он давал то одну вещь, то другую. Властителю Субу он отослал через меня и другого из наших людей шелковое платье желтого и фиолетового цвета, сшитое на турецкий фасон, красивый красный головной убор, несколько стеклянных бус — все это было положено на серебряное блюдо, а также две позолоченные чашки для питья, которые мы несли в руках. Прибыв в город, мы нашли властителя во дворце, окруженного большим числом людей. Он сидел на полу на пальмовой циновке, только срамная часть у него была прикрыта куском хлопчатобумажной материи, голова была окутана вышитым от руки шарфом, на шее висело ожерелье большой ценности, а в ушах две большие золотые серьги, осыпанные драгоценными камнями. Он был небольшого роста, тучен и разрисован разными изображениями, выжженными огнем. На другой циновке стояли два фарфоровых блюда с яйцами черепахи, которые он ел, тут же находились четыре кувшина, полных вина, прикрытых приятно пахнущими травами, и из каждого кувшина торчало по тростнику, при помощи которого он пил. Отвесив ему положенным образом поклон, толмач сообщил ему, что хозяин горячо благодарит его за подарок и что подарок, который он ему посылает, не есть вознаграждение за присланное, а выражение подлинной любви, которую он испытывает к нему. Мы накинули на него платье, возложили на его голову убор и отдали ему все остальные вещи, затем, поцеловав бусы и возложив их ему на голову, я их преподнес ему. Принимая их, он их также поцеловал. Затем властитель предложил нам угоститься яйцами и выпить вина через гибкие тростниковые трубки. В это время его посланцы передали ему слова капитана касательно мира и как он их увещевал принять христианство. Властитель выразил желание, чтобы мы остались до ужина, но мы ответили, что не можем. После того как мы с ним распрощались, наследник

повел нас к себе в дом, где четыре молодые девушки играли, одна на барабане, похожем на наши, но стоящем на земле, другая ударяла палкой с толстой обмоткой на конце из пальмовой ткани по двум подвешенным литаврам, а третья ударяла одним небольшим литавром о другой, и они издавали при этом приятный звук. Они играли так согласованно, что можно было бы подумать, что они обладают хорошим музыкальным чувством. Эти девушки были очень красивы, белокожи, как и наши, и такого же роста. Они были нагие, только древесная кора покрывала их от пояса до колен. Некоторые были совсем обнажены, в ушах у них были большие отверстия, куда вставлены маленькие куски дерева, делавшие отверстия большими и круглыми. У них длинные черные волосы, на голове лежал кусок материи, они были на босу ногу. Наследник приказал трем совершенно обнаженным девушкам поплясать перед нами. Мы закусили, после чего отправились на корабль.

Их литавры сделаны из металла, изготавливают их в этих краях в окрестностях Большого Залива. Они в таком же ходу в этих краях, как у нас колокола, и называются «агон».

В среду утром я и толмач явились к властителю с просьбой указать нам место, где мы могли бы похоронить одного из наших, умершего истекшей ночью. Властитель находился в окружении большого числа людей. Отвесив надлежащие поклоны, я обратился к нему с этой просьбой. Он ответил на это: «Если я и любой из подданных моих находимся в распоряжении вашего государя, то тем более ему принадлежит вся эта земля». Я сказал ему, что мы должны освятить это место и водрузить там крест. Он ответил, что это доставит ему полное удовольствие и что он желал бы поклоняться кресту так же, как это делаем мы. Покойник был похоронен на площади с всевозможной торжественностью, дабы подать этим хороший пример. Затем мы осветили место. Вечером мы похоронили еще одного из наших.

Мы свезли на берег большое количество товаров и сложили их в одном из домов. Властитель взял на себя его охрану. Он также отрядил четырех человек для оптовой меновой торговли.

Люди эти живут в согласии с правосудием. У них имеются весы и меры. Они предпочитают мир, довольство, покой. У них деревянные весы, поддерживаемые веревкой, прикрепленной к середине перекладки. На одном конце висит кусок свинца, а на другом имеются обозначения: четверти фунта, полфунта, фунта. Для взвешивания они кладут весы с тремя веревочками, как наши, над обозначениями, и таким образом получается правильный вес. У них имеются очень большие бездонные меры емкости.

Молодежь играет на дудках — таких же, как наши, называемых ими «субин».

Дома их построены из дерева и составлены из досок и бамбука, возвышаясь над землей на больших бревнах, и взбираться туда приходится по лестнице. Комнаты у них такие же, как и у нас. Под домом они держат своих свиней, коз и птицу.

Тут водятся морские улитки, красивые на вид, которые убивают китов. Последние глотают их живыми, и, когда они уже находятся внутри кита, они вылезают из своей раковины и пожирают его сердце. Туземцы находят их после этого живыми возле мертвого сердца кита. У этих тварей черные зубы и кожа и белого цвета раковина, мясо их приятно на вкус. Их называют здесь «лаган»⁶⁶.

В пятницу мы показали им нашу лавку, полную товаров, что привело их в крайнее изумление. Они давали нам золото в обмен на чугун и прочий крупный товар. За другие товары они давали нам рис, свиней, коз и прочие предметы продовольствия. За 14 фунтов железа они давали нам десять слитков золота, причем каждый слиток был ценой в 1½ дуката. Капитан-генерал отказывался от большого количества золота, так как среди нас находились такие, которые готовы были отдать все, что у них было, за небольшое количество золота и тем самым могли бы погубить навсегда нашу торговлю⁶⁸.

В четверг во исполнение обещания, данного капитаном властителю, обратить его в христианство воздвигли возвышение на площади, которую освятили заранее и по случаю крещения украсили занавесами и пальмовыми ветвями. Капитан-генерал послал предупредить его, чтобы он не испугался, если в это утро будут даны выстрелы из пушек, так как у нас в обычае делать залпы из орудий, не заряжая их камнями, в дни самых торжественных наших праздников.

В воскресенье 14 апреля, утром, сорок наших людей сошли на берег. Двое из них были в полном вооружении и шли впереди королевского знамени. Как только мы ступили на сушу, раздались выстрелы из всех пушек. Туземцы ходили за нами повсюду. Капитан и властитель обнялись. Капитан сказал властителю, что королевское знамя обычно выносятся на берег не иначе как в сопровождении 50 человек, вооруженных так же точно, как эти двое, да еще 50 мушкетеров, но его любовь к властителю столь велика, что он решил вынести знамя на берег таким образом, как он поступил теперь. После этого все мы с весельем подошли к возвышению. Капитан и властитель уселись в креслах, покрытых красным и фиолетовым бархатом. начальники — на подушках, а все остальные —

на циновках. Капитан передал через толмача, что он возносит благодарность Богу за то, что Он внушил властителю мысль стать христианином, — с этого дня ему будет гораздо легче одолевать своих врагов. В ответ на это властитель сказал, что он желает стать христианином, но что некоторые из его начальников не желают ему повиноваться. «Мы-де, — говорят они, — такие же хорошие люди, как и он». Тогда капитан позвал начальников властителя и заявил им, что, если они не будут оказывать повиновение своему властителю, как своему государю, он велит всех их убить, а владения их отдать властителю. Они ответили, что будут впредь ему подчиняться. Капитан объявил властителю, что намерен отправиться в Испанию, но собирается в скором времени вернуться с такими значительными силами, с помощью которых он сделает его величайшим властелином этих областей, потому что он первый принял решение стать христианином. Воздев руки к небу, властитель поблагодарил капитана и попросил его оставить здесь кого-нибудь из своих людей, дабы он и его народ были лучше наставлены в веру. Капитан ответил, что удовлетворит его просьбу и оставит двух человек, но что ему хотелось бы взять с собою двух детей начальников для того, чтобы они научились нашему языку и по возвращении сумели рассказать обо всем, что видели в Испании.

В самом центре площади был водружен большой крест. Капитан заявил всем, что, если они действительно хотят стать христианами, как они обещали в предыдущие дни, они должны сжечь всех своих идолов и водрузить на их место крест. Каждый день должны они поклоняться кресту со сложенными руками, и каждое утро, по обычаю их [испанцев], они должны сотворять крестное знамение — при этом капитан показал, как это надо делать, — и ежечасно, по крайней мере по утрам, подходить к кресту и класть поклоны. Уже изъявленное ими намерение они обязаны подтвердить добрыми делами. Властитель и все другие выразили желание подтвердить это полностью. Капитан-генерал объяснил властителю, что белая одежда, которая на нем теперь, свидетельствует о его искренней любви к ним. Они сказали, что у них нет слов для ответа на такие сладкие речи. Говоря им все это, капитан повел властителя за руку к возвышению для совершения обряда крещения. Он сказал властителю, что отныне имя его будет дон Карл, по имени императора, его суверена, наследник будет именоваться дон Фернандо, по имени брата императора, властитель Масавы — Хуаном, начальник — Фернандо, по имени нашего же начальника, то есть капитана, «мавр» — Христофором. Так он

дал новые имена всем, кому одно, кому другое. До мессы было крещено пятьсот человек. После того как месса была отслужена, он пригласил властителя и некоторых его начальников на обед, но они отказались и только проводили нас до берега. На кораблях дали выстрелы из орудий. Обняв друг друга, властитель, начальники и капитан расстались.

После обеда священник и некоторые другие высадились на берег для крещения жены властителя, которая пришла в сопровождении сорока женщин. Мы повели ее на возвышение и усадили на подушку, остальные женщины уселись около нее, пока священник готовился к обряду. Ей показали образ Нашей Владычицы, очень красивую деревянную статуэтку младенца Иисуса и крест. Все это повергло ее в большую печаль, и она со слезами на глазах просила, чтобы ее окрестили. Мы дали ей имя Хуаны, по имени матери императора, дочь ее, жену наследника, мы назвали Екатериной, жену властителя Масавы — Елисаветой, дали мы по имени также женщинам из ее свиты. Мы окрестили восемьсот душ мужчин, женщин и детей. Жена властителя была молодая и красивая, одета была она вся в белое с черным. Ее рот и ногти были ярко-красного цвета, на голове у нее была широкая шляпа из пальмовых листьев вроде зонтика, поверх которой возвышался венец из тех же листьев наподобие папской тиары. Без нее она не появляется нигде. Она попросила нас отдать ей младенца Иисуса, чтобы заменить им своих идолов, после чего удалилась.

Под вечер к берегу пришли властитель с женою в сопровождении большого числа лиц. По этому случаю капитан распорядился выпустить много огневых петард и стрелять из больших орудий, что доставило им большое удовольствие. Капитан и властитель называли друг друга братьями. Имя властителя было раджа Гумабон.

До конца недели были крещены все жители этого острова и некоторые с других островов. Одну хижину на соседнем острове мы сожгли по той причине, что жители отказали в повиновении радже или нам. Мы воздвигли там крест, так как население этого острова состояло из «язычников». Будь они «мавры», мы воздвигли бы на этом месте колонну как знак величайшей твердости, ибо в деле обращения в христианство «мавры» гораздо более жестки, чем «язычники».

Капитан-генерал в эти дни ежедневно высаживался на берег слушать мессу и в это время рассказывал радже многое, касающееся веры. Однажды жена властителя весьма торжественно явилась к мессе. Впереди нее шли три девушки с тремя ее шляпами в руках. Одетая она была в белое с черным, широкий

шелковый шарф с поперечными золотыми полосками был наброшен на голову и покрывал ее плечи. Она была в шляпе. Ее сопровождало большое число женщин, все нагие и босые, только срамные части прикрыты у них были куском ткани из пальмового дерева и на голову наброшен маленький шарф, волосы у них были распущены. Жена властителя, отвесив надлежащий поклон перед алтарем, уселась на шелковую вышитую подушку. До начала мессы капитан окропил ее и некоторых ее женщин розовой мускусной водой, так как аромат этот сильно нравился им. Зная, что жене властителя очень понравилась статуэтка младенца Иисуса, он дал ее ей, сказав при этом, что ее нужно поместить вместо идолов, потому что это память о Сыне Божиим. Она приняла статуэтку, поблагодарив его от всего сердца.

Однажды перед мессой капитан-генерал предложил властителю надеть белую шелковую одежду; то же предложил он и городской знати, отцу наследника по имени Бендара и его брату, другому его брату, по имени Кадайю, некоторым другим [приближенным], их имена: Симиут, Мибуайя, Магалибе, и многим другим, имен которых я не буду приводить, дабы не быть докучным. Капитан велел им всем поклясться в верности своему властителю, в знак чего они облобызали руку последнего. После этого он предложил властителю объявить, что он будет всегда соблюдать покорность и верность государю Испании, в чем тот дал клятву. При этом капитан обнажил свой меч перед образом Нашей Владычицы и сказал, обращаясь к властителю, что, кто бы ни давал клятву, он должен предпочесть смерть нарушению таковой клятвы, если он дает ее перед этим образом, и ценою собственной жизни и одежды на нем⁶⁸ оставаться вечно верным ему. После этого капитан подарил властителю кресло, обитое красным бархатом, и объяснил, что, куда бы он ни направлялся, он должен брать его с собою, а носить его должен кто-нибудь из ближайшей его родни; он при этом показал, как следует носить это кресло. Властитель заявил, что все это он будет исполнять с охотой из любви к нему, и прибавил, что приказал изготовить для него драгоценности, именно — две большие золотые серьги для ушей, два браслета для рук и два других кольца на ноги выше колен помимо драгоценных камней для украшения его ушей. Это самые красивые украшения, которые допускаются к ношению властителями в этих краях. Они обычно ходят босиком и носят кусок материи, спускающейся от пояса до колен.

Однажды капитан-генерал спросил властителя и других, по какой причине они не сожгли своих идолов в согласии с дан-

ным им, когда они были обращены в христианство, обещанием, а также почему они приносят в жертву так много мяса. Они ответили ему, что поступают так не ради самих себя, а ради одного больного, который вот уже четыре дня как лишился голоса и которому идолы могли бы вернуть здоровье. Это был брат властителя, самый доблестный и мудрый муж на острове. Капитан предложил им сжечь идолов и довериться Христу; он сказал, что если бы этот больной был крещен, то он выздоровел бы очень скоро; он дает свою голову на отсечение, если это не произойдет именно так, как он говорит. На это властитель ответил, что он так и поступит из истинной веры в Христа. В торжественной процессии мы направились от площади к дому больного. Мы его нашли там в таком состоянии, что ни говорить, ни двигаться он не мог. Мы окрестили его, двух его жен и десять девушек. После этого капитан спросил, как он чувствует себя. Тот сразу же заговорил и сказал, что с Божией благодатью он вполне оправился. Это было чудо самое явное, случившееся в наши дни. Капитан, услышав его речь, вознес горячую благодарность Богу. Он дал больному миндального молока, которое было уже заготовлено по его распоряжению. Потом он послал ему матрац, две простыни, одеяло из желтой материи и подушку. Пока тот выздоравливал, капитан присылал ему миндальное молоко, розовую воду, розовое масло и сладкие варенья. Не прошло и пяти дней, как больной начал ходить. Капитан велел сжечь в присутствии властителя и всего населения идола, которого несколько старух спрятали в доме больного. Он велел также разрушить множество алтарей на берегу, на которых съедалось жертвенное мясо. При этом народ кричал: «Кастилия! Кастилия!» — и сам принимал участие в разрушении этих алтарей. Если Бог продлит им жизнь, они сожгут всех идолов, которых найдут, даже если бы они находились в доме у самого властителя.

Эти идолы сделаны из дерева, они полые внутри, а сзади открыты. Руки у них распростерты, ступни загнуты под телом и широко расставлены. У них широкое лицо и четыре очень крупных зуба, похожие на клыки дикого кабана. Они разрисованы сверху донизу.

На этом острове много селений. Вот их названия, а также имена начальников этих селений: Сингапола, начальники — Силатон, Сигабукан, Симанинга, Симатихат и Сиканбул; Мандауй, начальник — Апаноан; Лалан, начальник — Тетеу; Лалутан, начальник — Тапан; Силумай; Лубукун. Все эти селения изъявили нам покорность, предоставили продовольствие и уплатили дань.

Поблизости от острова Субу находится остров, называемый Мактан, и там и была та гавань, в которой мы бросили якорь. Поселение на нем носит название Мактан, а его начальниками были Зула и Силапулапи. На этом же острове находился и город, который мы сожгли и который назывался Булайя.

Дабы Ваше сиятельство имело представление о церемониях, с которыми у этого народа приносят в жертву свинью (я Вам их опишу). Они начинаются ударами в большие литавры. После этого приносят три больших блюда, на двух — розы и пироги с рисом и просом, завернутые в листья, и жареная рыба; на третьем — кусок камбайской материи и два флажка из пальмовой ткани. Кусок камбайской материи разостлан на земле. Затем приходят две престарелые женщины, у каждой из которых в руке бамбуковая труба. Как только они вступают на матерью, они отвешивают поклон солнцу. После этого они укутываются материей (лежащей на блюде). Одна из них обвязывает голову платком так, чтобы торчали два конца, как рога, другой платок берет в руку и, танцуя и трубя, испускает возгласы, обращаясь к солнцу. Другая с одним из флажков танцует и трубит. Так они танцуют и взывают к солнцу короткое время, произнося какие-то слова, обращенные к солнцу. Та, что с платком, берет потом другой флажок, роняет платок на землю, и обе, продолжая трубить, танцуют вокруг связанной свиньи. Та, что с рогами, говорит шепотом, обращаясь к солнцу, другая отвечает ей. Той, что с рогами, подают бокал вина, и она, танцуя и повторяя какие-то слова, в то время как другая ей отвечает, и делая четыре или пять раз такие движения, будто собирается пить вино, изливает его на сердце свиньи. После этого она снова пускается в пляс. В это время ей подают копьё. Размахивая им и повторяя какие-то слова и все продолжая танцевать и делая четыре или пять раз такие движения, точно собирается пронзить копьём сердце свиньи, она внезапным и резким ударом пронизывает его насквозь. Рану тут же быстро закрывают травами. Та, что убила свинью, берет факел, который горит во время обряда, подносит его ко рту и тушит. Другая, погрузив конец своей трубы в кровь свиньи, обходит присутствующих и касается пальцами, смоченными в крови, прежде всего лба своих мужей, а затем и всех остальных; к нам она не подходила ни разу. После этого они раздеваются и принимаются за пищу на блюдах, приглашая разделить трапезу одних только женщин. Свинью палят на огне. Таким образом, только старые женщины освящают мясо свиньи, и мясо это едят только после того, как свинья убита с соблюдением этого обряда. Когда кто-нибудь из нас сходил на берег,

будь то днем или ночью, каждый туземец приглашал его к себе поесть и выпить. Мясо они не доваривают до конца и сильно солят его. Пьют часто и обильно через тростниковые трубочки, вставленные в кувшины, и за одной из трапез проводят по пять-шесть часов.

Когда кто-нибудь из начальников умирает, они совершают следующий обряд. К дому умершего направляются прежде всего все знатные женщины селения. Покойника помещают в ящике посреди дома. Вокруг ящика протянуты веревки в виде ограды, и к ним прикреплено множество ветвей. На каждой ветке висит кусок хлопчатобумажной ткани, так что образуется нечто вроде балдахина с занавесами. Под этими занавесами усаживаются наиболее именитые женщины, все в белых одеждах из хлопчатобумажной ткани, и около каждой стоит девушка с опахалом из пальмового листа. Другие женщины с печальным видом сидят вокруг комнаты. Одна из женщин начинает медленно срезать ножом у покойника волосы. Другая женщина, его главная жена, ложится на него, прильнув ртом, руками и ногами ко рту, рукам и ногам покойника. В то время как первая срезает волосы, вторая плачет, когда же первая кончает, вторая затягивает песню. В комнате множество фарфоровых сосудов с огнем, в который бросают мирру, росный ладан, отчего по комнате распространяется сильный аромат. Церемония длится пять-шесть дней, и все это время труп остается в доме. По-видимому, труп набальзамирован камфарою. Его хоронят в том же ящике, который прибывают деревянными гвоздями к бревну и бревнами же закрывают.

Ежедневно около полуночи над городом появляется черная-черная птица величиною с ворону, которая начинает кричать, как только приближается к жилищам. Тогда все собаки поднимают лай, и этот крик и лай не прекращаются в течение четырех-пяти часов. Туземцы никак не могли объяснить нам причину этого.

В пятницу 26 апреля Зула, начальник острова Мактан, прислал к капитан-генералу одного из своих сыновей с козами. Он сообщил, что мог бы послать ему все, что было ему ранее обещано, но он не мог этого сделать по той причине, что другой начальник, Силапулапи, отказался подчиниться королю Испании. Он просил капитана снарядить одну шлюпку со своими людьми и отправить их той же ночью, чтобы помочь ему сражаться с этим начальником. Капитан-генерал решил отправиться сам с тремя шлюпками. Мы настойчиво просили его не ездить туда, однако он, как добрый пастырь, отказывался покинуть свое стадо. В полночь шестьдесят человек

в нагрудниках и касках вместе с властителем» христианином, наследником и некоторыми именитыми туземцами двинулись в путь на двадцати или тридцати балангах. Мы добрались до Мактана за три часа до рассвета. Капитан не хотел начинать битву в это время ночи и отправил в качестве посла к туземцам «мавра», поручив ему передать им, что если они будут оказывать повиновение королю Испании и признают христианского государя как своего суверена и уплатят нам дань, то он станет их другом, если же они желают другого, то пускай убедятся в том, какие раны наносят наши копья. Они сказали в ответ, что если у него имеются копья, то копья имеются и у них, хотя и из бамбука, а также колья, закаленные на огне. Они просили нас не начинать наступления теперь, а дожждаться утра, чтобы они могли набрать побольше людей. Эта просьба объяснялась намерением побудить нас направиться на их поиски, они же выкопали меж домов ямы, в которые мы должны были попадать. Как только наступило утро, сорок девять человек наших бросились в воду, которая доходила им до бедер. Пришлось проплыть расстояние свыше двух выстрелов из самострела, прежде чем добраться до берега. Из-за подводных скал лодки не могли подойти к берегу ближе. Когда мы добрались до берега, туземцы числом свыше 1500 человек выстроились в три отряда. Увидев нас, они кинулись на нас с невероятными криками, два отряда обрушились на наши фланги, а один — с фронта. Тогда капитан построил нас в два отряда, и началось сражение. Мушкетеры и лучники стреляли издали около получаса, однако без всякой пользы, так как пули и стрелы пробивали только их щиты, сделанные из тонких деревянных дощечек, и руки. Капитан кричал: «Прекратите стрельбу! Прекратите стрельбу!» — но никто не обращал внимания на его крики. Когда туземцы убедились в том, что наша стрельба не достигает цели, они начали кричать, что будут стойко держаться, и возобновили крик с еще большей силой. Во время нашей стрельбы туземцы не оставались на одном месте, а бегали то туда, то сюда, прикрываясь щитами. Они осыпали нас таким количеством стрел и бросали такое множество копий в сторону капитана (некоторые копья были с железными наконечниками), да еще закаленные на огне колья, да камни и землю, что мы едва были в состоянии защищаться. Видя это, капитан отрядил несколько человек с приказом сжечь их дома, дабы подействовать на них страхом. Вид сжигаемых домов привел их в еще большую ярость. Двое из наших были убиты у домов, мы же сожгли от двадцати до тридцати домов. На нас накинuloсь такое множество туземцев, что им удалось ранить капитана

в ногу отравленной стрелой. Вследствие этого он дал приказ медленно отступать, но наши, за исключением шести или восьми человек, оставшихся при капитане, немедленно обратились в бегство. Туземцы стреляли нам только в ноги, потому что мы не были обуты. И так велико было число копий и камней, которые они метали в нас, что мы не в состоянии были оказывать сопротивление. Пушки с наших судов не могли оказывать нам помощи, так как они находились слишком далеко. Мы продолжали отступать и, находясь на расстоянии выстрела от берега, продолжали сражаться, стоя по колено в воде. Туземцы продолжали преследование, и, поднимая с земли по четыре — шесть раз одно и то же копьё, метали их в нас вновь и вновь. Узнав капитана, на него накинулось такое множество людей, что дважды с его головы сбили каску, но все же он продолжал стойко держаться, как и подобает славному рыцарю, вместе с другими, рядом с ним стоящими. Так мы бились больше часа, отказываясь отступать дальше. Один индеец метнул бамбуковое копьё прямо в лицо капитана, но последний тут же убил его своим копьем, застрявшим в теле индейца. Затем, пытаясь вытащить меч, он обнажил его только до половины, так как был ранен в руку бамбуковым копьем. При виде этого на него накинулись все туземцы. Один из них ранил его в левую ногу большим тесаком, похожим на турецкий палаш, но еще более широким. Капитан упал лицом вниз, и тут же его закидали железными и бамбуковыми копьями и начали наносить удары тесакми до тех пор, пока не погубили наше зеркало, наш свет, нашу отраду и нашего истинного вождя. Он все время оборачивался назад, чтобы посмотреть, успели ли мы все погрузиться на лодки. Полагая, что он умер, мы, раненые, отступили, как только было возможно, к лодкам, которые сразу же двинулись в путь. Властитель-христианин хотел оказать нам помощь, но перед тем, как мы отправились на берег, капитан настоял на том, чтобы он не покидал своей баланги, а оставался на ней и наблюдал, как мы будем сражаться. Узнав, что капитан убит, он залился слезами. Если бы не капитан, то ни один из наших не спасся бы на лодках, так как, пока он бился, другие успели отступить к лодкам. Возлагаю упование на Ваше сиятельство, что слава о столь благородном капитане не изгладится из памяти в наши дни. В числе других добродетелей он отличался такой стойкостью в величайших превратностях, какой никто никогда не обладал. Он переносил голод лучше, чем все другие, безошибочнее, чем кто бы то ни было в мире, умел он разбираться в навигационных картах. И то, что это так и есть на самом деле, очевидно для

всех, ибо никто другой не владел таким даром и такой вдумчивостью при исследовании того, как должно совершать кругосветное плавание, каковое он почти и совершил.

Бой этот происходил в субботу, 27 апреля 1521 г.⁶⁹ Капитан не хотел принять бой в четверг, ибо это был особенно чтимый им день. В этом бою было убито вместе с ним восемь наших людей и четверо индейцев, обращенных в христианство, которые поспешили нам на помощь, но погибли от выстрелов из орудий на наших лодках. Неприятель потерял убитыми пятнадцать человек, а среди наших раненых было много.

Перед вечером властитель-христианин послал с нашего согласия сказать жителям Мактана, что если они отдадут нам тело капитана и других убитых, то мы дадим им столько товара, сколько они пожелают. В ответ они заявили, что мы напрасно воображаем, будто они возвратят нам такого человека, и что они не отдадут его ни за какие сокровища мира, так как они намерены сохранить его у себя как память [о своей победе].

В субботу, в день убийства капитана, четверо наших, оставшихся в городе для торговли, перенесли наши товары на корабли. Мы избрали двух командиров, именно Дуарте Барбозу⁷⁰, португальца, и Жуана Серрана, испанца. Так как наш толмач, по имени Генрих, получил легкую рану, он не сходил больше на берег и не помогал нам больше в наших делах, лежа все время в постели. Ввиду этого Дуарте Барбоза, командир флагманского корабля, обратился к нему с упреками, говоря, что, хотя хозяин его, капитан, и умер — это еще не означает, что он свободен: напротив, он [Барбоза] позаботится о том, что, как только мы вернемся в Испанию, он останется рабом доньи Беатриж, супруги капитан-генерала⁷¹. Он угрожал рабу, что, если тот не сойдет на берег, он прикажет высечь его, а тот поднялся, делая вид, что не обращает внимания на эти угрозы, направился на берег и там сообщил властителю-христианину, что, мы вскоре собираемся отплыть и что если тот последует его совету, то он заполучит корабли и все наши товары. Они обдумали измену совместно, и раб вернулся на борт, где показал большую покорность и расторопность, чем раньше.

В понедельник, 1 мая, утром властитель-христианин послал сообщить командирам, что обещанные им для короля Испании драгоценности уже готовы и что он приглашает их приехать к нему утром этого дня на ужин вместе с сотоварищами, когда им и будут переданы эти драгоценности. На берег сошло двадцать четыре человека, в том числе и наш звездочет Сан-Мартин де Севилья. Я лишен был возможности поехать вместе

с ними, так как весь распух от раны, причиненной мне отравленной стрелой, пущенной в лицо. Жуан Каваджо и альгуасил вернулись и рассказали нам, что видели того человека, который излечился чудом; он увел к себе в дом священника. По этой причине они заподозрили недоброе и покинули это место. Едва они сообщили нам это, как послышались громкие крики и вопли. Немедленно подняли мы якоря и, стреляя из многих пушек по домам, подошли ближе к берегу. Стреляя таким образом, мы увидели Жуана Серрана в одной рубашке и раненого, который кричал нам, чтобы мы больше не стреляли, так как туземцы убьют его. Мы спросили, убиты ли все другие и толмач вместе с ними. Он ответил, что убиты все, кроме толмача. Он настоятельно просил нас выкупить его за какие-нибудь товары, но Жуан Каваджо, его благодетельный товарищ, запретил шлюпке подойти к берегу — и поступил он так с целью, чтобы они одни остались хозяевами на кораблях. И несмотря на то что Жуан Серран, плача, молил его не поднимать так быстро паруса, так как они убьют его, и заявлял, что он молит Бога потребовать от него возмездия за свою душу в день Страшного Суда, мы тут же отбыли. Я не знаю, убит ли он или остался в живых⁷².

На этом острове водятся собаки, кошки, растут рис, просо, птичье просо, сорго, имбирь, фиги [бананы], апельсины, лимоны, сахарный тростник, чеснок, имеется мед, кокосовые орехи, тыква, имеется мясо разного рода, пальмовое вино и золото. Это большой остров, тут хороший порт с двумя входами, один на запад, другой лежит между востоком и северо-востоком. Он лежит на 10-м градусе широты в направлении к Северному полюсу и на 164-м градусе долготы от демаркационной линии. Он называется Себу. Мы здесь имели сведения о Молукке еще до смерти капитан-генерала. Туземцы играют на скрипке с медными струнами.

Посреди этого архипелага, на расстоянии 18 лиг от острова Себу у оконечности другого острова, именуемого Бохолом, мы сожгли корабль «Концепсьон», ибо слишком мало из нас осталось⁷³. Мы перенесли самые лучшие запасы, находившиеся на нем, на другие два корабля, после чего взяли курс на юго-юго-запад и прошли берегом острова, называемого Панилонгом⁷⁴, где люди черного цвета, как в Эфиопии.

Затем мы подошли к большому острову [Минданао], властитель коего, дабы войти в дружбу с нами, источил кровь из левой руки и помазал ею тело, лицо и кончик языка, что является знаком теснейшей дружбы: то же самое проделали и мы. Я сошел на берег один с властителем осмотреть этот

остров. Как только мы вошли в реку, множество рыбаков предложило властителю рыбу. Тогда властитель снял покровы со своей срамной части, то же сделали и его вельможи и с пением начали грести, направляясь мимо многих домов, которые находились на реке. В два часа ночи мы добрались до жилища властителя. Расстояние от устья реки, стоянки наших судов, было две лиги. Когда мы вступили в дом, нас встретили с большим числом факелов из тростника и пальмовых листьев. До того, как подали ужин, властитель с двумя своими вельможами и двумя красивыми женами осушил большой сосуд вина, ничем не закусив. Я же отказался от вина, заявив, что уже ужинал и пью только один раз. Выпивая, они соблюдали те же обряды, что и властитель острова Масава. Принесли ужин, который состоял из риса и очень соленой рыбы, в фарфоровых тарелках. Они ели рис, точно это был хлеб. Они пекут его следующим образом. Прежде всего кладут в подобный нашим глиняный кувшин большой лист так, чтобы он покрывал всю внутренность сосуда. Затем туда насыпают рис, наливают воду и, закрыв сосуд, дают ему кипеть до тех пор, пока рис не станет таким же твердым, как хлеб, после чего его вынимают оттуда кусками. Во всех этих краях рис варят таким же способом.

После того как мы отужинали, властитель приказал принести тростниковую циновку и другую из пальмовых листьев и подушку из листьев, дабы я мог спать на них. Властитель отправился почивать с двумя женами в особую комнату, а я лег вместе с одним из его вельмож.

На следующее утро, пока готовили завтрак, я отправился бродить по острову. В домах я видел много предметов из золота, но мало пищи. Мы позавтракали рисом и рыбой, и по окончании обеда я знаками спросил властителя, могу ли я видеть его жену. Он ответил, что охотно сделает это, и мы направились вместе с ним к высокому холму, на вершине которого находилось ее жилище. Войдя в дом, я поклонился ей, и она ответила тем же, после чего я сел рядом с ней. Она была занята плетением циновки из пальмовых листьев для постели. В доме висело большое число фарфоровых сосудов и четыре металлических литавра; один из них был размерами больше другого рядом с ним, остальные — поменьше; жена властителя играла на них. Множество рабов мужского и женского пола служили ей. Этот дом построен так же, как и упоминавшиеся мною.

Попрощавшись с нею, мы вернулись к властителю в дом, где он тотчас же угостил нас напитками из сахарного тростника.

Больше всего на этом острове золота. Они показывали широкие долины и знаками объяснили мне, что там такое обилие золота, сколько волос на их головах, но у них нет железа для того, чтобы выкапывать это золото, да им и мало дела до этого. Эта часть острова принадлежит к той же стране, как и Бутуан и Калаган, и расположена она в направлении к Бохолю, прилегая к Масаве. Так как мы еще вернемся к этому острову, я больше теперь распространяться о нем не буду.

Так как прошло уже полдня, я решил вернуться на корабли. Властитель и прочие начальники пожелали проводить меня, и мы вернулись в той же баланге. Возвращаясь рекою, я заметил с правой стороны на вершине холма висящих на дереве трех человек; ветки на дереве были срезаны. Я спросил властителя, что это означает, и он ответил мне, что это злоумышленники и грабители.

Здесь люди ходят нагишом, как и в других упомянутых мною местах. Имя властителя раджа Каланао.

Гавань тут превосходная. Здесь можно найти рис, имбирь, свиней, коз, кур и многое другое. Гавань лежит на 8° широты в направлении к Северному полюсу и на 167° долготы от демаркационной линии. Он отстоит от Себу на расстоянии 50 лиг и называется Кипит⁷⁵. В двух днях перехода отсюда к северо-западу находится большой остров Лосон⁷⁶, куда ежегодно приходят шесть или восемь джонок, принадлежащих жителям Леки⁷⁷.

Отплыв отсюда и взяв курс на запад-юго-запад, мы бросили якорь около острова не очень больших размеров и почти необитаемого. Народ, населяющий этот остров, — «мавры», загнанные сюда с острова Бурне. Они ходят нагишом, как и все другие. Они вооружены луками и колчанами, полными стрел и ядовитых трав. У них кинжалы с рукоятками, украшенными золотом и драгоценными камнями, копыя, панцири, палицы и небольшие щиты из рогов буйвола. Они называли нас святыми существами. На этом острове мало предметов питания, зато тут встречаются громадные деревья. Он лежит на $7\frac{1}{2}^\circ$ по направлению к Северному полюсу и на расстоянии 43 лиг от Кипита. Он носит название Кагайян⁷⁸.

На расстоянии 25 лиг к западу-северо-западу от этого острова мы нашли большой остров, на котором имеется рис, имбирь, свиньи, козы, куры, финики, длиною в локоть и толщиной в руку [бананы], они превосходны; некоторые другие — в длину больше ладони и еще вкуснее, чем остальные; кокосовые орехи, пататы, сахарный тростник и корнеплоды, вкусом

похожие на репу. Здесь варят рис на огне в бамбуковых или деревянных сосудах: так он сохраняется лучше, чем рис, сваренный в глиняных горшках. Мы назвали эту страну обетованной землей, ибо до того, как нашли ее, мы голодали очень сильно. Нередко бывало, что мы готовы были покинуть корабли и сойти на берег, чтобы не умереть от голода.

Властитель заключил с нами дружбу, сделавши одним из наших ножей небольшой надрез на груди и смазав кровью кончик языка и лоб в знак подлинного мира, и мы поступили точно так же. Этот остров лежит на $9\frac{1}{3}^{\circ}$ широты в направлении Северного полюса и на $171\frac{1}{3}^{\circ}$ долготы от демаркационной линии. Называется он Пулаоан⁷⁹.

Обитатели Пулаоана ходят нагишом, как и все прочие. Почти все они занимаются обработкой земли. Они имеют луки с толстыми деревянными стрелами, длиною больше локтя, с заостренными концами из рыбьих костей, отравленными соком травы; другие снабжены бамбуковыми остриями и также отравлены. Вместо перьев на конце стрел прикреплен кусочек железа, похожий на головку дротика; когда стрелы у них кончаются, они сражаются при помощи лука. У них в большой цене медные кольца и цепи, колокольчики, ножи, но выше всего они ценят медную проволоку для связывания своих рыболовных крючков.

У них имеются больших размеров домашние петухи, которых они не употребляют в пищу вследствие того, что они некоторым образом почитают их. Иногда они заставляют их биться друг с другом и при этом ставят определенную сумму на того или иного петуха, и выигрыш получает владелец победившего петуха. Они гонят вино из риса, и оно крепче и вкуснее, чем пальмовое.

На расстоянии десяти лиг к юго-западу от этого острова мы пришли к острову, который, по мере того как мы плыли вдоль его берегов, поднимался, казалось, вверх. После того как мы вступили в гавань, в кромешном мраке загорелись огни св. Эльма. От гавани до края этого острова расстояние в пятьдесят лиг. На следующий день, 9 июля, властитель этого острова прислал к нам очень красивую пирогу, нос и корма которой были украшены золотом. На носу поднимался бело-голубой флаг с павлиньими перьями. Некоторые на пироге играли на музыкальных инструментах и барабанах. Пирогу сопровождали два альмади⁸⁰. Пирог имеет вид фусты [галеры], альмади же представляют собой небольшие рыбацьи челны. Восемь старейшин-вождей взошли на суда и уселись на ковре на корме. Они преподнесли нам в дар раскрашенный деревянный

кувшин, наполненный бетелем (плод, который они жуют постоянно), араком и жасминовыми и апельсиновыми цветами, покров из желтого шелка, две клетки с птицами, двух коз, три кувшина с рисовой водкой и несколько связок сахарного тростника. Те же дары они оставили и на другом корабле и, обняв нас, расстались. Рисовая водка прозрачна, как вода, но такая крепкая, что многие из нас опьянели. Она называется араком.

Спустя шесть дней властитель вновь прислал пышно украшенные три пироги, которые окружили наши суда под звуки музыки и бой барабанов и литавр. Они приветствовали нас своеобразными полотняными шапочками, покрывающими только макушку. Мы отвечали им салютом из бомбард, не заряженных камнями. Тогда они преподнесли нам в дар разнообразную пищу, изготовленную из одного только риса. Некоторые блюда были завернуты в листья и представляли собой продолговатые кусочки, некоторые были похожи на головы сахара, другие имели форму пирогов с яйцами и медом.

Они сообщили, что их властитель охотно разрешает нам добывать здесь продовольствие, запастись водой и вести торговлю сколько нам будет угодно. Услыхав это, семеро наших спустились в пирогу, везя с собою подарок их властителю, состоявший из платья зеленого бархата, сшитого на турецкий манер, кресла, обитого фиолетовым бархатом, пяти локтей красного сукна, головного убора, позолоченной чашки для питья, стеклянного сосуда с крышкой, трех тетрадей писчей бумаги и позолоченного письменного прибора. Для жены властителя мы захватили с собою три локтя желтого сукна, пару посеребренных башмаков и серебряный игольник, полный иглол. Мы взяли с собою три локтя красного сукна, головной убор и позолоченную чашку для питья для правителя. Глашатаю, прибывшему к нам на пироге, мы подарили платье из красного с зеленым шелка, сшитого на турецкий манер, головной убор и тетрадь писчей бумаги, и так мы дали всем семерым старейшинам — одному кусок сукна, другому головной убор, и каждому из них тетрадь писчей бумаги. После этого мы немедленно отправились на остров.

Прибыв в город, мы оставались в пироге два часа, пока не появились два слона, покрытые шелковыми попонами, и двенадцать человек, каждый из которых держал фарфоровый кувшин, закрытый шелком, в которых они должны были унести наши подарки. Тогда мы сели на слонов, и впереди нас пошли эти двенадцать человек с подарками в сосудах. Так мы доехали до дома правителя, где нас накормили ужином из многих

и разнообразных блюд. Ночью мы спали на хлопковых матрацах, подбитых шелком, а простыни были из камбайского полотна. Половину следующего дня мы пробыли в доме правителя, после чего направились на слонах к дворцу властителя, предшественные, как и прошлый день, людьми с подарками. Все улицы от дома правителя до жилища властителя были полны людей, вооруженных мечами, копьями и щитами, ибо таков был приказ властителя. Мы въехали в дворцовый двор на слонах. Мы поднялись по лестнице в сопровождении правителя и других старейшин и вступили в большой зал, наполненный знатью, сели на ковер, а сосуды с подарками были поставлены поблизости от нас.

В конце этого зала был другой зал, несколько меньше, но выше. Он был украшен шелковыми драпировками; два окна, через которые свет проникал в этот зал, были закрыты двумя расшитыми занавесами. Там находилось 300 телохранителей с обнаженными кинжалами у бедер. В конце малого зала большое окно, расшитый занавес затем был отдернут, чтобы мы имели возможность лицезреть властителя, восседающего за столом с одним из своих юных сыновей, жуя бетель. Сзади него стояли одни только женщины.

Один из старейшин предупредил нас, что нам нельзя прямо заговорить с властителем и что, если нам что-либо нужно, мы должны сказать об этом ему, а он, в свою очередь, передаст это — особе более высокого положения. Последний сообщит это брату правителя, находящемуся в малом зале, а этот последний передаст это при помощи разговорной трубы через отверстие в стене одному из лиц, находящихся в зале вместе с властителем. Он же научил нас, как сделать три поклона властителю при помощи рук, сложенных над головой, подняв раньше одну ногу, а затем и другую и целуя руки, протянутые к нему. Так мы и сделали, ибо такова тут форма царского поклона.

Мы сообщили властителю, что прибыли от короля Испании, что последнему угодно заключить с ним мир и он просит лишь разрешения на торговлю. Властитель ответил, что, раз король Испании желает быть его другом, он с большой охотой станет его другом также и что он разрешает нам брать здесь продовольствие и воду и вести торговлю как нам будет угодно. Мы тогда вручили ему подарки, и при получении каждого из них он слегка кивал головой. Каждому из нас дали парчовое с золотом и шелком платье, брошенное на наше левое плечо, где оно оставалось только короткий миг. Все находившиеся во дворце были наряжены в золототканое платье из шелка, кото-

рое покрывало их срамные части, у них были кинжалы, рукоятки коих отделаны золотом и драгоценными камнями, на пальцах у них много перстней. Мы возвратились в дом правителя на слонах, предшествуемые семерыми, несшими подарки властителя. Когда мы дошли до дома правителя, они роздали каждому из нас его подарок, кладя его на левое плечо. В благодарность за хлопоты мы дали каждому из них по паре ножей. К дому правителя явилось девять человек с таким же числом больших деревянных блюд, присланных властителем. На каждом блюде помещалось от 10 до 12 фарфоровых мисок с телятиной, каплунами, цыплятами, павлинами и мясом других животных, а также рыбой. Мы отужинали, сидя на пальмовой циновке на земле, тридцатью или тридцатью пятью различными блюдами из мяса, помимо рыбы и другой пищи. Каждый кусок пищи мы запивали их водкой из фарфоровой чашки величиной с яйцо. Рис и прочие сладкие блюда мы ели золотыми ложками, похожими на наши. В наших спальнях, в которых мы провели эти две ночи, постоянно горели свечи из белого воска в серебряных канделябрах и две большие лампы, наполненные маслом, с четырьмя фитилями, причем два человека все время снимали с них нагар. Мы вернулись к берегу моря на тех же слонах, и две пироги отвезли нас на суда.

Весь город построен на море, за исключением домов властителя и некоторых главных начальников. Он состоит из двадцати пяти тысяч очагов⁸¹. Дома построены из дерева и возвышаются на сваях. Во время прилива женщины в лодках ездят по городу и продают все необходимое для поддержания жизни. Перед домом властителя выстроена большая кирпичная стена с башнями вроде крепости, и на ней размещены пятьдесят шесть бронзовых бомбард и шесть чугунных. Во время двухдневного нашего пребывания там несколько раз стреляли из многих пушек.

Властитель этих мест — «мавр», и имя его раджа Сирипада. Ему было сорок лет от роду, он стар и тучен. Ему служили только женщины, дочери главных начальников. Он никогда не покидает дворец, за исключением тех случаев, когда отправляется на охоту, и никому не позволено разговаривать с ним иначе, чем через разговорную трубу. У него десять писцов, именуемых «хиритолями»⁸², которые описывают его деяния на очень тонкой древесной коре.

Утром в понедельник, 29 июля, мы увидели свыше ста пирог, разделенных на три эскадры, и столько же тунгули [небольшие лодки], направляющиеся к нашим судам. Решив, что тут замышляется какая-то хитрость, мы с невозможной

поспешностью подняли паруса, впопыхах оставив один из якорей. Мы были охвачены подозрением тем более, что могли очутиться между джонками, которые накануне бросили якорь вблизи наших судов. Мы немедленно выступили против них, захватили четыре джонки и перебили немало людей. Три или четыре джонки успели добраться до берега. В одной из захваченных нами джонок находился сын властителя острова Лосон. Он был капитаном-генералом властителя Бурне [Борнео] и вернулся на этих джонках из большого города, называемого Лаоэ и расположенного на окраине этого острова, обращенной к Большой Яве. Он предал этот город разрушению и разграблению по той причине, что тот отказал в повиновении властителю [Бурне], а поддался под руку властителя Малой Явы. Наш кормчий Джованни [Жуан] Каваджо самовольно отпустил на свободу капитана и джонки за определенную сумму золота, как это выяснилось впоследствии. Не отпусти его наш кормчий, мы могли бы получить в виде выкупа за него у властителя все, чего бы мы ни потребовали, так как этого капитана сильно боялись во всех этих краях, и особенно «язычники», которые весьма враждебно относятся к властителю-«мавру».

В этой же гавани находится и другой город с «языческим» населением; он размерами больше, чем город, населенный «маврами», и точно так же построен на море. По этой причине между жителями обоих городов происходят в гавани ежедневные стычки. Властитель «язычников» столь же могуществен, как и властитель «мавров», но не столь тщеславен, как тот, и его легко было бы обратить в христианство. Когда до слуха властителя «мавров» дошло известие о том, как мы поступили с джонками, он дал нам знать через одного из наших людей, оставшихся на берегу, что джонки вовсе не собирались причинить нам вред, а шли в поход против язычников. В доказательство этих слов «мавры» показали ему несколько голов убитых, которые, по их заявлению, принадлежали «язычникам». Мы велели передать властителю просьбу сообразоваться и отпустить к нам двух из наших людей, остававшихся в городе на предмет торговли, а также сына Жуана Каваджо, родившегося в Верзине [Бразилии], но он отказал нам в этом. Таковы были последствия того, что Жуан Каваджо отпустил на свободу капитана. Мы задержали шестнадцать знатнейших людей [захваченных на джонках], чтобы отвезти их в Испанию, а также трех женщин для королевы, но Жуан Каваджо забрал их себе.

Джонки — это их корабли, и строятся они следующим образом. Подводная часть выше воды на два локтя и сделана из досок, скрепленных деревянными гвоздями, довольно хорошо

сделанными; верхняя часть сделана из очень толстого тростника. Для противовеса служит бамбук. Грузоподъемность такой джонки такая же, как и у нашего корабля. Мачты сделаны из бамбукового дерева, а паруса из древесной коры.

Их фарфор — это нечто вроде очень белой земли, которая должна пролежать пятьдесят лет под землей прежде, чем ее употребляют, иначе она не будет такой тонкой. Отец закапывает ее в землю ради своего сына. Если положить отраву в сосуд из тонкого фарфора, то он немедленно трескается.

Деньги в этих краях у «мавров» бронзовые, по середине просверленные, чтобы можно было их нанизывать. Буквы выбиты на одной только стороне — их четыре, и они означают титулы великого китайского императора. Мы называем эту монету «пичи»⁸³. Нам отдавали шесть фарфоровых блюд за один ртутный «катил»⁸⁴, что равно двум нашим фунтам; за тетрадь писчей бумаги мы получали сто «пичи»; небольшой фарфоровый сосуд мы покупали за 60 бронзовых «катилов»; фарфоровую вазу нам отдавали в обмен на три ножа; один «бахар», который равняется 203 «катилам» воска, — за 160 бронзовых «катилов»; один «бахар» соли — за 80 бронзовых «катилов»; один «бахар» «аниме»⁸⁵ для конопачения наших судов (смолу невозможно найти в этих краях) — за 40 бронзовых «катилов» 20, «тагилей» составляют один «катил».

В этих краях высоко ценят бронзу, ртуть, киноварь, шерстяную материю, полотно и многие другие наши изделия, но превыше всего чугуны и очки. Эти «мавры» ходят нагишом, как и другие племена. Они пьют ртуть — большие для того, чтобы исцелиться, здоровые — ради сохранения здоровья.

Властитель Бурне владеет двумя жемчужинами величиною с куриное яйцо. Они настолько округлы, что не могут стоять неподвижно на столе. Я знаю, что это так, потому что, когда мы подносили ему дары, мы знаками попросили его показать их нам, и он ответил, что покажет их нам на следующий день. Некоторые старейшины говорили нам потом, что видели эти жемчужины собственными глазами.

Эти «мавры» поклоняются Мухаммеду. Согласно его уставу, им запрещено потреблять свинину; если они моют свои ягодицы левой рукой, то нельзя этой же рукой дотрагиваться до пищи; им запрещено что-либо резать правой рукой, убивать птиц или коз не иначе, как предварительно обратившись к солнцу; они обязаны при этом отрезать концы крыльев и свисающие вниз куски кожи, а также ножки птиц, а затем разрубать их надвое. Лицо должно мыть правой рукой, нельзя

чистить зубы пальцами. Нельзя есть мясо животного, если оно не убито ими самими⁸⁶.

На этом острове производят камфару, род бальзама. Он просачивается между стволом дерева и корой, и капли эти столь же малы, как и частицы высевок. Если оставить ее на воздухе, то она превращается в ничто [испаряется]. Тут ее называют «капор»⁸⁷. Здесь можно найти корицу, имбирь, сливы, апельсины, лимоны, «нангка», арбузы, огурцы, тыкву, репу, капусту, фиги, коров, буйволов, свиней, коз, кур, гусей, оленей, слонов, лошадей и многое другое. Остров так велик, что для объезда его на пироге требуется не менее трех месяцев. Он лежит на $5\frac{1}{4}^{\circ}$ широты по направлению к Северному полюсу и на $176\frac{2}{3}^{\circ}$ долготы от демаркационной линии. Остров этот называется Бурне [Борнео].

Покинув этот остров, мы вернулись назад в поисках удобного места для конопачения кораблей, которые начали давать течь. Один из кораблей наскочил из-за небрежности своего кормчего на мель у острова Бибалона, но с Божией помощью мы снялись с мели. Один из моряков на этом корабле сбросил нагар со свечи в бочку с порохом, но успел тотчас же вынуть его оттуда без всякого вреда для корабля. По пути следования мы захватили пирогу, груженную кокосовыми орехами и направлявшуюся в Борнео. Экипаж лодки пытался было бежать на островок, но мы овладели пирогой. Три другие пироги скрылись за другими островками.

У оконечности Борнео, именно между этим островом и островом, именуемым Симбонбон⁸⁸, расположенным на 8 градусах и 7 минутах широты, мы нашли превосходную гавань, пригодную для починки наших судов. Мы вступили в гавань, но, так как не хватало многих предметов, нужных для ремонта, мы простояли там 42 дня. В продолжение всего этого времени каждый из нас работал очень усиленно: один делал одно, другой — другое. Самая большая трудность состояла в необходимости ходить босиком в лес за древесным материалом. На этом острове водятся дикие кабаны. Мы убили одного, который переходил вброд от одного островка к другому, охотясь за ним на лодке. Его голова имела $2\frac{1}{2}$ локтя в длину, зубы его очень большие. Там водятся большие крокодилы — как на суше, так и в воде, устрицы, крабы разного рода. В числе пойманных нами двух крабов один был такой большой, что мясо его весило 26 фунтов, мясо другого — 44 фунта. Мы поймали рыбу с головой, похожей на голову свиньи, и двумя рогами. Тело ее состоит из одной только кости, на спине же у нее нечто вроде седла; она мала размерами.

Мы нашли также деревья, листья которых, опадая, оживают и даже двигаются. Они похожи на листья шелковицы, но не такой длины. По обеим сторонам короткого и заостренного черешка у них две ножки⁸⁹. Крови у них нет, но стоит лишь дотронуться до них, как они тотчас же ускользают. Один из них я хранил девять дней в коробке. Когда же я ее открывал, то лист двигался внутри коробки. Я полагаю, что эти листья живут одним только воздухом.

Оставив за собою этот остров, т. е. гавань⁹⁰, мы наткнулись по пути у оконечности острова Пулаоана на джонку, шедшую из Борнео. На ней находился правитель Пулаоана. Мы сделали ей знак переменить направление, но, так как они отказались подчиниться нашему приказу, мы захватили силой пирогу, а также все, что на ней было. Правителю же мы заявили, что если он желает, чтобы мы его отпустили на свободу, то он должен доставить нам в течение недели 400 мер риса, 20 свиней, 20 коз и 150 кур. Предоставив нам все это, он преподнес нам в дар кокосовые орехи, фиги [бананы], сахарный тростник, кувшины с пальмовым вином и много других предметов. Во внимание к его великодушию мы вернули ему некоторое число кинжалов и аркебузов, дав ему сверх того флаг, платье из желтого дамасского сукна и 115 локтей материи. Брату правителя мы дали платье из зеленого сукна и другие вещи. После этого мы расстались друзьями.

Мы направились обратно между островом Кагайян и гаванью Кипит, держа курс на восток и юг в целях отыскания Молуккских островов. Мы прошли мимо некоторых небольших возвышений (рифов), поблизости от которых обнаружили море, покрытое травой, хотя глубина здесь была очень большая. Нам казалось при этом, что мы вступаем в другое море.

Оставив Кипит с восточной стороны, мы обнаружили в западном направлении два острова — Соло и Тагиму⁹¹, в окрестностях которых имеется жемчуг. Тут-то и были найдены две жемчужины, принадлежавшие властителю Борнео, и он раздобыл их, согласно рассказам, следующим образом: он взял в жены дочь властителя Соло, и она сообщила ему, что эти две жемчужины находятся во владении ее отца. Властитель [Борнео] решил овладеть ими во что бы то ни стало. Ночью он отправился с 500 пирогами к этим островам, захватил в плен властителя и двух его сыновей и отвез их на Борнео. Властителю Соло он предложил дать свободу в обмен на две жемчужины.

Оттуда мы направились по курсу между востоком и севером и прошли мимо двух селений, Кавит и Субанин, а также мимо

населенного острова Монорипа⁹², расположенного в 10 лигах от рифов. Население этого острова живет на лодках и иных жилищ не имеет. В этих двух поселениях, Кавите и Субанине, расположенных на островах Бутуан и Калаган, произрастает самая лучшая корица. Задержись мы тут дня два, жители нагрузили бы наши корабли корицей, но мы не хотели откладывать отъезда, намереваясь воспользоваться благоприятным ветром для того, чтобы обойти мыс острова и некоторые лежащие неподалеку от него островки. Во время плавания нам удалось обменять два больших ножа, взятых нами у правителя Пулаоана, на 17 фунтов корицы.

Коричное дерево достигает высоты 3—4 локтей, толщиной оно с палец. У него не больше трех-четырех небольших веток, а листья его похожи на лавровые. Корицей является его кора, которую сдирают два раза в год. И древесина и листья такого же крепкого запаха, как и кора, когда они еще зеленые. Здесь его называют «каю мана»: «каю» — дерево и «мана» — сладкое, отсюда «сладкое дерево».

По пути на северо-восток, направляясь к большому городу Майнгданао [Минданао], расположенному на острове, где находятся Бутуан и Калаган, чтобы добыть сведения о Молуккских островах, мы захватили бигнидай, судно, похожее на пирогу⁹³, и перебили на ней семь человек. Всего на ней находилось 18 человек — такого же крепкого сложения, как и все те, что встречались нам в этих краях. Это были начальники из Майнгданао, и в их числе один, оказавшийся братом властителя Майнгданао, который сказал нам, что знает местоположение Молуккских островов. В соответствии с его указаниями мы прервали наш курс на северо-восток и направились на юго-восток. На мысу острова, где расположены Бутуан и Калаган, вблизи реки, живут косматые люди, отменные воины и лучники. Они пользуются мечами длиной в один локоть и питаются только человеческими сердцами в сыром виде вместе с апельсиновым или лимонным соком. Эти косматые люди носят название «бенаянов».

В это время мы находились на широте 6 градусов и 7 минут в направлении Северного полюса и в 30 милях от Кавита.

По пути на юго-восток мы обнаружили четыре острова: Сибоко, Бирахам-Батолак⁹⁴, Сарангани и Кандигар⁹⁵. В субботу, 26 октября, в ночную пору, когда мы направлялись вдоль берегов Бирахам-Батолак, на нас налетел сильнейший шторм. С обращенными к Богу молитвами мы спустили все паруса, и тотчас же на трех мачтах появились тела святых [огни св. Эльма], которые рассеяли мрак. Св. Эльм держался на грот-

мачте свыше двух часов, пылая, точно факел, св. Николай — на верхушке бизань-мачты, а св. Клара — на фок-мачте. Мы обещали святым Эльму, Николаю и Кларе по невольнику и роздали милостыню.

Продолжая наше плавание, мы вошли в гавань, что находится между островами Сарангани и Кандигар, и бросили якорь в восточной части поблизости от селения Сарангани, где находят золото и жемчуг. Местное население состоит из «язычников»; они ходят нагишом, как и все прочие [в этих краях]. Гавань расположена на широте 5 градусов и 9 минут и на расстоянии 50 лиг от Кавита.

Во время однодневной стоянки в этой гавани мы силой захватили двух лоцманов и велели им показать нам дорогу к Молуккским островам. Затем, направившись на юго-юго-запад, мы прошли мимо восьми островов, из которых часть заселена, а часть необитаема; они расположены в виде улицы. Их названия: Кеава, Кабяо, Каманука, Кабалусао, Кеаи, Липан и Нуса⁹⁶. Миновав их, мы подошли к острову, прекрасному на вид. Так как дул встречный ветер, мы были лишены возможности обогнуть его, и нам оставалось лишь лавировать поблизости от него. Воспользовавшись этим, один из тех, кого мы захватили в Сарангани, а также брат властителя Майнгда-нао вместе со своим малолетним сыном сбежали ночью с корабля и вплавь добрались до острова; при этом ребенок утонул, не имея сил удержаться на спине своего отца. Не будучи в состоянии обогнуть остров, мы спустились южнее, где обнаружили множество маленьких островков. На этом острове правят четыре властителя-раджи: Магандату, Лалага, Бапти и Парабу. Население состоит из «язычников». Остров лежит на $3\frac{1}{2}^{\circ}$ широты к Северному полюсу и на расстоянии 27 лиг от Сарангани. Он называется Сангир.

Идя по тому же курсу, мы прошли мимо шести островов: Кеама, Каракита, Пара, Сангалура, Сиау — последний на расстоянии 10 лиг от Сангира, на нем находится высокая, но небольших размеров гора, правит на нем раджа Понто — и Пагинсара⁹⁷. Этот остров отстоит на 8 лиг от Сиау; на нем находятся три большие возвышенности. Имя его властителя раджа Бабинтан. Затем мы нашли остров Талаут, а на расстоянии 12 лиг к востоку от Пагинсары два острова небольших размеров, однако населенные, называемые Соар и Меау. Оставив за собой эти два острова, мы обнаружили в среду, 6 ноября, четыре высоких острова в 14 лигах к востоку от двух вышеупомянутых. Находившийся среди нас лоцман сказал, что эти четыре острова и есть Молуккские острова. Услышав

это, мы возблагодарили Бога и в знак радости дали залп из нашей артиллерии. Наша радость не должна казаться необыкновенной — ведь мы провели 27 месяцев без двух дней в поисках этих Молуккских островов. В месте расположения всех этих островов и вплоть до Молуккских в самом мелком месте глубина была от одного до двухсот локтей, вопреки утверждениям португальцев, что эти места не судоходны по причине множества мелей и темного неба, как они представляли себе⁹⁸.

В пятницу, 8 ноября 1521 года, за три часа до заката, мы вошли в гавань на острове Тадор [Тидоре] и, бросив якорь на глубину 20 локтей вблизи берега, дали артиллерийский залп. На следующий день к нашим судам подъехал на пироге властитель и сделал один круг. Мы немедленно вышли ему навстречу на маленькой лодке, дабы оказать ему почести. Он предложил нам перейти к нему на пирогу и сесть рядом с ним. Сам он сидел под шелковым зонтом, закрывавшим его со всех сторон. Впереди него находился один из его сыновей с царским скипетром, двое с двумя золотыми сосудами для омовения рук властителя и двое других с двумя ларцами с бетелем. Властитель заявил, что рад нашему приходу и что некоторое время назад ему привиделось во сне, что в Молукку предстоит прибытие судов из отдаленных краев. Для пушей уверенности он решил погадать по луне, благодаря чему узнал, что суда находятся в пути и что мы уже прибыли. Когда властитель ступил на наш корабль, все облобызали ему руку, после чего его повели на корму. Чтобы войти внутрь шканцев, он перебрался туда через верхнее отверстие, не желая нагибаться. Усадив его в обитое красным бархатом кресло, мы набросили на него платье из желтого бархата, сшитое на турецкий манер. Чтобы оказать ему пушую честь, все мы уселись около него на полу. Тогда властитель заговорил и сказал, что он и его народ всегда были исполнены желания стать самыми преданными друзьями и вассалами нашего испанского короля. Он готов принять нас как своих детей, и мы можем сойти на берег и чувствовать себя там, как у себя дома, и что с этого дня этот остров будет именоваться не Тадором, а Кастилией, в силу большой любви, которую он испытывает к нашему королю, своему суверену. Мы преподнесли ему в дар платье, кресло, кусок тонкого полотна, 4 локтя пурпуровой материи, кусок парчового шелка, кусок желтой дамасской ткани, разную индийскую ткань, шитую золотом и шелком, кусок берании (белое камбайское полотно), два головных убора, шесть ниток стеклянных бус, 12 ножей, три больших зеркала, шесть пар ножниц, шесть

ребенок, несколько позолоченных чашек и другие предметы. Сыну его мы подарили индийскую одежду из золототканой шелковой материи, большое зеркало, головной убор и два ножа, каждому из девяти присутствовавших при этом начальников по шелковому платью, головному убору и по два ножа; всем прочим — головные уборы и ножи. Мы продолжали раздавать подарки, пока властитель не предложил нам прекратить раздачу, после чего он объявил, что, кроме жизни, у него нет больше ничего, что он мог бы послать королю, своему суверену. Он предложил нам подойти ближе к городу и заявил, что, если кто-нибудь осмелится ночью приблизиться к кораблям, мы вправе стрелять в него из своих ружей. Покидая корму, властитель ни разу не наклонил головы. Когда он покинул нас, мы дали залп из всех мушкетов.

Этот властитель — «мавр», и ему около 45 лет от роду. Он хорошо сложен, и у него царственный вид. Он — превосходный звездочет. Во время посещения на нем была рубаха из чрезвычайно тонкой белой материи с рукавами, по краям расшитыми золотом, и покров от пояса до ступней. Он был на босу ногу, вокруг головы повязан шелковый шарф, а на голове гирлянда цветов. Его имя раджа Султан Мансор.

В воскресенье, 10 ноября, этот властитель пожелал узнать, сколько времени назад мы покинули Испанию и какое каждому из нас положено жалованье и кинталада⁹⁹. Он попросил нас дать ему королевскую печать и королевский стяг, ибо и ныне и впредь он подчиняет этот остров, а также и другой остров, Таренат [Тернате], где он намеревался посадить на престол своего внука, по имени Калонагапи, королю Испании. Он заявил, что готов биться насмерть за честь своего государя, когда же силы его иссякнут, он отправится со всей своей семьей в Испанию в джонке, недавно построенной, взяв с собой королевскую печать и знамя, и с той поры он до конца жизни — королевский слуга. Он просил нас оставить при нем несколько человек, дабы при виде их он постоянно помнил о короле испанском. Ему не нужны наши товары, так как они не будут оставаться с ним. Он уведомил нас, что намерен отправиться на остров, называемый Бакьян, для ускорения погрузки наших кораблей гвоздикой, так как у него на острове нет потребного для погрузки количества сухой гвоздики. Так как это был день воскресный, то решили не вести торга. У них же праздничным днем считается суббота.

Дабы Вашему сиятельству ведомо было, на каких островах произрастает гвоздика, я тут же их и перечислю. Их всего пять,

а именно: Таренат, Тадор, Мутир, Макиан и Бакьян [Бачан]. Главный из них — Таренат, и когда жил раджа этого острова, то правил почти всеми остальными островами. Тадор, единственный из этих островов, на котором мы были, управляется раджей. На Мутире и Макиане раджи нет — ими управляет сам народ, и оба этих острова поставляют людей раджам Тарената и Тадора в тех случаях, когда между ними происходят военные действия. На пятом острове, Бакьяне, раджа имеется. Весь этот край, в котором растет гвоздика, называется Молуккой.

За восемь месяцев до нашего прибытия сюда, в Таренат, умер некий Франсишку Серран¹⁰⁰, португалец. Он служил капитан-генералом у раджи Тарената, враждовавшего с раджей Тадора. Он повел дело так, что раджа Тадора отдал одну из своих дочерей в жены радже Тарената и в качестве заложников почти всех сыновей вельмож. От этой-то дочери тот внук раджи Тадора, о котором речь шла выше. Таким образом был заключен мир между обоими властителями, но, когда Франсишку Серран явился однажды в Тадор закупать гвоздику, раджа Тадора дал ему отраву из упоминавшихся уже листьев бетеля. Он жил только четыре дня. Раджа собирался хоронить его по своему [мусульманскому] обряду, но трое его слуг, христиан, воспротивились этому. Серран оставил после себя сына и дочь в малом возрасте, которых он прижил с женщиной, на которой женился на Большой Яве, и 200 бахаров гвоздики. Он состоял в тесной дружбе и родстве с нашим королевским капитан-генералом, и именно он побудил последнего предпринять это путешествие, ибо, в то время как Магеллан был в Малакке, он неоднократно писал ему, что находится в Таренате. Когда дон Мануэль, король португальский, отказался повысить ему жалованье на один-единственный тестон¹⁰¹ в месяц, что было им заслужено, Магеллан отправился в Испанию и там добился всего того, чего просил у его священного величества.

Спустя десять дней после смерти Франсишку Серрана раджа Тарената Абулеис, изгнавший с острова своего зятя, раджу Бакьяна, был отравлен своей дочерью, женою раджи Бакьяна. Раджа прожил не более двух дней и оставил после себя девять сыновей: Кекили-Момули, Джадоре, Руниги, Кекили де Риос, Сили Мансур, Силипаги, Кекили-Катара, Вайеку Серих и Калано Гапи¹⁰².

В понедельник, 11 ноября, один из сыновей раджи Тарената, Кекили де Риос, подъехал к нашим судам, одетый в красный бархат. Он прибыл на двух пирогах, на которых играли на упомянутых уже ранее литаврах. Он отказался взойти на борт.

С ним была жена и дети Франсишку Серрана и все имущество последнего. Когда мы узнали об этом, то послали к радже осведомиться, можем ли мы принять у себя Кекили де Роиса, поскольку мы находились в его гавани, и он ответил, что мы можем поступить по нашему усмотрению. Но сын властителя, заметив, что мы колеблемся, отплыл на некоторое расстояние от наших кораблей. Мы поехали за ним на лодке для вручения ему подарка, состоящего из золототканого шелкового индейского платья, нескольких ножей, зеркал и пар ножиц. Он принял их с несколько надменным видом и тут же отехал. Его сопровождал индеец-христианин, по имени Мануэль, слуга Педру Афонсу ди Лороза, португальца¹⁰³, прибывшего в Таренат из Бандана после смерти Франсишку Серрана. Так как этот слуга умел изъясняться по-португальски, то он поднялся на борт и рассказал нам, что, хотя сыновья раджи Тарената состоят во враждебных отношениях с раджей Тадора, они всегда готовы служить королю Испании.

С этим слугою мы передали письмо Педру Афонсу ди Лороза, приглашая его приехать к нам без всяких колебаний.

У этих раджей столько жен, сколько они пожелают иметь, но одна считается главной, и ей повинуются все остальные. У упомянутого раджи Тадора большой дом за городом, и в нем живут двести главных жен его, в услужении коих находится такое же число женской прислуги. Во время приема пищи раджа находится один или вместе с главной женой на возвышении вроде галереи, и той, которая понравится ему больше всех других, он приказывает провести с ним ночь. Окончив есть, он может повелеть женщинам есть всем вместе, в противном случае каждая отправляется есть в свою комнату. Без разрешения раджи никто не вправе смотреть на этих женщин, и, если найдут кого-нибудь поблизости от покоев раджи, будь то днем или ночью, его тотчас же убивают. Каждое семейство обязано отдавать королю одну или двух дочерей. У него 26 детей, в том числе 8 сыновей, остальные все девочки.

Неподалеку от этого острова лежит большой остров Жалоло [Жилоло], населенный «маврами» и «язычниками». У этих «мавров» были двое раджей, один из которых, по словам властителя (Тадора), имел 600 детей, а другой — 525. У «язычников» нет такого большого числа жен. Нет у них также такого множества суеверий. В течение дня они боготворят тот предмет, который первый бросается им в глаза, как только утром они выходят из дома. Повелитель этих «язычников», раджа

Папуа, обладает несметным количеством золота и обитает внутри острова.

На кремнистых скалах острова Жилоло растет тростник толщиной с ногу, наполненный водой, очень приятной на вкус. Мы здесь закупили очень большое количество этого тростника¹⁰⁴.

Во вторник, 12 ноября, раджа приказал за один день построить в городе дом для наших товаров. Мы снесли сюда почти все товары и приставили четырех человек для охраны. Мы открыли немедля торг, который вели таким способом. За 10 локтей красного сукна высокого качества нам давали один бахар гвоздики, что равнозначно четырем кинталам, или шести фунтам; за 15 локтей сукна не особенно высокого качества — один кинтал, или 100 фунтов; за 15 топориков — один бахар; за 35 стеклянных чашек — один бахар (раджа сам забрал все чашки); за 17 катиллов киновари — один бахар; за 17 катиллов ртути — один бахар; за 26 локтей полотна — один бахар; за 150 ножей — один бахар; за 50 пар ножниц — один бахар; за 40 головных уборов — один бахар; за 10 локтей гудзератской¹⁰⁵ материи — один бахар; за 3 гонга, что у них в употреблении, — два бахара; за кинту бронзы — один бахар. Почти все зеркала, которые мы везли с собою, по пути разбились; немногие уцелевшие раджа пожелал оставить себе. Большинство пущенных нами в обмен предметов были с джонков, которые мы в свое время захватили. Мы торопились с возвращением в Испанию, вследствие чего отдавали свой товар туземцам на более выгодных для них условиях, чем мы это делали бы при других обстоятельствах. Ежедневно нам привозили к кораблям на лодках такое количество коз, кур, бананов, кокосовых орехов и прочего продовольствия, что мы только диву давались. Мы запаслись пресной водой, которая в горячем виде бьет из земли; стоит поддержать ее на воздухе вне источника в продолжение часа, как она становится очень холодной, и это объясняется тем, что она берет начало в горах, где растет гвоздика. Это явление опровергает ходячее в Испании представление, что на Молукку надо возить воду из отдаленных мест¹⁰⁶.

В среду раджа отправил своего сына, по имени Моссаап, на остров Мутир, чтобы ускорить снабжение нас гвоздикой. В тот же день мы уведомили раджу, что захватили некоторых индейцев. Раджа сердечно возблагодарил Бога и попросил нас оказать ему услугу и передать ему трех пленных, дабы он мог отослать их назад в их страну в сопровождении пяти человек из числа его слуг с тем, чтобы они прославили имя испанского

короля и также его собственное. Тогда мы передали ему трех женщин, захваченных нами для королевы, в исполнение его намерения. На следующий день мы передали радже всех наших пленников, за исключением захваченных нами в Борнео, и он горячо поблагодарил нас за это. После чего он попросил нас в знак нашей любви к нему перебить всех свиней, которые были на наших кораблях, в возмещение чего он обещал выдать нам такое же число коз и птиц. Чтобы доставить ему приятное, мы зарезали наших свиней и вывесили их туши под деком. Стоит местному жителю увидеть свинью, как он закрывает лицо, чтобы не смотреть на нее или не обонять ее запаха.

Под вечер того же дня приехал на пироге португалец Педру Аффонсу. Он не успел еще высадиться на берег, как раджа послал за ним, чтобы воодушевить его, и шутя потребовал, чтобы он давал правдивые ответы на все наши вопросы, даже если он прибыл с острова Таренат. Он рассказал нам, что в Индии находится уже шестнадцать лет, из них 10 лет в Молукке, так как Молуккские острова были уже открыты без всякой огласки некоторое время тому назад. Прошел уже год без двух недель с того дня, как в это место прибыло из Малакки большое судно и уехало, приняв груз гвоздики, но по причине неблагоприятной погоды вынуждено было задержаться на несколько месяцев в Бандане. Капитаном этого судна был португалец Триштан ди Менезиш¹⁰⁷. На вопрос Педру Аффонсу, что нового в христианском мире, тот ответил, что флот в составе пяти судов вышел из Севильи под начальством Фернандо Магеллана, португальца, для того чтобы по поручению короля Испании открыть Молукку; что король Португалии, раздосадованный тем, что португалец посмел пойти против него, послал несколько судов к мысу Доброй Надежды и столько же судов к мысу Святой Марии, где живут людоеды, с целью воспрепятствовать продвижению [флота Магеллана], но они не нашли его. Узнав вскоре, что этот капитан перешел в другое море и находится на пути в Молукку, король португальский немедленно написал своему главному капитану в Индии дону Диогу Лопиш ди Сикейра¹⁰⁸ приказ направить шесть судов в Молукку. Но последний не мог сделать этого по той причине, что в Малакку направлялся в это время турецкий султан, и он вынужден был выслать ему навстречу 60 весельных судов к проливу Мекки в стране Джуда¹⁰⁹. Они нашли только небольшое число галер с пробоинами на побережье могучего и красивого города Адема и сожгли все эти галеры. После этого главный капитан выслал навстречу нам большой

галион с двумя рядами пушек, но галион не имел возможности двинуться дальше из-за мелей и течений вблизи Малакки, а также противного ветра. Капитаном этого галиона был Франсишку Фарья¹¹⁰, португалец. За несколько дней до нашего прихода сюда в этих местах появилась каравелла с двумя джонками, чтобы добыть о нас сведения. Джонки с семью португальцами на них прибыли в Бакьян, чтобы принять груз гвоздики. Так как эти португальцы отнеслись без должного уважения к женам раджи и его подданным и отказывались повиноваться правилам, то их убили. Когда весть об этом дошла до оставшихся на каравелле, они решили немедленно вернуться в Малакку, покинув джонки с 400 бахарами гвоздики и немалым количеством товаров для закупки дополнительных 100 бахаров.

Ежегодно немалое число джонок отправляется из Малакки в Бандан и из Бандана в Молукку за гвоздикой¹¹¹. Туземцы совершают рейс из Молукки в Бандан за три дня, а из Бандана в Малакку за две недели.

Король португальский уже десять лет пользуется Молукскими островами так, чтобы король испанский ничего об этом не знал.

Этот португалец оставался у нас до 3 часов утра и рассказал нам многое другое. Мы настойчиво убеждали его вернуться с нами в Испанию, обещав ему за то хорошее жалованье, и он согласился на это.

В пятницу, 15 ноября, раджа заявил, что намерен отправиться в Бакьян за гвоздикой, брошенной там португальцами. Он просил дать с ним два подарка для двух правителей Мутира от имени короля Испании. Проходя мимо наших судов, он выразил желание посмотреть, как стреляют наши арбалеты, ружья и кулеврины — последние размерами больше ружья. Он сам три раза выстрелил из арбалета, и это понравилось ему больше, чем стрельба из аркебуза.

В субботу раджа «мавров» острова Жилоло подошел к нашим судам в сопровождении большого числа пирог. Некоторым из его спутников мы подарили немного дамасского шелка, два локтя красного сукна, зеркала, ножницы, ножи, гребенки и две позолоченные чашки. Раджа сказал, что раз мы друзья раджи Тадоре, то тем самым мы и его друзья, так как он любит того, как своего родного сына. Кто бы из нас ни пришел в его страну, ему будут оказаны величайшие почести. Этот раджа преклонных лет, и так как он очень могуществен, то внушает страх всем жителям этих островов. Его имя раджа Джессу.

Остров Жилоло таких больших размеров, что для объезда его на пироге требуется четыре месяца.

В воскресенье утром этот же раджа подошел к нашим судам и пожелал понаблюдать, как мы ведем войну и стреляем из наших орудий. Это доставило ему величайшее удовольствие. Он уехал тотчас же после того, как выстрелили из орудий. Нам рассказывали, что в молодости он слыл искусным воином.

В тот же день я высадился на берег посмотреть, как растет гвоздика. Гвоздичное дерево высокое, толщиной оно с человеческое тело или около этого. У середины ствола ветки широко раскинуты, а на верхушке имеют форму пирамиды. Листья похожи на лавровые, а кора темного цвета. Гвоздика растет на концах веточек, по 10 или 20 штук вместе. На гвоздичных деревьях бывает больше плодов то на одной, то на другой стороне, в зависимости от времени года. Побеги гвоздики белые, в период созревания они красного цвета, а высушенные — темного. Их собирают дважды в год: в Рождество Господа Нашего Спасителя и другой раз ко дню Иоанна Крестителя, так как климат становится более умеренным в эти два времени года, особенно ко времени Рождества Нашего Спасителя. Если в течение года стоит жаркая погода и бывает мало дождей, то здесь на каждом острове собирают от 300 до 400 бахаров гвоздики. Гвоздичные деревья растут только в горах, когда же их высаживают в долинах вблизи гор, они погибают. Листья, кора и древесина издают такой же крепкий запах, как и плоды гвоздики. Если не собрать их, когда они созрели, то они становятся больше и такие твердые, что пригодной остается только ее шелуха. Гвоздика не водится нигде на свете, кроме как на пяти горах на этих пяти островах; правда, несколько гвоздичных деревьев обнаружено было и на Жилоло, и на небольшом островке между Тадором и Мутиром, по названию Маре, но плоды их не так хороши. Почти каждый день наблюдали мы, как спускался туман, окружая то ту, то другую из гор на этом острове; благодаря этому туману гвоздика становится лучше качеством. У каждого туземца имеются гвоздичные деревья, и каждый из них оберегает собственные деревья, но они не разводят их.

В этой стране растет мускатный орех. Дерево, носящее мускатный орех, походит на наше ореховое дерево, сходство имеют также и листья. Мускатный орех, когда его собирают, имеет вид маленькой айвы: у него такой же пушок и тот же цвет. Наружная кожура его такой же толщины, как и зеленая шелуха нашего ореха. Под ней находится тонкая кожура, а под

ней мацис [мускатный цвет]. Он ярко-красного цвета и устилает все дно ореховой скорлупы; в ней и заключен мускатный орех.

Строятся тут дома таким же образом, как и в других местах, с той лишь разницей, что они не так высоко выступают над землей и окружены, точно изгородью, бамбуковыми деревьями.

Женщины безобразны на вид, ходят нагие, как и все другие в этих краях, покрывами для них служит древесная кора. Эти покровы изготавливаются ими следующим образом. Они кладут кусок коры в воду и оставляют его там, пока он не станет более мягким. Затем они бьют по нему деревянными колотушками, удлиняя его таким образом до желаемых размеров. Кора становится похожей на пелену из шелка-сырца, и нити на ней производят впечатление ткани.

Хлеб готовится ими из дерева, похожего на пальму, следующим способом. Они берут кусок мягкой древесины и удаляют от него длинные черные колючки. После этого они толкут эту древесину и таким образом получают хлеб. Этот хлеб называют саго; это — единственное продовольствие, которое они берут с собою во время морских плаваний.

Ежедневно из Тарената приходили лодки, груженные гвоздикой, но мы приобретали только предметы продовольствия, так как ожидали возвращения раджи. Приезжавшие из Тарената выражали сильное недовольство по поводу того, что мы не вступали с ними в торг.

В ночь с воскресенья 24 ноября на понедельник прибыл раджа с музыкантами, игравшими на литаврах, и прошел между нашими судами, по каковому случаю мы дали несколько залпов. Он сообщил нам, что гвоздика прибудет сюда дня через четыре. В понедельник раджа прислал нам 791 катил гвоздики, не считая тары. Считать тару значило бы принять меньший вес пряностей, так как последние теряют ежедневно в весе, становясь более сухими. Так как это был первый принятый нами груз гвоздики, то мы дали много выстрелов из наших орудий.

Гвоздика носит тут название «гомод»; в Сарангане, где мы взяли в плен двух лоцманов, она называется «бонгалаван», в Малакке — «чанче»¹¹².

Во вторник, 26 ноября, раджа заявил, что не в обычаях раджи покидать свой остров, но что он покинул остров из любви, которую питает к королю Кастилии, а также для того, чтобы мы могли скорее отправиться в Испанию и затем вернуться сюда с таким числом судов, которое дало бы возмож-

ность отомстить за его отца, умерщвленного на острове Буру и сброшенного затем в море. Он сказал нам также, что, по существующему здесь обычаю, каждый раз, когда суда или джонки грузятся гвоздикой нового урожая, раджа устраивает пир для экипажей судов и молебствия своему богу о ниспослании благополучного плавания груженным пряностями судам. Он это делает с тем большей охотой, что в это время у него в гостях раджа Бакьяна вместе со своими братьями. Для этой цели он велел навести чистоту на улицах города. Некоторые из нас заподозрили в этом готовящуюся измену, так как мы узнали, что три португальца, сопровождавшие Франсишку Серрана, были убиты в том самом месте, где мы запасались пресной водой, некоторыми туземцами, скрывшимися в густой чаще, а также потому, что заметили индейцев, перешептывающихся с нашими пленниками. По этим причинам одни из наших возражали тем, которые намерены были пойти на праздник, напомнив им о празднике, оказавшемся для нас столь злополучным. Мы приняли срочные меры к отплытию и решили просить раджу тотчас же явиться к нам, ибо мы готовимся уже к отъезду и намерены передать ему обещанных четырех человек, помимо некоторых товарищей. Раджа вскоре явился и взшел на борт. Своим спутникам он сказал, что является к нам с полной верой в свою безопасность, как если бы он пришел в собственный дом. По его словам, он был весьма удивлен нашим намерением отплыть так скоро, невзирая на то, что судам обычно потребно тридцать дней для погрузки: он-де покинул свою страну не ради того, чтобы учинить нам ущерб, а, напротив того, чтобы помочь наискорейшей погрузке гвоздики. Если бы он был предупрежден об этом, он не уезжал бы, так как это время года неподходящее для плавания как потому, что у Бандана находятся мели, так и потому, что мы можем легко наткнуться на португальские суда [в этих водах]. Если все же, невзирая на все это, мы решили уехать, то мы должны забрать с собою весь товар: ведь все раджи окрестных стран могут сказать, что раджа Тадора, получивший так много даров от столь могущественного государя, ничего не отдал ему взамен; они могут также подумать, что мы уехали из боязни какого-нибудь предательства, и впредь будут считать его предателем. При этом он взял свой Коран и, предварительно облобызав его и три или пять раз возложив его на голову и произнеся при этом про себя несколько слов (они называют это «самбахеан»), заявил во всеуслышание, что поклялся Аллахом и Кораном, который находится в его руках, что он навсегда останется преданным другом

государя Испании. Все это он говорил чуть ли не со слезами на глазах. В ответ на эти его заявления мы сообщили ему, что готовы оставаться тут еще недели две, и вручили ему при этом королевскую печать и штандарт. Все же впоследствии мы узнали от осведомленных лиц, что некоторые из начальников этих островов действительно замыслили убить нас, говоря при этом, что это доставило бы величайшее удовлетворение португальскому королю и что последний простит им за это ущерб, учиненный им в Бакьяне. Раджа же заявил им, что он ни в коем случае не согласится так поступить, раз он признал государя Испании и заключил с ним мир.

В среду, 27 ноября, в послеобеденное время раджа издал приказ, которым обязал всех собственников гвоздичных деревьев принести гвоздику на наши корабли. Весь этот и следующий день мы вели с всевозможной энергией меновую торговлю. В среду после полудня прибыл правитель Макиана с большим числом пирога. Он отказался высадиться на берег, объяснив это тем, что изгнанные из Бакьяна его отец и один из братьев находились в Тадоре. На следующий день наш раджа и его племянник, правитель, поднялись на борт. Так как у нас не было больше сукна, то раджа велел принести из своих запасов три локтя материи и отдал их нам, а мы вручили их вместе с некоторыми подарками правителю. При его отплытии мы дали несколько залпов. После этого раджа прислал нам еще шесть локтей красной материи для вручения правителю, что мы немедленно и сделали, и он сердечно поблагодарил нас за подарки, пообещав послать нам порядочное количество гвоздики. Имя этого правителя Гумар. Ему было тогда двадцать пять лет от роду.

Правитель уехал в воскресенье, 1 декабря. Нам сообщили, что раджа Тадора в свою очередь дал ему шелковую одежду и несколько литавров из своих запасов с тем, чтобы он поскорее прислал нам гвоздику.

В понедельник раджа отбыл из своей страны за гвоздикой. В среду утром мы дали залп из всех пушек по случаю дня св. Варвары¹¹³, а также прибытия раджи. Ночью раджа появился на берегу и попросил показать стрельбу и фейерверк, чем остался весьма доволен. В четверг и пятницу мы закупили много гвоздики как в городе, так и на судах. За четыре локтя лент нам давали в обмен один бахар гвоздики, за две бронзовые цепочки — ценою в один марчелло¹¹⁴ — 100 фунтов гвоздики. Когда у нас истощились все запасы товаров, многие из наших начали выменивать свои собственные вещи на гвозди-

ку, дабы иметь и свою долю в грузе: один отдавал плащ, другой — камзол, третий — рубашку, а также и другие предметы одежды.

В субботу на борт поднялись трое сыновей раджи Тарената с тремя своими женами, дочерьми нашего раджи, и Педру Афонсу, португалец. Каждому из трех братьев мы подарили по позолоченной стеклянной чашке, а женщинам — по паре ножниц и другие предметы. При их отъезде были сделаны выстрелы из многих пушек. Вслед за этим мы отослали много подарков дочери нашего раджи, жене раджи Тарената: она отказалась прийти к нам вместе с другими. Все они, и мужчины и женщины, ходят босиком.

В воскресенье, 8 декабря, в день зачатия, мы сделали много выстрелов из ружей и пушек и жгли фейерверк. В понедельник перед вечером на борт поднялся раджа с тремя женами, которые несли его бетель. Брать женщин с собой имеет право только один раджа. Вскоре явился и раджа Жилоло, снова пожелавший посмотреть нашу стрельбу. Спустя несколько дней раджа заявил нам, что он чувствует себя точно грудной младенец, которого отрывают от лона дорогой матери. Безутешность его сильнее еще оттого, что он сроднился с нами и почувствовал вкус к некоторым испанским изделиям. Именно в силу того, что нашего возвращения приходится ожидать лишь в далеком будущем, он настойчиво просил нас оставить ему наши кулевины для личной его защиты. Когда мы уезжали, он советовал нам плыть только днем, принимая во внимание наличие множества мелей среди этих островов. Мы возразили ему, заявляя, что должны ехать день и ночь, если хотим добраться до Испании. Выслушав наши возражения, он сказал, что будет ежедневно возносить мольбы своему богу, дабы он довел нас невредимыми до назначения. Так как раджа Бакьяна собирается женить одного из своих сыновей на одной из его (раджи Тадора) дочерей, то он просит нас придумать какое-нибудь развлечение для увеселения гостей, но он против залпов из крупных пушек, из боязни, что стрельба может повредить нагруженным судам. В это же время явился к нам и португалец Педру Афонсу с женой и всем своим скарбом, чтобы остаться с нами. Два дня спустя приехал на хорошо укомплектованной людьми пироге Кекили де Риос, сын раджи Тарената. Он попросил португальца спуститься к нему на несколько минут, но тот отказался, заявив, что вместе с нами отправляется в Испанию, в ответ на что сын раджи сделал попытку подняться на борт, но мы его не допустили, зная, что он состоит в тесной дружбе с португальским капитаном Малакки

и прибыл сюда, чтобы захватить португальца. Тогда он начал ругать тех, что находились рядом с португальцем, за то, что они допустили его на корабль без его разрешения.

В воскресенье, 15 декабря, в предвечернее время приехал раджа Бакьяна со своим братом на пироге с тремя рядами весел у каждого борта. Всего было на пироге 120 весел. На них были флаги из перьев белых, желтых и красных попугаев. Слышны были звуки многочисленных литавр, весла двигались в такт этим звукам. На двух пирогах приехали девушки, предназначенные в дар новобрачной. Когда они проходили мимо судов, мы приветствовали их выстрелами из пушек, они же отвечали нам тем, что объехали вокруг кораблей и сделали круг по гавани. Наш раджа прибыл, чтобы приветствовать его, так как не в обычае одного раджи высаживаться на территории другого раджи, так что когда раджа Бакьяна увидел приближающегося к нему нашего раджу, он поднялся с ковра, на котором сидел, и занял один его край. Наш раджа отказался сесть на другой край ковра, и таким образом ни один из них не занимал ковра. Раджа Бакьяна вручил нашему радже 500 патолой за то, что последний выдает свою дочь за брата первого. Патолы представляют собою золототканую шелковую материю, производящуюся в Китае и высоко ценимую в этих краях. Когда кто-нибудь здесь умирает, то члены семьи одеваются в эту материю, чтобы тем оказать покойнику больше почестей. За одно из таких платьев они отдают три бахара гвоздики или около этого, сообразно качеству материи.

В понедельник наш раджа послал с пятьюдесятью женщинами, покрытыми шелковыми нарядами от пояса до колен, пиршественное угощение радже Бакьяна. Женщины эти шли по две в ряд, посередине находился мужчина. Каждая несла большое блюдо, на котором стояли маленькие блюда с разнообразными яствами. Мужчины несли одни только большие кувшины с вином. Десять самых старых женщин выступали в качестве жезлоносик. Так дошли они до самой пироги, где вручили все радже, восседавшему на ковре под красно-желтым балдахинном. На возвратном пути женщины потащили с собою некоторых наших моряков, которым удалось освободиться от них, только раздав им маленькие подарки. Раджа прислал нам коз, кокосовые орехи, вино и много других предметов продовольствия.

В этот день мы завязали на кораблях новые паруса. На них был изображен крест св. Иакова из Галисии¹¹⁵ и надпись, которая гласила: «Это образ нашей благоприятной судьбы».

Во вторник мы преподнесли в дар нашему радже несколько орудий вроде аркебузов из числа тех, которые мы захватили на этих островах, а также несколько кулеврин вместе с четырьмя бочками пороха. Мы приняли на борт каждого корабля по восемьдесят бочек воды. За пять дней до этого раджа отправил сто человек нарубить для нас дрова на остров Маре, мимо которого мы должны были пройти. В этот же день на берег пришел раджа Бакьяна с многочисленной свитой для того, чтобы заключить с нами мир. Впереди раджи шествовало четыре человека с обнаженными кинжалами в руках. Он объявил в присутствии нашего раджи и всех других, что навсегда посвящает себя службе государю Испании, и что ради него он будет сохранять оставленную португальцами гвоздику вплоть до прибытия следующего нашего флота, и что без разрешения государя он никогда не отдаст ее португальцам. В подарок государю Испании он посылает раба, два бахара гвоздики (он предлагал десять бахаров, но чрезмерно нагруженные корабли не могли принять все присланное количество) и двух мертвых птиц необычайной красоты. Величиной эти птицы с дрозда, с маленькой головой и длинным клювом. Ноги их длиною в одну пядь и тонкие, как тростинки; у них нет крыльев, вместо них длинные перья разнообразной расцветки, наподобие султана. Хвост у них, как у дрозда. Остальные перья у них цвета дубленой кожи. Они летают только при ветре. Туземцы считают, что эти птицы происходят из земного рая, а потому называют их «болон дивата», что значит «Божии птицы»¹¹⁶.

В этот день каждый из раджей Молукки написал государю Испании письмо с изъявлениями верности. Радже Бакьяна около 70 лет. Обычай его таков: всякий раз, как он собирается на войну или на какое-нибудь иное значительное предприятие, он предварительно дважды или трижды испытывает свою силу на одном из своих слуг, которые предназначены для одной только этой цели.

Однажды наш раджа прислал сказать нашим людям, находившимся в здании, где хранились наши запасы, чтобы они не выходили ночью наружу, так как некоторые из его людей, совершив помазание, бродят ночью по городу. Они кажутся безголовыми и, когда встречают кого-нибудь, дотрагиваются до его руки и втирают ему немного мази, после чего человек этот заболевает и спустя три или четыре дня умирает. Встречая трех или четырех человек, они одурманивают их и лишают чувств. Раджа, по его словам, многих из них повесил.

Построив новый дом, местные жители, прежде чем поселиться в нем, зажигают вокруг него огни и устраивают пиры,

а потом прикрепляют к кровле образчики всего того, что находится на острове, с той целью, чтобы обитатели дома ни в чем не испытывали недостатка.

Имбирь имеется повсюду на этих островах. В неспелом виде он заменял нам хлеб. Имбирь растет не на деревьях, а на небольших растениях, которые пускают из почвы побеги длиною в одну пядь, похожие на тростник, и листья на них подобны листьям тростника, только более узкие. Имбирь дают не побеги, а их корни. В сыром виде он не так вкусен, как в засушенном. Тут его сушат в извести, иначе он не сохраняется.

В среду утром мы собрались в путь, и к нам явились раджи Тадора, Жилоло и Бакьяна проводить нас до острова Маре. На корабле «Виктория» подняли паруса, но несколько повременили с отплытием в ожидании корабля «Тринидад»¹¹⁷. Но на последнем никак не могли поднять якорь и внезапно обнаружили течь. Поэтому «Виктория» вернулась к месту стоянки, и мы тут же принялись разгружать корабль, чтобы можно было приступить к починке. Вода вливалась с силой, словно через трубу, но мы никак не могли найти пробоину. Весь этот и следующий день мы занимались только выкачиванием воды, но все наши усилия оказались тщетными. Узнав о нашей беде, к нам поспешил наш раджа и приложил немало стараний, чтобы самому найти пробоину. Он послал пятерых своих спутников, приказав им нырнуть в воду и попытаться найти пробоину под водой. Они пробыли там не менее получаса, но им точно так же не удалось найти пробоину. Видя тщету своих усилий помочь нам, а между тем вода с каждым часом все прибывала, он чуть ли не со слезами на глазах объявил нам, что поедет на остров за тремя своими людьми, которые могут оставаться под водою более долгий срок. В пятницу поутру прибыл наш раджа с тремя своими людьми. Он тотчас же приказал им нырнуть в воду с распущенными волосами, дабы таким способом они могли обнаружить течь. Целый час они пробыли в воде, но все же не могли найти пробоину. Убедившись в своей бессилии помочь нам, он спросил нас в слезах, кто из нас отправится «в Испанию к моему повелителю, чтобы дать ему знак обо мне». Мы ответили ему, что туда отправится «Виктория», пользуясь подувшими кстати южными ветрами, а «Тринидад» после ремонта, дождавшись западного ветра, направится в Дариен, расположенный по другую сторону моря, в краю Дьюкатан [Юкатан]. Раджа сказал, что у него имеется сто двадцать пять плотников, которые займутся

ремонтными работами, а к оставшимся здесь нашим он будет относиться так, как если бы они были его сыновьями. За исключением двоих из нас, которые будут наблюдать за работами, все остальные будут свободны от каких-либо тягот. Он говорил это с таким пылом, что мы невольно прослезились. Мы, отправлявшиеся на «Виктории», опасаясь, чтобы корабль не расселся от чрезмерного груза, сбросили с него шестьдесят кинталов гвоздики и перенесли в дом, в котором хранились остальные запасы гвоздики. Некоторые из наших моряков пожелали остаться на острове, боясь, что судно не выдержит переезда в Испанию, но пуще всего, чтобы не умереть по пути от голода.

В субботу, 21 декабря, в день св. Фомы, к нам явился наш раджа и привел с собою двух лоцманов, которым мы уплатили за то, чтобы они вывели нас за пределы этих островов. Они заявили, что погода как раз подходящая для отплытия, но, так как оставшиеся на острове писали в это время письма в Испанию, мы не могли двинуться в путь ранее полудня. Когда же этот час наступил, корабли обменялись прощальными пушечными залпами, и казалось, что они, как бы рыдая, расставались один с другим. Оставшиеся на острове провожали нас на лодках, и мы наконец расстались после слез и объятий. Правитель провожал нас до самого острова Маре. Не успели мы подойти к острову, как тут же закупили четыре пироги с дровами и менее чем за час времени подняли их на борт и немедленно пустились в путь по направлению к юго-западу. На острове остался Жуан Каваджо с 53 нашими¹¹⁸, а экипаж нашего судна состоял из 47 наших и 13 индейцев.

На острове Тадоре имеется епископ. Когда мы были на острове, у этого епископа было 40 жен и множество детей.

Повсюду на Молуккских островах находится гвоздика, имбирь, саго (это их древесный хлеб), рис, козы, гуси, куры, кокосовые орехи, фиги [бананы], миндаль, размерами больше чем наш, сладкие и вкусные гранаты, апельсины, лимоны, пататы, мед, производимый пчелами величиной с муравья, — они откладывают его на деревьях, — сахарный тростник, кокосовое масло, кунжутное масло, арбузы, дикие огурцы, тыква, освежающий плод величиной с огурец, по названию «комуликай», другой плод, похожий на персик и называемый «гуава», и другие виды плодов. Там находятся также попугаи разной окраски, в том числе белого цвета, называемые «катара», и некоторые сплошь красного цвета, называемые «нори». Красный попугай ценится на вес бахара гвоздики; он гораздо отчетливее произносит слова, чем все остальные.

«Мавры», населяющие Молуккские острова, живут там около пятидесяти лет. Обитавшие на этих островах до них «язычники» не обращали ни малейшего внимания на гвоздику. Остатки «язычников» живут в горах, где произрастает гвоздика.

Остров Тадор лежит на широте 22' по направлению к Северному полюсу и на 161° долготы от демаркационной линии. Он находится на расстоянии $\frac{1}{2}^\circ$ южнее первого острова архипелага под названием Самаль и простирается между севером, востоком, югом и западом. Таренат лежит на широте $\frac{2}{3}^\circ$ по направлению к Северному полюсу. Мутир расположен как раз на экваторе. Макиан расположен на $\frac{1}{4}^\circ$ широты, а Бакьян [Бачан] под 1° широты по направлению к Южному полюсу. Таренат, Тадор, Мутир и Бакьян представляют собой четыре высокие остроконечные горы, на которых растет гвоздика. С этих островов не видать Бакьяна, но он самый большой из них. На нем гора с гвоздичными деревьями не так остроконечна, как горы на прочих островах, но размерами она гораздо больше¹¹⁹.

Следуя своим курсом, мы прошли мимо следующих островов: Кайоа, Лайгома, Сико, Джоджи и Кафи. На этом последнем живет племя ростом столь же малое, как карлики, народ очень забавный; это — пигмеи¹²⁰. Их силою подчинил своей власти раджа Тадора. Мы прошли также мимо островов Лабуан, Толиман, Титамети, Бакьян, о котором речь уже шла выше, Лалалата, Табоби, Мага и Баутига. Проходя вдоль западных окраин этого последнего, мы направили курс на запад-юго-запад и в направлении к югу обнаружили несколько островков. Ввиду того что молуккские лоцманы советовали нам направиться именно сюда, так как наш курс лежал посреди многочисленных островов и отмелей, мы повернули на юго-восток и наткнулись на остров под 2° широты по направлению к Южному полюсу на расстоянии 50 лиг от Молукки. Остров этот носит название Сулах¹²¹ и населен «язычниками». У них нет властителя, и они людоеды. Ходят они нагие, как мужчины, так и женщины; срамную часть прикрывают куском древесной коры шириною в два пальца. Тут много островов, население которых употребляет в пищу человеческое мясо. Вот названия некоторых из этих островов: Силан, Носелао, Бига, Атулабаоу, Лейтимор, Тенетун, Гондия, Пайларурум, Манадан и Беная¹²². Затем мы прошли вдоль берегов двух островов, называемых Ламатола¹²³ и Тенетун, расположенных в десяти лигах от Сулаха. На том же направлении мы встретили очень большой остров, где есть рис, свиньи, козы, куры, кокосовые

орехи, сахарный тростник, саго, кушанье, изготовляемое тут из одной разновидности фиг [бананов] и называемое «чанали», а также «чакаре», называемое «нангка». «Нангка» — плод, подходящий на огурец. Снаружи он покрыт наростами, а внутри находится маленький плод красного цвета, похожий на абрикос. Косточки нет, вместо этого мозгообразная мякоть, похожая на фасоль, но несколько больше. Эта мякоть обладает нежным вкусом, как каштан. Там встречается плод, напоминающий ананас. Снаружи он желтого цвета, внутри — белого; если разрезать его на две части, как грушу, то мякоть его окажется более нежной и вкусной. Этот плод носит название «конникаи».

Жители этого острова ходят голые, так же как и на острове Сулах. Они «язычники», и у них нет властителя. Остров расположен на $3\frac{1}{2}^{\circ}$ широты в направлении Южного полюса и на расстоянии 75 лиг от Молукки. Его название — Буру¹²⁴. В десяти лигах к югу от этого острова находится остров больших размеров, граничащий с Жилоло. Населяют его «мавры» и «язычники». Последние употребляют в пищу человеческое мясо. Все перечисленные выше плоды имеются также и тут. Называется этот остров Амбон¹²⁵. Между Буру и Амбоном расположены три острова, окруженные рифами; их названия: Вудия, Кайларури и Бенайя. Поблизости от Буру, на расстоянии приблизительно четырех лиг к югу, находится небольшой остров Амбалао.

Приблизительно в тридцати пяти лигах к юго-западу от острова Буру находится Бандан. Бандан состоит из двенадцати островов. На шести из них растет мускатный орех. Названия этих островов следующие: Соробоа, самый большой из них, Келисель, Самиянапи, Пулак, Пулурум и Росогин. Другие шесть островов носят следующие названия: Унуверу, Пуланбаракон, Лайлака, Манукан, Ман и Меут¹²⁶. На них нет мускатного ореха, а есть рис, саго, кокосовые орехи, фиги [бананы] и другие плоды. Острова эти расположены один возле другого. Население их состоит из мавров. Властителя у них нет. Бандан лежит на 6° широты в направлении к Южному полюсу и на $163^{\circ}\frac{1}{2}'$ долготы от демаркационной линии. Так как он лежал несколько в стороне от нашего курса, мы не пошли туда.

Оставив за собою упомянутый остров Буру и взяв курс на запад-юго-запад, мы добрались после того, как прошли около трех градусов долготы, до трех островов, лежащих довольно близко друг около друга и называемых: Солот, Носемамор и Галиау¹²⁷. Плавая меж этих островов, мы были достигнуты

сильным штормом, так что мы дали обет совершить паломничество к Богородице путеводной. Мы шли в фордевинд, и нас несло к высокому острову, но, прежде чем мы достигли его, нас сильно измотали жестокие порывы ветра, идущего от гор на этом острове, и сильные морские течения. Жители этого острова — настоящие дикари и звероподобны, они едят человеческое мясо. У них нет властителя, ходят они голые, только небольшой кусок коры покрывает их, как и других в этих краях. Лишь когда они отправляются в поход, они покрываются спереди, сзади и с боков кусками буйволово́й кожи, украшенными небольшими раковинами, свиными клыками и хвостами, сделанными из козьей кожи и прикрепленными спереди и сзади. Волосы у них закручены высоко на голове, будучи скреплены длинными бамбуковыми шпильками, продетыми через них в обе стороны и сдерживающими таким образом взбитые вверх волосы. Бороды завернуты в бамбуковые листья и засунуты в тонкие бамбуковые трубки — вид прямо-таки уморительный. Это — самое безобразное из всех племен, населяющих эти индийские края. Их луки и стрелы также сделаны из бамбука. Женщины носят свою пищу и питье в чем-то наподобие мешков, сделанных из древесных листьев. Когда жители этого острова завидели нас, они вышли навстречу с луками, но, после того как мы раздали им подарки, они сразу же приняли дружественный вид. Мы задержались тут две недели для того, чтобы законопатить борта нашего корабля. На этом острове имеются куры, козы, кокосовые орехи, воск (они давали нам пятнадцать фунтов воска в обмен на фунт старого чугуна) и перец — продолговатый и круглый. Продолговатый перец напоминает первый цвет ореха в зимнее время. Подобно плющу, это растение обвивается вокруг деревьев, но листья его походят на листья тутового дерева. Оно носит название «лули». Круглый перец растет так же, как и продолговатый, но он колосится подобно индийскому житю, и его лущат. Он называется «лада». В этих краях поля покрыты перцем этой разновидности, посаженным так, что они походят на деревья¹²⁸. Мы захватили одного туземца и приказали ему повести нас в такое место на острове, где мы могли бы запастись съестными припасами.

Этот остров лежит на $8\frac{1}{2}^\circ$ широты в направлении Южного полюса и на $169\frac{2}{3}^\circ$ от демаркационной линии. Его название — Малуа¹²⁹.

Наш старый лоцман из Молукки рассказывал нам, что поблизости должен быть остров по названию Арукето, жители которого, мужчины и женщины, ростом не больше локтя, но

уши у них такой величины, как они сами: одно ухо заменяет им ложе, другим они покрываются во время сна. Волосы у них острижены, ходят они совсем голые, и голос у них пронзительный. Живут они в подземных пещерах, питаются рыбой и веществом, растущим между древесиной и корой, круглым по форме и белого цвета, напоминающим варенье из кориандра и называемым тут «амбулоне». Мы, однако, не могли посетить этот остров из-за сильных течений и множества мелей.

В субботу, 25 января 1522 года, мы оставили за собою остров Малуа. В воскресенье, 26-го, мы достигли большого острова, лежащего в пяти лигах к юго-юго-западу от Малуа. Я высадился на берег один, чтобы переговорить с начальником города Амабана о снабжении нас съестными припасами. Он ответил, что даст мне буйволов, свиней; коз, но мы не могли прийти с ним к соглашению, так как он запросил слишком много предметов в обмен за одного только буйвола. К тому же у нас оставалось очень мало предметов для обмена, да и голод заставлял нас быть решительными, вследствие чего мы задержали на корабле одного начальника и его сына из другого поселения, по названию Балибо¹³⁰. Боясь, чтобы мы его не убили, он тут же распорядился дать нам шесть буйволов, пять коз и двух свиней, а для того, чтобы возместить недостающую до требуемого количества живность (мы требовали десять свиней и десять коз), он дал нам (дополнительно) еще одного буйвола. Таковы были наши условия отпуска его на свободу. После этого мы отпустили их на остров, весьма довольных врученными им подарками: полотном, индийской материей из шелка и хлопка, топорами, индийскими ножами, ножницами, зеркалами и нашими ножами.

Начальник, с которым я вел переговоры на острове, пользуется в качестве слуг одними только женщинами. Все эти женщины ходят голые, как то в обычае на всех этих островах. В ушах у них золотые серьги, с которых свисают шелковые кисточки. Руки у них до самого локтя украшены большим числом золотых и бронзовых браслетов. Мужчины ходят голые, так же как и женщины, но вокруг шеи у них навешены разные предметы из золота, круглые, наподобие тарелки, а в волосах у них бамбуковые гребни, украшенные золотыми колечками. Некоторые носят на шее вместо золотых вещей засушенные горлышки тыквенных бутылок.

Белое сандаловое дерево¹³¹ растет только на этом острове и ни в каких иных местах. Там находятся также буйволы, свиньи, козы, куры, имбирь, рис, фиги [бананы], сахарный

тростник, апельсины, лимоны, воск, миндаль, турецкий боб и многое другое, равно как и попугаи разных цветов. В другой части острова живут четверо братьев, являющихся раджами этого острова. Там, где мы были, находились города, в которых живут их начальники. Названия четырех поселений раджей следующие: Оибич, Ликсана, Суаи и Кабанаса. Самое большое поселение — Оибич. Много золота находится на одной горе в Кабанасе, судя по полученным нами сведениям, и жители покупают все нужное за маленькие кусочки золота. В этом краю и закупают жители Явы и Малакки сандаловое дерево и воск. Мы встретили здесь джонку, пришедшую сюда из Лосона для закупки сандалового дерева. Население состоит из «язычников». Рассказывают, что, когда они отправляются на рубку сандалового дерева, им является дьявол в разных видах и предлагает им просить у него всего, в чем они нуждаются. В результате этого явления их постигает недуг, продолжающийся несколько дней. Сандаловое дерево рубят в известные фазы луны, в противном случае оно не будет хорошего качества. В обмен на сандал им дают красную материю, полотно, топоры, железо и гвозди. Населен весь остров. На юго-западе он раскинут на большом пространстве, на северо-востоке он не такой ширины. Он лежит на 10° широты в направлении к Южному полюсу и $174^\circ 1/2'$ долготы от демаркационной линии и носит название Тимор. На всех островах этого архипелага, которые мы посетили, свирепствует болезнь св. Иова¹³², но больше всего на этом. Она носит название «фои франки», т. е. «португальская болезнь». Нам говорили, что на расстоянии дневного перехода по направлению к северо-западу мы можем найти остров, на котором в большом количестве растет корица, и что название этого острова Энде. Население его состоит из «язычников», и властителя у них нет. Нам говорили также, что имеется много островов в том же направлении, расположенных один за другим; они тянутся до самой Явы Большой и мыса Малакка. Названия этих островов следующие: Энде, Танабутун, Креуо, Кили, Бимакор, Аранаран, Мани, Сумбава, Ломбок-Корум и Большая Ява¹³³. Жители называют ее не Явой, а Яоа. Самые крупные поселения расположены на Яве, а именно: Маджепахер¹³⁴ (когда властитель был еще жив, он был самым могущественным на всех этих островах, его имя было раджа Патиунус), Судна, где растет в большом количестве перец, Даха, Дама, Каджамада, Минутаранган, Сипара, Сидайу, Тубан, Кресси, Сирубайя и Бали¹³⁵. Нам говорили также, что Малая Ява — это остров Мадурра¹³⁶, что она рас-

положена поблизости от Явы Большой, на расстоянии всего лишь полулиги. Когда на Яве Большой умирает какой-нибудь именитый человек, то тело его сжигают, так нам рассказывали. Его главную жену, всю украшенную гирляндами цветов, переносят на сиденье трое или четверо мужчин через все селение. Улыбаясь и утешая родственников, рыдающих над трупом, она говорит им: «Не плачьте, сегодня вечером я буду ужинать с моим супругом, а ночью буду с ним спать». После этого ее подносят ближе к костру, на котором находится труп ее супруга. Обратившись вновь к родственникам и продолжая их утешать, она сама кидается в огонь, в котором сжигают ее мужа. Не поступи она так, ее перестали бы считать честной женщиной или верной женою покойному супругу.

Самый старый пилот наш рассказывал нам, что на острове Аколро, лежащем южнее Большой Явы, мужчин нет вовсе — есть только женщины. Они беременеют от ветра. Когда у них рождается мальчик, они его убивают, если же девочка, они ее воспитывают. Когда на этом острове показываются мужчины, они их убивают, если только в силах это сделать.

Нам рассказывали также, что южнее Большой Явы в направлении к северу, в Китайском заливе, который древние называли Sinus Magnus [Большой залив], живут птицы гаруда. Они такой величины, что способны перетащить буйвола или слона на дерево, растущее в месте, называемом Пусатавер, само же дерево носит название «кам панганги», а плод его — «буа панганги». Величиной своей плод этот превосходит огурец. Находившиеся на нашем корабле «мавры» из Бурне говорили, что сами видели этих птиц, так как их раджа получил двух таких птиц из сиамского государства. Ни одна джонка или какая-либо другая лодка не может приблизиться к месту, где растет это дерево, из-за бурных водоворотов у этих берегов. Впервые узнали об этом дереве после того, как одну джонку втянуло в водоворот и она разбилась в щепы, причем весь экипаж джонки утонул и спасся чудесным образом только один мальчик, привязавший себя к толстой доске. Он взобрался на дерево, не будучи никем замечен, и спрятался под крылом одной из этих птиц. На другой день птицы поднялись, чтобы полететь к берегу и поймать буйвола, и мальчик вылез из-под крыла. От него-то и узнали про этих птиц, а также откуда происходят плоды, находимые в море.

Малаккский мыс лежит на $1\frac{1}{2}^{\circ}$ широты в направлении Южного полюса. Вдоль всего восточного побережья мыса расположено множество городов и поселений. Вот названия

некоторых из них: Сингапола, помещающийся на самом мысу, Паган, Калантан, Патани, Брэдлун, Бенан, Лагон, Кереджигаран, Тумбон, Пран, Куй, Брabri, Банга, Индия — в последнем живет король сиамский, по имени Сири Сакабедера, — Джандибум, Лану и Лангонпифа¹³⁷. Города эти построены так же, как и наши, и все подвластны властителю сиамскому.

На берегах рек в сиамском государстве водятся, как нам рассказывали, большие птицы, которые до тех пор не до-трагиваются до падали, пока какая-нибудь другая птица не сожрет сердца, — только после этого они употребляют эту падалу в пищу.

Вблизи Сиама находится Камбодиа¹³⁸, властитель которой носит имя Сарет Сакабедера, затем Кьемпа¹³⁹, где властителем раджа Брагаун Маитри. Тут растет ремень, который собирают следующим образом. Группа в 20 или 25 человек отправляется вместе в джунгли. С наступлением ночи они взбираются на деревья как для того, чтобы уловить запах ремня, так и из страха перед львами, слонами и другими дикими животными. Ветер доносит до них запах ремня из тех мест, где он растет. Рано на рассвете они отправляются туда, откуда доносился к ним запах, и приступают к отысканию ремня. Это сгнившая древесина одного дерева, которое до того, как не сгнивает, не испускает никакого запаха. Лучшая часть дерева — корень, хотя и сама древесина дает ремень, который тут называется «калама»¹⁴⁰.

Тут же находится Коки¹⁴¹, властителем коего является раджа Серибумии Пала, а за этой страной лежит Великий Китай, властитель коего самый могущественный на свете. Его имя раджа Сантоа¹⁴². Лично ему подвластны семьдесят коронованных государей, некоторые из последних имеют под своей властью от 10 до 15 государей. Гавань этого государства носит название Гуантан [Кантон]. Из числа многих городов главнейшие Нанкин и Комлаха¹⁴³ — резиденция повелителя Китая. Вблизи его дворца находятся четыре его главных сановника: один — к западу от дворца, другой — к востоку, третий — к югу, четвертый — к северу. Каждый из них дает аудиенцию только тем, кто прибывает с его стороны. Все государи и властители Большой и Верхней Индии подвластны этому государю. Знаком их подлинной преданности как вассалов служит изваянный из мрамора зверь, более сильный, чем лев, и называемый «чинга», который возвышается у них на площади. Чинга вырезан на печати властелина Китая, и все те, кто прибывают в Китай, обязаны иметь изваяние этого животного, сделанное из воска или слоновой кости, в противном случае они не

допускаются в гавань. Если какой-нибудь из властителей выходит из повиновения государю, то с него сдирают кожу, и эту кожу высушивают на солнце и солят, а затем ее набивают соломой или чем-нибудь другим и подвешивают головой вниз на видном месте на площади, причем руки сложены над головой так, чтобы все видели, что он выполняет зонгу¹⁴⁴, то есть обряд повиновения. Никому не дозволено видеть государя. Когда он пожелает посмотреть на свой народ, то объезжает дворец верхом на искусно сделанном павлине, затейливо украшенном, в сопровождении шести самых главных своих жен, одетых так же, как и он. Затем он входит внутрь змеи, называемой «нага»¹⁴⁵, сделанной с небывалым великолепием и помещающейся в самом большом дворе дворца. Государь и жены его входят внутрь, так что никто точно не знает, кто из них действительно государь. На народ он смотрит через большое стекло, помещающееся в груди змеи. Через это стекло можно видеть и властелина и его жен, но никто не может угадать, кто из них государь. Он женат на своих сестрах, дабы царская кровь не смешивалась ни с какой другой. Двор окружен семью стенами, на каждой из этих стен 10 000 человек находятся на охране дворца. Они остаются там, пока не зазвонит колокол и на смену им не придут другие 10 000 стражей. Они сменяются таким образом каждый день и каждую ночь. У каждой стены находятся ворота. У первых ворот стоит человек с большим бичом в руке; он носит название «сату хоран» с «сату боган». У вторых ворот — пес, «сату хаин»; у третьих — человек с железной палицей («сату хоран» с «покум бесин»); у четвертых — человек с луком в руке («сату хоран» с «анат панан»); у пятых — человек с копьем («сату хоран» с «тумак»); у шестых — лев («сату хориман»); у седьмых — два белых слона, оба называемых «гаджина путе». Во дворце 79 зал, в которых находятся одни только женщины, прислуживающие государю. Во всем дворце круглые сутки горят факелы. Чтобы обойти весь дворец, требуется целый день. В верхней части дворца находятся четыре зала, куда иногда являются главные сановники для беседы с государем. Один из залов отделан медью, вверху и внизу; другой — весь отделан серебром, третий — золотом, четвертый — жемчугом и драгоценными камнями. Когда подданные государя приносят ему золото или какие-нибудь другие ценные предметы в качестве дани, их вводят в эти залы, и они говорят: «Да будет это ради умножения чести и славы нашего раджи Сантоа». Все вышесказанное и многое другое нам передал один «мавр», который все это видел сам.

Жители Китая — светлокожие и ходят в платье. Так же, как и мы, они едят за столом. У них имеется крест, но неизвестно ради какой надобности.

В этой стране производят мускус. Животное, производящее мускус, — кошка, напоминающая цивету. Она питается только сладкой древесиной толщиной с палец, по названию «чамару». Приступая к производству мускуса, они приставляют ей пиявку и отнимают ее только тогда, когда вся пиявка не раздуется от крови. После этого они выжимают пиявку в блюдо и выставляют его на солнце в течение четырех или пяти дней. Затем они окропляют кровь мочою и всякий раз выставляют ее на солнце. Таким образом получается превосходный мускус. Владелец такого животного платит государю особую сумму. Известные нам зерна мускуса не что иное, как козлиное мясо, истолченное в мускусе, но не кровь. Хотя и кровь может быть в виде зернышек, но она быстро испаряется. Дающие мускус кошки называются «кастор», а пиявка — «линта».

Вдоль побережья этой страны Китай живет много племен. Вот они. Ченчии¹⁴⁶ населяют острова, где растет корица и имеется жемчуг. Леки живут на материке. Над их гаванью возвышается гора, так что при входе в нее на джонках и судах приходится спускать паруса. Имя повелителя на материке — Мом. Ему подвластны двадцать королей, он же сам подвластен государю Китая. Город, в котором находится его резиденция, называется Баранаки. Великий Восточный Китай¹⁴⁷ расположен именно тут. Хан — холодный, высокий остров, где находится медь (металл), серебро, жемчуг и шелк¹⁴⁸. Имя властителя этого острова — раджа Сотру; острова Мли Янла — раджа Кетискнуга; Гнио — раджа Судакали. В этих трех местах холодный климат, и они расположены на материке. Троганба и Трианга — два острова, на которых находится жемчуг, медь, серебро и шелк; правит здесь раджа Рром. Басси-Басса находится на материке. За ним расположены два острова, Сумбдит и Прадит, на которых имеется в большом обилии золото. На ногах его жителей большие золотые кольца у голени. Вблизи этих мест на материке в горах живет племя, которое убивает отцов и матерей по достижении ими преклонного возраста, дабы не иметь больше забот о них. Все население этих областей состоит из «язычников».

В ночь со вторника на среду, 11 февраля 1522 г., мы оставили за собою остров Тимор и вступили в великое открытое море, называемое Лаут Кидол. Направляясь по курсу западно-запад, мы оставили остров Саматра, ранее носивший на-

звание Трапробана¹⁴⁹, к северу направо от себя, из страха перед королем Португалии, а также Пегу, Бенгала, Уриси и Келин, где живут малабары, подданные властителя Нарсинга; Каликут, подвластный этому же властителю; Камбайя, где живут гузераты; Кананор, Гоа, Ормуз и все остальное побережье Большой Индии¹⁵⁰. Великую Индию населяет шесть различных родов людей: наири, паничали, иранай, пангелини, макуай и полеаи. Наири — это знать; паничали — городское население. Эти два разряда людей могут разговаривать друг с другом. Иранай занимаются сбором пальмового вина и фиг. Пангелини — мореходы, макуай — рыбаки, полеаи сеют и жнут рис. Эти последние живут в деревнях, хотя изредка заходят и в города. Когда им что-либо дают, то предварительно кладут предмет на землю, и только после этого они его берут себе. Проходя по улицам, они выкрикивают: «По! по! по!», т. е. «Берегись меня!». Случилось однажды, рассказывали нам, что, к несчастью для наира, к нему прикоснулся полеа; наир велел тут же убить себя, чтобы таким образом смыть с себя позор¹⁵¹.

Для того чтобы обогнуть мыс Доброй Надежды, мы поднялись до 22° на стороне Южного полюса. В продолжение девяти недель стояли мы у этого мыса со спущенными парусами из-за северо-западных и западных ветров, дувших в корму, и очень сильной бури¹⁵². Этот мыс лежит под 34° 1/2' широты и на расстоянии 1600 лиг от Малаккского мыса. Это самый большой и самый опасный из всех мысов в мире. Некоторые из наших, не только больные, но и здоровые, выразили желание добраться до португальского поселения Мозамбик¹⁵³, так как корабль дал сильную течь, холод был страшный, а главное, по той причине, что, кроме риса и воды, у нас не осталось съестного; из-за недостатка соли все мясные продукты испортились. Однако другие, заботясь больше о своей чести, чем о жизни, решили плыть до Испании, хотя бы это стоило им жизни. С Божией помощью мы обогнули наконец 6 мая этот мыс на расстоянии пяти лиг от него. Мы никогда не добились бы этого, если бы не подошли к нему так близко¹⁵⁴. Затем целых два месяца мы шли на северо-запад без свежей пищи и свежей воды. За это короткое время умер двадцать один человек. Когда мы опускали в море их трупы, христиане пошли ко дну с лицами, обращенными вверх, а индейцы — с лицами, обращенными вниз. Если бы Господь не послал нам благоприятного ветра, все мы погибли бы от голода. Побуждаемые крайней нуждой, мы подошли наконец к островам Зеленого Мыса. В среду, 9 июля, мы добрались до островов Святого

Иакова [Сантьяго] и тут же отправили лодку к берегу за провизией, придумав для португальцев историю, будто мы потеряли нашу фок-мачту под экватором (на самом же деле мы потеряли ее у мыса Доброй Надежды), и за это время, что мы ее восстанавливали, наш капитан-генерал уехал с двумя другими кораблями в Испанию. Расположив их таким образом к себе, а также отдав им нашего товару, нам удалось получить от них две груженные рисом лодки. Мы поручили нашим людям, отправившимся на лодке к берегу, расспросить, какой это был день, и они узнали, что у португальцев был четверг, что нас весьма удивило, так как у нас была среда, и мы никак не могли понять, отчего могла произойти такая ошибка. Я чувствовал себя хорошо все время и делал отметки каждый день без перерывов. Как выяснилось впоследствии, тут не было никакой ошибки, ибо мы шли все время по направлению к западу и вернулись к тому же пункту, куда двигалось и солнце, и таким образом выиграли двадцать четыре часа, в чем никаких сомнений быть не может.

Когда наша лодка вновь подошла к берегу за рисом, были задержаны тринадцать человек экипажа вместе с лодкой. Произошло же это оттого, что один из них, как мы узнали потом в Испании, заявил португальцам, что капитан наш умер и что умерли также и остальные, мы же вовсе не собираемся в Испанию. Опасаясь того, чтобы некоторые каравеллы не задержали также и нас, мы в спешном порядке направились дальше¹⁵⁵.

В субботу, 6 сентября 1522 г., мы вошли в бухту Сан-Лукар, имея на борту всего лишь восемнадцать человек экипажа, да и то большей частью больных, — вот что осталось от шестидесяти человек, покинувших Молукку. Некоторые из них умерли от голода, некоторые бежали на остров Тимор, другие были осуждены на смерть за преступления¹⁵⁶. Начиная с того дня, как мы вышли из этой бухты [Сан-Лукар], и до того дня, как возвратились в нее, мы проделали четырнадцать тысяч четырехста шестьдесят лиг и таким образом совершили путешествие вокруг света, плывя с востока на запад¹⁵⁷.

В понедельник, 8 сентября, мы бросили якорь у набережной Севильи и дали залп из всех наших пушек. Во вторник все мы в рубахах и на босу ногу, держа каждый свечу в руке, отправились на богомолье в храм Св. Марии Победы и в храм Св. Марии Древности.

Покинув Севилью, я направился в Вальядолид, где преподнес его священному величеству дону Карлу не золото и не серебро, а предметы, гораздо более ценимые столь могуществен-

венным государем. Между прочими предметами я дал ему книгу, собственноручно мною написанную и содержащую описание всего того, что происходило изо дня в день на всем протяжении нашего плавания. Уехал я оттуда, как только мог, скорее и прибыл в Португалию, где рассказал королю Жуану обо всем мною виденном. Из Испании затем я направился во Францию, где преподнес некоторые предметы из другого полушария матери христианнейшего короля дона Франциска, государыне-регентше. После этого я поехал в Италию, где и обосновался, посвятив скромный свой труд преславному и знаменитому синьору Филиппу Вилье Лиль Адану, достойнейшему великому магистру родосского ордена.

Рыцарь Антонио Пигафетта

Мэйрин
Митчелл

**ЭЛЬ-КАНО —
ПЕРВЫЙ
КРУГОСВЕТНЫЙ
МОРЕПЛАВАТЕЛЬ**

MARE MAGELLANICVM
SIVE PACIFICVM

CHICA
TIERRA DE
PATAGONES

GIGANTVM
REGIO

Airipelago
del c' delorato

Cabo Yndia

puerto de Magallanes

*Посвящается
дону Хосе де Артече,
историку, эссеисту, критику и биографу,
в знак восхищения перед всем, что он сделал,
для того чтобы стали известны миру
славные подвиги сыновей Страны Басков*

ПРОВИНЦИЯ ГИПУСКОА

Я праmaterь всех Испаний,
Жизнь дала им и взрастила,
Я в годину испытаний
Их от мавров оградила.

Ни на море, ни на суше
Сыновьям моим нет равных,
В дни войны — своим оружием
И пером в дни мира славным.

*Лопе Мартинес де Исасти
1625 год*

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Работая над историей жизни Эль-Кано, я лишь по мере надобности воссоздавала исторический фон и старалась по возможности избегать узкоспециальных навигационных терминов, а также почти не касалась вопроса о современных ему географических теориях, так как все это подробно освещено в некоторых биографиях Магеллана. Эта книга посвящена преимущественно Эль-Кано, а поскольку до сих пор на английском языке не появилось ни одной специальной работы о нем, я стремилась не только сделать его центральной фигурой своей книги, но и писать лишь о том, что имеет непосредственное отношение к нему и его подвигу. По этой причине я лишь бегло коснулась чисто академического вопроса о долготе Молуккских островов и совсем не рассматриваю попыток Колумба, Кабота, Веспуччи, де Солиса, Кортириала и многих других найти западный морской путь в страны Востока; не разбирается в этой книге и вопрос о возможной связи между «*Copia der Newen Zeitung aus Presslig Landt*» и фактическим открытием Магелланова пролива, не приводится описание глобуса Шёнера¹. Все это, как указывалось выше, подробно рассмотрено в работах, посвященных Магеллану, который, готовя первую испанскую экспедицию к Молуккским островам, советовался

с выдающимися космографами (в частности, с Руи Фалейру²) о том, на какой широте искать гипотетический пролив, и вообще занимался подобными вопросами несравненно больше, чем Эль-Кано. Последний, как мы увидим, обладал теоретическими знаниями, необходимыми человеку в его должности, однако во время первой экспедиции к Молуккским островам все, что непосредственно касалось поисков пролива, входило в компетенцию одного лишь Магеллана. Именно мореходный опыт Эль-Кано, а не его познания в космографии помог ему завершить первое кругосветное плавание.

Но если для Магеллана и Эль-Кано одна и та же проблема — проблема поисков западного пути к Восточным Индиям — представлялась в разных аспектах, то было между ними и общее: вера в путеводную силу провидения. В наш век, который никак не назовешь веком религиозным, уверенность, с какой Магеллан, Эль-Кано и их товарищи уповали на помощь провидения, кажется просто поразительной. Эль-Кано прямо утверждал, что только «с помощью Божией» он и его матросы сумели привести «Викторию» на родину.

Теперь, когда мы располагаем атомными судами и всевозможными навигационными системами, трудно осознать, какой ценой был оплачен подвиг «Виктории», парусной скорлупки водоизмещением всего восемьдесят тонн. Эль-Кано и его товарищам приходилось преодолевать трудности, неизвестные нынешним морякам, — они плыли по неведомым морям без хронометра и секстана, не имея ясного представления о долготе, пользуясь только квадрантом (как мы теперь знаем, очень несовершенным инструментом) и таблицами солнечного склонения, часто далеко не точными, а магнитное склонение компаса в то время было понятно лишь немногим. На обратном пути «Виктории» негде было пополнить запасы провианта и воды: в лучшем случае местные жители встретили бы ее враждебно, в худшем — они могли оказаться каннибалами. А кроме того, Эль-Кано и его спутникам постоянно грозила опасность попасть в плен к португальцам. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что капитан и команда «Виктории», сумевшие преодолеть подобные трудности, совершили величайший подвиг в истории мореплавания.

Теперь следует обратиться к относительно второстепенному вопросу, который тем не менее необходимо рассмотреть именно в начале нашего повествования. Речь пойдет о правильном написании фамилии человека, чьей биографии посвящается эта книга.

Спор о том, как правильно писать фамилию Эль-Кано — «de Elacano» или «del cano» (иногда «delcano»), был долгим

и жесточенным. Авторы, принимающие форму «del capo», ссылаются на то, что именно так сам Хуан-Себастьян подписал и свое завещание, и донесение, которое он послал императору после возвращения «Виктории», и что во всех письмах и указах Карла V, имеющих отношение к Хуану-Себастьяну, его фамилия пишется таким же образом (со строчным «с» в «сапо»).

Этот вопрос подробно рассмотрел Серапио де Мухика в своей работе «El capo у по Сапо», где он ссылается на кастильскую манеру соединять предлог «de» и артикль «el». Таким образом, подписываясь «del capo», Хуан-Себастьян просто следовал общепринятому обычаю, поскольку языком официальных документов был испанский язык, а не язык басков.

Де Мухика, кроме того, указывает, что племянник Хуана-Себастьяна Родриго де Гайнса, подавая прошение о выплате сумм, которые казна задолжала наследникам его дяди, называет последнего «de el capo». К тому же, как отмечает Хосе де Артече, некий Мартин де Эль-Кано из Сарауса, дальний родственник мореплавателя, родившийся через год после его смерти, пишет свою фамилию «de el capo» и подобно Хуану-Себастьяну ставит маленькое «d». Мы можем, кроме того, сослаться на ученого-историка Кармело де Эчегарая, который, изучая церковные книги, установил, что в этих местах в старину всегда употреблялась форма «El capo». В 1873 году Мадридское географическое общество указало, что именно эта форма является правильной, а Депутация провинции Гипускоа³, которая, как и Главный архив Индий в Севилье и архив в Симанкасе⁴, ведает документами, касающимися Эль-Кано, подтвердила, что Гипускоа всегда знала своего знаменитого мореплавателя только как El Capo.

Коснемся теперь вопроса об отношении к Эль-Кано различных авторов. Пожалуй, вполне естественно, что среди них есть его сторонники и сторонники Магеллана. Возможно, биографу трудно сохранить полную беспристрастность, когда приходится писать об участии Эль-Кано в сан-хулианском мятеже, а также о том, что император встретил его как героя, успешно завершившего великое плавание. Спорны и обвинения против Магеллана, которые выдвигал Эль-Кано на дознании в Вальядолиде: ведь сам же он в донесении Карлу V после возвращения «Виктории» называет Магеллана «славной памяти капитаном». С другой стороны, хотя по меньшей мере один из капитанов Магеллана открыто не подчинился ему еще до отплытия флотилии из Севильи (королю пришлось прямо напомнить непокорному, что он обязан беспрекословно повиноваться адмиралу), не превысил ли все-таки Магеллан своих

полномочий, отказываясь советоваться со старшими офицерами во время плавания? Даже восторженный поклонник Магеллана Антонио Пигафетта, оставивший наиболее полное описание экспедиции, сообщает нам, что «его капитаны питали к нему ненависть».

Поэтому вполне естественно, что мнения различных авторов во многих случаях оказываются диаметрально противоположными. Среди авторов, настроенных враждебно по отношению к Эль-Кано, можно назвать Торибио де Медину, Эрреру, Коэльо, Стефана Цвейга, Генри Гилмарда и Дрейпера (История умственного развития Европы. Киев, 1896).

К безусловным сторонникам Эль-Кано относятся Хосе де Артече, Авелардо Марино Альварес, Сегундо де Исписуа, сэр Клеменс Маркхэм, Кармело де Эчегарай, Эустахио Фернандес Наваретте, Николас Соралусе-и-Субисаррета, маркиз де Сеоане, Пруденсия Парра де Ахирре, а также Амандо Мелон и Руис де Гордехуэла.

Наиболее полная и снабженная прекрасными комментариями биография Магеллана — «*Fernão de Magalhães; a sua Vida e a sua Viagem*» виконта де Лагоа — с начала и до конца написана благожелательно по отношению к великому мореплавателю-португальцу. То же можно сказать и о труде Кейруша Вельозо, а тем более о дневнике спутника Магеллана Антонио Пигафетты.

Среди авторов, настроенных к Магеллану враждебно, можно назвать Жуана Барруша (утверждающего, что Магеллан перешел на испанскую службу по наущению дьявола!), Петра Мартира, Франсиско де Гомару, Фернандо де Каштаньеду, Дамиана де Гоиша, Антониу де Лемуша Фериа э Каштру и Андре Теве⁵.

Если мы намерены составить собственное мнение по этому предмету, у нас, безусловно, есть для этого материал. И все же одного источника не хватает. Как уже говорилось, в английской литературе нет специальной работы, посвященной Эль-Кано. Настоящая книга призвана хотя бы в некоторой степени восполнить этот пробел.

Вступление

ЕГО РОДНОЙ КРАЙ

Когда в 1522 году было завершено первое кругосветное плавание на парусном корабле, к этому событию были

подготовлены лишь самые смелые, романтические умы и самые просвещенные картографы. Когда же 4 октября 1957 года Землю облетел первый искусственный спутник, большинство людей благодаря научно-фантастической литературе и серьезным научным трудам уже давно ожидало чего-то подобного. Вот почему первое путешествие вокруг света потрясло людей 1522 года значительно больше, чем нас поразило в 1957 году запуск в космическое пространство первой «луны», изготовленной человеческими руками. И можно только удивляться, что за четыреста с лишним лет, истекших со дня смерти первого моряка, объехавшего земной шар, на английском языке не вышло ни одной работы о нем. Во время Британского фестиваля 1951 года те, кому было известно имя человека, успешно завершившего это беспрецедентное плавание, были весьма удивлены тем, что в павильоне географических открытий первым кругосветным путешественником был назван Дрейк⁶¹!

— Но позвольте, это же был не Дрейк, а Магеллан! — с недоумением воскликнул неподалеку от меня какой-то посетитель.

Однако ошибся и он. Письма из Испании помогли восстановить истину, и на стенде была сделана соответствующая поправка.

Хуан-Себастьян де Эль-Кано, баск по национальности, — вот кто был тем моряком, который завершил первое кругосветное путешествие, когда в 1522 году в Испанию вернулся под его командованием корабль «Виктория». Однако этот его подвиг — величайший в истории мореплавания — постоянно приписывался другому навигатору. И если путешествие Магеллана освещалось чрезвычайно широко, то предпринятая вслед за ним экспедиция Лоайсы, которую затем непродолжительное время возглавлял Эль-Кано, известна лишь немногим географам и историкам мореплавания. Вот почему о плавании Лоайсы рассказывается в этой книге подробнее, что о плавании Магеллана до того момента, когда Эль-Кано начинает играть в нем видную роль.

Когда я заказала в библиотеке Британского музея одну из наиболее солидных биографий Эль-Кано на испанском языке, оказалось, что страницы книги, единственного в библиотеке экземпляра, не разрезаны, хотя с тех пор, как она была издана, прошло более тридцати лет. Отнюдь не умаляя заслуг одного из величайших мореплавателей, можно все же утверждать, что подвиг Эль-Кано (по причинам, которые будут изложены ниже) превосходит подвиг Магеллана, однако ни одно из много-

численных жизнеописаний Магеллана, имевшихся в библиотеке, не носило следов подобного пренебрежения.

Разумеется, ни музейные экспонаты, ни памятники, воздвигнутые в честь Эль-Кано, не могут дать нам представления о его личности, и все же, рассказывая о нем, обойтись без них мы не можем. Все, что имеет к нему хоть какое-то отношение, ценно как раз потому, что о некоторых периодах его жизни нам известно относительно мало. Именно потому, что творения испанских скульпторов, художников и писателей показывают, насколько различны были их представления об Эль-Кано, исследователю его жизни необходимо внимательно ознакомиться со всеми этими статуями, картинами и книгами. Вот почему наши поиски приводят нас сначала в его родные края, туда, где зримо сохраняется память о нем. Наиболее существенные факты, касающиеся места его рождения, и вопрос о том, где стоял его дом, рассматриваются в первой главе.

В баскской провинции Гипускоа, примерно в трех километрах к востоку от городка Гетария, где родился навигатор, находится городок Сараус. В нем была построена «Виктория» — корабль, на котором Эль-Кано возвратился в Испанию. Знаменательное совпадение — ведь предки Эль-Кано владели усадьбой в приходе Сарауса. Однако отыскать место, где был заложен киль бессмертного корабля, оказалось не так-то легко. Вначале меня послали совсем в другой конец плаи⁷, причем с такой уверенностью! Но как бы то ни было, «Виктория» строилась в 1515 году в Сан-Пелайо — предместье Сарауса, на берегу узкого морского залива. В честь этого события там следовало бы поставить памятник. Место, где строилась «Виктория», можно увидеть, если пройти по полю для гольфа в направлении холма Талайя-Менди, у подножия которого извивается залив.

Именно об этом предместье Сарауса вспоминал среди океанских просторов умирающий Эль-Кано. Он завещал золотой дукат древней часовне Сан-Пелайо, расположенной на самой оконечности мыса. Гетария, где он родился, почтила Эль-Кано памятниками и картинами. И было бы очень хорошо, если бы Сараус, город, сделавший столь много для покорения морей, увековечил место рождения его корабля — первого корабля, обогнувшего земной шар.

Хотя связи Сарауса с Гетарией издавна были очень тесными, они часто носили характер обычного для Страны Басков соперничества, причем не всегда дружеского. Споры о разграничении побережья, а также о продаже рыбы в Гетарии жителями Сарауса приводили в 1622 и 1761 годах к значительным

местным столкновениям. Позже власти Гетарии запретили рыбакам Сарауса, укрывавшимся от бури в ее гавани, продавать там свой улов. Граждане Гетарии, хотя и не отказывались дать приют своим соседям во время шторма, отнюдь не были склонны допускать, чтобы их соперники, используя это обстоятельство, свободно продавали рыбу в их порту. Однако такие мелкие неурядицы теряют всякое значение перед лицом той общей роли, которую сыграли эти два города в величайшем предприятии, какое только знает история мореплавания, — ведь Сараус построил корабль, а Гетария дала этому кораблю капитана для первого путешествия вокруг света.

Когда разыгрывается буря, скалистый берег от Сарауса до Гетарии обретает необычайное величие. Окружающий ландшафт суров и дик, и поэтому огромный памятник, вдруг возникающий там, где дорога выныривает из расселины, производит неизгладимое впечатление. Он так внезапно поражает взгляд путника, что кажется, будто этот памятник возникает из пустоты.

— Ну конечно, это Эль-Кано, — скажет турист, впервые направляющийся в Гетарию. Однако он ошибется. Этот гордый памятник — копия фигуры, которая украшала нос «Виктории», единственного из пяти кораблей Магеллана, завершившего плавание к Островам Пряностей. От памятника взгляд обращается к горбатому острову Сан-Антон. Он похож на кита*, и, глядя на него, мы вспоминаем о том, что в старину баски постигали мореходное искусство, охотясь за китами, — они были самыми знаменитыми китобоями Европы. В Гетарии хранится наиболее древний из «кодексов», которым подчинилось братство баскских рыбаков. Он датирован тринадцатым веком, и многие его статьи посвящены исключительно китобойному промыслу. (Братство, или *Cofradia*, Гетарии входило в знаменитую Эрмандад де ла Марисма — Морской союз, во многом сходный с Ганзой⁸.)

В те дни первый кит, убитый гетарийцами в начале сезона, считался собственностью короля. Энрике II⁹, по-видимому, постеснялся принять целого кита — во всяком случае мы читаем, что в 1376 году он благодарит совет Гетарии за половину туши. Сосед Гетарии Сараус находился в более выигрышном положении, поскольку в фуэро, или хартии, того города, подтвержденной в 1237 году королем Фердинандом III¹⁰, монарх закрепил за собой право на одну двадцатую часть каждого кита «от головы к хвосту, согласно обычаю».

* Местные жители, однако, называют его Мышью.

В 1474 году граждане Гетарии по собственной инициативе постановили отдавать совету половину всех добытых ими китов в благодарность за починку дамбы. В эпоху Эль-Кано существовал обычай жертвовать приходской церкви Сан-Сальвадор языки китов, добытых членами местного братства рыбаков. В гербы большинства городов и селений побережья Страны Басков так или иначе входит изображение кита. Герб Гетарии — пораженный гарпуном кит — не составляет исключения.

В 1209 году Альфонс VIII¹¹ дал Гетарии фуэро Сан-Себастьяна. Эта хартия была очень выгодна для города и, как указывает баский историк Хосе де Артече, весьма способствовала развитию торговли на этом побережье. Например, суда Гетарии освобождались от уплаты пошлин, так же как и все суда, подвозившие в Гетарию припасы. Более позднее фуэро освобождало ее граждан от военной службы — как пешей, так и конной. Еще одно фуэро обязывало все заходящие в порт суда с пшеницей отдавать половину своего груза для снабжения жителей города. Все эти привилегии и позволили Гетарии сыграть столь славную роль в истории мореплавания.

Мы никогда не узнаем, сколько ее сынов принимали участие в тех первых морских походах, которые, как считают многие, задолго до Кабота привели басков к берегам Ньюфаундленда, в самом начале средневековья, под скандинавские небеса, а в XIV веке — в Азовское море, где они занимались рыболовством. Точно так же нам вряд ли удастся узнать, были ли гетарийцы среди тех моряков, которые, как полагают, еще до Колумба* могли достичь с кормчим-баскайцем берегов Нового Света¹³. Пожалуй, ни об одном народе не возникало столько фантастических легенд, как о басках, и не только об их происхождении, но и мореходных подвигах. Роль басков — и очень значительная — в открытии и колонизации Индии вполне доказана, но рассказ о ней не входит в задачу этой книги, как и история их участия в экспедиции Бальбоа, в результате которой был открыт Тихий океан. Отметим лишь, что открытие земель Нового Света обеспечило прекрасный выход энергии этого целеустремленного народа и что Гипускоа, родина Эль-Кано, самая маленькая провинция Испании, вместе с Бискайей помогла расширить заморские владения Испании куда больше, чем любая другая из областей

* Исследования профессора Гельсича и Сезарео Фернандеса Дуро позволяют предположить, что мореходы Страны Басков побывали на Американском континенте еще до XIV века¹².

Пиренейского полуострова. После Эль-Кано два гипускоанца, Урданета и Легаспи, утвердили господство Испании в Тихом океане, а в последующие века два их земляка, «непобедимый адмирал» Окендо и Лесо¹⁴, поддерживали это господство в восточной Атлантике.

Провинция Гипускоа, как и Бискайя, славилась своими рыболовными флотилиями, и Эль-Кано, следуя старинной традиции, несомненно, с ранней юности должен был привыкнуть к жизни моряка. В его время производство кукурузы и чаколи — дешевого красного вина, которое сейчас широко потребляется в Гипускоа (лучшим считается чаколи Гетарии), — практически не существовало. Рыболовство было основным промыслом; оно в изобилии обеспечивало население сельдью, лещами, тунцами, угрями, окунями, омарами, анчоусами и сардинами. Помимо рыболовства жители Гетарии занимались еще изготовлением сидра.

Гетария и ее окрестности были родиной не только рыбаков, но также мореходов и кораблестроителей. Из этого крохотного уголка, затерянного на длиннейшем побережье Западной Европы, вышло много знаменитых мореплавателей, а в Гипускоа судостроение было традиционным занятием и передавалось в семьях из поколения в поколение. В этой провинции, как и на верфях Бискайи, строились корабли и для королевского флота Испании. Дева, Мотрико, где в 1507 году был построен прославленный галеон «Нуэстра сеньора де ла Пьедад», Сараус (где, как мы видели, была спущена на воду «Виктория») — все это были небольшие порты вблизи Гетарии, родного города Эль-Кано; и детство Хуана-Себастьяна прошло возле узких заливов, где прилежно трудились корабельные мастера. Как ни странно, именно обилие дубовых лесов в родной провинции Эль-Кано, благодаря которым верфи Сарауса и Девы обеспечивали работой столько людей, вынуждало других гипускоанцев уходить в море. В XV веке, в конце которого родился Эль-Кано, леса в Гипускоа сильно ограничивали площадь, занятую лугами и пахотными землями. Берег приходилось покидать и еще по одной причине: в этом климате оливы не росли, и жир нужно было добывать в море; таким образом, китобойный промысел был для басков экономической необходимостью.

Однако удивительным кажется и то, что столько гетарийцев откликалось на зов моря. Ведь, как указывает Артече в своей подробной биографии Эль-Кано, Гетария во времена Хуана-Себастьяна была портом, где постоянно укрывались терпящие бедствие суда.

«Эта история начинается с парадокса,— говорит Артече, описывая Гетарию.— Первый человек, совершивший кругосветное плавание, родился в порту-убежище. В наши дни на широком молу стоит большое здание, в котором могут разместиться все рыбаки из близлежащих портов. Но в ту эпоху такого приюта в Гетарии не было. Пока бушевала буря, кучки замерзших, насквозь промокших людей жались на церковном дворе у стены, стараясь укрыться от ветра. И эта картина — вереницы молчаливых рыбаков, бредущих под дождем и градом по узким улочкам к чужим дверям,— должна была неизгладимо врезаться в память».

Бесстрашие, с каким гетарийцы бросались на помощь гибнущим, вошло на побережье в легенду. Гавань в те давние годы была очень узкой, и обычно в ней теснились рыбацьи суда из других мест, прельщенные удобным входом и хорошей глубиной; собственно говоря, долгое время Гетария была единственным надежным убежищем в этой части Гипускоа до самого Бильбао в Бискайе.

Однако подобные картины не помешали Эль-Кано избрать по примеру многих его сограждан профессию моряка. Если огромные волны, разбивающиеся о прибрежные скалы, и внушали людям благоговейный страх, они в то же время пробуждали в них стремление покорить стихию, которая несла им не только смерть, но и жизнь. Народ, в доисторические времена обитавший по берегам и на островах Средиземного моря и завещавший нам многие их названия, овладел искусством мореплавания еще до начала «арийской» иммиграции в Европу. И среди портов кантабрийского побережья¹⁵ Гетария принадлежит к тем, которые были свидетелями наиболее кипучей деятельности этого народа. Множество судов получали благословение в церкви Сан-Сальвадор вблизи порта.

В этой церкви, семейной церкви рода Эль-Кано, на каменной плите недалеко от входа высечен герб Эль-Кано и слова: «*Tu Primus Circumdedisti Me*»¹⁶. Полустертая надпись на испанском языке сообщает: «Это гробница знаменитого капитана Хуана-Себастьяна Эль-Кано, уроженца и гражданина *poble u leal*¹⁷ города Гетарии, первого человека, который обошел вокруг света на корабле «Виктория», и в память этого героя воздвиг сей монумент дон Педро де Эчаве-и-Асу, рыцарь ордена Калатравы¹⁸, в году 1661. Молитесь за того, кто первым совершил кругосветное плавание».

Но великий мореплаватель покоится не здесь. Могилей Эль-Кано стал Тихий океан; крест на глобусе в сан-себастьянском музее Сан-Тельмо указывает место, где, как полагают,

находился корабль Эль-Кано в день его смерти — 157° з. д., 9° с. ш. И все же прекрасно, что благочестивый строитель гробницы воздвиг памятник капитану-баску в той же церкви, где он был окрещен. Место для плиты выбрано очень удачно: рядом нет других могил, и она обязательно напомним каждому, кто проходит мимо, о славе, заслуженной Эль-Кано.

В сентябре 1922 года провинция Гипускоа праздновала четырехсотлетие возвращения «Виктории» из этого плавания. После визита в Гетарию испанской эскадры и иностранных кораблей и торжественного богослужения в церкви Сан-Сальвадор в столице Гипускоа Сан-Себастьяне, во Дворце депутации, был открыт Зал Эль-Кано.

В этом зале висит портрет Эль-Кано кисти Сулоаги¹⁹ — наиболее значительное произведение этого художника; там же находится и картина Салаверриа, изображающая возвращение «Виктории» в Севилью. Уцелевшие участники экспедиции сходят по дощатому трапу на набережную; Эль-Кано, в белой рубашке и босой, держит в руке зажженную свечу — он идет в трианскую церковь, исполняя обет, который он и его команда дали в благодарность за чудесное спасение во время бури. Эта картина особенно интересна разнообразием типов, которые создал художник, изображая моряков, измученных долгими испытаниями. Тема дала простор для редкостного таланта этого выдающегося мастера, одного из самых чутких интерпретаторов психологии басков. Созданный его воображением образ Эль-Кано воплощает всю чистоту, силу и в то же время проникновенность искусства художника.

В другом помещении Дворца депутации хранится архив провинции Гипускоа, и в частности копии всех важнейших документов, имеющих отношение к Эль-Кано*. Фасад здания украшен бюстами пяти великих гипускоанцев: Урданеты, Эль-Кано, Окенды, Лесо и Легаспи — все они, как уже упоминалось, сыграли выдающуюся роль в морской истории Испании.

Как и в Гетарии, в Сан-Себастьяне есть улица Эль-Кано; она начинается от площади Депутации и ведет к морю, а оттуда — к улице Лос-Эстерлинес в старом городе. Название этой улицы сохранилось с начала XIV века, когда у басков было свое консульство в Брюгге, а ганзейских агентов в Сан-Себастьяне называли лос-эстерлинес. В те дни между Сан-Себастьяном, Гетарией и Бермео был заключен морской союз, и в 1348 году они отдельно от Кастилии открыли в Брюгге свое

* Большинство оригиналов находится в Главном архиве Индий в Севилье.

консульство. Оно занимало второй по величине консульский дворец в этом городе. Когда идешь по Лос-Эстерлинес к старому порту и смотришь на прекрасно оборудованные дизельные сейнеры, невольно начинаешь сравнивать их с судами эпохи паруса, с утлыми лодками, на которых из этого порта и из Гетарии Эль-Кано и его сверстники-мальчишки отправлялись в море за сардинами, txirretones, kagatagto и всякими крабами, а затем, на пороге зрелости, уходили в долгие, полные приключений плавания, вознаграждавшие их богатым уловом лещей и тунцов. Реликвии тех дней можно увидеть в Океанографическом музее, если продолжить прогулку по порту. В этом музее находится знаменитая модель «Виктории», макет ее кормы, а также огромный глобус с нанесенным на него маршрутом кругосветного плавания. На глобусе, как мы уже говорили, крестом помечено то место в Тихом океане, где, по общепринятому мнению, скончался Эль-Кано. В музее есть картина, изображающая смерть Хуана-Себастьяна на руках его протеже и земляка Урданеты, который позже прославился тем, что первым проложил путь через Тихий океан с запада на восток. Рядом стоит модель раннеготической церкви Сан-Сальвадор в Гетарии, где похоронены предки Эль-Кано, и висит гравюра, изображающая Хуана-Себастьяна. Создавая его образ, художник исходил из того, что в пожилом возрасте баски нередко полнеют. Его Эль-Кано совсем не похож на худощавого Эль-Кано Сулоаги: у него холеный вид, и на его лице нельзя подметить следов заботы или деятельной мысли. Трудно поверить, что подобный человек бывал в далеких плаваниях.

От музея широкая аллея ведет вниз по склону горы Ургулл к восточному берегу бухты Сан-Себастьян, и внезапно перед вами на мысу возникает корабельная мачта. У ее основания стоит прекрасная бронзовая статуя Эль-Кано. Место для нее выбрано очень удачно, так как высоко над ней на выровненной площадке у обрыва вздымаются руины замка Мота; замок этот был построен в годы правления Карла V, на чьей службе великий мореплаватель и совершил свой легендарный подвиг.

Вид, открывающийся на эту статую и на бухту Сан-Себастьян, поистине великолепен. Рука Эль-Кано поднята, ладонь обращена в ту сторону, где за бискайскими горами лежит опоясывающий землю океан, по которому дерзновенный баск совершил свое кругосветное плавание. Эль-Кано изображен тут как «великий капитан», при шпаге и в шляпе с плюмажем. Под его левой рукой выбита надпись: «Viage al Rededor del Mundo, 8 de Setiembre de 1522»²⁰.

У его ног выгравирован герб, а под ним надпись: «Juan Sebastian Elcano, Hijo de Guetaria, Primero Que Dio la Vuelta al Mundo, 1476—1526»*.

(«Хуан-Себастьян де Эль-Кано, сын Гетарии, первый, кто совершил кругосветное плавание».)

Сбоку на ограде из песчаника, окружающей статую, имеется надпись, посвященная человеку, который в юности был пажом Эль-Кано и вместе с ним отправился на кораблях Лоайсы к Островам Пряностей. Этот юноша, Андрес де Урданета, стал мореплавателем, а потом монахом. Мы видели его бюст на фасаде Дворца депутации рядом с Эль-Кано и Окендо. На улице Наварра, в доме Окендо, построенном в 1540 году отцом «непобедимого адмирала», как с полным основанием назвал Окендо его главный противник ван Тромп, есть комната, посвященная памяти Эль-Кано. Из ее двойных окон открывается вид на склоны горы Улиа, где морские волны некогда разбивались о мощные стены дома Окендо.

Естественно, что Сан-Себастьян гордится Эль-Кано, и эта гордость обретает зримую форму в музее Сан-Тельмо, посвященном культуре басков и хранящем материальные памятники их свершений. И само название музея напоминает об Эль-Кано, ибо Сан-Тельмо—это те «огни бури»²¹, то знамение спасения, которое не раз видели Хуан-Себастьян и его спутники, когда на пути к Молуккам их настигал ураган. Внутри музея, в той его части, которая некогда была доминиканской часовней, в коллекции настенной живописи есть рисунок сепией по золотому фону: «Виктория» у берегов тихоокеанского острова, а на переднем плане—Эль-Кано, стоя в шляпке, наблюдает за измерением глубин лотом.

Однако не мирная тишина бывшей часовни и не уютная, обсаженная тамариском маленькая площадь перед музеем обращают наши мысли к Эль-Кано. Нет, в первую очередь память о нем живет в тех кипящих валах, что во время шторма врываются в бухту Сан-Себастьян и в гавань Гетарии, с грохотом разбиваясь о стены, которые в дни капитана-баска нередко поддавались под их неистовым натиском. Этот берег, где часто бушуют подобные бури, и маленький рыбачий порт, некогда наполовину поглощенный морем, были достойным местом рождения человека, который совершил величайший подвиг в истории мореплавания.

* Относительно даты рождения Эль-Кано см. с. 141.

*Глава I*ШТУРМАН
ВО ФЛОТИЛИИ МАГЕЛЛАНА

Хотя точная дата рождения Эль-Кано до сих пор окончательно не установлена, есть много оснований полагать, что он родился в 1487 году и, следовательно, когда он умер, ему было около сорока лет. В 1519 году, давая показания перед следственной комиссией в Севилье, Хуан-Себастьян заявил, что ему «около тридцати двух». Если считать его слова доказательством того, что он действительно родился в 1487 году, то, значит, он был на четыре года старше Игнатия Лойолы²²; Мигель Лопес де Легаспи, завоеватель Филиппин, родился около 1500 года, Франциск Ксавьер²³ — в 1506 году, а Андрес де Урданета, открывший наиболее удобный путь через Тихий океан с запада на восток, — в 1508 году. Таким образом, как указывает историк Артече, эти годы чрезвычайно важны для истории басков. Он справедливо утверждает, что «Хуан-Себастьян, самый старший из них, открывает дороги мира для этого созвездия своих земляков».

Считается, что свою фамилию величайший из всех гипускоанских мореплавателей унаследовал от рода Эль-Кано, некогда проживавшего у границ городских общин Айя, Гетария и Сараус. Округ Эль-Кано принадлежит к древнейшим областям этой провинции. Он упоминается в приходских книгах общины Айи в 1025 году*. В этой области бытует предание, что предкам Хуана-Себастьяна принадлежала одна из трех тамошних усадеб, носивших название Эль-Кано. В наше время эта фамилия в Гипускоа исчезла, но ее носят жители деревушки Эхуэс в Наварре. Некоторые баскологи считают, что фамилия происходит от баскского слова «Elk-ано», означающего «возделанные поля».

Побережье, образующее северную границу маленькой области, прежде называвшейся Эль-Кано, почти всюду прекрасно, если следовать обычным эталонам прекрасного, однако здешний климат отнюдь не располагает к блаженному покою; великолепные бури и высящиеся вдали вулканические хребты напоминают о буйстве стихийных сил. Баски не отличаются особой любовью к живописи и к красотам природы; одного пейзажа, даже самого прекрасного, мало, чтобы привязать их к родной земле. Баска, родившегося на побережье, в отличие

* *Gorosabel*. Diccionario Histórico Geografico-Descriptivo de Guipuzcoa. Tolosa, 1862. P. 11.

от его земляков во внутренних областях нередко влекут чужие края. Как мы убедимся, именно эта страсть была присуща семье, в которой родился Эль-Кано.

Гетария, родной город Эль-Кано, находится на кантабрийском побережье, на полпути между мысом Игера возле франко-испанской границы и мысом Мачичако за Герникой. Часть города расположена на восточном склоне горы, и существует предположение, что название Гетария происходит от двух баскских слов: «гарате» — «горный склон» и «ириа» — «селение». Приморские кварталы занимают впадину на скалистом мысу, далеко вдающемся в море. Накатываясь с запада, волны в зависимости от погоды или тихо плещутся у берега, или яростно бьются о скалы; на востоке от самых опасных северо-западных ветров город защищает скала Сан-Антон, некогда бывшая островом. Маленькая гавань у подножия Сан-Антоня ограждена волноломом и служит удобным приютом для рыбацких лодок и каботажных судов. Маяк на вершине Сан-Антоня — путеводная звезда застигнутых штормом моряков — не раз приходил на память Эль-Кано в зрелые годы, когда небесные «огни бури» вспыхивали на мачтах швыряемого волнами судна, возвещая затишье.

С горбатой вершины Сан-Антоня, заросшей бузиной, ежевикой и высоким серебристо-голубым репейником, где армерия и клевер стараются отвоевать себе местечко у победоносного утесника, Эль-Кано и мальчиком, и взрослым мужчиной не раз смотрел вниз на Кантабрийское море, а зимой слушал, как грохочут ледяные волны, дробясь о скалы. Перед ним не было ничего, кроме Атлантического океана, простирающегося до самой Америки. Позади него прямо из моря вставали сложенные из песчаника стены древней крепости, за которыми теснились дома. Вспененные валы разбивались о старую дамбу Гетарии, а в сильные штормы заливали узенькую улочку, уходящую в сводчатый проход под церковью Сан-Сальвадор. Эта церковь была построена в виде арки над улицей, чтобы не занимать лишнего места на мысу, который так узок, что на нем уместилось только три улицы, причем все они расположены на разных уровнях.

Так где же в этом тесном портовом городке находился отчий дом Эль-Кано? Одни утверждают, что он стоял возле каменистого поля на западном берегу гавани, в некотором отдалении от городка. Там вам покажут место, где по склону холма лепятся несколько корявых инжирных деревьев и изуродованных ветрами горных сосен, под которыми льнут к камням жалкие виноградные лозы и кусты вереска.

Однако теперь большинство исследователей (в том числе и автор этой книги) разделяет мнение Эустахио Фернандеса Наваррете, который в своей «Истории Хуана-Себастьяна Эль-Кано» воссоздает план Гетарии той эпохи. На нем он пометил место в черте города, где стоял дом семьи Эль-Кано, который, как *каса солар*²⁴, приравнялся к домам рыцарей, что давало право его обитателям носить оружие. Это был один из шести самых больших домов Гетарии. Во время страшного пожара в ночь на 6 января 1597 года, в канун праздника поклонения волхам, этот дом сгорел дотла. В огне погибли все семейные документы и, по мнению одного автора, глобус Хуана-Себастьяна*. В эту эпоху дом (принадлежавший Рамону де Лардисабалю, тогдашнему главе рода) служил арсеналом. Незначительное меньшинство по-прежнему не склонно считать подлинным то место, где, по преданию, стоял дом Эль-Кано; гетарийцы же не только из поколения в поколение показывали его приезжим, но даже улицу называли именем Эль-Кано. На ней некогда стояли родовые дома басков благородного происхождения — до сих пор на фасадах сохранились гербы старинных родов; в одном из этих домов, согласно преданию, и родился Хуан-Себастьян, сын Доминго де Эль-Кано и Каталины дель Пуэрто** (обе эти фамилии были исконно гетарийскими).

Родился Эль-Кано, по-видимому, в 1487 году, кроме него в семье было еще семеро детей, не считая Марии, побочной дочери его отца. Старший брат Хуана-Себастьяна женился, и у него было двое сыновей. Второй его брат, Доминго, стал священником в Гетарии. Хуан-Себастьян был третьим сыном. Четверо его братьев — Мартин-Перес, Антон, Хуан-Мартин и Очоа — стали моряками, как и он сам, и все они отправились с ним во вторую экспедицию к Островам Пряностей***. Муж его сестры Себастьяны был из рода Гайнса, и в настоящее время представителями рода Эль-Кано остаются Лардисабали, их потомки. Младшая сестра Инес вышла замуж за Сантьяго де Гевару из Мондрагона, кормчего, который отправился с Хуаном-Себастьяном и его братьями в путешествие к Молуккам.

Необходимо заранее сказать, что о личности Эль-Кано известно очень мало. У первого кругосветного путешественника не было биографа-современника и не сохранилось ни одного его подлинного портрета. Более того, прошло почти

* *Isasti. Compendio Historial de Guipuzcoa. Madrid, 1850. P. 98.*

** Более древняя форма, употреблявшаяся также и в последующие века, была «Порту».

*** См. сноску на с. 226.

триста пятьдесят лет, прежде чем появилось первое серьезное исследование о нем. Непосредственно от Эль-Кано до нас дошло только его письмо к императору после возвращения из первого кругосветного плавания, несколько более поздних прошений и, главное, его духовная. Если он вел дневник, то есть еще надежда, что когда-нибудь этот дневник отыщется, как и записи, которые он, как известно, делал на обратном пути. Однако в своих поступках и сохранившемся завещании Хуан-Себастьян настолько раскрывается как человек, что у нас появляется возможность воссоздать необыкновенную натуру, в которой героизм и упорство, беспощадность и честолюбие, благочестие и родительские чувства, коварство и тщеславие, справедливость и честность слагаются в единое и противоречивое целое.

Как он выглядел? Статуя, воздвигнутая на главной площади Гетарии в 1934 году, изображает его бородатым и гораздо старше, чем он представлялся художнику, писавшему тот портрет, который находится в Мадридском военно-морском музее и воспроизведен в этой книге*. Его правая рука опирается на румпель, в левой — компас, одной ногой он наступил на канат. Образ Эль-Кано, запечатленный в этой прекрасной мраморной статуе**, проникнут большим достоинством, чего нельзя сказать о некоторых гравюрах, на которых широкоплечий толстяк указывает на себя свитком, отчего надпись «*Primus circumdedisti me*» приобретает оттенок неприятной хвастливости. Пьедестал статуи украшен барельефом «Виктории». В ратуше, расположенной на той же площади, хранится прекрасная копия картины Сулоаги. Лицо великого мореплавателя на ней великолепно: резкость его черт удивительно гармонирует с той суровостью, которую вкладывает художник в скалистый пейзаж Гетарии. Однако при первом взгляде картина эта может произвести странное впечатление. Каждый из нас создал свой образ Хуана-Себастьяна, прежде чем ознакомиться с тем, как представляли его себе художники, и многих, особенно тех, кто знает статую, изображающую великого капитана, величественного в своем властном спокойствии, удивит это яростное лицо и безумные глаза, словно видящие кораблекрушение и бури. И все же обе эти концепции необходимы для того, чтобы понять жизнь такого человека — первооткрывателя и завоевателя.

* Так изображали художники Эль-Кано в XIX веке.

** Прежде эта статуя находилась в Мадриде, но по инициативе донна Хосе-Марии де Агината, бывшего секретаря испанского посольства в Лондоне, она была перенесена в Гетарию и торжественно открыта там в присутствии Альфонса XIII и Виктории-Евгении.

«Asi supondo que debió de ser nuestro gran Sebastian del Cano» (таков, по моему мнению, мог быть облик нашего великого Эль-Кано), — написал Сулоага внизу картины. Но каждый из нас волен сохранить собственное представление об Эль-Кано. Или же мы можем принять его таким, каким он изображен на оригинале картины Сулоаги: герой, воплощающий стихийные силы, смуглый, с худым лицом, на котором особенно выделяются белки глаз, чем-то похожий на пирата — большая оливково-зеленая шляпа, кожаные куртка и штаны, малиновые чулки и сандалии. Он стоит на каменистом уступе, спиной к острову Сан-Антон и сине-зеленому морю. Сбоку, над утесом, — церковь Сан-Сальвадор, его церковь в Гетарии.

Хуан-Себастьян любил свою приходскую церковь, как явствует из его духовной, где он упоминает о том, что в ней «погребены мой отец и мои предки», и завещает ей некоторую сумму. Из этого упоминания можно также заключить, что семья Эль-Кано занимала видное положение, ибо он ставит условием, чтобы ежегодные поминальные службы по нем, как и заупокойная месса, которую надлежит отслужить по нему у гробницы его предков, соответствовали тому, что приличествует человеку его положения. Церковь Сан-Сальвадор так тесно связана с юными годами Эль-Кано, что, исследуя окружение величайшего из сынов Гетарии, необходимо подробно о ней рассказать. Эта красивая церковь раннеготического стиля, ныне национальный памятник, построена в XIII веке из песчаника с острова Сан-Антон. Колокольня сгорела в 1760 году во время грозы и была повреждена пушечными ядрами в эпоху карлистских войн²⁵, когда город подвергся осаде.

Войдя внутрь церкви Сан-Сальвадор, тотчас же вспоминаешь корабль. Пол от дверей поднимается так круто, что алтарь кажется вознесенным волной носом корабля. Маленькие, высоко расположенные окна напоминают иллюминаторы. К алтарю, построенному в 1612 году, с двух сторон ведут две лестницы — особенность, как указывает историк Горосабель, не встречающаяся ни в одной другой церкви Гипускоа. Алтарей два — один расположен над другим; пространство, которое они занимают, очень узко, и кажется, что сводчатая ризница сужается к дальнему своему концу, так что стена за алтарем не воспринимается как прямоугольная. Противоположный конец церкви выглядит усеченным и широким; там по всей ширине нефа тянутся одна над другой две галереи; нижняя галерея расположена под низкой пологой аркой, которая еще усиливает ощущение ширины, а ее массивные дубовые балки, темные,

как шпангоуты «Виктории», сразу вызывают в памяти корабельную корму.

Именно в церкви Сан-Сальвадор состоялось в 1397 году заседание первой созданной в Гипускоа хунты (общего совета провинции). На эту хунту собрались представители разных городов, и впервые фуэрос всей провинции были сведены в единое целое. (В настоящее время в главном зале сан-себастьянского Дворца депутации можно видеть прекрасно сохранившееся вышитое знамя одной из таких хунт, собравшейся тоже в Гетарии в 1591 году.)

В отличие от Магеллана, лишь однажды упомянувшего свой родной Опорто, Хуан-Себастьян в своем завещании часто упоминает Гетарию. Начало истории этого рыбацкого порта теряется в седой древности. Право возводить укрепления он получает со времени хартии, дарованной ему 1 сентября 1209 года королем Альфонсом VIII, который, вернувшись из своего похода во Францию, стремился укрепить кантабрийское побережье и увеличить численность населения тамошних городов. В начале XIV века Гетария была одним из важнейших городов провинции Гипускоа, и в 1315 году ее представитель заседал в кортесах в Бургосе. Во время Столетней войны²⁶ многие гетарийцы с честью служили во французском флоте. Отличались они и в морских битвах, которые из поколения в поколение происходили между рыболовными флотилиями басков и англичан, пока наконец в 1351 году Гетария вместе с бискайским портом Бермео и кантабрийским портом Кастро-Урдьялес не отправила посольства в Лондон, где был подписан договор с полномочными представителями английского короля Эдуарда III. Этот договор объявлял перемирие на ближайшие двадцать лет, однако наиболее интересны те его статьи, в которых впервые устанавливается понятие о свободе морей и о гарантиях свободы торговли и рыболовства.

В провинции Гипускоа не было больших городов, и в том веке, в котором родился Эль-Кано, в списках хунт их числилось только двадцать шесть; среди них названа и Гетария. Ее значение возрастало потому, что она была вторым после Сан-Себастьяна портом, через который в Наварру ввозились иностранные товары; эти товары выгружались в Гетарии, а оттуда доставлялись по суше в Толосу, главный торговый центр королевства Наварра. После Великого пожара 1597 года, почти совсем уничтожившего город, Гетария оправилась довольно быстро; однако в 1638 году заново отстроенный город серьезно пострадал от взрыва крюйт-камер на нескольких кораблях

адмирала де Осеса, чья эскадра укрылась в его порту от англичан и французов.

Ныне главная площадь Гетарии, мирная и безлюдная, оживляется лишь с прибытием автобусов из Сарауса или Сумайи, а также грузовиков с рыбоконсервных заводов, имеющих столь большое значение для экономики побережья, да изредка игрой в пелоту²⁷. Совсем иной была, вероятно, эта площадь в давние времена. В старину, как и в дни Эль-Кано, она служила одним из главных пунктов обороны Гетарии, но, поскольку город расположен у подножия холма, он оказывался беззащитным, если нападение велось с суши и врагу удавалось захватить высоты. Батареи на площади были недостаточно мощными, чтобы оборонять порт, и не спасли мыс Сан-Антон от наполеоновских войск в 1813 году. Поэтому в эпоху карлистских войн там были поставлены дополнительные батареи, обслуживавшиеся артиллеристами из Сан-Себастьяна. Тем не менее в 1836 году напавшие на Гетарию карлисты разрушили большую часть укрепленной стены на перешейке, и гарнизон был вынужден отступить на Сан-Антон. Из ста девятнадцати домов внутри городских стен уцелело только шестнадцать*.

Но сердце Гетарии остается все таким же, и теперешняя Гетария отличается от Гетарии времен Эль-Кано лишь некоторыми изменениями в архитектуре зданий. Над теми же узкими переулками, совсем темными от высоких домов по обе их стороны, по-прежнему колышется полог сушащегося белья, фасады выбелены так же чисто, а возле бакалейной лавки — тот же резкий аромат «голландского» сыра, который в Испании пахнет, по-видимому, сильнее, чем где-либо еще. Те же запахи соленой воды, оливкового масла, рыбы и мокрой пеньки заполняют вымощенные булыжником улицы, как и в те времена, когда Эль-Кано спускался по ним к порту. А главное, на этих улочках можно услышать тот же язык, на котором говорил он сам, хотя и реже, чем в его дни. И это внушает тревогу всем тем, кто убежден, что язык басков, возможно, является последним европейским реликтом того языка, на котором говорило человечество в эпоху верхнего палеолита. Мне было очень приятно, что маленькая девочка, которая вызвалась быть моей проводницей, на языке басков вела длинный разговор со священником, у которого она осведомилась, действительно ли Эль-Кано был крещен в купели, стоящей теперь в церкви Сан-Сальвадор. Купель эта замечательна своими размерами: большая каменная чаша на

* *Navarrete E.F. de. Historia de Juan Sebastian Del Cano. Vitoria, 1872. P. 187.*

пьедестале, а над ней вздымается деревянный балдахин, сужающийся кверху и увенчанный крестом.

Хотя мы знаем, где крестили Хуана-Себастьяна, о его детстве и ранней юности не известно практически ничего. Нить жизни Эль-Кано нам удастся вновь отыскать только с той поры, когда ему исполняется примерно двадцать лет. Часто утверждалось, будто он в качестве солдата принимал участие в итальянских походах великого капитана Гонсало де Кордовы²⁸. Однако если Эль-Кано родился, как принято теперь считать, около 1487 года, то первая из этих кампаний завершилась за пять лет до его рождения. Тем не менее почти общепризнано, что в 1507 году, когда Гонсало де Кордова возвращался из Италии во главе победоносной армии короля Фердинанда, двадцатилетний Эль-Кано служил на одном из судов, перевозивших солдат в Валенсию. К тому времени, когда вернулся сам Фердинанд, кардинал Хименес де Сиснерос²⁹, архиепископ толедский и самый могущественный человек в Испании, уже осуществил первую часть своего заветного плана — объединения четырех королевств (Арагона, Кастилии, Гранады и Неаполитанско-Сицилийского), союз которых на время распался из-за смерти королевы Изабеллы³⁰. Мавры были изгнаны из Испании; Сиснерос стремился разбить их и в Северной Африке. Ведение этой войны он рекомендовал поручить великому капитану Гонсало де Кордове, но Фердинанд, недовольный популярностью, которую принесли этому замечательному полководцу победы в Италии, отклонил предложение Сиснероса, и тот сам возглавил испанскую армию в этом крестовом походе.

На заре 16 мая 1509 года престарелый кардинал (ему было тогда семьдесят три года) отплыл из Картахены в Оран. Двадцатидвухлетний Эль-Кано служил на одном из судов экспедиции. Десять больших кораблей и восемьдесят судов поменьше должны были доставить в Африку около девяти тысяч человек пехоты и свыше трех тысяч кавалерии. Суда приняли на борт колоссальный груз, в том числе и мешки с золотыми монетами для выплаты жалованья войскам. Кардинал уже давно мечтал о крестовом походе против мавров на североафриканском побережье, где укрепились пираты. Но, хорошо зная скаредность Фердинанда, он не сомневался, что добиться необходимых средств непосредственно от короля вряд ли удастся, и поэтому в течение многих лет копил в старинной башне в Уседе деньги для этой войны. И вот теперь, когда среди солдат в Малаге возникло недовольство и они потребовали жалованье вперед, Сиснерос приказал переносить деньги на корабли с торжест-

венными церемониями. Тут, как и во многих других случаях, кардинал показал себя любителем психологических эффектов: погрузка казны сопровождалась даже военной музыкой!* (Эль-Кано, наверное, улыбнулся, заметив, что доставленные в Картахену мешки были завязаны лентами разных цветов. Такие кокетливые ухищрения совсем не соответствовали тому, что ожидало этих моряков и солдат, — он, несомненно, предвидел, что им предстоит кровопролитнейшие битвы.)

Штурман Эль-Кано был обязан разместить на корабле пушки и «порох без ограничений», как того требовал командовавший экспедицией Педро де Наварро³¹, военный инженер, закаленный ветеран итальянских и североафриканских кампаний. Приходилось также подыскивать место и для причитавшейся им доли тех семисот тонн сухарей, которые потребовал для армии Наварро.

Флот, подняв на рассвете якоря, миновал остров Геркулеса у выхода из обширной бухты Картахены. Опаленные зноем бурые горы, круто обрывающиеся в море, лишь чуть-чуть розовели, когда корабли поставили паруса, но они успели погрузиться в лиловую тень, прежде чем флот завидел берега Алжира. Тут дозорные сообщили, что на холмах вокруг Масалькивира (Мерс-аль-Кебира) пылают сигнальные костры. Мавры, несомненно, знали о готовящемся нападении и теперь призывали к оружию окрестные племена. Сиснерос и его войско высадились в маленьком порту Масалькивир, который испанцы захватили за четыре года до этого.

На следующий день испанским морякам и солдатам довелось увидеть редкостное зрелище. Перед ними верхом на белом муле предстал престарелый архиепископ толедский в своей кардинальской шапке. Его архиепископская мантия была опоясана мечом. Темные глаза на морщинистом исхудалом лице горели ярче обычного. Впереди него несли огромный серебряный крест Толедо, который христианский архиепископ воздвиг в Альхамбре в тот день 1492 года, когда Боабдиль сдал Гранаду католическим государям — Фердинанду и Изабелле³².

Затем кардинал Хименес де Сиснерос обратился к войску с речью:

— Много лет вы видели, как мавры опустошали ваши берега, увозили ваших детей в рабство, бесчестили ваших жен и дочерей. Ныне настал день, которого вы так долго ждали, — день отмщения за эти бесчинства!

* *Gómez Alvaro. De rebus gestis Francisci Ximenii. Lib. IV. P. 106.*

Целью экспедиции был Оран, служивший базой крупнейшему пиратскому флоту, а ключом к этому городу считался холм, расположенный на полпути между ним и Масалькиви-ром. Пока в сумерках шел штурм этой позиции и испанская конница преследовала бегущих мавров по всей равнине до ворот города, корабли под покровом внезапно опустившегося тумана подошли к самому Орану и атаковали его с моря. С корабля Эль-Кано, как и со всех остальных, моряки затем высадились на берег, чтобы соединиться с войсками Сиснероса, которыми командовал Наварро.

С востока подул сухой и горячий ветер; багровое солнце быстро заходило; и город-крепость на холме над портом аелл, словно погребальный костер, когда солдаты и моряки с воинственным кличем «Святой Иаков и Хименес!» пошли на приступ. Лестниц не хватало, но это не останавливало испанцев — многие солдаты втыкали пики в стену и так взбирались наверх.

С крутого склона горы Джебель-Мурджажо и с опаленного солнцем желтого плато с редкими купами финиковых пальм и олив на штурмующих градом сыпались стрелы и камни. Но ничто не могло остановить их натиска, и цитадель была взята. Оран пал в ту же ночь, и началось беспощадное избиение его жителей. Погибло около четырех тысяч мавров, но всего лишь тридцать испанских солдат. Легкость, с которой была взята крепость, позже породила в Испании множество догадок и сплетен: одни объясняли эту молниеносную победу предательством живших в городе евреев, другие — изменой сборщиков податей, которые якобы отдали ключи от города, чтобы спасти свои дома, третьи же, наконец, утверждали, что армию Наварро тайно впустил в Оран начальник над евреями.

Как только Наварро вступил в город, он освободил из темниц рабов-христиан, чье бедственное положение Эль-Кано не мог забыть до конца своих дней. И в самом начале его завещания, составленного семнадцать лет спустя, упоминается монашеский орден, который выкупал таких пленников. Однако испанцы, освободив в Орানে триста пленников-христиан, доставили королю Фердинанду немалое число рабов-африканцев. Эль-Кано и его товарищи привезли на родину необычный груз: не только сокровища мечетей, но и множество верблюдов. Впрочем, их заботам было поручено и нечто гораздо более ценное (во всяком случае в глазах кардинала Сиснероса) — захваченная в Орানে коллекция арабских рукописей, которую он предназначал для обогащения своего любимого детища — недавно учрежденного им университета в городе Алькалá-де-Энарес. Когда корабли входили в родные гавани, матросы на

борту кричали: «Африка для дона Фернандо!» Клич этот впервые прозвучал в Масалькивире. В упоении победы король Фердинанд, чью алчность оранская добыча только раздражила, был бы не прочь прибрать к рукам Африку, если бы это оказалось возможным. С благословения папы была подготовлена новая экспедиция с гораздо большим числом судов — одна только провинция Гипускоа предоставила для нее сто больших кораблей. Скорее всего именно там, в своей родной провинции, Эль-Кано раздобыл корабль, собственником которого он значился, когда принял участие в новой экспедиции. Она завершилась тем, что в следующем году Наварро завоевал Триполи. Однако вслед за этой победой его войска потерпели поражение у Гелеса, его флот понес значительные потери, и поход на этом закончился.

Эль-Кано стал теперь собственником и капитаном судна водоизмещением двести тонн*. Поскольку ему было только двадцать три года, можно сделать вывод, что он обладал выдающимися способностями. Однако его постигла судьба многих других капитанов на испанской службе — неблагоприятное правительство не выдало ему причитающихся денег. Чтобы выплатить жалованье команде, Эль-Кано вынужден был занять нужную сумму у каких-то савойских купцов, а когда последние потребовали возвращения долга, ему пришлось продать свой корабль, что было нарушением закона. Продажа вооруженного испанского судна иноземцам каралась штрафом в размере полученной платы, а также конфискацией половины имущества. Кроме того, люди, виновные в подобном поступке, подвергались аресту и за свой собственный счет препровождались к королевскому двору. Там им оставалось уповать на милосердие государя, который в те дни не был склонен милловать правонарушителей. Впрочем, Эль-Кано в данном случае мог бы сослаться на то, что закон он нарушил, чтобы не нарушить слово, данное своим кредиторам.

Для человека действия, подобного Эль-Кано, тюремное заключение было бы непереносимо. Он был слишком хорошо известен в Гипускоа и не рискнул искать убежища там, а предпочел скрываться в многолюдной Севилье, где скорее мог остаться незамеченным. К тому же он, несомненно, знал, что люди, ведающие набором корабельных команд, обычно не слишком интересовались прошлым тех, кто предлагал им свои услуги. Даже если бы вербовщикам стали известны его недоразумения с законом, в таком порту, как Севилья, гораздо

* См. также: *Charton. Voyageurs anciens et modernes. Paris, 1856. Vol. III. P. 35.*

большую роль сыграл бы тот факт, что в прошлом он командовал кораблем. Судовладельцы прекрасно понимали, что излишняя щепетильность неизбежно лишит их многих превосходных моряков. Вот почему Эль-Кано позже мог завербовать в экспедицию Магеллана.

Между годом рождения Эль-Кано и тем годом, когда он завербовался во флотилию Магеллана, в истории мореплавания произошли четыре события, полностью изменившие географию известного тогда мира. В 1487 году Бартоломеу Диаш нашел «конец» Африки, проник в область «добрых западных ветров», помогших португальским кораблям достичь устья Большой Рыбной реки³³, открыл мыс Доброй Надежды и указал путь в Индийский океан; в 1492 году Христофор Колумб пересек Атлантический океан и открыл Кубу и Гаити; пять лет спустя Васко да Гама, завершив то, что начал Диаш, привел португальские корабли в Индию, а в 1513 году Васко Нуньес де Бальбоа увидел Тихий океан. Эль-Кано же было суждено, завершив путешествие, задуманное и предпринятое Магелланом, на практике доказать, что Земля имеет шаровидную форму.

Годы после возвращения Эль-Кано из походов в Оран и Триполи и до назначения его в 1518 году на один из кораблей Магеллана были решающими для двух величайших морских держав тогдашнего мира — Португалии и Испании. Португалия, отрезанная от остальной Европы могущественной соседкой, была вынуждена возложить все свои надежды на море. В отличие от испанского побережья, примерно половина которого приходится на внутреннее море, побережье Португалии все обращено к океану. Такое географическое положение неминуемо должно было сделать ее морской державой. Большую роль сыграло и господствовавшее до открытия Нового Света убеждение, что между Португалией и странами Востока простирается лишь безграничный океан.

Однако открытие Америки радикальным образом изменило ситуацию. Сообщение о том, что на вполне преодолимом расстоянии от берегов Западной Европы находится большая суша, сперва породило предположение, будто достигнуты восточные берега Азии, а потом, когда эта иллюзия рухнула, возникла уверенность, что в Новом Свете должен существовать пролив, через который плывущие на запад корабли быстро достигнут стран Востока. Не прошло и десяти лет с тех пор, как Колумб впервые сошел на берег в Новом Свете, а Португалия и Испания уже принялись искать пролив, который, как считали тогда, должен был стать кратчайшим путем на

Восток. Теперь, когда мавры были изгнаны из пределов Пиренейского полуострова, обе страны³⁴ получили возможность предпринять экспансию за морем. Век Великих географических открытий португальцы встретили той смелой предприимчивостью, которая естественна для людей, живущих на берегу океана, и вскоре был совершен один из величайших подвигов в истории мореплавания — Васко да Гама достиг Каликута.

Поиски пряностей — вот что было главной целью этих далеких плаваний. Пряности высоко ценились не только как приправы, но и как консервирующие средства. Испания во что бы то ни стало хотела принять участие в этой торговле, которая до сих пор была монополией Португалии. А единственным возможным торговым путем был морской. Путь восточных товаров по суше — до средиземноморских портов, а оттуда на венецианских или генуэзских кораблях в гавани Европы — был перерезан после падения Константинополя³⁵. Средиземное море оказалось во власти турецких и берберийских пиратов и для европейских кораблей было практически закрыто. Эль-Кано во время экспедиции к северным берегам Африки достаточно насмотрелся на турецкие военные галеры и лучше многих молодых участников экспедиции Магеллана понимал, насколько важно найти «путь пряностей», который позволил бы испанцам добираться до Молукк, не опасаясь турок или португальцев.

За десять лет до того, как Бальбоа увидел Тихий океан, Колумб уже слышал о нем от индейцев. Пролив, ведущий через «Бразилио Регио»³⁶ или земли, расположенные еще южнее, должен был открыть доступ к этому Великому океану, а оттуда — к Восточным Индиям, поставщику пряностей, которые приносили Португалии столь солидные доходы. Несомненно, кроме пути вокруг мыса Доброй Надежды, по которому португальские корабли следовали к Молуккам, должен существовать и другой путь, рассуждали отважные духом, и какой-нибудь дерзновенный искатель, решившись на смелую экспедицию, сумеет найти дорогу к ним на западе. Только так могла Испания открыть себе свободный доступ на Восток, поскольку путь к Молуккам вокруг Африки португальцы считали своей собственностью. Это объяснялось тем обстоятельством, что в 1593 году буллой папы Александра VI была установлена рая — демаркационная линия, разделившая мир пополам. Все, что лежало к востоку от нее, папа отдал Португалии, а то, что лежало к западу, — Испании. Линия эта проходила в ста лигах³⁷ к западу от островов Зеленого Мыса, однако король Португалии Жуан II, опасаясь, что Португалии ничего не до-

станется из земель, расположенных к западу от тех, которые были открыты Колумбом в первое его плавание, настоял, чтобы линия была передвинута дальше к западу³⁸. И вот год спустя по договору, подписанному в Тордесильясе, райя была проведена заново, что в дальнейшем оставило за Португалией значительную часть Бразилии.

Однако, доказывали некоторые космографы, отстаивавшие испанские интересы, раз такой сдвиг демаркационной линии принес Португалии лишнюю территорию на западе, следовательно, она должна лишиться соответствующей территории на востоке. Вот к таким-то космографам и обратился теперь португальский капитан Фердинанд Магеллан, после того как его государь ничем не вознаградил его за службу на Востоке и в Марокко. Среди тех, с кем он советовался, был ученый-астроном Руи Фалейру, его соотечественник, как и он, обиженный португальским королем. К концу 1517 года Магеллан и Фалейру, решив совместно предложить свои услуги испанскому королю, встретились в Севилье, а в марте 1518 года уже получили королевское согласие на свой проект поисков испанского пути к Островам Пряностей. Ведь острова эти, как они убедили короля Карла и его советников, лежат (согласно данным об их долготе) в испанском полушарии. Торговой палате (учреждению в Севилье, которое ведало всеми делами, имевшими отношение к испанским владениям в Индиях) было дано распоряжение приобрести пять кораблей для этой экспедиции; во главе ее король поставил Магеллана и Фалейру, дав каждому звание капитан-генерала.

И вот тут вновь появляется Эль-Кано. В то время большинство чиновников Торговой палаты были басками; отчасти это объясняется тем, что баски, как правило, отличаются способностью к бухгалтерскому делу. Казначей был бискайцем, как и главный технический советник по артиллерии, а фактор³⁹, главный контадор (счетовод) и шесть других контадоров были гипускоанцами, земляками Эль-Кано. Один из них, Ибаррола, много лет служил в Торговой палате; он был родственником Хуана-Себастьяна и близким другом казначея, который ведал снаряжением флотилии Магеллана и был в хороших отношениях с капитан-генералом. Таким образом, Ибаррола, несомненно, имел возможность устроить Хуана-Себастьяна на одну из пяти каравелл флотилии и как его родственник, и как друг человека, который был другом Магеллана.

Действие закона, запрещавшего продавать суда иностранцам и прежде касавшегося только испанцев-судовладельцев, в 1513 году специальным декретом было распространено и на

родную провинцию Эль-Кано, Гипускоа, причем воспрещалась также и постройка кораблей для кого бы то ни было, кроме подданных испанской короны. Однако из-за того, что Эль-Кано нарушил прежний закон, двери Торговой палаты перед ним не закрылись. Что бы ни думали его земляки-баски в Торговой палате о давнем проступке Хуана-Себастьяна, в их глазах это правонарушение вполне искупалось тем, что он был опытным моряком. А так как им лучше, чем кому-либо, было известно, в какое критическое положение попадали капитаны кораблей из-за того, что казначейство не выдавало им обещанных денег, они, вероятно, только сочувствовали Эль-Кано. (Как рады, наверное, были его поручители, что посмотрели сквозь пальцы на его проступок, когда четыре года спустя он вернулся в Испанию, покрытый славой, заслуживший бессмертие в глазах соотечественников подвигом, «превосходившим подвиги Ясона и Улисса»!)

Эль-Кано не только был назначен боцманом на один из кораблей Магеллана, а затем возведен в ранг штурмана, но он оказался также в числе тех, кому была поручена вербовка матросов. Эта задача была отнюдь не простой: хотя глашатаи выкрикивали сообщение о путешествии на всех набережных и на всех улицах Севильи, результаты были столь ничтожны, что офицерам-вербовщикам пришлось отправиться в Малагу и Кадис. Моряков не прельщало весьма низкое жалованье, а обещание несметных богатств в виде доли будущего груза не могло соблазнить людей, которые уже не раз верили подобным басням, а потом возвращались без гроша из какой-нибудь очередной экспедиции в новые испанские владения или же слышали о таких разочарованиях от своих приятелей и знакомых. Сомнительно, чтобы Эль-Кано занимался вербовкой в своей родной провинции, поскольку он все еще подлежал аресту. Те десять гипускоанцев, которые отправились в это путешествие, могли быть завербованы Хуаном-Себастьяном в Севилье или в селениях на берегах ее реки. Моряки-баски не чувствительны к красотам природы, однако безмятежный покой живописной долины Гвадалквивира, по которой разъезжал Эль-Кано, занимаясь вербовкой, вероятно, составлял приятный контраст с вечной суматохой, царившей на трианском молу. Красные ветви тамариска колыхались над лужайками, где пестрели звездочки асфоделей, на полях среди зеленой пшеницы ярко голубели барвинки, а цветы персиковых деревьев доживали свою эфемерную жизнь в пламени этой ранней андалузской весны. Из апельсиновых рощ ветер приносил приятный аромат орухо — апельсиновой мякоти, сжигаемой

в жаровнях, а вдали оранжевые зубчатые горы пылали дробом там, где их не опоясывали темные дубравы.

Эль-Кано был назначен на «Консепсьон», корабль водоизмещением девяносто тонн, третий по величине среди кораблей, подобранных для экспедиции. Всем им были в полной мере свойственны недостатки, характерные для судов тех времен. Науки кораблестроения практически еще не существовало: высокие надстройки (в частности, тяжелый, похожий на башню ют) при слишком коротком киле, очень тупая носовая часть, излишний рангоут — все это не очень способствовало маневренности. «Консепсьон» отличался не только этими общими недостатками конструкции, но был даже хуже остальных четырех судов, хотя по тоннажу он превосходил «Викторию». Заплачено за него было значительно меньше, потому что это был уже очень старый корабль. Как мы увидим, он даже не дошел до Молуккских островов. Однако по сравнению с судами прежних эпох «Консепсьон» и другие корабли Магеллана обладали одним значительным преимуществом: их бизань-мачта несла латинский парус. Введение этого паруса, которым арабы пользовались уже несколько веков, дало возможность португальским капитанам принца Генриха Мореплавателя ходить курсом бейдевинд; под этим парусом Жил Эанниш обогнул мыс Боядор, Бартоломеу Диаш — мыс Доброй Надежды, а Васко да Гама достиг Индии. Благодаря этому огромному треугольному парусу⁴⁰ в эпоху Магеллана суда Старого Света могли вступать в единоборство с могучими океанскими ветрами. И хотя корабли Магеллана все были невелики, они отличались большой прочностью. Из письма, посланного капитаном Николасом Артиетой королю Карлу, следует, что все пять кораблей прибыли в Кадис из бискайского порта Лекейтьо и в Кадисе были куплены Торговой палатой.

Артиета, уроженец Лекейтьо и брат знаменитого адмирала Иньиго Артиеты, сыграл заметную роль в организации экспедиции. Он приобрел большую часть снаряжения в баскских портах: «Тринидад», который Магеллан избрал своим флагманским кораблем, принадлежал видному бискайскому корабельщику, а «Виктория», как мы уже говорили, была построена в Сараусе. Все пять кораблей были отведены для ремонта в Севилью, на королевскую верфь в Триане, и там Эль-Кано в качестве боцмана деятельно надзирал за снаряжением своего корабля. Ему постоянно приходилось иметь дело не только с Артиетой, который раздобывал нужное железо в кузницах Бильбао, но и с басками конопатчиками и плотниками, искусными ремесленниками, перебравшимися в Севилью, где им

платили больше. Подробные архивы Торговой палаты сохранили для нас имена многих из этих людей, и мы словно слышим, как боцман Эль-Кано, которому исполнился тогда тридцать один год, разговаривает с ними на языке, непонятном для других рабочих верфи.

Запах просмоленных снастей провожает боцмана Эль-Кано с корабля на пристань, где ему предстоит принять новую партию материалов. Запряженные мулами повозки дребезжат по булыжнику, останавливаются у самого борта корабля, и Эль-Кано со списками в руках пересчитывает доски и полосы свинца, пучки пакли, кувшины воска, штуки парусины.

12 октября 1518 года началась деятельная подготовка кораблей к плаванию, и в тот же день на молу вспыхнули беспорядки. Король Португалии, которого его соглядатаи в Севилье подробно осведомляли о замыслах Кастилии, намеревался, если это окажется возможным, воспрепятствовать экспедиции, и его агенты усердно взялись за дело. Им было нетрудно возбудить недовольство портового люда, а также тех испанских офицеров и матросов, которым не нравилось, что командовать экспедицией будет португалец и что на корабли набрано много португальцев. Хотя в этот день благодаря вмешательству Торговой палаты и решительным действиям самого Магеллана беспорядкам удалось положить конец, вопрос о португальском засилье в экспедиции решен не был. Когда в связи с этим по приказанию короля 9 августа 1519 года было произведено дознание, Эль-Кано оказался в числе тех шести «честных людей», которые давали показания в пользу Магеллана. Следовательно, нарушение закона, совершенное Эль-Кано ранее, не лишило его того уважения, которым он пользовался. На дознании Эль-Кано заявил, что знает Магеллана около восьми месяцев*. Это значит, что его знакомство с капитан-генералом датируется концом 1518 года, хотя Эль-Кано, который, как известно, одним из первых вызвался участвовать в экспедиции, несомненно, уже за несколько месяцев до этого получил достаточно хорошее представление о характере волевого и сурового адмирала.

Как жаль, что мы не можем узнать, какое впечатление произвели друг на друга при первой встрече эти два человека, чьим судьбам было суждено так тесно переплестись в предприятии, которое остается в истории единственным и неповторимым. Эль-Кано увидел перед собой невысокого мужчину, старше его на шесть лет, прихрамывающего из-за раны,

* Patronato Simancas. 1—2¹/₁.

полученной в Марокко; осанка его не была величавой, и, наверное, Хуану-Себастьяну запомнилась не она, а горящие черные глаза, мясистые губы, лицо в глубоких складках и густая черная борода. И самое главное — то ощущение непреклонной решимости, которое этот немногословный человек, загадочный для всех, кроме двух-трех близких друзей, неизменно вызывал у тех, кому приходилось иметь с ним дело.

Очень вероятно, что Эль-Кано сумел по лицу Магеллана догадаться о внутреннем конфликте, который вряд ли было возможно скрыть совсем. Магеллан, португалец, воспитанный в традициях дворянства, чья верность монарху уступала только верности Богу, по причинам, казавшимся ему достаточно вескими, перешел на службу к испанскому королю. И конечно, он не мог быть в мире с самим собой.

А какого человека увидел перед собой Магеллан, впервые встретившись с Эль-Кано? Человека, которого представлял себе Сулоага? Человека с портрета Салаверриа, с картины в Мадридском морском музее или с памятника в Гетарии? Или с гравюры в Сан-себастьянском океанографическом музее?

На дознании, проведенном в Севилье перед отплытием флотилии Магеллана на Молукки, Эль-Кано показал, что капитан-генерал — «разумный и добродетельный человек, дорожащий своей честью». Таким образом, как бы ни относился он к Магеллану впоследствии, в те дни он отзывался о нем самым лестным образом. Далее он заявил, что сам «вполне доволен командой корабля, на котором служит штурманом, потому что это хорошая команда, доволен он и грузом, предназначенным его кораблю, и что он, кроме того, слышал от штурманов других кораблей, что они также довольны своими командами»*.

Итак, теперь Эль-Кано называет себя штурманом — он получил это повышение за пять месяцев до начала дознания. Штурманами обычно назначались искусные мореходы, так как от капитана требовались главным образом военные таланты или просто знатное происхождение. При Торговой палате имелась мореходная школа, и штурманы, которые желали стать кормчими, должны были помимо практической службы на море еще и пройти обучение в этой школе. Во главе ее стоял главный кормчий, а первым главным кормчим Кастилии был Америго Веспуччи⁴¹. Этот великий мореплаватель уже возглавлял школу, когда там обучался Эль-Кано, и можно с уверенностью сказать, что Хуана-Себастьяна экзаменовал сам знаме-

* Patronato Simancas. 1—2¹/₁.

нитый кормчий, так как Веспуччи в качестве главы экзаменационной комиссии неизменно председательствовал в тех случаях, когда учащиеся доказывали свое право на получение офицерского сертификата. (О решении своей судьбы Эль-Кано узнал по числу бобов, полученных за каждую учебную дисциплину. Кандидаты, чьи знания оказывались ниже требуемого уровня, получали горошины.) Весьма вероятно, что в некоторых случаях лекции читал сам Веспуччи; королева Хуана Кастильская⁴² обязала Веспуччи давать в его севильском доме наставления любому кормчему, который попросит об этом. И весьма вероятно, что Эль-Кано, собираясь в плавание к берегам, где побывал главный кормчий, получил из первых рук кое-какие сведения о землях, которые ему затем предстояло посетить в качестве офицера флотилии Магеллана. Америго Веспуччи во время своего третьего путешествия в Новый Свет (на португальской службе) в 1501 году прошел вдоль побережья от 5° ю. ш. вокруг бразильского выступа и далее на юг и достиг, как он утверждал, 50°40' ю. ш., то есть побывал у берегов Южной Америки южнее патагонской бухты Санта-Крус*. Однако пролив, который он искал, ему открыть не удалось.

Занимаясь в школе (по правилам Торговой палаты занятия продолжались не менее трех лет), Эль-Кано должен был подробно познакомиться со сферической тригонометрией, а также научиться определять широту с помощью астролябии. Новый король (впоследствии император Карл V) особо подчеркивал важность теоретической стороны обучения навигаторов. Однако математические и астрономические теории, возникшие в Древней Греции, впервые получили практическое применение не в Испании, а в Португалии — этим она была обязана щедрости и просвещенным взглядам принца Генриха Мореплавателя, который за сто лет до описываемых событий посылал свои корабли в Море Тьмы⁴³, и именно у португальцев Европа научилась пользоваться в открытом море астролябией, также изобретенной древними. Плавание по счислению (то есть определение места корабля по пройденному расстоянию и по компасному курсу) в эпоху Магеллана уже дополнялось методом определения широты по меридиональной высоте какого-нибудь небесного тела**. XV век был золотым веком

* Это плавание Веспуччи описал в одном из тех пяти писем, которые он послал своему другу Лоренцо Медичи во Флоренцию между июлем 1500 и маем 1503 года. Утверждение Веспуччи, однако, вызвало самые серьезные сомнения.

** Первое исторически зафиксированное астрономическое определение широты в море с помощью квадранта произведено в 1462 году во время пор-

португальских морских открытий и развития морской астрономии, без знания которой в те дни, когда Магеллан начал готовиться к путешествию на Острова Пряностей, уже считалось невозможным предпринимать большие экспедиции в открытое море. Таким образом, Эль-Кано, став штурманом, пользовался плодами открытий, сделанных в науке мореплавания соотечественниками Магеллана.

Однако задолго до того как Эль-Кано получил повышение и стал штурманом, он служил во время походов в Северную Африку в более высоком звании и командовал в то время кораблем, превосходившим размерами флагманский корабль Магеллана «Тринидад». Впрочем, должность штурмана была достаточно почетной, и жалованье Эль-Кано составляло 3000 мараведи⁴⁵ в месяц. Как и многие другие офицеры, он получил жалованье за шесть месяцев вперед, что в большинстве случаев было совершенно необходимо, так как им приходилось запастись одеждой для самых различных климатов и на неопределенный срок.

На берегу Эль-Кано ведал погрузкой. Когда подготовка к плаванию закончилась, флотилия, относительно не такая уж большая, оказалась экипированной лучше любой другой, когда-либо снаряжавшейся в Испании. Следовательно, штурманам во время подготовки к плаванию приходилось работать чрезвычайно много. Теперь в обязанности Эль-Кано входила и приемка артиллерии и холодного оружия, а так как и то и другое поступало почти исключительно из Бискайи, он имел самое непосредственное отношение к грузам, доставлявшимся на судах Бибарраголя. Главным видом судовой артиллерии были тогда бомбарды, которые стреляли каменными или чугунными ядрами, когда к запальному отверстию подносился зажженный фитиль. Бортовые батареи дополнялись кулевринами и двумя-тремя фальконетами, или легкими пушками. Имелись, кроме того, переносные пушки, которые можно было доставить на берег в лодке. Для солдат грузились пики, алебарды, копья, дротики, арбалеты и стрелы, а также аркебузы. А поскольку общая стоимость огнестрельного и холодного оружия, которым была снабжена экспедиция Магеллана, составила 561 687 мараведи — сумма по тем дням весьма значительная, — то обязанность штурмана проверять доставляемое на борт оружие была, несомненно, отнюдь не легкой. Корабли

тугальского плавания к берегам Гвинеи. Первое исторически зафиксированное использование корабельной астролябии имело место в 1481 году во время плавания португальцев в Эль-Мину⁴⁴.

из Рентерии (порт родной провинции Эль-Кано) доставляли из Фуэнттеррабии необходимые запасы пороха, принимать которые тоже должны были штурманы.

Много времени Эль-Кано проводил и в Торговой палате, которая была основана по приказу королевы Изабеллы в 1503 году и размещалась частично в Алькасаре, а частично в старом арсенале Атарсанас, близ башни Торре-дель-Оро. Там капитаны, штурманы и кормчие получали секретные инструкции, перед тем как отправиться на поиски новых земель, и со времени первой экспедиции Колумба в Америку это старинное здание все больше превращалось в место встреч технических советников и опытных моряков. Арсенал выходил на Пуэрто-де-лас-Муэлас, откуда был виден другой берег Гвадалквивира, — там, в Триане, снаряжались корабли Магеллана. На севильском берегу, где находились арсенал и башня Торре-дель-Оро, тянулся Ареналь — так называлась широкая полоса между рекой и городскими стенами с подъемными мостами, рвами, башнями, бастионами и узкими воротами, охраняющими подходы к Алькасару. Товары, доставленные морем из Нидерландов, Англии и Германии, а также сушей из Сарагосы, Медины-дель-Кампо и Кордовы, сгружались на пристанях Ареняля среди лабиринта канатов, снастей, парусов, корабельного леса, мешков пшеницы, отправляемой в Индии, и сладкого картофеля, привезенного отсюда. Тут грузились припасы для конкистадоров, завоевывавших Новый Свет, а рядом с других кораблей с грохотом выгружалось железо из Бильбао, предназначенное для флотилии Магеллана. Ругань гуртовщиков, кудахтанье кур, доставляемых по реке из Монтеро, громогласные споры купцов и таможенных сборщиков усиливали шум, царивший в порту, который соперничал с Лиссабоном как перевалочный пункт западного мира.

Ежедневно Эль-Кано проходил там мимо весовщиков, взвешивавших все — от окоровок из Алькалы до пороха и пуль из его родной провинции. Когда он пересекал Ареналь и оказывался в Алькасаре, ему приходилось локтями пролагать себе путь через Баратилью, где толклись носильщики портшезов, лоточники, плуты и мошенники всех мастей и где взяточники-чиновники, стакнувшись с купцами, распродавали плоды пиратства и грабежей. Солдаты в рубцах и шрамах заигрывали с городскими красотками, а крестьяне, приехавшие в Севилью из окрестных деревень, с ухмылкой поглядывали на них; проходимцы в широкополых шляпах, забияки со свирепо закрученными усами уславливались с девушками о свидании; изящные кавалеры в колетах из серебряной парчи,

держа руку на золотом эфесе шпаги, сопровождали дам, одетых по французской моде; и тут же рядом матросы, завербованные Эль-Кано, спешили к старьевщикам на Калье-де-лос-Ремендонес*. За Баратильо над всей этой суматохой вздымался собор, знаменующий собой торжество христианской веры. Знаменитая Хиральда⁴⁶, с которой всего за двадцать лет до этого муэдзины сзывали на молитву правоверных мусульман, теперь гудела от звона христианских колоколов; мавританская башня и католический собор стояли бок о бок, словно символы двух цивилизаций.

На другой день, после того как Эль-Кано давал в Севилье показания в пользу Магеллана, флотилии предстояло спуститься по Гвадалквивиру к Сан-Лукару, расположенному в устье этой реки. Уже несколько месяцев король всячески торопил отплытие, опасаясь, как бы его «дражайший брат», португальский король, не сумел воспрепятствовать экспедиции. Хотя провиант еще не был полностью погружен на корабли, флотилию следовало немедленно вывести из Севильи, где агенты дона Мануэля находили особенно благодатную почву для своих интриг. Они, по-видимому, были готовы на все. Магеллан едва не стал жертвой покушения, а кроме того, они сумели добиться отстранения его ученого товарища, Руи Фалейру. (Впрочем, большого труда это не составило: необузданный нрав Фалейру привел к тому, что король Карл назначил на его место испанца Хуана де Картахену — капитана «Сан-Антонио», самого большого из кораблей Магеллана.) Флотилию во что бы то ни стало надо было вывести из Севильи. Завершить приготовления можно было и в Сан-Лукаре.

И вот 10 августа, в день святого Лаврентия, Магеллан и двести шестьдесят пять его офицеров и матросов вошли в трианскую церковь Санта-Мария де ла Витория; там адмирал присягнул в верности своему государю и Кастилии, после чего ту же присягу принесли все его спутники. Затем капитаны поклялись в верности адмиралу. Это была торжественная и радостная церемония. Начиналось осуществление великого плана — они отправлялись на поиски пролива, который должен был открыть Испании путь к Островам Пряностей. У мола возвращения процессии ждали флагманский корабль «Тринидад» (110 тонн), «Сан-Антонио» (120 тонн), «Консепсьон» (90 тонн), «Виктория» (85 тонн) и «Сантьяго» (75 тонн). Их

* Полное описание этого квартала Севильи в XVI веке можно найти в «El Arenal de Sevilla en la Historia y en la Literatura», а также в «Sevilla en el Imperio» Сантьяго Монтото — хрониста провинции Севилья.

корпуса были ослепительно желтыми, крепкие руслени отливали черными бликами, бурые паруса блестели от ворвани, а на флагманском корабле пламенел пурпурный крест св. Иакова. Августовское солнце играло и на шелковых расшитых золотом знаменах, которые несли назад на корабли, и на богатых одеждах, в которые облеклись офицеры ради этого знаменательного дня.

Нам до последней рубашки известен гардероб, которым располагал Эль-Кано, когда он составлял свое завещание, и можно с уверенностью предположить, что на церемонии в Санта-Мария де ла Витория он присутствовал в лучшем своем наряде. Итак, представим себе его в плаще из серебряной парчи, в колете из алого атласа и золотистой тафты, в белых штанах, отделанных золотым галуном, в чулках, расшитых серебряной нитью, и в широкополой французской шляпе со щегольским плюмажем. (Не беремся объяснить, каким образом ему удалось уложить хотя бы десятую часть своего обширного гардероба в единственный сундук, который полагался штурману в плавании. Нам известно только, что Эль-Кано вернулся в Севилью на «Виктории», лишившись в пути почти всей своей одежды.)

В полдень увлекаемая легким ветром флотилия двинулась вниз по реке: пять гордых испанских кораблей, из которых лишь одному, если не считать дезертировавшего судна, было суждено вернуться на родину. Пять недель спустя, 20 сентября 1519 года, они вышли из Сан-Лукара; на них плыли сорок офицеров и матросов из Страны Басков, сто два моряка из других испанских провинций, сорок три португальца, двадцать пять итальянцев, семнадцать французов, четыре немца, пять фламандцев, шесть греков, два ирландца, один англичанин*, один уроженец острова Мальорка и один — Азорских островов, а также шесть неевропейцев**. Им предстояло проникнуть далеко на запад и на юг, туда, где до них не бывал еще никто.

Глава II

МЯТЕЖНИК

Флотилия направилась прямо к Канарским островам, где первое облачко омрачило горизонт, которому суждено было впоследствии стать непроглядно-мрачным и грозным, хотя его

* Бристонец Эндрью, старший канонир флагмана.

** Национальная принадлежность двенадцати членов экспедиции неизвестна.

и озаряли великолепные зарницы несравненного мужества. Зрелище огнедышащей горы на Тенерифе повергло многих моряков в ужас. Тейде⁴⁷, изрыгающий черный дым и раскаленные камни, показался матросам Магеллана, как ранее матросам Колумба, знамением грядущих бед. Затем последовало новое скверное предзнаменование. Нагнавшая флотилию быстроходная каравелла из Севильи привезла Магеллану письмо от его тестя: как тот недавно узнал, капитаны кораблей незадолго до отплытия объявили своим друзьям, «что в случае, если капитан-генерал будет их утеснять, они его убьют».

Три дня корабли простояли у южной оконечности Тенерифе, грузясь смолой; Эль-Кано, как того требовали его штурманские обязанности, руководил погрузкой на «Консепсьоне». 2 октября флотилия покинула Канарские острова и взяла курс на юго-запад. Во исполнение королевского приказа капитаны и кормчие после отплытия из Испании вскрыли данные им пакеты с инструкциями и узнали, что им надлежит идти в сторону Бразилии. Однако, еще не достигнув 24° с. ш., они обнаружили, что Магеллан отклоняется от назначенного курса и при этом вопреки королевским инструкциям ни с кем не советуется. Дело в том, что адмирал находился в трудном положении. В Севилье ему уже пришлось столкнуться с противодействием двух его испанских капитанов, а из остальных трех двое тоже не доверяли ему как португальцу*. Вот почему у него не было желания посвящать их в свои намерения. Человек крайне сдержанный и властный, он предпочел действовать по своему усмотрению. Это привело к тому, что Хуан де Картахена, капитан «Сан-Антонио», поднял на своем корабле сигнал об отказе повиноваться, после чего он был взят под стражу.

Доверие к Магеллану отнюдь не возросло после того, как флотилия попала в трехнедельный штиль у берегов Гвинеи. Когда же наконец ей удалось продолжить путь, она вскоре попала в полосу бурь, которые, внезапно налетая, швыряли корабли в водные пропасти, заставляли их взбираться на черные водяные горы, увенчанные пенными гребнями, сталкивали в новые бездны и обрушивали таранные удары на их борта. Несчастные матросы, избитые волнами, валившими их с ног, напрягали последние силы и онемевшими от холода руками убирали паруса. На долю Эль-Кано, начальника третьей вахты, приходилась самая незавидная задача: он дол-

* Натурализоваться Магеллан не мог, так как Карл I в 1517 году обещал кастильским кортесам⁴⁸ не допускать натурализации иностранцев.

жен был заставлять измученных людей работать в ледяные часы рассвета.

Однако хорошая погода установилась еще до того, как флотилия пересекла экватор. 29 ноября 1519 года Альбо, кормчий «Виктории», сделал первую запись в своем дневнике, отметив место флотилии вблизи бразильского мыса Св. Августина.

Две недели спустя корабли бросили якорь в бухте Рио-де-Жанейро, которой начальник экспедиции дал название Санта-Люсия. Людям, которые почти два с половиной месяца не ели свежей пищи, казалось, что они прибыли в край неслыханного изобилия. Эль-Кано, пополняя запасы «Консепсьона», имел теперь дело с куда более приятным грузом, нежели тенерифская смола: на этот раз речь шла о «курах, телятине, бататах, ананасах — удивительно сладких и приятных плодах — и о многом другом, чего я не перечисляю, дабы список не оказался чрезмерно длинным», как сообщает нам ломбардский дворянин Антонио Пигафетта⁴⁹ в своем дневнике, который стал основным источником сведений об экспедиции Магеллана. Рождество, которое моряки встретили в Санта-Люсии, оказалось поистине светлым праздником, и, когда было объявлено, что флотилия отправится дальше 26 декабря, многие были этим очень огорчены.

Добравшись до Ла-Платы, корабли тщательно обследовали ее устье, принятое было за пролив, который Магеллану все еще никак не удавалось найти. Бесплодные поиски в эстуарии Ла-Платы кончились в начале февраля, и путешественники отправились дальше, навстречу южной зиме. Теперь на них обрушивались ураганные ветры, и недовольство на корабле Эль-Кано «Консепсьоне» возросло еще больше, когда два месяца спустя была устроена новая стоянка, на этот раз в бухте Сан-Хулиан, у негостеприимных берегов Патагонии, куда они добрались в пасхальную субботу 31 марта 1520 года.

Приказ Магеллана о сокращении рационов послужил толчком к тому, чтобы на трех кораблях скрытое недовольство перешло в явное возмущение, и тут ведущая роль принадлежала «Консепсьону». Его капитан Кесада, с самого начала крайне враждебно настроенный по отношению к Магеллану, несомненно, негодовал вполне искренне, когда заявил, что адмирал не созвал совета своих капитанов, прежде чем изменить предписанный курс, и тем самым выказал неповиновение королю. Кроме того, Кесада, вероятно, как и другие испанские капитаны, действительно верил, что Магеллан так же не способен найти пролив, как и его предшественники,

и что он добился начальства над флотилией обманом, сделал вид, будто располагает сведениями, которых у него на самом деле не было. Некоторые офицеры даже подозревали его в предательстве — в том, что, нарушая присягу, данную им испанскому королю, он тайно служит интересам своей родной Португалии. Другими словами, он, по их мнению, не только не знал, где находится пролив, но и вовсе не собирался его искать. Открытие западного пути к Молуккам было бы роковым для португальской монополии в торговле пряностями; Магеллан, рассуждали эти недовольные, решил оградить свою родину от подобного урона. Тем не менее они предпочли бы договориться с адмиралом, а не поднимать мятежа.

В пасхальное воскресенье утром Эль-Кано сообщил Элоррьяге — штурману-баску «Сан-Антонио», что офицеры флотилии намерены обратиться к адмиралу с петицией, настаивая, чтобы в дальнейшем он заранее сообщал им об избранном курсе. Эль-Кано, кроме того, сказал Элоррьяге, что капитан «Сан-Антонио» Картахена и капитан его собственного корабля «Консепсьон» Кесада просили его, Эль-Кано, поддержать их, когда они попробуют настоять, чтобы королевские инструкции впредь выполнялись точно. Эль-Кано дал понять Элоррьяге, что он не только обещал им это, но и добился такого обещания от других на случай, если Магеллан откажется выполнить требования своих офицеров.

Это позволяет сделать два вывода. Во-первых, Хуан-Себастьян, очевидно, считался во флотилии настолько влиятельным человеком, что офицеры более высокого ранга выбрали именно его, чтобы обеспечить себе поддержку не только матросов, но и других штурманов. Свои намерения они открыли именно ему, хотя Элоррьяга, такой же штурман, служил на самом большом корабле флотилии, «Сан-Антонио». (Правда, в дальнейшем Элоррьяга доказал свою верность Магеллану, но в описываемое время испанские капитаны вряд ли обошли его по этой причине; ведь подчинился же он прежде Картахене и просигналил с «Сан-Антонио» адмиралу отказ выполнять его распоряжения.)

Во-вторых, Эль-Кано, несомненно, считал, что обязан повиноваться своему капитану, даже если придется выступить против адмирала. Следует заметить, что он ничего не сказал Элоррьяге о мятеже. В это время ему самому сообщили только о намерении капитанов подать Магеллану петицию*. Из даль-

* Это ясно вытекает как из показаний Гопеги, слуги на «Сан-Антонио», на дознании, проведенном по приказу Магеллана в бухте Сан-Хулиан 26 апреля

нейшего следует, что его действия вполне соответствовали взятому им на себя обязательству выполнять инструкции своего короля, даже если это означало неповиновение капитан-генералу.

Магеллан, твердо решивший не возвращаться в Испанию, пока не откроет пролива и не воспользуется им, чтобы добраться до Молуккских островов, отверг и петицию офицеров (которые требовали, чтобы впредь он сообщал им, какой курс намерен избрать), и поданную вслед за тем просьбу матросов возвратиться в Испанию.

Святцы, находившиеся в морском альманахе Магеллана, не содержали никакого пророчества о том, что эта пасха будет ознaменована мятежом. Он начался в полночь, когда вооруженный отряд с «Консепсьона» отправился захватывать «Сан-Антонио». В шлюпке находились капитан Кесада и Хуан-Себастьян де Эль-Кано.

Некоторые из историков, писавших об этом событии, не пожелали признать того факта, что тут Эль-Кано вел себя как мятежник. Но мы не собираемся оспаривать истину. Он командовал отрядом нападающих и, следовательно, был одним из вожаков. Однако из показаний, данных Эль-Кано после возвращения, следует, что капитаны, которых он поддерживал, не собирались поднимать мятеж. По его словам, решение захватить самый большой корабль было принято для того, чтобы воспрепятствовать мятежу. (Отсюда напрашивается следующий вывод: вышеупомянутые капитаны рассчитывали таким способом заставить Магеллана принять их условия.) Так ли это было на самом деле или нет, факт остается фактом: Эль-Кано, как мы уже указывали, решил, что его долг — подчиняться своему капитану. Следует помнить, что он сам прежде был капитаном и считал тогда, что выполнение его приказов — священный долг подчиненных. И вот теперь он приказал своим матросам обмотать весла тряпками и бесшумно подплыть по черной ледяной воде к «Сан-Антонио». Корабль этот удалось захватить сразу же, так как многие его офицеры участвовали в заговоре и только обрадовались прибытию отряда с «Консепсьона».

Затем происходит один из величайших взлетов в жизни Эль-Кано. Его, человека, который всего полгода назад скрывался от правосудия, назначают капитаном самого большого корабля флотилии. Был ли еще когда-нибудь случай, чтобы

1520 года, так и из показаний самого Эль-Кано, данных им после возвращения из плавания в Вальядолиде 18 октября 1522 года.

подобное почетное доверие оказывалось при столь необычных обстоятельствах? В часы полуночной вахты на далеком юге, куда до сих пор не проникало еще ни одно судно, моряка из маленького рыбацкого городка Страны Басков официально назначают капитаном взбунтовавшегося испанского корабля. То, что выбор пал именно на Эль-Кано, показывает, каким уважением он пользовался среди других офицеров. «Сан-Антонио» был наименее маневренным из всех кораблей флотилии, и отсюда следует, что Хуан-Себастьян считался прекрасным моряком.

Хотя «Сан-Антонио» был захвачен без особых трудностей, мятежники все же встретили некоторое сопротивление. Среди тех, кто выступил против Кесады, обвинив его в предательстве по отношению к Магеллану, был и штурман корабля, баск Элоррьяга. Что подумал Эль-Кано, когда увидел, как кинжал Кесады поразил его земляка-гипускоанца, человека, которого он не далее как утром предупредил о готовящейся петиции? Подобное трагическое событие не могло не произвести глубокого впечатления на столь противоречивую натуру. Не усомнился ли в эту минуту Хуан-Себастьян в правильности избранного им пути? Бесплезный вопрос. Нам известно только одно: Эль-Кано, как видно из его последующих показаний, считал, что поведение Магеллана вполне оправдывало захват «Сан-Антонио».

Однако решительность Магеллана и его смелая тактика помогли ему подавить мятеж. «Викторию», большинство экипажа которой оставалось ему верным, Магеллан захватил так же легко, как мятежники — «Сан-Антонио». Капитан «Виктории» был одним из главарей заговора, и, как мы увидим дальше, ему вместе с капитаном «Консепсьона» Кесадой пришлось поплатиться жизнью за свой поступок. Флагманский корабль «Тринидад» и маленький «Сантьяго» остались верны адмиралу, что после захвата «Виктории» обеспечило ему победу. Во время схватки на «Виктории» ее капитан был убит. На следующий день по приказу адмирала его труп повесили на рее за ноги. Затем Магеллан данной ему «властью веревки и ножа» приговорил мятежного капитана, словно тот был еще жив, к четвертованию, как изменника. Его голова, ноги и руки были насажены на колья, чтобы все могли видеть, что ждет мятежников.

Вслед за «Сан-Антонио» сдался «Консепсьон», и его капитан Кесада был обезглавлен собственным слугой-мятежником, которому Магеллан обещал помилование, если он согласится стать палачом своего господина. Капитана Картахену

и священника, который попытался поднять мятеж, Магеллан решил оставить на диком берегу Патагонии, когда флотилия будет покидать негостеприимную бухту Сан-Хулиан. Такое наказание, означавшее по сути медленную смерть, сочли еще более суровым, чем кару, постигшую Кесаду. Эти подробности важны потому, что два года спустя в своих показаниях Эль-Кано утверждал, что Магеллан проделал все это для того, чтобы назначить капитанами своих кораблей португальцев (как он действительно и поступил).

Эль-Кано и еще сорок человек также были приговорены к смертной казни, но затем казнь им заменили каторжными работами на время стоянки в бухте Сан-Хулиан. Магеллан не мог позволить себе лишиться стольких людей. Поэтому пребывание Эль-Кано на посту капитана «Сан-Антонио» оказалось более чем кратким.

Для баска свобода не только элементарное право, но и кумир, и нетрудно себе представить, какое унижение испытывал Эль-Кано, когда, скованный с простыми матросами одной цепью, он с лязганьем волочил ее по палубе, выполняя самую черную работу — откачивая воду из трюма давшего сильную течь «Консепсьона». (Если верить рассказу двух членов экспедиции, дезертировавших на Борнео, Магеллан приказал приводить к нему мятежников по одному и каждого ударял по голове*.)

В Сан-Хулиане флотилия провела пять месяцев, потеряв за это время «Сантьяго», который погиб, производя разведку в южной части эстуария реки Санта-Крус. Только 24 августа флотилия покинула бухту Сан-Хулиан, проклятую стоянку, отмеченную мятежом, свирепыми казнями и каторжным трудом в цепях. Затем каравеллы бросили якорь в эстуарии реки Санта-Крус, где флотилия оставалась семь недель. Магеллан послал «Консепсьон» — корабль, на котором начался недоброй памяти мятеж, — сопровождать «Сан-Антонио», отправленный обследовать проход, обнаруженный за мысом Одиннадцати Тысяч Дев⁵⁰ лишь на два с небольшим градуса южнее бухты Санта-Крус. Пять дней спустя «Консепсьон» вместе с «Сан-Антонио» вернулся, неся радостную весть, что проход дальше расширяется и, по-видимому, нигде не замыкается сушей. Пигафетта, описывая триумфальное возвращение разведчиков, говорит: «Мы подхватили их радостные крики и вознесли хвалу Богу и Присноблаженной Деве Марии».

* Из письма неизвестного из Кочина; найдено Блейром и Робертсоном. Кливленд, 1903.

После мятежа Магеллан назначил капитаном «Консепсьона» своего соотечественника Жуана Серрана, а позже, когда флотилия покинула бухту Сан-Хулиан, Эль-Кано был восстановлен в должности штурмана. Таким образом, честь открытия пролива, который не сумели отыскать предыдущие экспедиции, принадлежит отчасти и Хуану-Себастьяну.

После этого торжества Магеллана поджидала значительная неприятность: «Сан-Антонио», посланный исследовать продолжение пролива, ускользнул от «Консепсьона» и отправился назад в Испанию. Хотя «Консепсьон» был зачинщиком мятежа, теперь он, наоборот, явил пример верности долгу. После долгих и тщетных поисков своего спутника «Консепсьон» вернулся и узнал, что с посланной вперед лодки увидели мыс, выдающийся в море; это, несомненно, был конец пролива.

На следующий день три корабля, оставшиеся от флотилии, прошли пролив и достигли мыса, названного Десеадо⁵¹ — «мыс, который стремились увидеть все люди». Вечером 28 ноября 1520 года «Тринидад», «Консепсьон» и «Виктория» вышли в Тихий океан.

Глава III

КАПИТАН «КОНСЕПСЬОНА»

«Поистине удачно назвали его Тихим, ибо за все это время мы не встретили ни одной бури», — писал Антонио Пигафетта, любознательный молодой человек, который поступил на флагманский корабль сверхштатным, без жалованья, лишь бы отправиться в это плавание. Матросы на «Консепсьоне» уже начали жалеть своих товарищей на «Сан-Антонио»: в Испанию-то они, может, и вернуться, но зато не увидят сказочных островов. Ведь вначале все складывалось удивительно удачно: плавание по такому спокойному морю было детской игрой для людей вроде Эль-Кано, привыкших к кантабрийским штормам. Затем потянулись бесконечные однообразные дни, когда последние горстки риса приходилось варить в воде, на трети разбавленной морской, а пресная вода стала такой, что, поднося ее ко рту, приходилось закрывать глаза, чтобы не видеть зеленой тины, и затыкать нос — до того она воняла*.

В течение трех месяцев океан был действительно «мар пасифико»⁵², но только в том, что касалось погоды. А в остальном никогда не бывало более тяжкого плавания. Моряки

* Рассказы уцелевших, записанные историографом Петером Мартиром.

изнывали от жажды, болели цингой, ели сухари, смешанные с крысиным пометом, а потом и кожу, срезанную с реев, но, подчиняясь беспощадной решимости своего непреклонного начальника, все плыли и плыли по неведомым водам вперед, к Молуккским островам. Когда наконец дозорный (баск из Наварры) крикнул: «Земля!», то, по словам очевидца, «все на палубе словно обезумели, а когда он крикнул, что видит парус, они посулили ему золота на сотню дукатов» *.

6 марта 1521 года они высадились на острове Гуам в группе Марианских островов⁵³ и впервые почти за сто дней запаслись провиантом. Было бы нелепо считать, что одни народы переносят голод тяжелее, чем другие, но все же для басков, постоянно занятых заботами о пропитании, воспоминание даже о скромной лихии, всеми презираемой рыбе-собаке, или еще менее удобоваримой рыбе итхукии, должно быть, становилось истинной мукой в те дни, когда крысы и опилки считались лакомством. Болезнь Эль-Кано в последние месяцы плавания явилась следствием недоедания и цинги во время тихоокеанского перехода. Наверное, на всю жизнь запомнил он вкус первого куска свежей пищи, съеденной на Гуаме.

Зоркие островитяне издали заметили испанские корабли и с невероятной быстротой понеслись к ним навстречу в маленьких пирогах с косым парусом из пальмовых листьев и бамбуковым балансиром. Они окружили эти первые суда из Старого Света, предлагая в обмен на железо рыбу, кокосовые орехи, бананы и бататы. Встреча с низкорослыми островитянами не могла не произвести впечатления на Хуана-Себастьяна и его товарищей, так как последним человеком, которого они видели (если не считать их спутников), был патагонский «великан».

От Марианских островов три корабля Магеллана направились к Филиппинам, где сперва сделали остановку у острова Хумуну, а потом у Масавы. Два дня спустя, 31 марта 1521 года, в пасхальное воскресенье, исполнился ровно год с того вечера, когда Эль-Кано после торжественного богослужения в бухте Сан-Хулиан получил инструкции от капитанов-мятежников. И теперь, когда он сошел на берег Масавы, чтобы вновь присутствовать на пасхальной службе, его одолевали странные мысли.

Здесь Магеллан, воздвигнув крест и поместив под ним флаг с гербом Кастилии, заключил для Испании первый

* *Mafrá Xinès de*. Libro que trata del descubrimiente del Estrecho de Magallanes, gl. X (опубликовано Антонио Бласкес и Дельгадо-Агилера, Королевское географическое общество. Мадрид, 1920).

тихоокеанский союз; отныне Масаве официально причислялась к владениям короля Карла. За торжественной церемонией последовали танцы и музыка, причем нам известно, что по приказу капитан-генерала местных жителей развлекали эспада данса — баскским танцем с мечами. Если была выбрана бискайская его форма, то Эль-Кано вряд ли принимал в нем участие; если же остановились на гипускоанском эспада данса, гораздо более сложном, то весьма вероятно, что «капитаном» в нем был Хуан-Себастьян, как старший чином среди офицеров-басков флотилии. Потом начался пир, и, смакуя дичь, молочных поросят, пальмовое вино и «фиги длиной в фут», как назвал в своем дневнике бананы итальянец Пигафетта, моряки почувствовали, что действительно достигли райских островов. Однако многим из них недолго суждено было наслаждаться подобным блаженством на Масаве и на острове Себу, куда затем направилась флотилия. Мартин де Баррена, единственный баск, назначенный на «Сантьяго», скончался, так и не оправившись после страшного перехода через Тихий океан. Мартин де Баррена был родом из области, соседней с той, где жили предки Эль-Кано, так что скорее всего Хуан-Себастьян хорошо его знал и, возможно, сам завербовал его в плавание. Баррена и плотник-бискаец были погребены посредине базарной площади Себу в земле, освященной для этого случая. Таким образом, первыми европейцами, похороненными на Филиппинах, оказались два баска.

Себу был вторым островом, который вступил в союз с Кастилией, после того как его жители были формально обращены в христианство, и Магеллан назначил его раджу верховным правителем всех остальных островов. Однако остров Мактан не пожелал признать главенство Себу, и его царек отказался выплатить сполна наложенную на него дань. Дальнейшие действия Магеллана были продиктованы двумя главнейшими чертами его характера: во-первых, он непоколебимо верил в то, что в любом своем предприятии смело может рассчитывать на помощь свыше, а во-вторых, не умел отступать от раз принятых решений. Магеллан не согласился на предложение царька выплатить часть дани, хотя это позволило бы начать переговоры; вместо этого он единолично решил предпринять карательную экспедицию на Мактан и вопреки настояниям своих офицеров возглавил ее сам. Такая непреклонность в соблюдении буквы закона стоила ему жизни — 27 апреля в сражении на Мактане Магеллан был убит. Таким образом, он сумел осуществить лишь две из четырех своих главных целей. Он открыл пролив, носящий теперь его имя, обеспечил Испании вассаль-

ную зависимость островов со значительными природными богатствами и распространил христианство в землях, дотоле неизвестных Западу, но ему так и не удалось добраться до Молуккских островов, и он не вернулся к своему государю с кораблями, нагруженными пряностями.

Эль-Кано не участвовал в экспедиции на Мактан, так как был в то время болен. В показаниях, которые он давал по возвращении в Испанию, он указал, что недовольство против адмирала было вызвано главным образом заменой испанских капитанов португальскими. И все же после гибели адмирала участники экспедиции выбрали командующими флотилией двух его соотечественников — капитана Серрана и Дуарте Барбозу. Следует, однако, принять во внимание, что из трех оставшихся кораблей один был флагманом, всегда сохранявшим верность Магеллану, на «Виктории» было относительно много португальцев, а «Консепсьоном» после мятежа командовал португалец, и на этот корабль перешла часть команды с затонувшего «Сантьяго», который неизменно поддерживал адмирала.

Барбоза жестоко обращался с молодым рабом Магеллана Энрике, толмачом экспедиции, и это стало причиной новой трагедии⁵⁴. Энрике отомстил своему мучителю, внушив правителю Себу недоверие к пришельцам. Прежняя благожелательность правителя и его советников теперь сменилась подозрительностью. На пиру, устроенном в честь двух капитанов и их друзей, оба они и еще двадцать пять участников экспедиции были убиты. В этой резне Эль-Кано потерял близкого друга — Андреса де Сан-Мартина, ученого-космографа и одного из лучших кормчих флотилии.

И тут Эль-Кано вновь предстает перед нами как избранник судьбы. Его нелады с законом после североафриканских походов не помешали ему попасть в экспедицию Магеллана, его не казнили в Сан-Хулиане, он не погиб на Мактане, не был убит во время пира на Себу. Судьба словно берегла его для свершения бессмертного подвига.

Новым капитан-генералом стал португальский кормчий Карвалью, а Эль-Кано на короткий срок оказался капитаном «Консепсьона»*. Однако командовал он им не более суток, так как сразу же после резни на Себу, когда флотилия со всей возможной быстротой покинула этот остров, Эль-Кано объявил, что «Консепсьон» не может продолжать плавание. Но

* *Melón Amando y Gordejuela Ruiz de. Magallanes y la Primera Vuelta Mundo. Salvat Editores, S. A. 1952.*

чтобы не оставлять обреченный корабль в добычу врагам-островитянам, Хуан-Себастьян рекомендовал уничтожить его. В ночь на 2 мая команда подожгла «Консепсьон».

Какие чувства обуревали Эль-Кано, когда он смотрел, как из трюма его корабля повалил черный дым, а потом взвились яркие языки пламени? Корабль — зачинщик мятежа, на чьей палубе шептались кучки заговорщиков, которые затем по распоряжению самого Эль-Кано спустили шлюпку и под покровом ночи присоединились к другим мятежникам, — этот корабль теперь погибал в огне, словно искупая свое участие в сан-хулианском мятеже. Корабль, которым несколько кратких часов командовал Хуан-Себастьян Эль-Кано, превратился в обугленный остов. Из пяти судов, покинувших Испанию два с половиной года назад, осталось только два: «Тринидад» и «Виктория».

Эль-Кано стал теперь штурманом «Виктории», капитаном которой был Эспиноса. Карвалью оказался очень плохим флотоводцем. Вместо того чтобы идти прямо к Молуккам, он бесцельно кружил среди островов Филиппинского архипелага, а уже наступал сезон дождей, который в этих краях обычно сопровождается внезапными бурями. Во время этих блужданий европейцы часто встречали балангейс — быстрые легкие лодки с глубокой осадкой и большим числом гребцов, ритмично работавших веслами в такт пению особого певца. Над ними на тростниковом настиле стояли воины, управлявшие большим квадратным парусом, натянутым на двух бамбуковых шестах. Эти беспалубные скорлупки не тонули, даже если во время бури их захлестывали волны: пока гребцы вычерпывали воду, лодку поддерживали два широких балансира.

Когда корабли покинули Филиппины и уже приближались к Брунею на Борнео, «небеса», — сообщает Пигафетта, — потемнели, а затем на наших мачтах вспыхнули огни святого Эльма», ободряя моряков и внушая им надежду на спасение, как это бывало и во время перехода через Атлантический океан. На следующий день раджа острова прислал к пришельцам прау — малайскую лодку, украшенную золотом; на носу ее вилял бело-голубой флаг, древко которого венчал пучок павлиньих перьев. Под звуки дудок и барабанов посланцы местных вождей преподнесли Карвалью, Эспиносе и Эль-Кано чаши с бетелем и арекой, весьма ценными местными жителями, которые постоянно их жевали. Испанцам, однако, этот подарок вряд ли пришелся особенно по вкусу: толченые орешки арека, смешанные с известью и завернутые в пальмовые листья, сильно опалили небо, слюна становилась кроваво-красной,

и первые попытки европейцев перенять этот обычай нередко кончались тяжелыми ожогами рта. Куда больше должны были им понравиться клетки с домашней птицей, связки сахарного тростника и рисовая водка, которой кое-кто из команды не замедлил упиться. Поскольку островитяне оказали им столь дружеский прием, Эль-Кано в сопровождении еще семи человек отправился на берег с подарками для раджи, «состоявшимися из платья зеленого бархата, сшитого на турецкий манер, кресла, обитого фиолетовым бархатом, пяти локтей красного сукна» и других предметов; для супруги раджи они взяли «три локтя желтого сукна, пару посеребренных башмаков и серебряный игольник, полный иголок».

Впервые в жизни Эль-Кано довелось сесть на слона, «покрытого шелковой попоной», перед которым шествовало двенадцать человек, несших подарки. Эль-Кано и его спутники направились в дом первого министра раджи и убедились, что на этом «языческом острове», лежащем далеко за пределами привычного им мира, существуют удобства и роскошь, какие нелегко было бы отыскать даже в самой Испании, не говоря уже об условиях жизни на их обветшавших и потрепанных кораблях. В эту ночь они впервые после почти двухлетнего плавания наслаждались сном «на шелковых матрасах, набитых хлопком, и на простынях из камбейского полотна».

На следующий день Хуан-Себастьян и его друзья вновь взобрались на слонов и поехали во дворец раджи; там они вошли в увешанный шелками парадный зал, «в глубине которого было большое окно, закрытое парчовым занавесом, — рассказывает Пигафетта. — Когда занавес отдернули, мы увидели, что раджа сидит у стола и жует бетель, а рядом с ним — его маленький сын». Вручение даров оказалось далеко не таким простым делом, как на Филиппинах. Приблизиться к радже Борнео можно было, только выполнив требования чрезвычайно сложного этикета, и гостей предупредили, что, кланяясь ему, они должны прежде сложить ладони вместе и поднять их высоко над головой. Потом следовало поднять одну ногу, затем другую, поцеловать свои руки и почтительно протянуть их в сторону властелина. Церемония же передачи слов приветствия радже через целую цепочку придворных, последний из которых сообщал их своему господину через переговорную трубку, вделанную в стену возле трона, по сообщению современного летописца *, чуть было не рассмешила даже сдержанных испанцев.

* *Gómara. Historia General de las Indias. Madrid, 1922. Vol. I.*

Однако им вряд ли хотелось смеяться при мысли о том, какими ничтожными должны показаться их дары по сравнению с золотом, серебром, драгоценными камнями, парчой и шелками, украшавшими этот дворец. Даже в доме министра угощение им подавали на золоте и прекраснейшем фарфоре, а теперь они собирались преподнести самому радже почти точно такие же подарки, какими обходились, имея дело с полудикарями на Филиппинских островах. И действительно, раджа даже не потрудился скрыть свое безразличие к подаркам и, когда их ему подавали, только чуть наклонял голову в знак благодарности. Впрочем, испанцы все же осуществили свою главную цель: Эль-Кано и его товарищи от имени Кастилии заключили дружественный договор с Брунеем и добились торговых привилегий. Затем им подали «легкую закуску с гвоздикой и корицей, после чего занавес был задернут и окно закрылось». Аудиенция окончилась.

Гости были раздосадованы, что им не показали гордость сказочной сокровищницы раджи — «две жемчужины величинной с куриное яйцо и такой совершенной округлой формы, что поставить их на столе так, чтобы они не покатались, никак не удастся». Однако Эль-Кано и его спутники утешились, когда вернулись в дом первого министра: там их ждало угощение, воздать должное которому способны только моряки, измученные долгой голодовкой и цингой. «Нам подавали, — рассказывает Пигафетта, — всевозможные мясные кушанья — телятину, каплунов, кур, павлинов — и всякие другие, а кроме того, рыбу разных сортов, так что одних этих блюд было тридцать, а то и тридцать два. Мы ужинали, сидя на земле на пальмовой циновке; каждый глоток пищи мы запивали рисовой водкой из маленьких фарфоровых чашечек величинной не больше яйца. Ложки были похожи на наши, но сделаны они были из золота».

После этих райских трапез Эль-Кано пришлось взяться за неприятную работу — нужно было проконопатить корабль. «Виктория» дала течь, еще не добравшись до Борнео, и теперь ее штурману предстояло заняться ремонтом. Замена сгнивших шпангоутов оказалась нелегкой задачей, так как почти все его люди были босы, а землю в лесу усеивали колючки и шипы. Ремонт длился три недели, и все это время испанские корабли стояли у берегов Борнео, так как их отношения с правителем острова оставались дружественными. Однако к концу июля капитан-генерал Карвалью заподозрил недоброе, заметив, что в гавани вдруг появилось множество джонок. Раджа, который действительно подумывал захватить испанские суда, убедился,

что заставить чужеземцев врасплох ему не удастся, и попробовал прибегнуть к хитрости. Он решил заманить на берег и похитить маленького сына Карвалью, которого тот взял с собой из Бразилии (ребенка этого родила во время одного из предыдущих плаваний капитан-генерала его любовница-индианка). Раджа надеялся таким способом заманить в Бруней большой отряд испанцев, который, по его расчетам, должен был отправиться на выручку мальчика. И вот он послал сказать Карвалью, что его маленький сын очень хочет познакомиться с сыном капитан-генерала — так не придет ли он ребенка к нему во дворец?

Испанцам для ремонта кораблей необходим был воск, и поэтому Карвалью согласился на просьбу раджи, но из предосторожности послал мальчика под охраной Эль-Кано *, а также альгуасила Гомеса де Эспиносы и еще двух человек. Однако мальчик и двое из сопровождавших его людей были схвачены; освободить их Эль-Кано и Эспиносе не удалось, но сами они все же сумели вернуться на корабли. Их трехдневное отсутствие очень встревожило остальных испанцев. Ведь после гибели на Себу значительного числа офицеров потеря такого опытного моряка, как Эль-Кано, была делом серьезным, а тем более теперь, когда стало ясно, что Карвалью оказался никуда не годным начальником. Поэтому благополучное возвращение Эль-Кано обрадовало всех (Эспиноса был солдатом, а не моряком, и хотя позже он был выбран командующим, это объяснялось другими соображениями). Так судьба вновь спасла Хуана-Себастьяна от роковой случайности, которая могла бы воспрепятствовать его будущему триумфу.

31 июля 1521 года «Тринидад» и «Виктория» покинули Борнео. Радже не удалось осуществить свой план: ни один человек не сошел на берег, чтобы сделать попытку освободить пленников. Но и Карвалью не сумел добиться выдачи своего сына, хотя он захватил джонку начальника дворцовой стражи, оставив этого последнего у себя на корабле в качестве заложника. Пиратские замашки капитан-генерала, его нежелание соблюдать некоторые правила, установленные Магелланом, возбудили сильное недовольство среди офицеров; поведение же Карвалью после ухода с Борнео настолько их разъярило, что они отстранили его от командования. Благодаря более позднему свидетельству Хуана-Баутиста Пунсоролы, штурмана

* *Herrera*. Historia General de los hechos de los Castellanos en las Islas y Tierrafirme del Mar Océano. Déc. II. Lib. IV. См. также рассказ об этом плавании Хинеса де Мафры.

«Тринидада», нам известно, что Карвалью был низложен единогласно и что Эль-Кано принимал в этом деятельное участие, о чем Пунсороль специально упоминает*. В докладе, который Хуан-Себастьян позже послал королю, он заявил, что Карвалью «заботился о собственных выгодах, а не о выгодах его величества». Теперь командующим был выбран Гомес де Эспиноса, а Эль-Кано стал капитаном «Виктории».

Ни одно из тогдашних описаний этого плавания не проливает света на взаимоотношения Эспиносы и Эль-Кано; однако, давая показания королевской комиссии, Эль-Кано заявил, что Магеллан подкупил Эспиносу, чтобы тот во время мятежа в бухте Сан-Хулиан убил первого капитана «Виктории». Подобное утверждение независимо от того, верил в это сам Эль-Кано или нет, позволяет заключить, что Хуан-Себастьян не питал к Эспиносе дружеских чувств. Пиратство, ставшее обычным при Карвалью, продолжалось и при Эспиносе, а корабли, как и прежде, блуждали от острова к острову. Только 6 ноября 1521 года, через шесть с лишним месяцев после смерти Магеллана, два последних корабля флотилии наконец добрались до Молукк. Там, на острове Тидоре, их с видимым удовольствием принял местный раджа, который, хотя и верил в знамения небесных светил, предвещавшие прибытие «людей из дальней страны», был тем не менее весьма практичным правителем и очень заботился о расширении своей торговли. Кроме того, он был не прочь заручиться покровительством Кастилии, которая обещала стать могучей соперницей Португалии в Восточных Индиях, тем более что совсем недавно по его наущению было убито несколько португальцев, в том числе и друг Магеллана Франсишку Серран (в отличие от Магеллана он остался на португальской службе). Опасаясь, что Португалия с ним за это рассчитается, правитель Тидоре искренне обрадовался появлению посланцев Кастилии. Поэтому он сам посетил испанские корабли, поразив своих гостей великолепием наряда — шитой золотом рубашкой и шелковым головным убором, «похожим на митру». И к испанским подаркам он отнесся совсем не так, как правитель Борнео: если тот выразил недвусмысленное презрение, то раджа Тидоре умолял Эль-Кано и Эспиносу ничего ему больше не дарить, ибо у него «нет ничего, что могло бы стать даром, достойным их короля, разве что он пошлет ему самого себя». Испанским капитанам не пришлось уговаривать раджу, чтобы он признал себя вассалом

* На письма Пунсороля неизвестному лицу. См. *Gelcich Eugen. Zwei Briefe über die Maghallanische Weltumseglung. Wien, 1889. P. 7—8.*

Кастилии, — он сам дал им письма к императору, в которых не только выражал горячее желание признать Карла V своим сюзереном, но и умолял прислать в его страну кастильцев. Некоторые из его соседей-раджей просили также, чтобы им прислали священников для наставления их в христианской вере. Послов к пришельцам отправили даже правители нескольких малых островов, подчинявшихся Тернате, оплоту Португалии на Молукках.

Этим двум кораблям потребовалось почти два года и два месяца, чтобы достичь островов, к которым стремился Магеллан и поиски которых уже унесли шестьдесят пять человеческих жизней. «Я нашел здесь новые земли, куда богаче и могущественнее тех, где побывал Васко да Гама», — писал с Молуккских островов Франсишку Серран в Лиссабон своему другу Магеллану, с которым близко сошелся в Индии и на Малакке, когда оба они находились на португальской службе. Описание богатств Восточных Индий так поразило Магеллана, что он представил письма своего друга испанскому королю вместе с просьбой послать его в экспедицию к Островам Пряностей. Магеллану не суждено было увидеть эту землю обетованную, однако она не обманула самых смелых ожиданий его преемников и оказалась именно тем райским краем, какой рисовала их фантазия, воспламененная доходившими до Испании красочными рассказами португальцев, которые бывали на Тернате. А Эль-Кано и его землякам-баскам эти тропические острова по контрасту с их родным побережьем казались совсем уж поразительными. Они явились сюда из страны неяркого солнца, сине-зеленых волн, серо-голубых небес, внезапных туманов и зеленых долин, а здесь солнечные лучи пылали золотом среди пальмовых листьев, небо и море соперничали ослепительностью своей лазури, крутые склоны вулканических гор поросли душистыми гвоздичными деревьями, в густых джунглях пронзительно кричали красно-белые попугаи и в знойном мареве радужными молниями мелькали великолепные райские птицы. Это был край, где мужчины и женщины ходили почти нагими и ели зеленый имбирь вместо хлеба, край, изобиловавший медом, кокосовым молоком и плодами, каких не видывал еще ни один испанец.

Только теперь наконец была достигнута главная цель экспедиции Магеллана. Раджа Тидоре послал своего сына на остров Бачан за грузом сушеной гвоздики для испанцев, а когда молодой человек вернулся, раджа сам отправился в лодке с гвоздикой к испанским кораблям под торжественный бой

барабанов, и благодарные гости ответили пушечным салютом. На Тидоре испанцы узнали, что за полдуката можно получить кинтал (100 фунтов) гвоздики, а за каждый из трех гонгов, которые они привезли с Борнео, им предлагали по 812 фунтов; к концу их стоянки, когда гвоздики стало больше, они уже выменивали за четыре ярда лент 406 фунтов драгоценных пряностей. Эспиноса и Эль-Кано обнаружили, что не смогут отвезти в Испанию всю купленную ими гвоздику: к этому времени стало ясно, что «Тринидад» не выдержит обратного плавания, и было решено оставить его на Тидоре для капитального ремонта, а затем попытаться достичь на нем берегов Панамы (предприняв, таким образом, первую попытку пересечь Тихий океан с запада на восток). Эль-Кано же решил отправиться на «Виктории» в Испанию, взяв курс на запад.

И снова судьба улыбнулась Хуану-Себастьяну. Если бы отремонтировать нужно было не «Тринидад», а «Викторию», он не стал бы первым мореплавателем, совершившим кругосветное путешествие. Узнав от местных лоцманов, что сезон муссонов — наиболее благоприятное время года для плавания между островами, Эль-Кано решил выйти в море во второй половине декабря.

И тут мы лишний раз убеждаемся в его благоразумии и предусмотрительности. Когда соседний раджа преподнес ему, как капитану «Виктории», десять бахаров гвоздики, он, как ни соблазнителен был подобный подарок, не рискнул перегружать корабль и принял только два бахара. Поступая так, он следовал королевским инструкциям, которые предписывали «не перегружать корабли, дабы не пострадали их мореходные качества». Из предосторожности он даже снял с корабля шестьдесят кинталов пряностей, поручив их заботам тех членов экспедиции, которые оставались на Тидоре. А затем Эль-Кано и его спутники простились с шестьюдесятью своими испытанными товарищами по плаванию к Островам Пряностей.

Глава IV

КАПИТАН «ВИКТОРИИ»

Хуан-Себастьян Эль-Кано, до прибытия на Молукки игравший в экспедиции второстепенную роль, теперь становится главным действующим лицом. 21 декабря 1521 года он отдает

приказ об отплытии. «Виктория» с сорока четырьмя европейцами и тринадцатью индейцами на борту берет курс на Испанию. Если не считать одного-единственного дня в Магеллановом проливе, «Виктория» и «Тринидад» разлучались впервые за все плавание, и, когда настало время расставания, печаль обеих команд была так велика, что моряки с «Тринидада» еще долго следовали в туземных прау за удаляющейся «Викторией».

С самого начала Эль-Кано пришлось столкнуться с трудностями, которых не знал Магеллан в первой половине путешествия. О том, чтобы плыть от Молуккских островов в Европу обычным путем, не могло быть и речи. Португальцам было приказано захватывать и топить все испанские корабли, идущие этим путем. Еще на Тидоре «Викторию» предупреждали, что верховный капитан Индий посылает корабли, чтобы перехватить испанскую экспедицию. Следовательно, Эль-Кано необходимо было отклониться далеко к югу от обычных путей в Европу. Это означало, что плыть придется по неведомым водам на корабле, далеко не таком крепком и надежном, каким он был в начале путешествия, и с командой, так до конца и не оправившейся после изнурительного перехода через Тихий океан. Кроме того, отклоняясь далеко к югу, чтобы избежать португальцев, они после ухода из Яванского моря могли бы без значительного риска пополнить свои запасы только на Канарских островах (обстоятельства же сложились так, что эти острова оказались вообще в стороне от их курса). Чтобы отправиться в столь длительное плавание на перегруженном корабле с ослабевшей, измученной командой, от капитана требовалось безграничное мужество. Последующие события покажут, в какой степени обладал подобным мужеством Эль-Кано.

Первая их стоянка была на Маре, одном из главных Островов Пряностей. Эль-Кано взял на «Викторию» жителя Тидоре, хорошо знавшего другие острова, и благодаря этому мог теперь запастись необходимым в пути топливом: дружественный правитель прислал ему четыре лодки дров. Направившись оттуда на юго-запад, «Виктория» на один день задержалась у острова Буру, где взяла на борт свежую провизию. Эти стоянки у разных островов показывают, как озабочен был Эль-Кано пополнением запасов провианта; в Амбоине⁵⁵, населенной «язычниками»⁵⁶, он нашел то, чего не было на островах, где жили «мавры», а именно свиней. Кроме того, его снабдили козами, курами, кокосовыми орехами, свежими фруктами, плодами «нангка» (хлебного дерева) и арбузами.

«Виктория» подошла к Амбоине 29 декабря и попала там в двухдневный штиль. В часы томительного ожидания матросы развлекались бесконечными историями, которые рассказывали им два молуккских лоцмана, взятые на «Викторию» в самом начале плавания. Как узнали испанцы, за Явой, в Китайском море, растет гигантское дерево, на котором живут птицы, до того огромные, что им ничего не стоит унести в когтях грифона. Ни одно судно не может подойти к этому дереву ближе, чем на три лиги, — такие там водовороты. Однажды водоворот засосал джонку и разнес ее в щепы; все, кто на ней был, погибли, кроме мальчика, который уцепился за доску, подплыл к дереву и взобрался на него. Там он устроился на суку под крылом крепко спавшей чудовищной птицы. На следующее утро птица взвилась в воздух вместе с ним и, высмотрев буйвола, кинулась вниз на добычу — так мальчик вновь оказался на земле. Он поведал о своем странном приключении тем, кто его нашел. Благодаря таким рассказам часы ожидания, вероятно, летели для матросов «Виктории» столь же быстро, как летают эти мифические птицы.

Некоторые историки, отрицательно относящиеся к Эль-Кано, считают его ответственным за то, что после смерти Магеллана на Мактане «Тринидад» и «Виктория» бесцельно проблуждали несколько месяцев, прежде чем отправиться на Молукки; однако они забывают, что тогда он должен был подчиняться командующему флотилией — сначала Карвалью, а потом Эспиносе. Эль-Кано так же нельзя винить в этом кружении между Филиппинскими островами, как нельзя возлагать на испанских капитанов ответственность за то, что флотилия, находясь еще под командованием Магеллана, напрасно мешкала несколько недель между устьем Рио-де-Солис и бухтой Сан-Хулиан. Однако после прибытия на Молукки истинным начальником экспедиции становится уже не Эспиноса, а Эль-Кано. Это явствует из письменных показаний, данных корабельным нотариусом Мартином Мендесом по возвращении из плавания. Он не только называет Эль-Кано «гобернадором»⁵⁷ наравне с Эспиносой, но при этом часто ставит его имя первым. Кроме того, Мендес утверждает, что 4 декабря Эль-Кано один отправился во дворец на острове Тидоре и там беседовал с правительницей Тернате и ее маленьким сыном. Остров Тернате был оплотом португальцев на Островах Пряностей, однако правительница сказала Эль-Кано, что Тернате хотел бы заключить официальный союз с Испанией*. Хотя

* Archivo General de las Indias, 145—7—7.

у этой дамы не было возможности перейти от слов к делу, их беседа со всей очевидностью показывает, что Хуан-Себастьян играл главную роль в одном из важнейших событий, случившихся за весь период пребывания испанцев на Молукках.

И как только Эль-Кано становится единственным командиром на обратном пути в Испанию, плавание сразу же приобретает целеустремленный характер. Во время своего пребывания на Молукках он заходил на пять из шести основных островов — исключение составил лишь остров Тернате, занятый португальцами. Из Тидоре он вез в Испанию просьбу раджи о союзе с Кастилией и вещественные доказательства его искренности; с Бачана, Макиана, Моти и Джайлоло «Виктория» захватила не только гвоздику, но и письма их правителей императору с изъявлением покорности. И то же можно сказать о многих других островах: «Виктория» везла оттуда не только пряности вроде мускатного ореха, но и знаки покорности их вождей Кастилии. В Амбоине Эль-Кано взял на борт сахарный тростник, на Малуа, где он пробыл с 10 по 25 января, он получил перец, а на Тиморе — воск и белое сандаловое дерево. Перед заходом на Малуа «Виктория» попала в страшную бурю, и многие матросы совсем отчаялись, заметив, что их каравелла гораздо хуже, чем прежде, сопротивляется натиску ветра и волн. Если «Виктории» пришлось так плохо в самом начале пути, то каким образом выдержит она куда более тяжелые испытания, которые ждут ее впереди? Однако их капитан и слушать не хотел подобных жалоб: едва буря начала стихать, как он и вся его команда в благодарность за спасение дали обет совершить паломничество в сан-лукарскую церковь Богородицы Путеводной, в которой они ежедневно молились перед отплытием из Испании.

Как ни хотел Эль-Кано воспользоваться попутными муссонами, он все же провел на Тиморе две недели, запасаясь провизией: насколько это от него зависело, он старался не допустить, чтобы его команде пришлось еще раз голодать, как в Тихом океане. Буйволятины и козлятины можно было взять сколько угодно, но тут Эль-Кано просчитался: соли у них не было, и мясо быстро протухло. Испанский хронист Эррера сообщает, что на Тиморе часть команды взбунтовалась против Эль-Кано, и двое бунтовщиков, осужденных на смерть, были казнены по приказу капитана. Но эта версия не подтверждается другими источниками. К тому же маловероятно, чтобы Пигафетта не упомянул о подобном событии, если оно действительно имело место: похвалы Магеллану, на которые Пигафетта не скупится в своем дневнике, и его полное молчание

относительно капитана-баска в соединении с другими обстоятельствами (о них мы скажем ниже) позволяют предположить, что он очень не любил Эль-Кано. Однако мы знаем, что на Тиморе с «Виктории» дезертировали три человека. На корабле возникли раздоры из-за будущего дележа пряностей; собственно говоря, неурядицы начались, едва «Виктория» отправилась в обратный путь, так как некоторые члены команды, не желая, чтобы уменьшалась их доля груза, возражали, когда было решено оставить на Тидоре шестьдесят кинталов пряностей. На Тиморе между матросами вспыхнула по этому поводу ссора, двое-трое были ранены, и виновники предпочли скрыться на берегу, чтобы не понести кары за подобное тягчайшее нарушение корабельной дисциплины. Эррера, далеко не всегда скрупулезно придерживавшийся истины, мог превратить в «мятеж» именно этот эпизод. Однако и случившееся было достаточно серьезным, потому что в конце подобного плавания потеря даже трех человек ставила капитана в затруднительное положение.

Если то, что позже утверждал губернатор португальских Островов Пряностей*, было правдой и на «Виктории» действительно существовала оппозиция из сторонников покойного адмирала Магеллана, которые не желали подчиняться Эль-Кано, это еще более усугубило огромные трудности, стоявшие перед ним. И тем больше чести капитану «Виктории», раз он сумел успешно преодолеть такое дополнительное препятствие и благополучно завершить плавание.

Как бы то ни было, факт остается фактом: спутники Хуана-Себастьяна настолько ему доверяли, что выбрали его не только капитаном, но и казначеем. Это была очень важная должность: по королевскому приказу все торговые сделки с туземцами полагалось совершать в присутствии казначея и тщательно заносить в корабельные книги. Все гири и весы корабля находились теперь в ведении Эль-Кано.

Как-то на Тиморе Эль-Кано был вынужден насильно задержать на «Виктории» посетившего ее вождя до тех пор, пока этот последний не согласился понизить неслыханную цену, которую он заломил за продовольствие; едва припасы были доставлены на борт, Эль-Кано уплатил вождю их полную стоимость товарами, и тот удалился, очень довольный**. Как

* Письмо с Тернате, которое Антониу де Бриту послал 21 февраля 1523 года португальскому королю Жуану III (*Tombo Torre de. Gaveta 18, Маço 6. Doc. 9*). За копию этого письма я приношу благодарность мисс Элен Сансо, Опорто.

** См. также *Gomez Ortega Casimiro de. Resumen Histórico del Primer Viage hecho alrededor del Mundo. P. 45*.

мы видим, такое поведение сильно отличалось от пиратских замашек Карвалью и Эспиносы.

На Пигафетту Эль-Кано возложил довольно щекотливую миссию: единолично установить торговые отношения с Тимором — островом, внутренние области которого, по слухам, были населены людоедами. Практичный капитан-баск больше интересовался отчетом об удачных переговорах, проведенных его посланным, чем описанием обитателей Тимора, о которых романтичный итальянец сообщил, что они «носят в ушах либо золотые колечки с шелковыми кисточками, либо выдолбленные тыквы, а на руки по локоть нанизывают золотые и медные браслеты». На шях тиморцев сверкали круглые золотые пластинки, но, кроме этих украшений да гребней в волосах, на мужчинах не было надето ничего.

Ни на Тиморе, ни на остальных островах, куда заходила «Виктория» после Тидоре, Эль-Кано и его спутники, по-видимому, не принимали участия в пиршествах, во всяком случае об этом нет никаких упоминаний. Того, что случилось на Себу, было достаточно, чтобы командир экспедиции запретил посещать какие бы то ни было празднества. (На Борнео сам Эль-Кано отправился на пир только потому, что Бруней был относительно цивилизованным государством, и Хуан-Себастьян сразу это понял.) На островах Молуккского моря, которые «Виктория» посещала после Тидоре, всяческие яды были в столь же большом ходу, как и на Филиппинах. Там, на Бохоле, у берегов которого был сожжен первый корабль Эль-Кано «Консепсьон», европейцам рассказывали про траву, столь смертоносную, что ее косили всегда с наветренной стороны — даже ветер, проносясь над ней, становился ядовитым. Слышали они и о том, что туземцы держат в ящиках каких-то ящериц и собирают их слюну, чтобы изготовлять смертоносную отраву, которую легко подмешать в пищу и питье. Да и сами островитяне с такой опаской относились к приглашениям на пир, что часто заранее глотали личинок, которые считались противоядием.

Тимор был последним островом, который посетила «Виктория», прежде чем покинуть похожий на лабиринт архипелаг, куда ее привели поиски пряностей. Взяв 11 февраля курс на запад-юго-запад, чтобы избежать португальцев на Суматре, Эль-Кано придерживался этого курса до 2 марта, когда несколько изменил направление. Затем, убедившись в значительном магнитном склонении компаса, он снова лег на первоначальный курс и достиг $35^{\circ}52'$ ю. ш., но тут буря принудила его повернуть на юго-восток. В это время он подобно всем

морьякам своей эпохи испытывал большие трудности из-за того, что не мог точно определить широту. Высота солнца в полдень измерялась с помощью квадранта, но этот инструмент и в более поздние времена часто давал неточные результаты. Навигатор, проделав измерения, вычислял затем свою широту с помощью таблиц солнечного склонения. «Режим Солнца» Мартина Бехайма (упростившего астрольбию) представлял собой значительный прогресс по сравнению с прежними «правилами», но должно было пройти еще двести лет, прежде чем для определения широты был применен первый секстант современного типа. Кроме астрольбии Эль-Кано пользовался таблицами склонения в «*Liber Directionum de Regiomontanus*»⁵⁸, служившими основным справочником и Магеллану. Были у него и таблицы Авраама Закуто, знаменитого еврея-астронома, который определил угол наклона эклиптики, с тех пор принятый повсеместно. Эти таблицы одолжил ему Андрес де Сан-Мартин, кормчий «Тринидада», незадолго до своей гибели на Себу. Для определения долготы Эль-Кано мог прибегать к так называемому лунному методу, описанному в «Эфемеридах» и требовавшему измерения углового расстояния между Луной и какой-либо звездой, но истинное положение этих светил еще не было в те дни известно навигаторам, так что толку от этого метода было мало. Даже если бы капитан «Виктории» рискнул следовать обычным португальским путем, положение его осталось бы нелегким, так как карт этого пути у него не было.

Карты, которыми пользовались португальские мореплаватели, как правило, выдавались им только на время плавания и по возвращении вновь сдавались в Индийскую палату. После того как Кабрал вернулся из Индии, карту его пути было постановлено хранить в тайне от иностранцев, и по указу Мануэля I передача ее за границу каралась смертью. Магеллан потребовал для своей экспедиции двадцать три морские карты на пергаменте, но получил их значительно меньше, а сколько из них сохранилось к этому времени, неизвестно, как неизвестно, была ли среди уцелевших карта, изготовленная для Магеллана королевским картографом и «укрепленная на дубовом шаре». (Четыре года спустя в своем завещании Эль-Кано упоминает «земную сферу», изготовленную в Риме. Вероятно, это тот самый глобус, который погиб во время пожара, уничтожившего его дом.)

Навигационные инструменты Магеллана включали двадцать один деревянный квадрант, семь астрольбий и шесть пар компасов, но опять-таки неизвестно, сколько их сохранилось

к тому времени, когда Эль-Кано покинул Тидоре. Собственно говоря, капитан «Виктории», оказавшись в этих неведомых водах, должен был полагаться в основном на собственный опыт, а не на карты, руководства или приборы.

В Индийском океане его корабль отклонился так далеко к югу, что 18 марта был открыт остров, впоследствии получивший название остров Амстердам. Все, что довелось им испытать у берегов Патагонии, не шло ни в какое сравнение со штормом, обрушившимся на них, когда они находились примерно в четырехстах лигах от мыса Доброй Надежды. Чем ближе они подходили к зловещему «мысу бурь», тем яростнее бушевал ураган. Тамошние встречные ветры и течения сразу же закрепили за этим мысом репутацию «самого страшного мыса в мире». И Эль-Кано, обходя его намного южнее*, чем португальские мореплаватели, стремился к той же цели, что и они: держаться от мыса Доброй Надежды как можно дальше.

Когда Магеллан пересекал необъятные просторы Тихого океана, корабли адмирала-португальца бороздили неведомые воды; но и Эль-Кано было не легче, так как капитан-баск повел свою одинокую каравеллу по огромной дуге, захватившей далекий юг Индийского океана. Ему никогда прежде не доводилось бывать в этих широтах, где ветры благоприятствовали не тем, кто плыл в Европу, а тем, кто направлялся в Индию. Моряки, плывущие в Индию, могли использовать западные ветры и, уходя далеко на юг от мыса Доброй Надежды, спокойно его огибали. Для Эль-Кано же эти ветры были лишь дополнительным препятствием. «Виктория» продвигалась вперед очень медленно, а нередко ее даже относило назад. Приказывая то убрать паруса, то вновь их поставить, когда выпадала благоприятная минута, Эль-Кано побуждал работать свою измученную команду. Лишь человек, наделенный несокрушимой волей и безжалостный, мог заставить работать людей, которые обессилели не только из-за непрерывной борьбы с ветром и волнами и от постоянного недоедания (путь оказался гораздо длиннее, чем предполагалось), но и потому, что были одеты в лохмотья — ведь многие отдали чуть ли не всю свою одежду в обмен на пряности. Таким образом, спутники Эль-Кано были совсем не готовы к этому быстрому переходу от тропической жары к жестокой стуже, а чрезвычайно скверные санитарные условия, обычные для этой эпохи, еще усугубляли их страдания. И, хороня в море умерших товарищей,

* Наиболее высокой широтой, достигнутой ими в Южном полушарии, была 42°30' ю. ш.

остававшиеся в живых тоскливо думали, что и они могут вскоре вот так же найти последний приют в океанской пучине.

К чему теперь были Эль-Кано тщательно разработанные правила, в которых предписывалось зажигать по ночам на юте флагмана фанель — большой факел, чтобы остальные корабли флотилии могли следовать за ним? К чему было ему объяснение, как подается особый сигнал фонарем, на который остальные каравеллы должны были отвечать таким же сигналом, чтобы командующий мог проверить, следуют ли они за ним в полном составе? Или как подаются те два световых сигнала, которые означали приказ сделать поворот? Ни разу за все время плавания по безграничной пустыне океана у Эль-Кано не было причины дать сигнальный залп, который оповестил бы другие суда, что они приближаются к земле. «Виктория» была бесконечно одинока, и у нее не было спутника, который мог бы послать ей традиционный привет: «*Dios vos salve, Señor Capitán-General y Maestre, e buena compañía*»⁵⁹.
Всю ночь напролет матросы несли вахту, сменяясь очень редко, потому что их было так мало! Первой вахтой командовал сам Эль-Кано, второй, которая начиналась в полночь, — кормчий Альбо, третьей — штурман, и всем трем приходилось расставлять по местам раздраженных, павших духом людей, которым особенно невыносимы были эти вахты, куда более долгие, чем на кораблях, укомплектованных экипажем полностью.

Теперь, как раньше Магеллан в бухте Сан-Хулиан, Эль-Кано в свою очередь столкнулся с недовольством голодающей, измученной команды — недовольством, которое могло стать опасным. Предусмотрительность Хуана-Себастьяна, распорядившегося на Тидоре взять на борт восемьдесят бочонков воды и пополнявшего этот запас на всех последующих стоянках, пока спасала их от мук жажды. С провиантом же дело обстояло хуже, и многие матросы требовали повернуть к Мозамбику, чтобы взять там свежее продовольствие. Вероятно, Эль-Кано нелегко было противостоять соблазну: уступи он им — и возможность мятежа была бы предотвращена; однако он знал, какая участь ждет их всех, попади они в руки обосновавшихся там португальцев. К тому же он, несомненно, помнил, что первая из королевских инструкций строжайше запрещала начальнику экспедиции «по какой бы то ни было причине предпринимать открытия или высаживаться на сушу в пределах владений короля Португалии». Вот когда Эль-Кано понадобилась вся его незаурядная сила воли, уверенность в себе и беспощадность. И как Магеллан, он остался хозяином положения

и вскоре сумел подавить недовольство; впрочем, его задача облегчалась тем, что на этот раз до открытого бунта дело не дошло.

Однако и капитан, и его команда оказались бессильными перед бурей на $35^{\circ}39'$ ю. ш., когда «Виктория» лишилась фок-мачты. Тем не менее крохотное суденышко продолжало упорно пробиваться вперед, чтобы привезти на родину известие об открытых островах, союзные договоры, заключенные от имени Кастилии в тысячах лиг от нее, а также скрытое в трюме сокровище — груз пряностей. Когда 8 мая на горизонте показался какой-то высокий африканский берег, кормчий «Виктории» записал в своем журнале: «По расчету пройденного нами пути мы полагали, что уже прошли мыс Доброй Надежды». Но вскоре ему пришлось добавить, что, встав на якорь в устье Большой Рыбной реки, они «обнаружили, что не дошли до мыса примерно еще 160 лиг». Они ошиблись в определении как широты, так и долготы.

19 мая 1522 года «Виктория» обогнула мыс Доброй Надежды. Во время стоянки на Малуа Эль-Кано предусмотрительно распорядился проконопатить корабль еще раз, но теперь течь вновь открылась, а старший конопатчик остался на Тидоре с «Тринидадом». У команды не хватало сил откачивать воду — ведь каждому выдавалась в день лишь горсточка риса. Эль-Кано добросовестно выполнял королевскую инструкцию, предписывавшую, чтобы «для команды приобретался рис и другой провиант, дабы не расходовать запасов сухарей и вина». Однако долгое плавание далеко к югу от обычных океанских путей опрокинуло все его расчеты, хотя, если бы мясо не протухло, их положение было бы значительно легче. Резкий запах мускатного ореха и гвоздики вызывал дурноту у изголодавшихся людей, которые к этому времени с радостью отдали бы весь груз пряностей за бочку вяленой свинины или рыбы. Но здесь, в открытом море, спрятанное в трюме сказочное богатство нельзя было обменять даже на мешок сухого гороха. После того как они обогнули мыс Доброй Надежды, двадцать два человека умерли от голода, и «Виктория» добралась до экватора только 7 июня. Положение было настолько серьезным, что в начале июля, когда они были примерно на 14° с. ш., Эль-Кано созвал совет офицеров и матросов, чтобы решить, высадиться ли им на западном берегу Африки («Виктория» находилась тогда вблизи Сенегамбии), где вряд ли они найдут много продовольствия, да к тому же должны будут добывать его силой, а силу эту им взять неоткуда, или же попытаться зайти на острова Зеленого Мыса, пренебрегая

страшной опасностью, которой грозила любая встреча с португальцами.

Именно теперь Эль-Кано показал себя истинным баском. Задолго до того, как слово «демократия» стало употребляться на Западе, его земляки уже осуществляли демократию на деле. В свое время капитан не стал слушать тех матросов, которые хотели зайти в Мозамбик,— положение тогда было тяжелым, но не отчаянным, как теперь. Однако с тех пор они выдержали еще несколько страшных бурь, а запасы продовольствия были уже совсем исчерпаны. Вероятно, Хуан-Себастьян почувствовал, что в такую критическую минуту его подчиненные имеют право высказать свое мнение. Кроме того, он вновь показал, насколько щепетильно соблюдает инструкции своего государя, гласившие, что, «прежде чем выбрать новый путь или изменить курс, капитан-генерал должен созвать совет из всех капитанов, кормчих и штурманов флотилии». Магеллан после открытия пролива спросил своих офицеров, следует ли им продолжать путь, но сам он заранее твердо решил, что они поплывут к Молуккам, «даже если им придется есть кожу с рангоута». Кроме того, он под страхом смерти запретил офицерам говорить с матросами о нехватке провианта. Эль-Кано же, наоборот, созвал своих подчиненных именно для этого, а также для того, чтобы поставить на голосование вопрос: «Африка или Кабо-Верде?»⁶⁰ Большинство готово было пойти на любой риск, лишь бы избежать голодной смерти, и высказалось за острова Зеленого Мыса. Это был мудрый выбор, так как в отличие от Мозамбика эти острова лежали на морских путях и Испании, а не только Португалии, хотя принадлежали они последней. Однако, приняв такое решение, Эль-Кано тем самым нарушил главную королевскую инструкцию.

10 июля (в правильном исчислении) «Виктория», имея на борту теперь только тридцать человек команды, по приказу Эль-Кано бросила якорь у берегов Сантьягу, одного из островов Зеленого Мыса. «Если бы небеса не ниспослали нам попутного ветра, мы все погибли бы от голода»,— записал в своем дневнике Пигафетта, после того как они проплыли сто сорок восемь дней, ни разу не пополнив запасы провианта. Переход через Тихий океан был очень долгим, что, несомненно, не забыл никто из европейцев, еще остававшихся в живых на «Виктории», однако от Молуккских островов до островов Зеленого Мыса они плыли почти вдвое дольше.

Теперь Эль-Кано предстояло разрешить задачу, трудней которой ему, пожалуй, не выпадало за все плавание; получить

съестные припасы, не дав португальцам догадаться, что «Виктория» побывала на Молуккских островах. Однако за провизию он должен был чем-то заплатить, а, как нам известно, все, что годилось для обмена, было израсходовано за время плавания — ведь некоторые матросы отдали за пряности даже последнюю одежду. Так что же могла предложить «Виктория», кроме тех самых специй, при виде которых португальцы неминуемо догадались бы, откуда она плывет на самом деле?

Эль-Кано собирался послать в порт Риу-Гранди на Сантьягу лодку, команде которой было велено говорить, что они плывут из Америки и потеряли мачту, пересекая экватор (хотя в действительности это произошло на 35°39' ю. ш.). Можно заметить странное несоответствие между историей, которой Эль-Кано пытался обмануть португальцев, и его позднейшими показаниями перед вальядолидской комиссией, когда Хуан-Себастьян признался в том, что «на островах Зеленого Мыса они взяли из груза три кинтала гвоздики, чтобы купить провианта, который у них кончился». Это заявление во всем, кроме указания точного веса, совпадает с показаниями кормчего Альбо, который сказал, что видел, как «некоторое количество» гвоздики было увезено с «Виктории» для продажи на Сантьягу с целью приобретения провианта. Бустаменте, цирюльник, также опрошенный в Вальядолиде, заявил, что видел, как на Сантьягу посылалась гвоздика, но объяснил это иначе. Взамен этой гвоздики, сказал он, они рассчитывали приобрести рабов, чтобы было кому откачивать воду. Тем не менее почти во всех описаниях этого плавания утверждается, будто португальцы догадались об истине потому, что кто-то из матросов попытался продать на Сантьягу свою гвоздику. Конечно, такая частная сделка могла иметь место*. Однако совершенно невозможно, чтобы один матрос или даже несколько матросов могли спрятать в лодке три кинтала гвоздики незаметно для остальных. Хуан-Себастьян в Вальядолиде ни разу даже не намекает, что их разоблачили из-за преступной неосторожности кого-то из матросов.

Что бы ни открыло португальцам глаза на обман Эль-Кано, важно одно: дважды продав провиант испанцам, в третий раз они захватили их лодку и арестовали все тринадцать человек ее команды. Эль-Кано, тщетно прождав всю ночь возвращения своих людей, на следующий день увидел, что к его кораблю

* В этом обвиняли некоего Симона из Бургоса, но двое его товарищей, также попавших в португальский плен, после своего освобождения решительно заявили, что ничего подобного не было.

приближается лодка с Сантьягу; ее командир, подойдя к борту «Виктории», потребовал, чтобы испанцы сдались и выдали весь свой груз. Люди затем будут отправлены в Лиссабон на корабле, везущем пряности, а «Виктория» пойдет туда же с португальской командой. Но португальцы не знали, что имеют дело с человеком, сумевшим провести свой корабль через два океана в условиях даже худших, чем те, в которых ему довелось перед этим пересечь третий океан. Заметив, что к «Виктории» от Сантьягу направляется несколько каравелл, Эль-Кано немедленно отдал приказ сняться с якоря. Накануне ночью, когда задул попутный ветер, он решил воспользоваться им и отошел дальше от острова. Теперь это обстоятельство спасло «Викторию». Когда за ней погнались португальские каравеллы, она была уже в открытом море, что составляло значительное преимущество.

Экипаж «Виктории» не только не удалось пополнить рабами, но, наоборот, он сократился на тринадцать человек. В плавании от Тидоре до островов Зеленого Мыса «Виктория» потеряла почти половину своей команды, а теперь, когда она уходила от островов Зеленого Мыса, на ней недосчитывалось почти половины тех, кто добрался до Сантьягу. На корабле остались только восемнадцать европейцев и четыре индийца, а пройти предстояло еще свыше девятисот лиг. Магеллан, конечно, был великим мореплавателем, но все же ему ни разу не приходилось вести обветшавший и давший течь корабль, располагая только восемнадцатью моряками-европейцами. И Эль-Кано принадлежит честь свершения, пожалуй, величайшего подвига в истории мореходства: он привел в родной порт ветхий корабль с горсткой изголодавшихся матросов, покрыв при этом расстояние примерно от 42° ю. ш. до 42° с. ш.

Магеллан, совершая свой великий переход через Тихий океан, не встретил ни одной бури*; у него было три корабля, все в сносном состоянии, а число его матросов, хотя и голодавших, равнялось примерно двумстам против двадцати двух человек, оставшихся у Эль-Кано после стоянки у островов Зеленого Мыса, причем среди этих последних уже не было плотника: плотник, в котором будет так нуждаться «Виктория» после еще поджидающих ее бурь, остался на Сантьягу в португальском плену. С другой стороны, по сравнению с Магелланом Эль-Кано обладал одним значительным преимуществом — он вырос в море. Он стал капитаном корабля, когда

* Впрочем, один шторм сбил флотилию с курса, перед тем как она достигла Масавы на Филиппинах.

ему было на шестнадцать лет меньше, чем Магеллану, когда тот получил под свое командование флотилию, и теперь за спиной Эль-Кано было уже одиннадцать лет практики кораблевождения. Магеллан же примерно в двадцатилетнем возрасте в 1505 году поступил на корабль Алмейды, португальского вице-короля Индии, и принял участие в сражениях у берегов Малабара, а также в великой битве при Диу, которая обеспечила португальцам господство в Индийском океане. Почти все семь лет, которые Магеллан прослужил в Индии, он провел в походах на суше. В 1513 году он воевал в Марокко и только в 1519 году в тридцативосьмилетнем возрасте вновь вернулся к жизни на море — жизни, которая через два года завершилась его гибелью на Филиппинах. Таким образом, Эль-Кано, бесспорно, был несравненно более умелым и опытным моряком, чем Магеллан.

Именно в эти последние недели обратного плавания, после стоянки у островов Зеленого Мыса, полностью раскрывается присущее Эль-Кано беспощадное упорство. Хотя «Виктория» попала в шторм, по свирепости не уступавший ураганам у «мыса бурь», капитан отказался выбросить за борт часть груза, чтобы, облегчив корабль, как-то помочь изнемогавшим матросам. Они валялись с ног от усталости, «совсем ослабев», как сам он говорил о них в письме королю, и все же он заставлял их день и ночь стоять у помп. Любой ценой нужно было привести текущий, как решето, корабль в Испанию — ведь его груз мог с лихвой покрыть все расходы на снаряжение флотилии Магеллана.

Впрочем, хотя Эль-Кано не знал этого, он вез с собой нечто более драгоценное, чем пряности, — открытие, по своей важности превосходящее даже открытие пролива. Оно заключалось в окончательном установлении того факта, что человек, огибающий земной шар с востока на запад, выигрывает день*. Некоторые мыслители древности догадывались о такой возможности, но, разумеется, доказано это явление было только после завершения первого кругосветного плавания.

Когда шлюпка отправлялась на Сантьягу, Хуан-Себастьян велел матросам спросить на берегу, какой нынче день недели. «Четверг», — объявили они, вернувшись. «Но ведь сегодня среда», — с удивлением возразили кормчий Альбо и Антонио Пигафетта, которые все время, пока длилось путешествие, вели ежедневные записи. С ними согласились и те члены команды, которые каждый день читали молитвы, строго придерживаясь

* Хотя в ту эпоху многие считали, что день, наоборот, теряется.

святцев. «Значит, мы ошиблись на день», — записал Альбо в своем журнале. Быть может, Эль-Кано позже узнал истину от историографа Петра Мартира, который собирал сведения о плавании у него и у его уцелевших товарищей (сам Петр Мартир узнал об этом феномене от «человека превосходнейших знаний», венецианского посла в Испании).

Судьба словно нарочно подвергала «Викторию» тягчайшим испытаниям. Корабль в таком состоянии следовало бы поставить на ремонт в надежной гавани, но на всем длиннейшем пути от Тимора до Канарских островов (которые лежали далеко в стороне от курса, выбранного Эль-Кано) ее капитан не мог куда-либо зайти, не подвергаясь величайшему риску. Чинить мачты и конопатить пазы приходилось в открытом море и часто во время бури. В начале обратного плавания Эль-Кано должен был увести свой корабль далеко на юг от обычных путей, теперь же ему приходилось вести скрипящее, текущее, потерявшее фок-мачту судно намного западнее обычных путей. 15 августа 1522 года «Виктория» проходила к северо-западу от Азорских островов, принадлежавших Португалии. С того дня, когда она покинула острова Зеленого Мыса, истек ровно месяц.

Ее капитан выбрал такой маршрут, потому что при подобных обстоятельствах наиболее кружной путь на родину оказывался кратчайшим. Это позволяло им воспользоваться барлаvento — ветром, попутным для кораблей, возвращающихся в Испанию с запада, тем ветром, который помог Колумбу добраться до Севильи, когда он возвращался из Нового Света. Вот почему 22 июля Эль-Кано направил «Викторию» туда, где ей на помощь должны были прийти западные ветры. Однако там их подстерегала чуть ли не самая страшная буря, какую им только довелось испытать. С 18 по 20 августа «Викторию» трепал один из тех ураганов, которыми отличаются эти широты, и кажется чудом, что она сумела выдержать его ярость. И все это время каждому человеку на ней, как бы измучен и слаб он ни был, приходилось работать за четверых. Только сознание, что родные берега уже совсем близко, удерживало их у снастей и помп. И еще — пример их замечательного капитана, человека такой силы воли, что его приказы выполнялись беспрекословно, даже в последние, самые тяжкие недели этой страшной, но прекрасной одиссеи.

Западные ветры теперь увлекали «Викторию» к берегам Европы, и до 4 сентября ее капитан продолжал идти на юго-восток. 4 сентября моряки, к своему величайшему облегчению, услышали крик дозорного: «Земля!» Однако это была Пор-

тугалия — мыс Сан-Висенти, и Эль-Кано повернул на юго-юго-восток, к Испании.

Три дня спустя, в воскресенье 7 сентября, в бухту Сан-Лукар, тяжело переваливаясь на волнах, вошел корабль, напоминавший скорее остов потерпевшего крушение судна. Еще немного — и позади останется последняя из четырнадцати тысяч лиг кругосветного плавания.

Восемнадцать уцелевших европейцев ее команды представляли команды трех из пяти кораблей, покинувших Сан-Лукар почти за три года до этого дня. С «Сан-Антонио» и с «Сантьяго» на «Виктории» не было никого. В Испанию на ней вернулись четыре баска (среди которых Эль-Кано был единственным гипускоанцем), три галисийца, один андалузец, один кастилец, один эстрамадурец, один уроженец острова Мальорка, один португалец, один француз, два грека, один ломбардец, один лигуриец и один немец*. Из сорока басков, отправившихся в эту экспедицию, двое вернувшихся на «Виктории», Хуан де Арратья и Хуан де Сибулета, были самыми молодыми ее участниками; Арратье, матросу из Бильбао, было пятнадцать лет, когда он покидал Севилью, а Сибулете, юнге из Баракальдо, только четырнадцать.

Хотя «Виктория» против всякого вероятия благополучно достигла Сан-Лукара, заботы ее капитана не кончились. Ему оставалось еще довести корабль до Севильи, от которой их отделяло пятнадцать лиг, а кроме того, он должен был заняться делом, которое вряд ли показалось бы легким даже человеку, не измученному до такой степени и физически, и духовно. Днем прибытия в Сан-Лукар Эль-Кано датирует свое донесение королю. (Следует отметить, что он ставит дату не по реальному, а по корабельному календарю и помечает письмо не седьмым, а шестым сентября.)

«Писано 6 сентября 1522 года в Сан-Лукаре.

Его августейшему величеству.

Почтительнейше уведомляем Ваше августейшее величество, что мы, в числе всего восемнадцати человек, вернулись на одном из пяти кораблей, которые были посланы вашим величеством на поиски Островов Пряностей под командой славной памяти капитана Эрнандо де Магальенеса.

Дабы скорее оповестить Вас о наиважнейших событиях нашего плавания, я теперь же кратко опишу их.

* Их имена приведены в приложении А на с. 263.

Мы достигли 54° за той линией, где дни равны ночам, и там нашли пролив, который вел в море, находящееся между владениями Вашего величества и Индией. Пролив этот имеет в длину сто лиг.

Войдя в это море, мы, хотя ветер дул попутный, плыли три месяца и двадцать дней, не встретив иной земли*, кроме двух маленьких необитаемых островов. Затем мы достигли архипелага со многими островами, богатыми золотом. Там наш капитан Эрнандо де Магальенес погиб со многими другими. Из-за потери стольких людей мы не могли плыть дальше; поэтому сожгли один корабль, а на остальных двух поплыли от острова к острову, пока с Божией помощью не отыскали Молуккские острова, что случилось через восемь месяцев после смерти нашего капитана**. Там мы нагрузили оба корабля гвоздикой.

Почтительнейше уведомляем Ваше величество, что на этих островах Малукко мы нашли камфару, корицу и жемчуг. Когда же мы вознамерились вернуться в Испанию, оказалось, что один из наших двух кораблей дал большую течь, и для починки его необходимо разгрузить. По этой причине прошло много времени, прежде чем мы были готовы отплыть домой через Яву и Малакку***.

Мы присягали верно служить Вашему величеству, если только нам не помешает смерть, и посему мы продолжили плавание, дабы с соизволения Божиего доставить Вам весть о вышеупомянутом открытии.

На этом пути мы побывали на множестве очень богатых островов, в том числе на островах Банда, где цветет мускат и произрастает мускатный орех, и еще на Яве****, где произрастает перец, а также на Тиморе, изобилующем сандаловым деревом; на всех этих островах, кроме того, много имбиря. Мы привезли с собой ветки всех этих растений с плодами, взятые на упомянутых островах, дабы показать Вашему величеству. Кроме того, мы привезли договоры о дружбе со всеми королями и правителями означенных островов, подписанные ими

* Эль-Кано, видимо, подразумевает прибытие флотилии на остров Хумуну в Филиппинском архипелаге. Перед этим они высаживались на Гуаме в Марианской группе после девяноста девяти дней плавания.

** На самом деле «Тринидад» и «Виктория» добрались до Молуккских островов менее чем через семь месяцев после смерти Магеллана.

*** К Малакке «Виктория» не приближалась.

**** Ни на островах Банда, ни на Яве они не были (Пигафетта в своем дневнике упоминает, что первые из названных островов они не посетили потому, что те лежали в стороне от их курса). Однако они получили о них подробные сведения во время стоянки у острова Буру.

самолично, в каковых они отдают себя под высокую руку Вашего величества.

Когда мы покинули последний остров, то более пяти месяцев поддерживали силы только зерном, рисом и водой, не приближаясь ни к какой земле из страха перед королем португальским, который разослал по всем своим владениям приказ захватить наши корабли, чтобы Ваше величество ничего о них не узнало.

Во время этого перехода двадцать два человека у нас умерло от голода; не имея никакой провизии, мы должны были зайти на один из островов Зеленого Мыса. Губернатор острова захватил нашу лодку с тринадцатью людьми и намерен был отправить меня со всем грузом в Португалию на корабле, который вез пряности из Каликута; он объявил, что никому, кроме португальцев, не дозволено плавать в тех водах и бывать на Островах Пряностей. Он выслал против нас четыре вооруженных корабля. Я и моя команда решили, что лучше смерть, чем португальский плен. Хотя мы намучились, стоя у помп денно и ночью и совсем ослабев, все же с помощью Бога и Присноблаженной Девы Марии продолжали плыть и на исходе третьего года нашего путешествия вошли в гавань Сан-Лукар.

Обращаюсь к Вашему величеству со смиренной просьбой вызволить из плена тринадцать человек, которые так долго служили Вашему величеству, потребовать их освобождения, как людей Вам нужных. Ведь и их заслуга есть в том, что мы на деле доказали, что Земля есть шар; поплыв на запад, мы обошли вокруг нее и вернулись с востока.

Смиренно прошу Ваше величество в признание тяжких трудов, голода и жажды, стужи и жары, которые наши люди терпели, верно служа Вашему величеству, милостиво споспешествовать их освобождению и приказать выдать им их долю пряностей из груза, который мы доставили в Испанию.

Кончая, целую руку и ноги Вашего величества. Писано на корабле «Виктория» в Сан-Лукаре утром 6 сентября 1522 года *.

Капитан *Хуан-Себастьян Делькано* **.

* Переведено на английский язык автором из *Abhandlung der I Kl. der bayerischen akademie den Wissenschaften*, Bd IV. Vol. I. P. 103. *Raccolta. Col. Parte III.*

Оригинал письма Эль-Кано не сохранился, но до нас дошли три копии — одна на латыни и две на итальянском языке. Одна из итальянских копий была обнаружена в архивах Пагузы профессором Гельцихом (см. «Zwei Briefe über die Maghellanische Weltumseglung». Wien, 1889).

** О написании фамилии Эль-Кано см. с. 129, 130.

Вместе с этим письмом Эль-Кано послал императору в подарок пряности.

Как указывалось в сноске на с. 183, это донесение Эль-Кано содержит две существенные неточности. Возможно, это было следствием огромного физического и душевного утомления. В противном случае эти отклонения от истины вступают в серьезное противоречие с почти фанатичным стремлением к точности, которое столь заметно в завещании Эль-Кано.

Это письмо показывает, насколько он был озабочен судьбой своих подчиненных. Он умоляет вызволить из плена тринадцать своих товарищей, которых захватили португальцы на островах Зеленого Мыса, и помещает эту просьбу в самом конце донесения как наиболее важную. (Император в ответном письме упоминает, что он приказал принять все меры для скорейшего освобождения пленников, и пять месяцев спустя их действительно отправили в Испанию.)

Есть и другое свидетельство того, что беспощадное упорство сочеталось у Эль-Кано с искренней заботой о нуждах его подчиненных. Едва дописав письмо, он посылает гонца в Севилью с просьбой прислать на «Викторию» провизию для матросов. И, желая поскорее накормить их досыта, он, вместо того чтобы ожидать прибытия провизии в Сан-Лукаре, поднимается на «Виктории» по Гвадалквивиру до Ла-Оркады, где река разбивается на рукава, и там встречает судно с провиантом. Это же судно доставляет на «Викторию» пятнадцать человек, отряженных земляком Эль-Кано, чиновником Торговой палаты, чтобы помочь измученной команде добраться до Севильи. Но и с этими помощниками корабль продвигается вперед очень медленно, и проходит много времени, прежде чем показываются городские окраины. На обоих берегах люди от удивления застывали на месте, заметив «Викторию», в которой нелегко было сразу угадать корабль. Корабль из Индии! Даже на этой реке, видевшей возвращение многих искалеченных судов, такое зрелище было внове.

И вот в понедельник 8 сентября «Виктория» причалила в Триане к тому самому молу, который проводил в плавание пять кораблей под командованием португальца Магеллана, а теперь встречал один-единственный под командой баска Эль-Кано. Как часто бывает в сентябре в этих местах, день выдался жаркий, но к вечеру с юго-запада подул прохладный ветер, наполняя паруса всех судов, поднимавшихся вверх по Гвадалквивиру. И только «Виктория» не могла в этот радостный день гордо развернуть свои паруса. Они бессильно поло-

скались на ветру, а те, кто спускался в трюм этой «царицы аргонавтов», должны были зажимать носы.

«Они дали залп из всех своих бомбард». Это лаконичное сообщение современника, описывавшего прибытие корабля-призрака — ведь и сама «Виктория», и вся ее команда давно считались погибшими, — не дает ни малейшего представления о том, какого усилия стоил этот заключительный салют морякам, которые больше походили на трупы, чем на живых людей. При каждом залпе казалось, что обветшалый корпус вот-вот рассыплется. Завидев церковь Санта-Мария де ла Витория, где двести шестьдесят пять участников экспедиции получили напутственное благословение, восемнадцать оставшихся в живых подняли слабые руки в торжественном приветствии.

Новость о возвращении восемнадцати участников экспедиции облетела город, передаваясь из уст в уста, и к тому времени, когда «Виктория» подошла к трианскому молу, там уже собрались друзья и близкие одиннадцати севильцев, которые числились в ее первоначальной команде; они с надеждой и тревогой всматривались в фигуры на палубе, ища и не находя тех, кого так хотели увидеть. На «Виктории» вернулся только один житель Севильи — португалец Франсишку Родригеш, плававший, как и Эль-Кано, на «Консепсьоне», пока этот корабль не был сожжен на Филиппинах.

Едва сойдя на берег, команда «Виктории» поспешила выполнить данный в море обет совершить паломничество в церковь Санта-Мария де ла Витория в Триане и Санта-Мария де Антигуа в Севилье, чтобы не только возблагодарить Деву Марию за избавление от гибели, но и принести покаяние, так как они «если мясное по пятницам и справляли Пасху в понедельник, просчитавшись* на один день». И вот утром 9 сентября 1522 года граждане Севильи стали свидетелями сцены, необычной даже для их много повидавшего города.

Семнадцать человек, «более худых, чем самая заморенная кляча» (как писал Петр Мартир), босые, одетые только в рваные рубахи, более похожие на лохмотья, с длинными спутанными волосами, падающими на лица в рубцах и оспинах, с зажженными свечами в слабых пальцах, еле волоча ноги, шли гуськом за Эль-Кано к трианской церкви Санта-Мария де ла Витория. В этом францисканском храме у мола они вознесли молитвы за упокой души Магеллана и всех их погибших товарищей. Зная сыновнюю почтительность Эль-Кано, которая позже нашла выражение в его завещании, мы

* См. сноску на с. 193. См. также Guillemard. P. 227, 295.

можем предположить, что он молился не только об этом. Его овдовевшая мать, донья Каталина,— вот о ком он, конечно, думал в те минуты. Затем Эль-Кано повел своих людей в часовню Санта-Мария де Антигуа в соборе, где вместе с ними преклонил колени перед красиво расписанным алтарем.

Разумеется, возвращение тех, кого давно считали мертвыми, произвело на севильцев огромное впечатление. И все же не такое, как на космографов и других ученых. Они сразу поняли, что это кругосветное плавание не только дает человеку гораздо более правильное представление о географии и о соотношении воды и суши на поверхности Земли *, чем прежде, но и внушает ему гораздо большую уверенность в себе и в своих возможностях. Теперь он уже никогда не почувствует себя карликом, подавленным безграничностью земных просторов. Сообщение о новом пути на Восток было крайне важно для ведущих морских держав той эпохи — Испании, Португалии, Англии и Франции. Португалия, конечно, сразу оценила опасность, угрожавшую теперь ее монополии в торговле пряностями. А император Карл, наоборот, немедленно понял, какие выгоды сулит ему это открытие. До этого торговых путей было очень мало, открытие же пролива опровергло долго бытовавшее мнение, будто Американский материк тянется сплошным барьером до самого Южного полюса. Приведя «Викторию» на родину западным курсом, Эль-Кано доказал, что земной шар можно обойти за одно плавание.

Глава V

В ВАЛЬЯДОЛИДЕ

Ответ из Вальядолида на донесение Эль-Кано пришел с быстротой, далеко не обычной для той эпохи и доказывавшей, какую важность придавал император известию о возвращении «Виктории». Письмо Карла V было написано 13 сентября, то есть всего шесть дней спустя после того, как Эль-Кано отправил свое донесение. Император выражал «глубокую благодарность» Эль-Кано за то, что он благополучно привел его корабль на родину. Ему предлагалось явиться ко двору и взять с собой «двух самых надежных и осведомленных людей». Понимая, что капитан и его спутники плохо экипирова-

* Впрочем, Испания старательно скрывала сведения об обширности Тихого океана, опасаясь, что разглашение их помешает ей заявить права на Острова Пряностей.

ны для подобной поездки, император приказал Торговой палате снабдить их всем необходимым.

Эль-Кано взял с собой кормчего Альбо и цирюльника Бустаменте. Может показаться странным, что его выбор пал на этого последнего, однако следует помнить, что Бустаменте, хотя и был, как показали последующие события, человеком крайне бессовестным, тем не менее отличался большим мужеством. Мы находим его в числе тех четырех моряков с «Виктории», которые позже вызвались участвовать в экспедиции, которую задумал Хуан-Себастьян, намереваясь вторично пройти тем же путем. И весьма вероятно, что во время их первого совместного плавания профессиональные таланты Бустаменте, не только брившего бороды, но и занимавшегося врачеванием, произвели на Эль-Кано благоприятное впечатление. Однако, выбрав Бустаменте в качестве одного из двух «самых надежных» людей, Хуан-Себастьян показал, что сам он не всегда был надежным судьей человеческих характеров.

Поскольку Антонио Пигафетта, человек высокообразованный, отправился к императору самостоятельно, чтобы отдельно представить ему свой собственный отчет о плавании, можно заключить, что он относился к Эль-Кано очень неприязненно. В своем дневнике, полном похвал Магеллану, он ни разу даже не упоминает Эль-Кано, хотя именно Пигафетте Хуан-Себастьян доверил крайне важную миссию, послав его к радже Тимора. Конечно, Пигафетта, составивший список малайских слов, лучше кого бы то ни было годился для подобного поручения, и все же, выбрав его, Эль-Кано показал, что не питает никакого предубеждения против тех, кто был верным сторонником Магеллана.

Эль-Кано, Альбо и Бустаменте задержались в Севилье лишь на то время, которое потребовалось, чтобы чиновники Торговой палаты произвели предварительный осмотр груза. Затем они покинули этот город разительных контрастов, где красивые дворцы соседствовали с грязными лачугами, в великолепных душистых садах играли кристально чистые фонтаны, а рядом кладбище отравляло воздух зловонием и по улицам струились нечистоты. Вскоре персиковые рощи остались позади, на юге, и перед путешественниками открылась опаленная солнцем льянура — сухая кастильская равнина.

Эль-Кано и его спутники добрались до Вальядолида в конце сентября. Какой знаменательный год для этого города! 26 августа 1522 года Карл V, за два года до этого провозглашенный императором, торжественно вступил в него и сделал его своей резиденцией. Всего через две недели он получил там

известие о том, что один из его кораблей обошел земной шар, а затем туда прибыл Эль-Кано, чтобы поведать императору историю плавания.

«Никто из историков Вальядолида не потрудился хотя бы отметить, не говоря уже о том, чтобы точно и с надлежащим восхищением описать это событие всемирного значения, столь прославившее Испанию и особенно важное для нашего города»*, — сетовал один почтенный испанский автор. И с полным на то основанием! Ведь даже такой обстоятельный хронист, как брат Пруденсио де Сандоваль, скрупулезно описывавший** почти каждое заметное событие, случившееся в Вальядолиде на протяжении всего тридцатилетнего царствования Карла V, ни словом не упоминает о приезде туда Эль-Кано.

Этот древний город, «сердце Кастилии», и теперь, как в дни Эль-Кано, сосредоточивается вокруг площади Сан-Пабло, где стоял королевский дворец. Современный паласио во многом сохраняет архитектурные черты здания, которое столько раз посещал Эль-Кано осенью 1522 года. Войдя в главную дверь, украшенную императорским гербом, капитан-баск оказывался в патио, изящными колоннами которого мы можем любоваться и сейчас. А выходя из дворца, он видел перед собой колоссальный, украшенный множеством барельефов фасад церкви Св. Павла; поглядев же направо, через площадь, мог заметить окно-фонарь той комнаты, где пять лет спустя родился Филипп II. Пройдя от площади Сан-Пабло по улице Ангустиас, Эль-Кано мог зайти помолиться в самую старую церковь города — в церковь Санта-Мария де Антигуа, «королеву романских башен Кастилии». И можно не сомневаться, что он не преминул побывать на улице Колумба и поглядеть на дом, в котором в 1506 году Колумб умер (дом этот ему не принадлежал; сказал же великий мореплаватель незадолго до смерти: «После двадцати лет тяжких трудов и опасностей у меня нет в Испании даже своего крова»).

Приехав ко двору, Эль-Кано узнал, что до императора дошли всяческие слухи, в частности, что Магеллан был убит на Мактане не туземцами, а кем-то из своих подчиненных. Противоречивы были и сведения, которые получил Карл V о мятеже в бухте Сан-Хулиан: некоторые называли виновниками испанцев, другие — португальцев. Это объяснялось прежде все-

* *González Casimiro. Garcia* — Valladolid: «Valladolid: Sus Recuerdos y Grandezas». Valladolid, 1901. Vol. II. P. 178.

** *Historia de la Vida y Hechos del Emperador Carlos V.*

го необъективностью показаний, которые давали моряки с дезертировавшего корабля «Сан-Антонио»: одни на допросе высказывались в пользу Магеллана, другие, сторонники его главного врага, кормчего Иштевана Гомиша, возводили на адмирала серьезные обвинения.

Для разрешения всех этих противоречий император приказал следственной комиссии допросить Эль-Кано, Альбо и Бустаменте. Допзнание началось 18 октября. Допрашивали их раздельно, и сходство ответов доказывает, что Эль-Кано и оба его товарища были на удивление правдивы. Ведь предугадать заранее, какие вопросы им будут заданы (этих вопросов было тринадцать), они, конечно, не могли. Показания Эль-Кано наиболее подробны.

В приложении Б к настоящей книге изложение этого допроса приводится полностью *. Здесь же мы ограничимся лишь беглым обзором наиболее важных моментов.

На первый вопрос: «В чем была причина разногласий между Магелланом и Картахеной, а также другими офицерами флотилии?» — Эль-Кано ответил, что королевским приказом Картахена был назначен инспектором флотилии и, следовательно, Магеллан должен был советоваться с ним перед принятием какого-либо решения. Но Магеллан этого не делал и заявил, будто ничего не знает о таком приказе. Эль-Кано показал, что другие капитаны и члены экипажа опасались, как бы Магеллан не арестовал их, воспользовавшись тем, что на кораблях было много португальцев.

Далее Эль-Кано заявил, что капитан Картахена и капитан Кесада просили его помочь им добиться выполнения королевских приказов и что он обещал им свою помощь.

Затем последовало крайне важное показание. Эль-Кано заявил, что Картахена и Кесада приказали послать шлюпку на «Сан-Антонио» и захватить его капитана, «чтобы во флотилии не начался мятеж». Если Эль-Кано сказал правду, отсюда следует, что недовольные офицеры вовсе не хотели поднимать мятеж, а пытались только принудить Магеллана советоваться с ними. Как уже говорилось ранее, испанские офицеры рассчитывали, что, захватив самый большой корабль флотилии и арестовав его капитана-португальца, родственника Магеллана, они тем самым вынудят адмирала пойти на уступки.

На третий вопрос, касавшийся того, почему были убиты два испанских капитана, а третий оставлен на патагонском берегу,

* Оригинал находится в Archivo General de las Indias, 1—2¹/₁. Num. 19.

Эль-Кано ответил, как и ранее: потому что Магеллан не желал согласиться с их требованием советоваться с ними. И добавил, что к тому же адмирал хотел передать командование кораблями португальцам. То же самое Эль-Кано отвечает на четвертый и пятый вопросы, хотя подобное объяснение как будто не может служить ответом на пятый вопрос: «Почему Магеллан провел так много времени в па-тагонских бухтах, напрасно расходуя провиант и теряя время?» Такое повторение обвинения, выдвинутого им против Магеллана, показывает, насколько искренне Эль-Кано верил, что адмирал сознательно подготовлял замену испанских капитанов португальскими. Как мы знаем, такая замена действительно произошла, однако Эль-Кано умолчал о том, что у Магеллана были для этого достаточно веские причины.

Девятый вопрос был таков: «Каким образом велись торговые сделки и все ли они точно заносились в корабельные книги?»

Ответ Эль-Кано тут очень важен. Эль-Кано показал, что с того времени, как его избрали капитаном «Виктории», все до единой торговые сделки заносились в книгу контадора. И изъявил полную готовность отчитаться в них. Но что происходило раньше, он не знает, так как и Магеллан, и Карвалью делали все, что хотели.

Это обвинение против Магеллана остается недоказанным, так как не сохранилось никаких его записей. Все документы, находившиеся на флагманском корабле («Тринидаде»), попали в руки португальцев, когда «Тринидад» сдался им в сентябре 1522 года после неудачной попытки пересечь Тихий океан и достичь Панамы. Мы не можем судить, справедливы ли были обвинения Эль-Кано в той части, в какой они касались Магеллана. Зато мы знаем, что о Карвалью Хуан-Себастьян говорил правду, так как сообщения других участников плавания подтверждают это его свидетельство.

Одно из заявлений Эль-Кано, сделанных комиссии, крайне интересно. Он указывает, что и Магеллан, и Карвалью, командуя флотилией, не желали сообщать путь, когда он, Эль-Кано, просил их об этом как кормчий своего корабля. Какой же именно период плавания имеет в виду Хуан-Себастьян, указывая, что в это время он был кормчим? После мятежа кормчим «Консепсьона», корабля, на котором Эль-Кано был штурманом, стал Родригес де Мафра, сменивший Карвалью. Если Эль-Кано не ошибается, указывая, что он был кормчим при жизни Магеллана, то это могло иметь место только после

смерти де Мафры, то есть после 26 марта 1521 года, когда флотилия покинула остров Хумуну (Филиппинские острова). Если дело обстояло именно так, то отсюда следует, что Магеллан к этому времени уже вполне доверял человеку, замешанному в мятеже, и считал, что его можно назначить кормчим.

С другой стороны, если после смерти де Мафры его никем официально не заменили, то Эль-Кано как штурману пришлось исполнять обязанности кормчего — возможно, что в своих показаниях он имел в виду именно это.

Десятый и одиннадцатый вопросы касались груза пряностей. «Каким образом, даже учитывая ущерб, нанесенный морской водой, гвоздики по прибытии оказались отнюдь не шестьсот кинталов, занесенных в корабельные книги в момент ее приобретения, а намного меньше? Какое количество гвоздики они скрыли на островах Зеленого Мыса, или где-нибудь еще в пути, или в Сан-Лукаре, или поднимаясь вверх по реке?»

Такие вопросы при подобных обстоятельствах кажутся поразительно меркантильными. Сто восемьдесят пять человек погибли во время плавания ради того, чтобы корона могла получить этот груз, который принес ей около трехсот пятидесяти тысяч мараведи чистой прибыли; Эль-Кано сумел доставить его в Испанию только потому, что совершил подвиг, не имеющий себе равного в истории мореходства, но все это не помешало комиссии его величества не только предъявить Хуану-Себастьяну претензии за недовес, но и намекнуть, что он, возможно, припрятал несколько кинталов на берегу в Сан-Лукаре (а ведь его единственным стремлением было привести свой корабль в Севилью как можно скорее!). Те, кто ознакомится с приложением Б, могут сами убедиться, с каким достоинством и прямодушием ответил он на эти вопросы. Здесь же будет достаточно указать, что в своем ответе он признал, что они оставили три кинтала на островах Зеленого Мыса — заявление, как мы отмечали выше, вызывающее недоумение.

«И мы больше нигде не выгружали гвоздики на пути в Севилью, ни днем, ни ночью». В этих простых словах звучит оскорбленная гордость. Совершить то, что до него не совершал никто, а потом доказывать, что его несправедливо заподозрили в мелкой краже, — что могло быть унижительнее для моряка-баска?

В заключение Эль-Кано было предложено перечислить все случаи на протяжении плавания, когда делалось что-либо противное интересам его величества и в ущерб королевской казне. Ответы Хуана-Себастьяна содержат несколько обвинений против

Магеллана, которые остались недоказанными, причем одно из них выглядит никак не обоснованным. Он заявляет, что «Магеллан бросил армаду на произвол судьбы». Это слишком общее обвинение, но, возможно, он имел в виду то, что адмирал задержался на Филиппинах, а не отправился немедленно к Молуккским островам*, как требовали королевские инструкции. Он также противоречит всем широко известным фактам, касающимся того, как Магеллан вел флотилию. Далее Эль-Кано заявил, что Магеллан «раздавал штуки материи, собственность Вашего величества», и что он, Эль-Кано, «не знает, заносилось ли это в корабельные книги». Как говорилось выше, у нас нет возможности узнать, что происходило на самом деле: захватив «Тринидад», португальцы забрали все документы, находившиеся на флагманском корабле.

Эль-Кано добавляет, что при жизни Магеллана сам он ничего не записывал, «потому что не осмеливался». Это заявление просто непонятно — ведь по крайней мере шесть членов экспедиции вели дневники плавания, и четверо из них находились на корабле Магеллана. Из этого мы можем сделать только один вывод: Хуан-Себастьян, как и в предыдущих своих показаниях, старается создать впечатление, что крутой нрав Магеллана внушал страх всем его подчиненным. В заключение он заявляет, что, с тех пор как он сам стал капитаном и казначеем, все до единой сделки заносились в корабельные книги. И что он «готов отчитаться во всем, что им было сделано».

Следует ли считать, что обвинения против Магеллана несколько снижают то общее впечатление искренности, которое создается благодаря правдивости ответов Эль-Кано на большинство остальных вопросов? Напомним, что его письмо императору из Сан-Лукара содержит несколько удивительных несообразностей, тем более странных, что в своем завещании Эль-Кано предстает перед нами как человек, педантичный даже в мелочах; конечно, как мы уже говорили выше, ошибки эти могли объясняться огромной физической и душевной усталостью, которую он тогда испытывал. Иных фактов, которые пролили бы свет на этот вопрос, у нас нет, и, если мы хотим сохранить объективность, нам следует воздержаться от каких-либо окончательных выводов.

* См. «*Alguns doc. da Torre do Tombo*». Pág. 430. Выдвигалось предположение, что Магеллан задержался на Филиппинских островах, намереваясь устроить там базы для будущих плаваний к Островам Пряностей. Однако так ли это — неизвестно, поскольку адмирал всегда держал свои намерения в тайне. О том, что ему было известно примерное положение Молукк, показывает записка, которую он подал королю перед отплытием.

Эль-Кано сообщил также конкретные данные о местоположении пролива и пути, проделанном «Викторией». Ими воспользовался королевский картограф Нуно Гарсия для своей планисферы, превосходно выполненной на тонком пергаменте и богато раззолоченной. Он работал над ней в Вальядолиде*. По предписанию императора от 22 октября все относящиеся к плаванию документы, находившиеся как у Эль-Кано, так и в Торговой палате, были переданы членам комиссии.

Это вновь возвращает нас к важной проблеме: вел ли Хуан-Себастьян дневник на протяжении трех лет плавания? В своем «*Descripción geográfica y detallado de la Región Austral Magallánica*» капитан Франсиско де Сейхас-и-Лоберо ссылается на какие-то записи Эль-Кано. Однако историк Овьедо⁶¹, в чьей хронике, посвященной этому плаванию, мы находим несомненные доказательства блистательной памяти Эль-Кано, ни разу не упоминает никаких дневников, а говорит лишь, что его рассказ об экспедиции опирается на сведения, полученные от Эль-Кано. Поскольку он неоднократно ссылается на то, что сам слышал от Хуана-Себастьяна** (с которым он неоднократно виделся в Вальядолиде), то вывод может быть только один: все эти «сведения» были устными.

С другой стороны, в показаниях Эль-Кано мы читаем, что при жизни Магеллана он не осмеливался вести записи, но что после смерти адмирала аккуратно записывал все сделки. Возможно, Эль-Кано имеет в виду только записи о торговых операциях с туземцами. Он сообщил комиссии, что часть его записей находится у него, а остальное он передал королевскому секретарю Самано. В этом случае не исключена возможность, что Карл V приказал Самано уничтожить подобный дневник, так как он содержал доказательства огромной протяженности Тихого океана, которые сыграли бы на руку португальцам, стремившимся опровергнуть претензии испанцев на Молуккские острова. Самано был основателем рода маркизов Вальевенасар в Санто-Доминго-де-ла-Кальсада. Впоследствии этот маркизат слился с маркизатом Вальверде. И есть еще надежда, что новые поиски в архивах семейства Вальверде могут привести к находке этого документа.

Однако кажется маловероятным, что такой педантичный человек, каким предстает перед нами в своем завещании Эль-Кано, не забывший указать в перечне своего имущества

* К сожалению, сохранилась лишь часть этой карты, и находится она не в Вальядолиде, а в Королевской библиотеке в Турине, уроженцем которого был Нуно Гарсия.

** *Oviedo. Historia General y Natural de las Indias. Lib. XX. Cap. IV. P. 32.*

латинский альманах и астрологический трактат, никогда и нигде не упомянул бы о своем дневнике, существуя этот дневник в действительности. Если же он все-таки существовал, то его утрата тем печальнее, что до сих пор не удалось найти ни одного документа, связанного с первой экспедицией к Островам Пряностей, который принадлежал бы перу Эль-Кано, помимо его письма императору. Никаких его бумаг, кроме завещания, не уцелело и после его рокового плавания с Лоайсой, когда была предпринята вторая попытка добраться до этих островов. Все его бумаги погибли либо с его собственным кораблем, либо с флагманом, на который он затем перешел, а может быть, и попали в руки португальцев.

Среди всех этих хлопот, связанных с предъявлением всяческих документов и с ответами на многочисленные вопросы в присутствии алькальда Вальядолида, Эль-Кано после трех лет, проведенных в море, естественно, нуждался в каком-то отвлечении. В этом ему помогла некая дама, Мария де Видауретта. (Эта баскская фамилия и теперь еще часто встречается в Вальядолиде, лежащем в самом сердце Кастилии*.) Она стала матерью его внебрачной и единственной дочери. Распоряжения относительно этой дочери, которые мы находим в завещании Эль-Кано, ясно показывают, насколько он был убежден, что воспитание девочки нельзя доверить ее матери. Он указывает, что в четырехлетнем возрасте дочь должна быть разлучена с матерью и отправлена в Гетарию, где останется до замужества. Выйти замуж она может только с разрешения его душеприказчика, а в случае слушания лишается своей доли наследства.

Интересно следующее: завещая сто золотых дукатов Марии де Эрньяльде, матери своего внебрачного сына, Эль-Кано оставляет Видауретте только сорок дукатов, «дабы совесть его была чиста», причем прямо оговаривает, что они предназначаются для обеспечения его дочери на те четыре года, которые она проведет с матерью. Он принимает все меры, чтобы Видауретта не могла воспользоваться деньгами, которые он предназначает их дочери. Завещанные ей четыреста золотых дукатов девушка должна получить только после замужества. Если же она умрет незамужней, эта сумма отходит его сыну. Хотя эти заботливые распоряжения Эль-Кано о воспитании дочери указывают на похвальное сознание своей моральной ответ-

* Первая фамилия, которая бросилась в глаза автору настоящей книги при выходе из здания вальядолидского вокзала, была Видауретта.

ственности, все же приходится признать, что тут он проявил некоторую душевную черствость. Девочку должны разлучить с матерью, когда ей исполнится четыре года, то есть как раз тогда, когда она успеет привязаться к матери. А чувства матери, у которой отнимут дочь, Хуана-Себастьяна, по-видимому, не интересуют вовсе. С другой стороны, не следует забывать, что у басков были очень сильны пережитки матриархата: главой семьи Эль-Кано была овдовевшая мать Хуана-Себастьяна, и кому, как не ей, мог он вверить воспитание девочки, чья мать не была его законной женой?

В Вальядолиде были даны указы императора о награждении Эль-Кано за его участие в открытии нового пути к Молуккским островам и за успешное завершение плавания, предпринятого Магелланом. 23 января он приказал Торговой палате выплачивать Эль-Кано ежегодную пенсию в 500 золотых дукатов. Это позволяет заключить, что Карл V, впоследствии проявивший к Эль-Кано самую черную неблагодарность, в то время считал, что он достоин большой награды — очевидно, показания, которые Хуан-Себастьян дал комиссии в Вальядолиде, произвели на императора самое благоприятное впечатление. Кормчий Альбо и штурман Мигель де Родас должны были получить по 50 000 мараведи каждый. Император уступил Эль-Кано и его семнадцати товарищам, которые вернулись на «Виктории» в Испанию, «четвертую часть двадцатой» доли короны в грузе пряностей.

Месяц спустя император официально даровал прощение Эль-Кано за то, что он в свое время продал иноземцам вооруженный корабль. Капитану-баску, человеку благородного происхождения, не было нужно прощение, данное келейно. Он попросил, чтобы был издан соответствующий указ, и император согласился*. Этот документ полностью оправдывает Эль-Кано и возлагает вину за его проступок на тех, кто не заплатил ему обещанного жалованья.

20 мая 1523 года Карл V пожаловал Эль-Кано герб. Но, как указывает историк Овьедо, лично знавший Хуана-Себастьяна, и некоторые другие авторитетные источники, у Эль-Кано был свой герб, и пожалованный императором по сути явился только дополнением к нему**. С этих пор герб Хуана-Себастьяна

* См. приложение В. С. 270.

** Херонимо де Вилья, глава геральдической палаты, в 1642 году указал, что Эль-Кано уже обладал правом пользоваться гербом старинного родового поместья «Эль-Кано Баррена»: три косых лазурных полосы на серебряном поле, на поясе — восемь вертикальных красных полос, золотая звезда и черный волк. Де Вилья описывает этот родовой герб и добавление к нему, пожалованное

выглядел так: золотой замок на красном поле, под ним две скрещенные палочки корицы, три мускатных ореха и двенадцать гвоздичек. Щит поддерживают правители Индий в коронах; в руке, обращенной наружу, каждый держит ветку с пряностями. Над замком — шлем, увенчанный глобусом с девизом: «Primus circumdedisti me»*.

Таким образом, девиз подчеркивал, что первое плавание вокруг света совершил именно Эль-Кано. Иногда замечают, что девиз этот, конечно, принадлежал бы Магеллану, если бы не роковая схватка на Мактане. Однако нет никаких данных, которые указывали бы, что Магеллан собирался вернуться в Испанию, плывя на запад. Вполне вероятно, что он попытался бы еще раз пересечь Тихий океан, как и поступил Эспиноса на флагманском корабле флотилии «Тринидад», который покинул Тидоре и отправился в свое злополучное плавание через несколько месяцев после того, как Эль-Кано ушел на «Виктории» в противоположном направлении.

Вопрос можно поставить и по-другому: не побывал ли Магеллан в какое-нибудь из своих первых плаваний на Филиппинах или хотя бы восточнее Малакки? ** Если нет, то, строго говоря, земного шара он не огибал, и уж во всяком случае обогнул он его не за одно плавание, как Эль-Кано, а за несколько. (Те, кто хотел бы отнять у Эль-Кано почетное право считаться первым кругосветным путешественником, с гораздо большим основанием могли бы приписать этот подвиг не Магеллану, а его рабу Энрике. Магеллан, еще находясь на португальской службе, привез Энрике из Малакки в Лиссабон. И хотя представляется сомнительным, что сам Магеллан был где-нибудь к востоку от Малакки, прежде чем он оказался на Филиппинах в 1521 году, Энрике в юности вполне мог посетить эти острова, о чем свидетельствует его знакомство с несколькими филиппинскими наречиями. Один из современных Эль-Кано авторов даже утверждает, что Энрике вообще был родом с Молуккских островов — в этом случае ему, безусловно, довелось объехать земной шар. Однако, как и Магеллан, он не совершил это за одно плавание.)

Споры разгорелись особенно жарко в 1922 году: во время празднования четырехсотлетней годовщины этого плавания

Карлом V. Об этом см. также: *Merino Alvarez Abelardo*. Juan Sebastian Del Cano. Madrid, 1923. P. 126 et seq.

* Эта эмблема была также принята Королевским географическим обществом Испании.

** Подробности см.: *Merino Alvarez Abelardo*. Juan Sebastian Del Cano. Madrid, 1923.

поклонники Магеллана как на Пиренейском полуострове, так и на Филиппинах объявили, что Магеллан, прибыв с португальской флотилией из Лиссабона к Малакке, принимал участие в осаде этой крепости в 1511 году, а затем совершил плавание на шестьсот лиг к востоку от Малакки, то есть пересек меридиан, проходивший восточнее Филиппин. Позднее он достиг этого архипелага с востока (и погиб там), что в совокупности с предыдущими его плаваниями дает ему право, по мнению его поклонников, считаться первым кругосветным путешественником.

Однако, возражали противники этой точки зрения, утверждение, будто Магеллан плывал восточнее Малаккского пролива, опиралось на ошибочные сведения, приводимые историком Архенсолой. Да и в любом случае, как уже указывалось выше, на Малакке Магеллан побывал за много лет до своей последней экспедиции.

Величайшая заслуга Магеллана состоит не в том, что он обошел вокруг света, а в том, что он задумал и осуществил экспедицию, которой дано было это совершить; в том, что он открыл пролив, носящий теперь его имя; в том, что он положил конец мятежу, справиться с которым было бы не под силу другому человеку; в том, что он первым пересек Тихий океан с востока на запад и первым привел свои корабли западным путем почти к самым Молуккским островам.

Петр Мартир вскоре после возвращения «Виктории» записывает, что император, «который был очень рад открытию Молукк и Островов Пряностей, почтил дарами и наградами Хуана-Себастьяна за его великие труды и удачу», и добавляет далее:

«Велики были свершения кораблей Соломоновых, но их превзошли подвиги флота его величества императора донна Карлоса; аргонавты Ясона, хоть и плавали среди звезд, на море не совершили ничего, что могло бы идти в сравнение с плаванием «Виктории», которую следовало бы сохранить в Королевском арсенале в Севилье как вечный памятник ее подвига. Опасности, муки, испытания и труды Улисса — ничто в сравнении с тем, что перенес и чего достиг Хуан-Себастьян. И по сему император по заслугам дал ему в герб не диковинного или непобедимого зверя, а наш мир с надписью: «*Primus circumdedisti me*» *.

* The Decades of the New World. P. 240, 322. Переведено с латинского языка на английский Ричардом Иденом. Лондон, 1555.

Историк Овьедо добавляет в тоне пышной риторики той эпохи: «Ни один мореход не совершал ничего подобного этому со времен праотца Ноя».

Еще трем членам экспедиции были пожалованы гербы: Мигелю де Родасу, Мартину Мендесу и Эрнандо де Бустаменте, товарищу Эль-Кано. Но все эти награды бледнеют в сравнении с почестями, которые воздавали уцелевшим участникам экспедиции жители их родных городов. Когда один из них вернулся к себе в Италию, люди выбегали на улицу и смотрели на него с благоговейным страхом, как на существо иного мира. Один современник* сообщает: «Хуан-Себастьян и его товарищи привезли такие вести, что глаза на лоб лезут от зависти». (Отсюда видно, насколько величие подвига заставляло забывать, каких мук и трудов он стоил. Эти восемнадцать человек совершили неслыханное — объехали Землю, и в глазах всех остальных каждый из них был героем.)

Антониу де Бриту, португальский губернатор Островов Пряностей, в письме к королю Жуану III от 21 февраля 1523 года** докладывал своему государю о плавании Магеллана, опираясь на сведения, полученные от моряков с «Тринидада», который сдался ему после неудачной попытки вновь пересечь Тихий океан и достичь Панамы. Де Бриту указывает, что «Виктория» — старый корабль, взятый на нее провиант испортился и до Испании она может добраться только чудом. Наверное, он чрезвычайно изумился, узнав позднее, что к этому времени она уже давно пришла в Севилью. Но в одном он был прав: многим это действительно казалось чудом.

Что же получил сам Эль-Кано из груза пряностей, который за время его пребывания в Вальядолиде был передан в Севилье представителям Торговой палаты? По имеющимся сведениям, его доля составила в целом 22 арробы 16 фунтов, то есть 564 фунта. Общий же вес груза, проверенный трижды, составил 520 кинталов 23 фунта.

Были покрыты все расходы на снаряжение флотилии, составлявшие 8 751 125 мараведи, и еще была получена прибыль в 346 212 мараведи. (Как на деле был вознагражден Эль-Кано за эту прибыль, полученную короной, и за роль, которую он сыграл в открытии нового пути к Молуккам, мы увидим позднее.) Большая часть этих пряностей была продана в Антверпене. Своему брату, Фердинанду, австрийскому эрцгерцогу,

* Фернан Перес де Олива.

** См. также сноску на с. 184.

император послал «птицу редкостной красоты с Молуккских островов». Это была та самая «райская птица», которую Эль-Кано преподнес своему государю. Как указывал Эль-Кано в письме к императору, он привез с собой образцы всех пряностей, которые нашел на Молукках, и те, кто их видел, «приходили в восхищение от запаха плодов, висящих на ветвях», а также с большим интересом разглядывали «туземный хлеб, выделяваемый из мякоти пальм⁶², сдобренный гвоздикой и вылепленный в форме кирпича». О том, как доволен был император вещественными доказательствами успеха экспедиции, свидетельствует следующий отрывок из письма, которое он написал 31 октября своей тетке Маргарите Австрийской:

«Армада, отправившаяся три года назад к Островам Пряностей, вернулась, побывав на этих островах, до которых не добрались португальцы, да и никто другой (тут автор письма, конечно, не имеет в виду острова Тернате, где уже обосновались португальцы.— *М. М.*). В доказательство этого один из наших кораблей вернулся, нагруженный гвоздикой и с образцами всех остальных пряностей, таких, как перец, корица, имбирь, мускатный орех, а еще он привез немного сандалового дерева. Кроме того, я получил изъявления покорности от правителей четырех из этих островов...

Мои капитаны доказали, что совершили плавание вокруг света. И дабы извлечь из этого пользу и ради распространения христианской веры я намерен послать к Молуккским островам еще одну экспедицию»*.

А какова была судьба корабля, который привез императору эти доказательства успешного завершения экспедиции и который Хуан-Себастьян привел от Молуккских островов в Севилью? По свидетельству некоторых авторов**, еще в 1570 году «Виктория» находилась в Королевском арсенале, почитаемая всеми за ее подвиг. Как жаль, что ее не оставили в Севилье навсегда как лучший памятник этому героическому деянию!

Вместо этого ее продали в Севилье за 106 274 мараведи, а ее пушки были с нее сняты, как собственность короны, и переданы береговой охране. Как свидетельствует историк Овьедо, «Виктория» позже совершила плавание к берегам Эспаньолы, а после возвращения в Севилью была вновь послана на Антильские острова. Она пришла в порт назначения, отправилась в обратный путь и пропала без вести вместе со всем своим

* Archivos de Viena, K. u. K. Haus-Hof, und Staats-archiv A. 3(2a) 1519—1522. Correspondenz Karls V mit Margarethe von Parma.

** В том числе Гонсало Менендеса Пидалья. См. его «Imagen del Mundo hacia 1570». P. 26 (издание Consejo de la Hispanidad. Madrid, 1944).

экипажем — можно только предполагать, что старый, обветшавший корабль не выдержал ярости атлантических валов⁶³.

Глава VI

В БАДАХОСЕ

После Вальядолида мы находим Эль-Кано в Бадахосе. Кругосветное плавание «Виктории» вновь придало остроту вопросу о том, лежат ли Молукки в португальском или в испанском полушарии. Император, прекрасно понимая, насколько важно поддержать только что установленную связь между Кастилией и Островами Пряностей, решил послать туда новую экспедицию, и началась подготовка к снаряжению армады, более мощной, чем флотилия Магеллана. Едва об этом стало известно Португалии, как она потребовала обсудить этот вопрос, однако переговоры в Витории не привели ни к чему определенному, и различные проблемы первостепенной важности остались нерешенными. Поэтому для их рассмотрения была создана смешанная комиссия, и 11 апреля 1524 года состоялось ее первое заседание — обе страны ревниво оберегали свое достоинство, и это заседание было поэтому проведено на мосту через пограничную речку Кая. Чтобы избежать возможного повода для трений, последующие заседания проводились попеременно в Бадахосе (Испания) и Элваше (Португалия). В этих двух городах мы и встречаемся снова с Эль-Кано, одним из представителей Кастилии.

Над Бадахосом господствовал мавританский замок: его мощные башни вставали из самых вод Гвадианы, а вокруг подножия, словно дубящаяся кожа, простиралась бугристая равнина. Массивные стены белых домов в верхних кварталах города напоминали о том, что он издавна был крепостью, а теперь в нем вновь разыгрывалась яростная битва, на этот раз словесная, за обладание бесценным сокровищем — Молуккскими островами. Под охраной кастильских солдат по узким извилистым улочкам, подпрыгивая на ухабах, двигались к зданию суда повозки с окованными железом сундуками, в которых хранились важные государственные бумаги. Какими мирными казались окрестные поля по сравнению с накаленной атмосферой в большом зале, где решались вопросы, от которых зависело, быть миру или войне! Вдали, горбясь крепостями, синели холмы Мальпики и Оливенсы, а под ними по краю безводной равнины и в самом городе купы тутовых

деревьев манили благодетельной прохладой, как и тени церкви с красивыми черепичными крышами.

Впервые в связи с бадахосскими переговорами Эль-Кано упоминается в письме императора от 21 марта 1524 года, адресованном Хуану-Себастьяну и четырем другим членам комиссии, среди которых был также дон Эрнандо Колон, сын Христофора Колумба. Карл V писал им, что дело это «столь чрезвычайной важности, что они должны обдумать его с величайшим тщанием, давать свои ответы с величайшей осторожностью и всегда единодушно».

Как мы уже упоминали, переговоры начались 11 апреля на пограничном мосту. В этот день принесли присягу девять представителей Кастилии, и среди них опять фигурирует Эль-Кано. Имя Иштевана Гомиша в документах больше не упоминается, так как он уже отправился в плавание. (Хотя он командовал дезертировавшим кораблем «Сан-Антонио», ему доверили каравеллу в экспедиции, отправленной на поиски Северо-Западного прохода, через который можно было бы добраться до Китая, а затем и до Молуккских островов.) Затем фамилия Эль-Кано встречается в письме, в котором император (с назойливой педантичностью, заставляющей вспомнить те семьдесят две инструкции, которыми он снабдил Магеллана) указывает своим представителям, как именно им следует сидеть в комиссии.

«Сперва лицензиат Акунья, лицензиат Педро Мануэль, лицензиат Барриентос, дон Эрнандо Колон, Симон де Алькасаба, брат Томас Дуран, Перо Руис де Вильегас, капитан Хуан-Себастьян Делькано, а затем наш адвокат, затем прокурор и остальные лица, которые по нашему приказу отправились туда, каждый в соответствии со своим рангом и полномочиями. Я приказываю вам строго соблюдать такой порядок, доктору же Салайя надлежит сидеть позади брата Томаса Дурана».

Затем следует монаршая нотация. Император напоминает лицензиатам, что он приказал им при рассмотрении дела советоваться «с нашим старшим кормчим и некоторыми из наших кормчих», а они, как ему доложили, до сих пор ничего подобного не делали. «Я очень удивлен,— пишет его величество,— ибо если это правда, то этим благородным господам незачем было ехать в Бадахос». И он приказывает лицензиатам на каждом своем совещании выслушивать мнение вышеназванных специалистов и только потом решать, что они будут заявлять в присутствии представителей португальского короля.

В апреле комиссия заседала трижды, в мае — одиннадцать раз. Какими утомительными должны были казаться эти бесконечные словопрения человеку действия вроде Эль-Кано! 13 мая они с Эрнандо Колоном предъявили на переговорах глобус, на котором демаркационная линия проходила в 370 лигах к западу от Санту-Антана, самого западного из островов Зеленого Мыса. Исходя из этих данных, испанские представители заявили, что Молукки лежат более чем в 180° к востоку от этой линии и, следовательно, находятся в испанском полушарии. Они также предъявили карту, которой Эль-Кано пользовался во время плавания и которая показывала разницу в долготах, как они отмечались на «Виктории» в течение всего плавания. На этой карте, как и на глобусе, Молуккские острова были показаны в 150° к западу от демаркационной линии, то есть глубоко в испанском полушарии*. Поэтому Эль-Кано, Колон и другие представители Кастилии вынесли решение в пользу Испании и скрепили его своими подписями. Капитана-баска поддерживали многие известные мореплаватели, в том числе Себастьян Кабот и Хуан Веспуччи, которые присутствовали на заседаниях в качестве помощников испанских космографов.

Однако португальские представители были достаточно грозными противниками; среди них, в частности, находился знаменитый Диогу Лопиш ди Сикейра⁶⁴, бывший губернатор Индии. Безапелляционные заявления испанской стороны привели их в ярость. Они ответили, что вопрос не только не решен окончательно, но что до его решения необходимо еще рассмотреть наиболее существенные моменты, а именно: прийти к соглашению относительно расстояний, определяемых по произведенным в море наблюдениям, установить по взаимному согласию местоположение различных земель и морей на карте (поскольку ранее составленные карты ничего не доказывали) и принять какой-нибудь из астрономических методов, чтобы установить истину. Карта кастильцев, составленная на основании плавания Хуана-Себастьяна Эль-Кано, заявили они, неточна и не может быть принята португальцами, поскольку они также могут сослаться на карту, где все данные значительно отличаются от тех, которые приводит Эль-Кано. Даже если

* Именно это их положение показано Наваретте в *Col. de los Viajes* и т. д. Т. IV. С. 354. Денюсе утверждает, что Эль-Кано определил их долготу в 156° . Полностью этот вопрос рассматривается в *Oyarzal Juan de. Descubrimientos Océánicos*, Lucero. Mexico, 1940. P. 478—482. См. также: *Ispizua Segundo de. Historia de los Vascos en el Descubrimiento, Conquista y Civilizacio de América*. Vol. I. Bilbao, 1914.

карта Эль-Кано не подделана сознательно, утверждали португальцы, данные ее слишком неопределенны, для того чтобы считать ее окончательным ответом на все спорные вопросы — например, из всех островов Зеленого Мыса Эль-Кано показал на ней только Санту-Антан, как имеющий касательство к делу. И многие другие земли также не нанесены на эту карту, говорили они. Да и демаркационная линия на карте Эль-Кано проведена не так, как на других картах.

Португальцы настаивали, что линию следует отсчитывать от островов Боавишта или Сал, самых восточных в группе островов Зеленого Мыса, а не от острова Санту-Антан, «который расположен к западу». Да и вообще, доказывали они, Португалия утвердилась на Молукках задолго до того, как туда явились Эль-Кано и его товарищи*.

Испанцы со своей стороны ссылались на то, что, хотя португальцы и добрались первыми до Молукк, Эль-Кано и его спутники были первыми христианами, открывшими многие тамошние острова, которые затем добровольно признали власть императора, доказательством чему служат письма и дары раджи Тидоре. Кроме того, они заявляли, что согласно разделу, произведенному папой в 1493 году, не только Острова Пряностей, на которых побывал Эль-Кано, но и Ява, Суматра, Малакка и часть Китая принадлежат Кастилии. Документ, в котором были изложены эти претензии, подписали шесть представителей Кастилии, и одним из них, конечно, был Эль-Кано.

Португальцы не признали ни единой из этих претензий.

Нескончаемые бесплодные споры и нелепые ежедневные переезды комиссии из одной страны в другую вскоре стали мишенью для насмешек жителей и Бадахоса и Элваша. Как-то раз, когда два португальских делегата прогуливались по берегу Гвадианы, их окликнул мальчишка, стороживший белье, которое его мать, постирав, разложила на траве для просушки. Обратившись к прославленному Диогу Лопишу ди Сикейре и его собеседнику, маленький бадахосец спросил:

— Это вы делите мир с императором?

— Да, — ответили они, снисходительно улыбаясь.

* Первыми европейцами, побывавшими на Молуккских островах, были португальцы, дорогу которым к Островам Пряностей открыла победа, одержанная Албукерки под Малаккой в 1511 году. Они достигли их в 1512 году, когда Франсишку Серран обосновался на Тернате. Серран, ставший капитан-генералом этого острова, подружился с Магелланом во время португальских кампаний на Востоке и позже прислал ему подробные сведения о Молуккских островах.

Мальчишка ухмыльнулся в лицо знатным сеньорам, указал на одну из рубашек и, ткнув пальцем в разрез в нижней ее части сзади, предложил:

— Ну, так проведите границу вот тут!

Рассказывают*, что это происшествие получило широкую огласку и оба города хохотали до упаду. (Существует и более фривольная версия этого анекдота, согласно которой мальчишка повернулся к португальцам спиной и задрал свою рубашонку.)

В процессе этого бесплодного расследования 23 мая в Бадахосе были допрошены шестнадцать уцелевших моряков экспедиции Магеллана. Все они плыли от Молукк на «Виктории» с Эль-Кано, но одиннадцать из них вернулись в Севилью вместе с ним, а пятеро были лишь недавно освобождены из плена на островах Зеленого Мыса.

В начале июня Эль-Кано оказывается главным действующим лицом на заседании в Элваше. Он приехал туда в одной из предоставленных в распоряжение комиссии колымаг, которая тяжело катила по пыльной дороге, соединявшей Бадахос с этим пограничным португальским городом, — как его, наверное, раздражала мешкотная и громоздкая процедура вечной смены мест заседания! Элваш был стражем португальской провинции Алентежу. И грозный замок на холме, и крепостные ворота в толстых стенах, и даже собор с тяжелым парапетом и массивной колокольной — все говорило о постоянной готовности отразить нападение. И там 1 июня 1524 года Эль-Кано предъявил комиссии краткое изложение испанских претензий вместе с подтверждающей их картой и сам объяснил их на особом заседании. Его записка была озаглавлена: «*Paracer de los astrónomos y pilotos Españoles de la Junta de Badajoz sobre la demarcación y propiedad de las Islas de Malucco, Junio 1, 1524*»**.

Поскольку подлинность вышеупомянутой карты, которую, как считают, составил Эль-Кано, оспаривается, необходимо сделать краткое отступление. Франсиско Колин в своей книге, посвященной миссионерской деятельности иезуитов на Филиппинских островах, указывает, что спор по поводу карты Эль-Кано длился три дня. Пабло Пастельс в «*Historia General de las Islas Filipinas*»*** сообщает, что, несмотря на самые

* *Gomara. Historia de las Indias.*

** «Мнение испанских астрономов и кормчих на совещании в Бадахосе касательно линии раздела и принадлежности Молуккских островов, 1 июня 1524 года».

*** Pág. CVIII.

широкие розыски, он не сумел получить никаких сведений относительно этой карты. Он напоминает, что во время великого пожара 1597 года, уничтожившего дом Эль-Кано в Гетарии, все бумаги Хуана-Себастьяна погибли.

Некоторые соображения относительно этой карты были, однако, высказаны в докладе доктора Буэнавентуры Кавилья на конференции, посвященной проблемам реки Ла-Платы, в Буэнос-Айресе в 1938 году. Но опубликован его доклад в столь сокращенном виде, что он практически ничего не добавляет к тем сведениям, которыми мы уже располагаем. То, что подлинность этой карты оспаривается, следует учитывать, обращаясь к «Historia de la Nación Argentina»*: по мнению ее автора, до нас дошли только две карты плавания Магеллана, составленные его современниками. Одна, карта Пигафетты, по его словам, представляет собой набросок, примерный план с весьма малым количеством названий и массой выдумок. Другая, «карта Себастьяна Кано, намного точнее — на ней более правильно показаны реки Парана и Уругвай, и она содержит другие важные подробности». Как отмечает автор, карта вычерчена на листе пергамента размером 40×28,5 сантиметра, и легенда ее еле различима под тусклой патиной, обычной для подобных документов той эпохи. По-видимому, она была вырвана из книги. Вверху на пергаменте наклеена бумажная полоска с виньеткой, изображающей святого мученика Себастьяна, привязанного к столбу и пронзенного стрелами. Под виньеткой имеется надпись: «Juan Sebastian del Cano la hizo en año de 1523» — «Сделана Хуаном-Себастьяном дель Кано в году 1523-м».

Далее автор «Historia de la Nación Argentina» сообщает, что некоторые географические названия на патагонском побережье Эль-Кано, по-видимому, взял с португальских карт. «Безусловно, — пишет он, — на карте Дель-Кано мы впервые находим все восточное побережье Южной Америки от 22 до 53°, а также его основные географические особенности. Эстуарий (Ла-Плата) изображен относительно очень точно, как и три наши великие реки: Парана, Уругвай** и Парагвай». С другой стороны, продолжает автор, если эта карта была действительно составлена в 1523 году, то каким образом можно объяснить тот факт, что она относительно точно показывает течение этих рек? Тут, говорит он, следует иметь в виду, что спутник

* Vol. IV: Sece, Seg. P. 274—281.

** Весьма интересно, что на карте иезуитской миссии на реке Уругвай имеется «Остров де Эль-Кано» (см. «Cartografía Jesuítica del Rio de la Plata». N XVI. в собрании иезуита Гильермо Фурлонг-Кардифа. Барселона, 1936).

Магеллана Пигафетта также показал на карте нижнее течение Параны и Уругвая, причем сделал их севернее эстуария настолько широкими, что, несомненно, придал бы им и большую длину, если бы в его намерения входило изобразить их целиком. «И Пигафетта, и Эль-Кано», замечает он, могли получить сведения об этих реках от индейцев, с которыми, как известно, участники экспедиции Магеллана общались довольно много. Кроме того, полноводность этих рек легко могла натолкнуть их на логический вывод, что обе реки очень длинны и принимают много притоков.

«В пользу мнения, что карта, приписываемая Эль-Кано, действительно была составлена не позже 1523 года, свидетельствует отсутствие названий, появившихся позже — ведь вскоре после экспедиции Лоайсы* на нашем патагонском побережье появляется много новых географических названий. С другой стороны, некоторые названия вроде Монте-Кристо и Баиа-де-лас-Сардинас, которые были даны экспедицией Магеллана и упоминались в письменных рассказах о плавании, на карте Эль-Кано отсутствуют.

При составлении некоторых карт, судя по всему, более или менее прямо использовалась эта карта Эль-Кано или Королевский чертеж⁶⁵. Такие заимствования, например, можно заметить на туринской «Планисфере» (1523 год), на знаменитой карте Висконти Маджоли (1527 год), на веймарской «Карте мира» (1527 год), а также на карте Диего Риверы (1529 год) и на глобусе Шёнера (между 1529—1533 годами).

Далее автор указывает, что в отличие от Эль-Кано, довольно точно изобразившего течение великих рек, Кабот ограничился только Параной, причем Парагвай и Уругвай показаны как ее притоки. Несмотря на эти различия, утверждает автор, нет никаких сомнений, что Кабот пользовался либо Королевским чертежом, либо картой Эль-Кано.

Карта, приписываемая Эль-Кано, как мы видели, была предъявлена в подтверждение кастильских претензий на заседании комиссии, состоявшемся 1 июня 1524 года в Элваше. Вскоре после этого комиссия, которая занималась лишь бесполезными словопрениями, была распущена**.

Пока комиссия еще работала, император в ответ на прошение Эль-Кано дал ему 20 мая разрешение завести двух вооруженных телохранителей, так как некоторые люди злоумышля-

* В которой Эль-Кано был главным кормчим.

** Вопрос оставался открытым до 1529 года, когда был заключен Сарагосский договор и Карл V уступил португальскому королю свои «права» на Молуккские острова за 350 000 золотых дукатов.

ли против него. «Вы опасаетесь и подозреваете, — писал император, — что они убьют вас или причинят вам какой-нибудь иной вред или ущерб». Но что скрывалось за этим? Зависть кого-то из тех, кто вернулся с ним на «Виктории»? Ненависть к нему земляков и родственников Магеллана? Козни португальцев, членов комиссии, которые отстаивали права Португалии на Молуккские острова? Наиболее вероятной представляется политическая причина. Та самая, которая крылась за попыткой убить Магеллана в Сарагосе, после того как он перешел с португальской службы на кастильскую. Эль-Кано, видимо, грозила опасность из-за свидетельства в пользу Испании, которое он давал комиссии. Император, хотя он, как мы вскоре убедимся, отнюдь не показал себя в отношении Эль-Кано образцом щедрости, тем не менее прекрасно понимал, как нужен ему этот человек: всякому, кто помешал бы привести в исполнение королевский приказ относительно телохранителей, грозил штраф в 10 000 мараведи.

Бадахосские переговоры на время прервали подготовку второй испанской экспедиции к Молуккам. Однако теперь к ней можно было вновь вернуться, и в этой связи Эль-Кано обратился к императору с несколькими прошениями. По словам Овьедо, лично знавшего Эль-Кано, он в этот период посылал много писем в Вальядолид его величеству. В одном таком письме (без даты) он напоминает Карлу V о своих заслугах и особо подчеркивает «grandes trabajos y fatigas de hambres»⁶⁶, которые выпали на его долю во время плавания. Он просит, во-первых, чтобы ему было поручено управление фортами, которые предполагалось воздвигнуть на Молуккских островах; во-вторых, чтобы и он, подобно Магеллану, был награжден орденом Святого Иакова; в-третьих, чтобы его ближайшим родственникам были выданы денежные пособия ввиду их бедности, а также помощи, которую они ему оказали; и наконец, о том, чтобы ему поручили командование флотилией или же послали его с кораблями к Молуккам для новых открытий либо для охраны уже известных островов.

На все эти просьбы император дал лишь уклончивые ответы. Он обещал, что не забудет просьбы Эль-Кано относительно Островов Пряностей, но лишь при условии, если форты там действительно будут построены. (На самом же деле губернатором Молуккских островов он назначил командора Хофре де Лоайсу и, указав в качестве его возможных преемников четырех из капитанов флотилии, посланной под его командованием к Островам Пряностей, не упомянул в этом списке Эль-Кано.)

Пожаловать же Эль-Кано орден Святого Иакова он не может, так как это решает только капитул ордена, объяснил Карл V. (Проглядывая длинный список кавалеров ордена Святого Иакова в Гипускоа, составленный в XVI веке доктором Лопе Мартинесом де Исасти, историком этой провинции, вскоре убеждаешься, что никто из них, за исключением великого флотоводца Окендо, не может сравниться славой с Эль-Кано, которому после свершения его подвига король отказал в награде, полученной Магелланом еще до того, как он отправился в путь.)

Относительно вспомоществования его ближайшим родственникам король ответил, что он уже отдал необходимые распоряжения о выплате «денежного вознаграждения тем ближайшим родственникам Эль-Кано, кто мог оказать ему помощь в его предприятиях». (Следует заметить, что Эль-Кано, как ни был он занят, нашел время позаботиться об интересах своих близких. Однако не в первую очередь: эта просьба следует даже после просьбы об ордене. В характере Эль-Кано искренняя скромность уживалась с честолюбием и даже пустым тщеславием.)

На последнюю просьбу Карл V ответил следующее: вопрос о командовании флотилией, которую он намерен послать на Молукки, уже решен. Однако в секретном приказе он отвел Эль-Кано лишь второе место. Впрочем, в качестве главного кормчего и проводника этой экспедиции Хуану-Себастьяну, как мы убедимся позднее, суждено было сыграть в ней перво-степенную роль.

Глава VII

В ЛА-КОРУНЬЕ

В 1520 году — через год после того, как Эль-Кано покинул Испанию на одной из каравелл Магеллана, — король Карл избрал Ла-Корунью для созыва кортесов, чтобы получить поддержку своему намерению сделаться императором Священной Римской империи под именем Карла V⁶⁷, и из этого же порта он отплыл во Фландрию, откуда отправился в Германию для коронации. Значение Ла-Коруньи, слышавшей наиболее надежной из всех испанских гаваней и к тому же «способной вместить все флоты мира»*, особенно возросло с тех пор, как

* *Torres Asensio J.* Fuentes Históricas sobre Colón y América. Madrid. 1892. Tom. III. Lib. VII.

король перевел в нее из Севильи Торговую палату*. Эта перемена отчасти объяснялась тем, что главный порт Галисии был удобнее для торговли пряностями с северными странами, которые ценили их выше, чем средиземноморские, и потребляли в большем количестве. Кроме того, испанские суда, отправлявшиеся из Ла-Коруньи, не должны были проходить мимо Лиссабона и не попадали в опасный район мыса Сан-Висенти, где португальские корабли легко могли перехватывать суда, направлявшиеся в Севилью. Не грозили Ла-Корунье и налеты пиратов, в то время как близ устья Гвадалквивира они чувствовали себя как дома. Да и капитанам каравелл легко было прятать контрабанду на пути между Сан-Лукаром и Севильей. К тому же Севилья была речным портом, и в нее не могли заходить большие суда, а развитие торговли требовало постройки все более крупных кораблей. В Галисии же, кроме того, было много прекрасного корабельного леса. И наконец, цены в Ла-Корунье в среднем были ниже.

Поэтому именно здесь Торговая палата занялась подготовкой новой экспедиции к Молуккам, которая должна была отправиться по пути, открытому Магелланом, и утвердить господство Испании на этом архипелаге, где уже была учреждена фактория и где на Тидоре Эль-Кано и Эспиноса оставили склад под охраной пяти человек. Считалось, что первая экспедиция заложила прочную основу для дальнейшей экспансии, продолжить которую и должна была вторая экспедиция, опираясь на договоры о торговле пряностями, заключенные капитанами его величества с местными правителями.

Вот почему мы вскоре встретимся с Эль-Кано в Ла-Корунье, где он деятельно занимался снаряжением новой флотилии. Вероятно, он был горько разочарован, когда его так и не назначили капитан-генералом, хотя он столько сделал для успешного завершения первой экспедиции. Но в ту эпоху морские экспедиции, как правило, возглавлялись теми, кто отличился на военном поприще или просто был знатного происхождения. Поэтому 5 апреля 1525 года Карл V назначил начальником своей новой армады Гарсию Хофре де Лоайсу**, рыцаря-иоанита, командора де Барбалес — человека, принимавшего участие в морских походах, но не имевшего ни малейшего представления о практике кораблевождения; однако в глазах тех, кто его назначил, куда более важным было то

* Позже она была возвращена в Севилью.

** Он был родственником знаменитого доминиканского монаха Гарсии де Лоайсы, а также, по словам Овьедо, архиепископа Севильи. Происходил он из Бискайи, и в его роду не было моряков.

обстоятельство, что он приходился родственником епископу Мондоньедо. Но пожалуй, главная причина была в другом: королевское правительство вообще старалось не давать хода тем, кто своими подвигами завоевывал широкую популярность. Дед Карла V, король Фердинанд, как помнит читатель, отказался назначить великого капитана Гонсало де Кордову главнокомандующим армии, отправлявшейся в Северную Африку, именно вследствие его военных успехов в Италии; в правление того же монарха Овандо по его прямым указаниям чинил всяческие препятствия Колумбу⁶⁸.

Через десять дней после назначения Лоайсы император в ответ на прошение Эль-Кано о выплате ему пятисот дукатов обещанной ежегодной пенсии приказал отсрочить выплату до его возвращения из второго путешествия. Пришла очередь и Хуану-Себастьяну познакомиться с обычной неблагодарностью короны по отношению к наиболее славным мореплавателям Испании. Из тридцати участников экспедиции Магеллана, возвратившихся к этому времени в Испанию (включая и тех, кто вернулся с островов Зеленого Мыса), только четыре человека вызвались снова плыть к Островам Пряностей, и одним из них был Хуан-Себастьян. Если вспомнить все тяготы первого плавания, то готовность, с какой Эль-Кано отправляется навстречу новым испытаниям, несомненно, свидетельствует о его негибавом мужестве. До приезда в Ла-Корунью он провел некоторое время в Португалете, аванпорте Бильбао, где надзирал за снаряжением четырех кораблей для экспедиции Лоайсы; энергия и быстрота, с которой он работал, показывают также, что, несмотря на все тяготы первого плавания, физически он чувствовал себя хорошо.

Бильбао приобрел большое значение за двести лет до рождения Эль-Кано, потому что уже давно был главным испанским портом, откуда корабли отправлялись в гавани Северной Европы. В 1511 году там были учреждены консульство и Торговая палата. Город окружали бесчисленные железные рудники, и благодаря им он стал важным центром кораблестроения и оружейного дела: недаром в Англии XVI века абордажная сабля одно время называлась «бильбо», а железные оковы — бильбами.

Суда Эль-Кано, как уже упоминалось, стояли в Португалете, в восьми милях от Бильбао. Этот порт основала в 1322 году донья Мария Диас де Аро, и к одному из ее потомков, знаменитому финансисту Кристовалу де Аро, главе Торговой палаты в Ла-Корунье, вынуждена была обратиться после смерти Эль-Кано его мать с просьбой о выплате ей денег, причитав-

шихся сыну. Гавань Португалете почти идеальна. Она расположена в устье реки Нервьон, которая во времена Эль-Кано называлась Ибаисабаль — «широкая река». Крутая гора Сан-Рок укрывает ее от северо-западных ветров. В XVI веке, да и еще долгое время спустя окрестности Португалете представляли собой «бесконечные скалы, кое-где поросшие елями и редкими кустами можжевельника», — описал их английский путешественник в 1623 году, почти ровно через сто лет после того, как Эль-Кано снаряжал там свои корабли. Однако расположенные по соседству густые дубовые леса все еще снабжали корабельщиков Бискайи необходимым материалом, а в ту эпоху, когда английский путешественник осматривал голые холмы Португалете, существовал закон, который обязывал всякого срубившего дерево посадить взамен три новых. Таким образом, труд лесорубов обеспечивал работой людей других профессий.

Мы знаем, какое дело привело Хуана-Себастьяна в Бильбао и Португалете, но о его жизни там не известно ничего. И было бы напрасно строить предположения, виделся ли он тогда с Хуаном де Арратья и Хуаном де Сибулетой, двумя молодыми моряками с «Виктории», которые были родом из окрестностей Бильбао. (Хуану Арратья исполнилось к этому времени девятнадцать лет; его имя фигурирует в списке лиц, имеющих право носить оружие.)

Под надзором Эль-Кано четыре корабля экспедиции Лоайсы были снабжены нужным количеством пушек и провианта; однако, ничего не зная о витаминах, он, разумеется, не мог принять необходимых мер против цинги — этого бича моряков той эпохи, хотя в первом плавании сам сильно страдал от нее. Как и прежде, на корабли были погружены товары для меновой торговли и выкупов, а флагман, кроме того, вез императорские письма и подарки туземным раджам. Эль-Кано взял с собой часть своего обширного гардероба, а из того, что имело отношение к навигационной науке, — только сделанный в Риме глобус, латинский альманах и астрологический трактат. Две морские карты, о которых речь пойдет ниже, были собственностью короны.

Из Португалете Эль-Кано ездил в свой родной город Гетарию, чтобы набрать людей для готовящейся экспедиции. Он покинул Бильбао, где небо затянули низкие тучи и сиримири, мелкий тихий дождичек, на несколько дней окутал город частой сеткой тумана. Вблизи Герники, когда он пересекал прелестную речную долину, ветер внезапно смел тучи с синевы небес и откинул завесу, которая скрывала сверкающие зеленые

луга, трепещущую листву тополей, напоенные влагой холмы в блестящих лентах стремительных потоков, фруктовые сады, где деревья клонились под тяжестью плодов, могучие каштаны и огненный дрок. Навстречу неторопливо брели волю, как и в наши дни, флегматично подчиняясь ударам макиля (длинной палки с железным наконечником) в руках своих хозяев, широкоплечих толстяков, которые упруго шагали рядом с повозками со множеством колес; крестьяне рыхлили землю лайей — двузубыми вилами. Вот что, наверно, видел Хуан-Себастьян, пока шел через Мутрику (название это происходит от баскского слова «трику» — еж и подсказано видом горного хребта, который щетинится скалами). Он выбрал дорогу вдоль извилистого морского берега, где в ущельях возле бухт прятались оживленные рыбацьи порты — Ондарроа, Дева и Сумайя, а на базальтовых утесах над узкими ярко-синими заливами лепились крохотные селения, и наконец добрался до Гетарии. Земляки встретили его как героя. Возвращение «Виктории» покрыло его славой, и это теперь помогло ему завербовать многих басков. Молодые добровольцы рассуждали так: что удалось один раз, удастся и во второй.

Среди них было и четверо его братьев*: Мартин-Перес (кормчий на корабле Хуана-Себастьяна «Санги-Спиритус»), Антон (младший кормчий на «Санта-Мария дель Парраль»), Очоа (штурман на «Сантьяго») и Хуан-Мартин (штурман на «Сан-Габриэле»), а также его зять Сантьяго де Гевара** (капитан «Сантьяго»). Родственник Гевары был капелланом флотилии. Отправился с ними и будущий космограф Андрес де Урданета, один из сыновей алькальда городка Вильяфранка-де-Орья, лежащего по соседству с родовым именем предков Эль-Кано. Хотя Андресу было тогда только семнадцать лет***, Эль-Кано, угадав в юноше незаурядную натуру, пожелал, чтобы он состоял при нем, и согласился быть поручителем за

* Некоторые авторы называют трех. Однако маркиз Сеоане в капитальном труде «Хуан-Себастьян де Эль-Кано», заказанном и изданном гипускоанской Депутацией в 1929 году, говорит о четырех братьях.

** «Сантьяго» после беспримерного плавания добрался до Новой Испании со знаменитым капелланом-баском Арейсагой, с которым Очоа де Эль-Кано, возможно, вернулся в Испанию, так как есть некоторые данные, свидетельствующие о том, что он умер в Гетарии до 1538 года.

*** Некоторые авторы считают, что в 1525 году, когда он присоединился к экспедиции Лоайсы, Урданете было двадцать шесть лет. Однако на пьедестале бронзовой статуи в его родном Вильяфранка-де-Орья как дата рождения указан 1508 год; тот же год дает в своем подробнейшем «Жизнеописании Урданеты» Фермин де Унсия, а также Хосе де Артече; принят он и в «Villa Franca de Oria», 1950.

жалованье Урданеты. Как замечает Хосе де Артече, Эль-Кано не дожил до того дня, когда он мог бы с гордостью сказать, что к его великим заслугам следует причислить еще одну: ведь именно он помог Урданете сделать первый шаг на избранном им пути. Несмотря на свою молодость, Урданета оставил миру дневник, без которого наши сведения о втором плавании Хуана-Себастьяна к Молуккам были бы весьма скудными. Дневник Урданеты чрезвычайно ценен как дополнение к строго профессиональным ежедневным записям кормчего Эрнандо де ла Торре. Именно Урданета, а не де ла Торре сообщает нам важнейшую дату — день смерти Эль-Кано в открытом море. Дневник Урданеты очень интересен, лаконичная точность соединяется в нем с выразительностью описаний, и он свидетельствует о большой наблюдательности автора. Этому юноше, который впоследствии первым проложил путь через Тихий океан с запада на восток, выпало счастье учиться искусству кораблеводства у такого мастера, как Эль-Кано. Как мы уже отметили, в экспедиции Лоайсы участвовало много гипускоанцев; немало было и бискайцев. Среди старших офицеров флотилии басков насчитывалось не меньше семнадцати, и судьба распорядилась так, что все четыре человека, последовательно командовавшие флотилией, тоже были басками.

Когда Эль-Кано вернулся из Гетарии в Португалете, ему, как ни был он занят, как ни тревожился из-за невыплаты пенсии, обещанной императором, тем не менее пришлось заняться делами его свойственника Эрнандо де Гевары из Мондрагоне. Он фигурирует как поручитель в обязательстве, которое Гевара 17 апреля 1525 года выдает на взятые им взаймы двести дукатов и необходимую экипировку.

Несколько недель спустя Эль-Кано покинул Португалете, чтобы присоединиться к остальной флотилии, снаряжавшейся в Ла-Корунье. Его четыре корабля плыли вдоль берегов Кантабрии и величественных гор Астурии, затем на смену снежным вершинам хребта Пикос-де-Эуропа и диким суровым нагорьям пришла сочная плодоносная зелень Галисии, ослепительно синие узкие бухты — риасы, легкая обманчивая игра света, и вот, обогнув поросший соснами мыс, суда Эль-Кано вошли в гавань Ла-Коруньи.

Там за подготовкой остальных трех кораблей наблюдала Торговая палата, советником которой во всем, что касалось снаряжения новой экспедиции к Молуккам, был Иштеван Гомиш — до того как он отправился на поиски северо-западного пути в Китай⁶⁹. (Было бы интересно узнать, какова была первая встреча Эль-Кано и кормчего «Сан-Антонио», который

бросил корабль Эль-Кано «Консепсьон», когда они вместе исследовали Магелланов пролив, и бежал домой в Испанию.) В Ла-Корунью Хуан-Себастьян прибыл как главный кормчий флотилии и второй ее начальник. Его кораблем стал двухсоттонный «Сантис-Спиритус».

Корабли вошли в гавань Пуэрто-де-Сан-Мигель, а затем Эль-Кано направился к холму, на котором находилась тогда Торговая палата. Чтобы найти это место теперь, надо подняться по извилистой, как штопор, улице Санто-Доминго, которая начинается от одной из самых прелестных площадей Испании — площади Генерала Аскарраги. Эта зеленая и прохладная улица затенена липами и олеандрами, а весной благоухает розами и лилиями. Торговая палата стояла под углом к нынешней церкви Св. Доминика, откуда рукой подать до монастыря Св. Франциска, который Эль-Кано упоминает в своем завещании в связи с обязательством, показывающим, как заботливо он относился к своим товарищам по плаванию. «Я уговорился с настоятелем и братией,— пишет он,— чтобы каждый день служилась месса и возносились молитвы о спасении моей души и душ моих товарищей по этой армаде и о благополучном возвращении означенной армады в Испанию. Для таковой цели я условился с казначеем... что шестьдесят дукатов будут выплачены настоятелю, монастырю и братии, когда флотилия вернется в город Ла-Корунью»*.

Только дверь XIII века и развалины за ней — вот все, что сохранилось до наших дней от церкви Св. Франциска. Когда Эль-Кано шел к монастырю, справа от себя он видел гавань и свои корабли, а затем он проходил мимо сада, в котором теперь находится могила генерала Джона Мура⁷⁰. Глядя на бухту и на замыкающий ее остров Сан-Антон, он вспоминал остров того же названия около его родной Гетарии. Каждый день он приходил в гавань Эль-Парроте, где стояла флотилия, и еще издали видел в прозрачном воздухе могучие мачты своих кораблей, чуть покачивающиеся под свежающим ветром; его острые глаза различали весовщиков — они сверяли со своими списками все припасы, которые доставляли на набережную грохочущие повозки, а носильщики — в больших корзинах. И когда он смотрел, как корабли других королевских капитанов медленно выходят в открытое море, его, может быть, охватывало нетерпение при мысли о том, сколько еще предстоит сделать, прежде чем он сам с юта «Сантис-Спиритуса» наконец отдаст приказ поднять паруса.

* Оригинал находится в Archivo General de las Indias, 1—1—²/₅. R^oI.

Более чем вероятно, что из Ла-Коруньи, этого города колдовской игры света и теней, города в уборе галисийской зелени, Эль-Кано отправлялся за сорок миль по каменистой дороге через дикие, заросшие вереском поля и сосновые рощи в Сантьяго-де-Компостеллу⁷¹ и, пройдя через Portico de la Gloria⁷², самое прекрасное из всех романских зданий Испании, преклонял колени перед алтарем Св. Иакова — ведь недаром он завещал этой церкви 60 дукатов. Мы можем легко представить себе, как он заходил затем в «Остелерию-Реаль» — живописный странноприимный дом и гостиницу при монастыре — и там в обществе паломников со всех концов Европы подкреплял силы каким-нибудь традиционным галисийским блюдом, вроде рагу из грудинки и свиных ножек, запивая его крепким рибьеро.

В Ла-Корунье Эль-Кано продолжает снаряжать флотилию. В нее, как мы уже упоминали, входило семь кораблей — на два больше, чем во флотилию Магеллана. Флагманом была «Санта-Мария де ла Виктория» (300 тонн), которой командовал Лоайса (впоследствии она затонула у Тидоре); «Санги-Спиритусом» (200 тонн) командовал Эль-Кано, этому кораблю предстояло затонуть в Магеллановом проливе, после чего Хуан-Себастьян перешел на флагманский корабль; «Анунсиада» (170 тонн) в дальнейшем дезертировала и пропала без вести; «Сан-Габриэль» (130 тонн) дезертировал у Магелланова пролива; «Сан-Лесмес» (86 тонн) пропал без вести; «Санта-Марии дель Парраль» (80 тонн) суждено было разбиться, а «Сантьяго», бригантине в пятьдесят тонн водоизмещением, предстояло после невероятных приключений достигнуть Мексики с братом Эль-Кано Очоа и под командой его зятя Гевары.

Общая численность экипажей этих кораблей составляла четыреста пятьдесят человек, среди которых было четверо участников плавания Магеллана: Эль-Кано, Бустаменте (назначенный теперь казначеем на «Санги-Спиритус»), Ганс, канонир-фламандец, и Ролдан де Арготе, канонир из Брюгге*. Если учесть, насколько свежи еще были в их памяти недавние страдания, нельзя не признать, что, вызвавшись участвовать в новой экспедиции, они проявили удивительное мужество. Впрочем, надежда на обогащение во втором плавании, без сомнения, была для них весьма сильным стимулом.

* Кампания-де-Ролдан, гора высотой 2780 футов на берегу Магелланова пролива, названа в его честь. Он был среди тех, кого взяли в плен на островах Зеленого Мыса.

С флотилией возвращались также трое из четырех индийцев, которые за четыре года до этого отправились на «Виктории» с Молуккских островов в Испанию. На этот раз в экспедиции не участвовало ни одного португальца.

13 мая 1525 года император подписал секретную инструкцию о том, кто должен возглавить флотилию в случае смерти Лоайсы. Его первым преемником назначался Эль-Кано*. Кроме того, были даны особые указания нотариусам и главному казначею флотилии: капитанам и старшим офицерам разрешалось в счет жалованья участвовать в снаряжении кораблей экспедиции за соответствующую долю будущего груза**. Капитаны Лоайса и Эль-Кано внесли каждый по четыреста дукатов. Поскольку Эль-Кано в то время крайне нуждался в деньгах, можно предположить, что просьба о выплате ему жалованья вперед, которую он подал как раз в те дни, отчасти объяснялась желанием получить необходимую сумму для этого взноса. Затем 13 июля он выдает в Ла-Корунье доверенность пяти лицам, в том числе Кривовалу де Аро (фактору его величества), Доминго де Эль-Кано (своему брату, священнику в Гетарии) и Родриго де Гайнсу (своему зятю), на получение всех денег, причитавшихся ему за его прежнее плавание к Молуккам, а также и тех, на которые ему даст право второе путешествие туда. Менее чем через две недели после этого он присутствовал на торжественной церемонии освящения императорского штандарта, предназначенного для флагманского корабля. Он был свидетелем того, как их капитан-генерал приносил присягу императору перед его представителем, а затем сам дал клятву верности своему государю, чью особу представлял уже Лоайса. Затем, согласно королевскому приказу, все члены экипажа исповедались и причастились.

В последний вечер их пребывания в Ла-Корунье там царил необычайное возбуждение, и не только из-за предстоящего отплытия флотилии***, но и потому, что близился день святого Иакова, покровителя Испании. В церкви францисканского монастыря, где монахи, согласно данному обещанию, вскоре должны были возносить молитвы о благополучном плавании Эль-Кано и его спутников, высокий, усыпанный драгоценными камнями алтарь ослепительно сверкал в ярком свете

* См. в Archivo General de Las Indias следующие документы: 1—2—¹/₄; Ros 12—15.

** Archivo General de Indias, Leg. 1°, Papeles del Malucco desde 1519, á 1547.

*** Картина Уранги, изображающая это событие, находится в гипускоанской палате Депутации в Сан-Себастьяне.

бесчисленных свечей. До праздника прославленного святого оставалось два дня, и все дороги вели к Компостеллу. Через Ла-Корунью проходили паломники, обитавшие в ущельях, прорытых реками, которые впадают в море к северу от города, а также жители Седейры и Эль-Ферроля, чьи ноги уже покрылись волдырями и ссадинами от долгой ходьбы по каменистым дорогам. Бристольские корабли привозили в Ла-Корунью паломников из Англии, но если этим последним приходилось меньше натирать ноги, зато они терпели много неудобств в Бискайском заливе, неприветливо встречавшем их маленькие суденышки. И, высаживаясь в главном порту Галисии, они не сразу находили в себе силы, для того чтобы отправиться дальше пешком в Компостеллу. Остроконечные колпаки паломников были украшены ракушками и агатовыми фигурками святых, свидетельствовавшими о прежних посещениях национальной испанской святыни; постукивая посохами по бульжнику, они спускались по узким проулкам к Эль-Парроте, где у причала стояли корабли Лоайсы. Там, прежде чем отправиться в утомительный путь по южной дороге, они подкреплялись у прилавков, на которых дымились в мисках кальдо гальего — горячий суп из капусты, обжаренной в смальце либо в оливковом масле, или пульпо — вареный кальмар, или кальос — мелко нарубленные потроха, сдобренные оливковым маслом и чесноком. Те же, кто был побогаче, могли утолить голод ломтями жареной свинины и лакон кон грелос — свинными ножками с пахучими листьями молодого турнепса.

С наступлением темноты холм над Эль-Парроте, увенчанный Башней Геркулеса там, где некогда стоял римский маяк, опоясался ожерельем костров: Ла-Корунья начинала праздновать заблаговременно, так как самый день святого Иакова многие жители проводили в Сантьяго-де-Компостелле.

Псалмы, которые распевали паломники, мешались с заунывной песней, а звуки санфоньи, старинной шарманки, разноголосо вторили завыванию галисийских волюнок. И когда моряки шли через Эль-Парроте, направляясь к своим кораблям, к ним со всех сторон тянулись руки с полными кожаными флягами, а бешеная мунейра — «пляска мельничихи» — влекла их и завораживала. Этот праздничный вечер надолго запомнился тем, кто уходил в далекое плавание, добровольно обрекая себя на бесконечные месяцы скудной и однообразной жизни.

Эль-Кано в последний раз прошел под узкой аркой Пуэрто де Сан-Мигель и спустился на берег по лестнице

из шестнадцати низких ступенек кораллового цвета *. В первую экспедицию к Молуккам он отплыл штурманом, а во вторую уходил главным кормчим флотилии и капитаном второго по величине корабля. Ему было тридцать восемь лет, и слава его гремела по всему миру.

Глава VIII

ГЛАВНЫЙ КОРМЧИЙ ВО ФЛОТИЛИИ ЛОАЙСЫ

Прекрасно вооруженная флотилия Лоайсы, по рукам и ногам связанного пятьюдесятью тремя инструкциями его императорского величества, вышла в море на рассвете 24 июля 1525 года. Флотилия должна была следовать по пути Магеллана, не повторяя ошибок, допущенных в первом плавании. Однако ни Эль-Кано, главный советник экспедиции, ни император, верховный вершитель ее судеб, не могли предвидеть, что корабли Лоайсы были последними испанскими кораблями, которые отправились к Молуккским островам через Магелланов пролив. Как доказал опыт экспедиции Лоайсы, этот путь был не слишком удобен. С тех пор такие плавания предпринимались от берегов Новой Испании ⁷³.

Рекомендуя приурочить отплытие к июлю, а не к сентябрю, как это сделал Магеллан, Эль-Кано рассчитывал таким образом избежать зимовки на негостеприимных берегах Патагонии. На их стороне было то преимущество, что на этот раз они отплывали не из Сан-Лукара, аванпорта Севильи, где пройти через бар корабли могли только, когда дул северный или северо-восточный ветер, причем достаточно сильный, чтобы помочь им преодолеть приливное течение. Летом такие ветры, как правило, слабы и к тому же стихают к одиннадцати часам утра, сменяясь морским бризом. Таким образом, отплытие из Сан-Лукара в июле обычно оказывалось сопряженным со значительными трудностями: порой, когда прилив был невысок, а с моря задувал крепкий ветер, кораблям с большой осадкой приходилось снимать часть груза, чтобы выйти в море. Кораблям же, уходившим из Ла-Коруньи, подобные трудности в самом начале пути не грозили.

Паж Эль-Кано, юный летописец этого плавания, начинает свою хронику так:

* Эта лестница с почти стертymi ступеньками сохранилась до настоящего времени.

«Повествование, которое Андрес де Урданета имеет представить Вашему величеству о флотилии, посланной Вашим величеством к Островам Пряностей под началом командора Лоайсы в 1525 году, таково:

Мы вышли из города Коруньи с семью кораблями в канун дня благословенного святого нашего Иакова и взяли курс на Канарские острова».

Флотилия, повернув на запад и чуть отклоняясь к югу, шла против ветра, пока 26 июля не обогнула мыс Финистерре. Два дня спустя она прошла в тридцати пяти лигах от мыса Сан-Висенти и направилась к Канарским островам. Там, на острове Гомера, они пополнили запасы воды и дров. Лоайса вместе со своими капитанами выработал на основе рекомендаций Эль-Кано ряд инструкций, которые касались плавания до Магелланова пролива*. Эль-Кано указывал, что кораблю, разлучившемуся с флотилией, следует самостоятельно идти в залив Всех Святых⁷⁴ и ожидать там двадцать дней. Если по истечении этого срока остальные корабли туда не придут, надлежит воздвигнуть крест на острове посреди залива, у его подножия зарыть глиняный кувшин с письмом о том, что было предпринято, а затем продолжать плавание в одиночку. В качестве еще одного такого рандеву указывалось устье реки Санта-Крус.

«В канун Успения Богородицы, — пишет Урданета, — мы покинули остров Гомеру и шли на юг до 18 (августа. — М. М.)». В этот день разыгралась такая сильная буря, что они могли нести только фок, а на флагмане сломалась грот-мачта. Эль-Кано послал туда на шлюпке двух плотников с «Сантис-Спиритуса», чтобы ускорить починку. Плотники добрались до флагмана, рискуя жизнью. Пока шел ремонт, флагман столкнулся с «Парралем», разбил ему ют и сломал бизань-мачту. Два дня спустя флотилия вновь двинулась на юг. В пятидесяти лигах к западу от Сьерра-Леоне был замечен корабль, который они сочли французским, а так как Испания и Франция находились тогда в состоянии войны, они гонялись за этим кораблем до полуночи. Он шел под всеми парусами, и, решив, что захватить его будет не так-то просто, Лоайса приказал прекратить погоню. Бригантина «Сантьяго» и «Сан-Габриэль» все-таки продолжали преследование, и «Сантьяго», самый маленький и самый быстроходный корабль флотилии, догнал наконец незнакомца, который убрал часть парусов. Тут выяснилось,

* Подробное описание их маршрута можно найти у Наваррете в его «Colección de los Viajes y Descubrimientos que hicieron por mar los Españoles desde Fines del Siglo XV». Madrid, 1837. Vol. V. 5—23. См. также *Merino Alvarez Abelardo*. Juan Sebastian Del Cano. Madrid, 1923.

что корабль этот был португальским. Этот корабль по приказанию зятя Эль-Кано Гевары, капитана «Сантьяго», направился к флагману флотилии, но тут подоспел «Сан-Габриэль», и его капитан Акунья дал залп по португалцу. Гевара возмутился, и между ним и Акуньей вспыхнула ссора. Лоайса принял португальцев с величайшей любезностью и вручил им письма для доставки в Испанию. Акунью он на два месяца посадил под арест на флагманском корабле, а Гевару на тот же срок лишил жалованья. Этот случай, несомненно, напомнил Эль-Кано другой эпизод у берегов Западной Африки, также окончившийся арестом: в предыдущее его плавание, когда армада находилась неподалеку от Гвинеи, Магеллан приказал арестовать капитана Картахену.

Флотилия теперь все время лавировала из-за неблагоприятных ветров и за шесть недель прошла только сто пятьдесят лиг. 12 октября они пересекли экватор, а 20 октября достигли острова Аннобон в Гвинейском заливе, где запаслись свежей провизией: рыбой, фруктами, голубями и голубиными яйцами. Некоторые члены экспедиции, «попробовавшие крупную рыбу с зубами, как у большой собаки, так страдали животами, что мы опасались, как бы они все не умерли». Поскольку Урданета указывает, что заболели те, кто обедал за столом капитан-генерала, то скорее всего среди пострадавших был и Эль-Кано.

На этом необитаемом острове Урданета нашел черепа и вырезанную на дереве португальскую надпись: «Здесь умер негодяй Хуан Руис, потому что он это заслужил».

Там Лоайса расследовал поведение капитанов Акуньи и Гевары, после чего первый из них был переведен на флагманский корабль. Кроме того, было произведено дознание, касавшееся семи-восьми идальго, которые замыслили мятеж против Эль-Кано. Урданета ничего не говорит о причинах, вызвавших их недовольство. Хуан-Себастьян был в хороших отношениях с Лоайсой, который не раз во время плавания возлагал на него ответственные поручения, а из завещания Эль-Кано явствует, что он питал к капитан-генералу большое уважение. Возможно, причиной была зависть, которую испытывали к Эль-Кано некоторые его офицеры. Лоайса в соответствии с обычаями своего времени решил подвергнуть обвиняемых пытке, чтобы выяснить, что они замыслили против главного кормчего флотилии, однако их спасла непредвиденная случайность. Находившийся в этот момент на флагмане Хуан-Себастьян заметил, что его собственный корабль сносит из-за того, что не держат якоря, и вынужден был немедленно отправиться туда. В тот же день, в канун дня Всех Святых, флотилия покинула Аннобон.

Лоайса и Эль-Кано твердо решили плыть к Бразилии, хотя некоторые офицеры на совещании настаивали на том, чтобы был избран путь вокруг мыса Доброй Надежды, что прямо противоречило бы королевским инструкциям.

И тут начинается полоса неудач — они, казалось, преследовали корабль Эль-Кано «Санти-Спиритус», как прежде «Консепсьон». Когда «Санти-Спиритус» снимался с якоря, он едва не столкнулся с флагманским кораблем, и Эль-Кано сумел избежать столкновения, только лишившись якорных канатов и отойдя на некоторое расстояние от остальных судов. В течение двух дней «Санти-Спиритус» шел в виду флотилии, 2 ноября он исчез и появился только сутки спустя. Тогда наконец воссоединившаяся флотилия легла на общий курс.

Избранный ею путь от Старого Света к Новому несколько отличался от пути Магеллана, флотилия которого, пройдя между островами Зеленого Мыса и Африкой, повернула на запад примерно на широте Сьерра-Леоне. Интересно, что в плавании Лоайсы Эль-Кано, который в качестве главного кормчего был первым советником капитан-генерала, рекомендовал маршрут вдоль африканского берега Атлантического океана, то есть еще более южный, чем маршрут Магеллана (а ведь испанские капитаны последнего возмущались тем, что их начальник отклонился к югу значительно больше, чем разрешали инструкции, с которыми они ознакомились после отплытия из Испании!). Флотилия Лоайсы, еще дольше придерживаясь южного направления, смогла воспользоваться Гвинейским течением. И хотя они, как и Магеллан, терпели значительные трудности из-за штилей, им в отличие от последнего не пришлось страдать еще и от бурь. Эль-Кано, Бустаменте и канониры Роланд и Ганс, не забывшие свой первый переход через Атлантический океан, наверное, от души радовались, что на этот раз ураганы их пощадили. Как нам известно, именно по совету Эль-Кано флотилия вышла в море в июле, то есть на два месяца раньше, чем флотилия Магеллана: главный кормчий стремился обойтись без зимовки на патагонском побережье. Однако, как мы увидим, флотилия Лоайсы, хотя она и избежала тяжелых испытаний на суше, навлекла на себя несчастья еще горшие, потому что попробовала пересечь Тихий океан зимой.

4 декабря показались берега Бразилии. Для того чтобы добраться до нее, флотилии Лоайсы потребовалось четыре с половиной месяца, однако не следует забывать, что она спускалась до 20°20' ю. ш. Здесь, говорится в записях кормчего Эрнандо де ла Торре, они увидели небольшую гору и заметили

вблизи нее высокий утес, похожий на монаха «и на скалу у Сантоньи» (вот так мысли писавшего обращались к далеким берегам Кантабрии). Менее чем в трех градусах к югу лежала бухта Рио-де-Жанейро, но Лоайса в отличие от Магеллана не стал в нее заходить. Эль-Кано рекомендовал юго-западный курс, которого, если не считать отклонений из-за встречных ветров, флотилия и придерживалась до самой Ла-Платы. На Рождество, сообщает де ла Торре, «мы определили по солнцу широту в $37\frac{2}{3}^\circ$, идя курсом запад-юго-запад, а после полудня почти не продвинулись вперед из-за штиля».

Однако к вечеру погода переменялась. С юга задул сильный ветер, и всю ночь корабли шли на запад, держа только грот. На следующий день после страшной бури был потерян из виду флагман. Поэтому Эль-Кано взял на себя командование флотилией. Он приказал искать флагманский корабль с подветренной стороны, но кормчий «Сан-Габриэля» не подчинился, и этот корабль ушел от флотилии. Остальные пять кораблей искали флагмана три дня, но безрезультатно, после чего Эль-Кано приказал идти дальше к проливу.

Первый день нового 1526 года кормчий де ла Торре описывает с обычной своей лаконичностью и точностью: «Мы не измеряли высоты солнца, потому что оно не показывалось, глубина была пятьдесят морских сажений. Тут мы поймали много рыбы». Шесть дней спустя они заметили остров вблизи мыса Санто-Доминго, который с юга «окружен подводными рифами вроде рифов у Сальмедины». Вновь его мысли обращаются к родине: Сальмедина была тем последним клочком испанской земли, который видели корабли, уходившие из Севильи.

12 января Эль-Кано добрался до устья реки Санта-Крус и, не найдя там ни флагмана, ни «Сан-Габриэля», созвал совет. Мы опять видим, что он, как прежде на «Виктории», перед принятием важного решения в отличие от Магеллана советуется со своими офицерами. Эль-Кано, убедившийся во время первого плавания, что эстуарий реки Санта-Крус — прекрасное место для стоянки, предложил остаться здесь и ждать флагмана и «Сан-Габриэля», как это было условлено заранее. Однако офицеры хотели идти дальше к проливу и поэтому решили послать в устье только бригантину «Сантьяго», чтобы, как рекомендовал на совещании у острова Гомеры сам Эль-Кано, установить там на каком-нибудь островке крест и зарыть под ним письмо, извещающее Лоайсу, что остальные корабли отправились дальше к проливу, где и будут ждать его в Баия-делас-Сардинас. (Дальнейшие события показали, что они посту-

пили бы благоразумнее, если бы остались ждать в бухте Санта-Крус, как советовал Эль-Кано.)

Утром в воскресенье 14 января Эль-Кано принял за пролив устье какой-то реки *, и по его сигналу флотилия направилась туда. Через некоторое время он, усомнившись, послал своего брата Мартина-Переса, Ролдана, Бустаменте, капеллана и еще четырех человек в шлюпке исследовать проход. Любопытно, как указывает Артече **, что именно Ролдан и Бустаменте, побывавшие в проливе с Магелланом, утверждали, будто это именно пролив, и собирались уже зажечь сигнальный костер, чтобы оповестить флотилию, а Мартин-Перес и капеллан, попавшие сюда впервые, не поверили им и предлагали пройти дальше, чтобы окончательно установить истину. Урданета, который хотя и восхищался Эль-Кано, но тем не менее был способен критически оценивать поступки своего героя, пишет: «По правде говоря, те, кто уже бывал в проливе, показали тут полнейшую слепоту, а больше всех — Хуан-Себастьян де Эль-Кано».

Начавшийся прилив решил вопрос: кораблям пришлось вновь выйти в море, исследовав реку только на протяжении трех лиг.

Однако в тот же день они достигли истинного входа в пролив и стали на якорь у мыса Одиннадцати Тысяч Дев. И конечно, в памяти Эль-Кано вновь и вновь всплывало то утро, когда более пяти лет назад он впервые увидел этот мыс, отмечающий вход в пролив, который поклялся найти Магеллан. К вечеру в широком устье пролива поднялось угрожающее волнение, а к рассвету там уже бушевала яростная буря. Ураган налетел с юго-запада, и волны поднимались до половины мачт. «Сантис-Спиритус» вновь потащил все свои четыре якоря. К этому времени Эль-Кано уже понял, что корабль обречен, и думал только о том, как спасти команду. Он отдал приказ спустить фок и выбросить судно на берег.

«Ветер все крепчал, и корабль Хуана-Себастьяна де Эль-Кано, на котором находился я, понесло бортом к отмели», — рассказывает Урданета. Несколько солдат (которые были не в силах удержаться на ногах) и матросов, поддавшихся страху, попрыгали за борт и утонули. Из этих десятиерых избежал

* В пяти-шести лигах от пролива. Скорее всего устье реки Гальегос.

** Но, как напоминает нам тот же Артече, точно такую же ошибку совершил три века спустя, в 1829 году, «Адвенчерер» под командой адмирала Фитцроя⁷⁵. К тому же, как указывает Барни, мыс Буэн-Тьемпо, северный мыс у устья реки Гальегос, легко принять за мыс Одиннадцати Тысяч Дев, и это не бросает никакой тени на познания Эль-Кано в морском деле.

гибели только один. Ему бросили канат, и это помогло спастись остальной команде корабля. «Цепляясь за него, как ни окоченели мы в своих рубахах,— рассказывает Урданета,— все мы по милости Божией хоть и с трудом и насквозь промокшие, но выбрались оттуда, а место это — проклятое, и нет там ничего, кроме гальки. Холод был такой, что мы погибли бы, если бы не начали бегать, чтобы согреться». (Бегая по гальке, они едва ли почувствовали значительное облегчение!)

Пропал весь хлеб, было потеряно много бочонков вина и тюков с товарами. Однако короткое затишье позволило спасти кое-что из корабельных запасов. Но к вечеру буря разразилась с новой силой и «Сантис-Спиритус» исчез в волнах навсегда. Эль-Кано был глубоко потрясен. Лишиться корабля — что может быть страшнее для капитана? И какой удар для человека, который первым объехал землю и был к тому же главным кормчим всей экспедиции! Другие корабли выдержали натиск бури, а его корабль — нет? Никогда еще Эль-Кано не попадал в столь трудное положение: он был отрезан не только от своего капитан-генерала, но и от остальной флотилии, а его корабль погиб.

Когда буря наконец улеглась, другие капитаны послали на берег шлюпку, чтобы спросить Эль-Кано, не согласится ли он перебраться на какой-нибудь из их кораблей и, как знающий эти места, указать им путь по проливу. Главный кормчий ответил, что «исполнит свой долг по отношению к императору и окажет капитанам его Величества всю помощь, какая будет в его силах». Но прежде чем сесть в шлюпку, он должен был еще утихомирить свою команду. Каждый из потерпевших крушение стремился в этой же шлюпке отправиться с ним на корабли, чтобы оказаться в большей безопасности. Это, разумеется, было невозможно. Эль-Кано оставалось только обещать, что шлюпка вернется и будет перевозить по столько людей, сколько в ней поместится. Но при этом он категорически заявил, что возьмет с собой «не больше чем одного-двух», и только по собственному выбору. Из этого нетрудно заключить, что потерпевшие кораблекрушение успели сильно надоесть друг другу. Когда же настало время садиться в шлюпку, Эль-Кано согласился взять только одного человека и выбрал юного Урданету. Затем он приказал пятерым из своей команды отправиться пешком по берегу за его братом Мартином-Пересом, Бустаменте, канониром, капелланом и четверьмя матросами, которые остались в устье реки Гальегос. Бискайцу, начальнику этого маленького отряда, Эль-Кано дал письмо к брату.

Хуан-Себастьян питал глубокую привязанность к своим близким (подробнее мы поговорим об этом, когда дойдем до его завещания), и после матери и незаконного сына он больше всех любил Мартина-Переса. В письме он изливает брату свою душу. В кораблекрушении, говорит Эль-Кано, не виноват никто, кроме него самого.

Глава IX

КАПИТАН-ГЕНЕРАЛ

То, что Эль-Кано выбрал своим единственным спутником Урданету, лишний раз показывает, какое доверие питал он к юноше — ведь он предпочел его всем офицерам и всем, кто был старше его годами. Вместе с Урданетой он отправился в шлюпке на «Анунсиаду» и принял на себя командование флотилией, так как о судьбе Лоайсы и флагманского корабля по-прежнему ничего не было известно. Однако сильный юго-западный ветер вынудил их искать убежища в бухте в пяти лигах от входа в пролив, и там они затем встретились с флагманом и с «Сан-Габриэлем».

Вновь на корабли Эль-Кано обрушилась буря. Ночью три из них потеряли шлюпки, закрепленные за кормой.

«Анунсиада» потащила якоря, и ее начало бросать на утесы. Матросы, уверенные, что гибель неминуема, кричали: «Да смилуется над нами Бог!» Однако Эль-Кано, настаивая, чтобы капитан «Анунсиады» принудил своих матросов работать, за верил их, что корабль с Божией помощью еще можно спасти, если они возьмутся за дело как следует. Хотя положение было, по словам Урданеты, настолько тяжелым, что «мы не сомневались в нашей гибели», решимость Хуана-Себастьяна заразила остальных, и, взявшись за работу, они отвели корабль на глубокую воду и так отвратили катастрофу. Два дня спустя они вновь попробовали войти в пролив и в бухте вблизи Первого Сужения⁷⁶ обнаружили два других своих корабля, которые стояли там на якоре. Эта встреча вызвала всеобщее ликование. «Богу известно, как мы радовались, отыскав их!» — восклицает Урданета. Но вряд ли кто-нибудь радовался больше Эль-Кано, на опыте предыдущего плавания убедившегося в мудрости правила, на котором неуклонно настаивал Магеллан: корабли флотилии должны во что бы то ни стало держаться вместе. Собственно говоря, в открытом море судам не полагалось расходиться дальше, чем на лигу.

Теперь Эль-Кано послал лодку с «Анунсиады» на берег с приказом привезти на корабль патагонцев, но они отыскиали только одного. Урданета, подобно тому как раньше Пигафетта, был поражен его телосложением. Индеец, гость Хуана-Себастьяна, с особым удовольствием познакомился с вином. Собственное отражение в зеркале так его поразило, что он попытался схватить самого себя. «На то, что он вытворял, стоило поглядеть», — сообщает Урданета. Глядя на плащ патагонца из шкур гуанако и перья в прическе, Эль-Кано вспоминал «великанов», которых видел в областях, примыкающих к проливу, в прошлое свое плавание. Патагонцу показали золото и серебро, «но эти вещи его совсем не удивили». Он был так доволен оказанным ему гостеприимством, что попросился на берег только с наступлением темноты.

Затем главный кормчий снова показал, какое доверие он питал к своему семнадцатилетнему пажу, послав его с небольшим отрядом туда, где на берегу осталась команда разбившегося «Сан-Спиритуса». Лигу за лигой шли они по дикой суровой местности, а потом их припасы кончились, и они попробовали отыскать какую-нибудь пищу. Но вокруг была бесплодная каменная пустыня, и Урданета дошел до такой крайности, что, как писал он позже, «я пил свою мочу и после нескольких глотков почувствовал себя настолько освеженным, словно бы и поел». Холод по ночам был так свиреп, что они зарывались по шею в песок, еще хранивший остатки дневного тепла.

На четвертый день своего похода Урданета и его товарищи, уже отыскавшие команду «Сан-Спиритуса», увидели, что к проливу приближаются флагман с «Сан-Габриэлем» и бригантина «Сантьяго». «Сан-Габриэль» нашел письмо, зарытое по указанию Эль-Кано на островке в эстуарии реки Санта-Крус. Если бы другие капитаны вняли совету Эль-Кано и остались там, флагман нашел бы свои корабли значительно раньше. Кормчий флагмана баск Урьярте уже начал описывать пролив, который был открыт за шесть лет до этого Магелланом и исследован Эль-Кано на «Консепсьоне», после того как его тщетно отыскивали многие знаменитые мореплаватели. Урьярте первым дал его подробное описание. Начинается оно так:

«Среда 24 января 1526 года. Вот приметы, по которым можно отыскать вход в пролив: когда подойдешь к мысу Дев, следуй на запад, и за четыре лиги до входа в пролив по правому борту увидишь белый песчаный холм, который высится на склоне горы до самой ее вершины, а как пройдешь этот песчаный холм, иди на запад-юго-запад. Через три лиги будут

три большие песчаные горы, похожие на острова, только это не острова. Они будут по левому борту. Тут ты увидишь вход в пролив».

Флагман, «Сан-Габриэль» и бригантина направились туда, где стояли остальные корабли. Когда 25 января вся флотилия собралась в бухте Виктории, Эль-Кано с «Сантьяго», «Парралем», «Сан-Лесмесом» и шлюпкой с «Сан-Габриэля» отправился за своей командой и теми припасами с «Сан-Спиритуса», которые удалось спасти. Сам он находился на «Паррале» и к 5 февраля уже почти закончил погрузку, как вдруг разразилась страшная буря. (После того как флотилия достигла Бразилии, стоило нашему мореплавателю что-то предпринять одному, как начиналась буря; просто чудо, что его матросы не прониклись суеверным ужасом и не сочли, будто все эти несчастья навлекает на них он.)

«Сантьяго» и шлюпка с «Сан-Габриэля» укрылись в устье речки, неподалеку от мыса Одиннадцати Тысяч Дев, а Эль-Кано отыскал прекрасную гавань в Первом Сужении пролива. «Сан-Лесмес» направился в открытое море и, повернув на юг, оказался на $54^{\circ}50'$ ю. ш. *, то есть почти у самой оконечности Южной Америки. Можно только пожалеть, что его офицеры не располагали сведениями, которые побудили бы их плыть дальше и помогли бы им достичь Великого Южного океана, обогнув мыс Горн. Ведь пойдя «Сан-Лесмес» и остальные корабли флотилии этим курсом, то, хотя у мыса Горн их и могли подстергать бури, они во всяком случае были бы избавлены от тех тягчайших испытаний, которые выпали на их долю в роковом Магеллановом проливе. Но как бы то ни было, «Сан-Лесмес» видел восточный берег острова Эстадос, и его капитан решил, что перед ними — южная оконечность материка. «Вернувшись, они сказали, что видели, как они считают, конец суши», — записал Урданета. Это была самая южная точка, до какой довелось дойти тогда судну из Старого Света, и капитан «Сан-Лесмеса» делит честь этого достижения с Эль-Кано, так как он в тот момент был подчиненным Хуан-Себастьяна, который тогда командовал отрядом, состоявшим из кораблей «Парраль», «Сан-Лесмес» и «Сантьяго».

Утром 9 февраля они увидели «Сан-Габриэль». Эль-Кано дал сигнальный пушечный залп. Акунья (который снова стал капитаном «Сан-Габриэля») сообщил им грустные новости:

* Восточная оконечность острова Эстадос ($54^{\circ}54'$ ю. ш.) и мыс Горн на южной оконечности Американского материка ($56^{\circ}59'$ ю. ш.) были достигнуты в 1616 году голландцами Схаутеном и Ле-Мером.

буря, которая чуть не разбила корабли отряда Эль-Кано, выбросила флагманский корабль на мель. Лоайса со всей командой, кроме штурмана и нескольких матросов, которые остались на корабле, перебрался на берег. Акунья добавил, что сам он больше не в силах выносить эти непрерывные несчастья и, отчаявшись, думает бросить все дело. Хуан-Себастьян отнесся к случившемуся совсем иначе. Он немедленно послал на берег своих лучших людей, чтобы помочь злополучному флагману, и благодаря этому «Санта-Мария де ла Виктория» кое-как сумела сняться с мели.

В тот же день прошла мимо, направляясь к выходу из пролива, «Анунсиада». Эль-Кано с «Парралья» подал ей сигнал, но капитан «Анунсиады», по словам Урданеты, «не пожелал подойти к нам. Наконец она вышла из пролива, и больше мы ее никогда уже не видели»*. Как часто, наверное, вспоминал Эль-Кано свое первое знакомство с проливом — те дни, когда «Сан-Антонио» дезертировал и его корабль «Консепсьон» разыскивал исчезнувшего товарища.

Флагман был в плачевном состоянии, и Эль-Кано предложил для его ремонта очень удобное место. Лоайса, который с большей частью своей команды высадился на берег в бухте Виктории, приказал всем кораблям вернуться к реке Санта-Крус. Эль-Кано, забравший все, что осталось от его погибшего корабля, присоединился к флотилии. Кормчий Урьярте пишет об этом так: «Вскоре подошла «Санта-Мария дель Парраль», имея на борту Хуана-Себастьяна и все, что удалось спасти с разбитого «Сан-Спиритуса». Чтобы снять с мели флагмана, пришлось выбросить за борт часть груза, и теперь Лоайса со всей командой вернулся на свой корабль.

13 февраля флагман и «Парраль» обогнули мыс Одиннадцать Тысяч Дев, направляясь к устью Санта-Крус; «Сантьяго» и шлюпка с «Сан-Габриэля» остались в проливе. На следующий день к флотилии присоединился «Сан-Лесмес», побывав, как мы уже говорили, почти на 55° ю. ш. Затем Лоайса приказал капитану Акунье вернуться за шлюпкой «Сан-Габриэля», оставшейся вблизи с «Сантьяго», а также сообщить капитану

* Капитан «Анунсиады» де Вера позже пытался вернуться к флотилии, но ему помешал ветер, и около четырех дней «Анунсиада» оставалась в устье Санта-Крус. Там он заявил Акунье о своем намерении отправиться прямо к Молуккам мимо мыса Доброй Надежды и предложил ему идти с ним, но последний отказался, хотя де Вера предлагал в случае его согласия передать на «Сан-Габриэль» несколько бочонков с водой для команды, так как им предстояло долгое плавание. Капитан де Вера один отправился на «Анунсиаде» к мысу Доброй Надежды — без кормчего (тот незадолго до этого умер), без шлюпки, якорей и канатов; дальнейшая судьба де Веры и его корабля неизвестна.

бригантины, что флотилия уходит в бухту Санта-Крус. Акунья заспорил, указывая на бурное море, и заявил, что, выполняя это поручение, он неминуемо погибнет. В конце концов он заявил, что никто не вправе послать его туда, куда он идти не хочет. Впрочем, он забрал свою шлюпку (одну из двух, уцелевших во всей флотилии), но больше его Лоайса не видел. Как перед тем «Анунсиада», «Сан-Габриэль» дезертировал*.

Остальная флотилия, за исключением «Сантьяго», направилась к северу и 17 февраля вошла в реку Санта-Крус. Туда же через две недели прибыла и бригантина, которой командовал зять Эль-Кано Сантьяго де Гевара. Флагманский корабль вытасили на пологий берег, и оказалось, что он получил значительные повреждения. Ахтерштевень был разбит, как и значительная часть киля.

«Мы с большим трудом чинили его, ибо настала зима,— пишет Урданета, который теперь перешел на флагман.— Мы работали в воде, и оказалось, что киль на три сажени совсем разбит». При других обстоятельствах корабль, получивший столь серьезные повреждения, просто был бы брошен, но теперь это было невозможно, так как флотилия уже лишилась трех больших кораблей. Как мы знаем, «Сан-Спиритус» погиб, а «Сан-Габриэль» и «Анунсиада» дезертировали. Флотилия состояла теперь только из четырех кораблей: двух каравелл, бригантины и флагманского корабля водоизмещением 300 тонн. Таким образом, общий тоннаж флотилии уменьшился почти вдвое и составлял лишь пятьсот шестнадцать тонн.

Эль-Кано, живо помнивший томительные недели, которые флотилия Магеллана провела в устье Санта-Крус, вероятно, с дурным предчувствием думал о новой вынужденной стоянке у этих унылых пустынных берегов под негреющим солнцем. Магеллан пробыл в устье Санта-Крус без малого два месяца,

* Объяснения самого Акуньи см. в его письме от 15 июня 1526 года (Torre de Tombo, Gav. 1510, у la nota final, Gav. II, т. 8). Согласно Оярсабалю, Акунья, по-видимому, не был виновен в преднамеренном дезертирстве, несмотря на то, что арест за стрельбу по португальскому кораблю и приказ Лоайсы отправиться за лодкой «Сан-Габриэля» могли его озлобить. По мнению Оярсабалья, то, что позже утверждал Акунья, соответствует действительности: он пытался вернуться к флотилии, но ему помешал ветер, несколько дней бушевавший у входа в устье Санта-Крус, вследствие чего он пошел на север за водой и провиантом и после долгого и чрезвычайно трудного плавания добрался до бухты Палос, окончательно отбившись от флотилии и испытав затем самые невероятные злоключения. Они повстречали несколько французских судов, и Акунья отправился к ним в лодке, чтобы узнать новости. Однако французы взяли его в плен, так как Франция тогда воевала с Испанией. В конце концов он в утлой лодочке добрался до Пернамбуко. Его команда, отказавшаяся сдаться французам, вернулась в Испанию, куда возвратился и Акунья.

Лоайсе пришлось задержаться там на месяц с лишним. После возвращения «Виктории» королевская комиссия в Вальядолиде долго расспрашивала Эль-Кано, почему Магеллан столько времени провел в патагонских бухтах, и он резко осудил Магеллана за эти задержки.

Новой экспедиции пришлось в Санта-Крус немногим лучше, чем первой. Их даже не навещали индейцы, и у них не было никаких развлечений. Лишь с островка, где находилось лежище тюленей, доносился далекий лай этих животных. Однако, когда испанцы попробовали на них поохотиться, тюлени защищались так яростно, что, по словам Урданеты, ломали в щепы алебарды и пики. «На пляже, по которому мы подбирались к тюленям, было столько бескрылых уток (пингвинов.— *М. М.*), что мы не смогли пройти дальше». Паж Эль-Кано выказывает незаурядную наблюдательность, описывая рыб, пингвинов, хищных птиц, а также драгоценные камни, которые он там находил, и весьма ярко и подробно изображает последствия опрометчивости матросов, вздумавших съесть печень и селезенку единственного убитого ими тюленя: «Они мучились с головы до пят». Однако, несмотря на все эти невзгоды, команды воспрянули духом. Днище флагмана залатали досками и свинцовыми листами, так что корабль мог отправиться дальше.

23 марта, как утверждает Урданета, или 29 марта, как сообщают кормчие Урьярте и де ла Торре, а также капеллан, флотилия покинула устье Санта-Крус и направилась к проливу. Дул штормовой ветер, хотя, на их счастье, попутный, но море было чрезвычайно бурным. То, что Лоайса и его спутники после перенесенных испытаний все-таки пошли на юг, безусловно, доказывает их мужество.

Флотилия (вернее, то, что от нее осталось, — флагман «Санта-Мария де ла Виктория», «Парраль», «Сан-Лесмес» и «Сантьяго») обогнула мыс Одиннадцати Тысяч Дев у входа в пролив 5 апреля. Три дня спустя они вошли в Первое Сужение. Плавание по шестисоткилометровому лабиринту пролива было непрерывной проверкой их мореходного искусства, и тут большим подспорьем для экспедиции послужило то обстоятельство, что Эль-Кано бывал здесь раньше. Благодаря этому им удалось сберечь много времени, и даже, как сообщает Урданета, Первое Сужение флотилия прошла за девять часов.

Какие карты были у Эль-Кано? Две — и на обеих был показан маршрут Магеллана. Автором одной из них был Диего де Рибейра, а другой — королевский картограф Нуно Гарсия де Торено, чья планисфера, упоминавшаяся выше, составлялась

по данным, полученным от Эль-Кано, когда он после возвращения из первой экспедиции приехал в Вальядолид. Возможно даже, что карта, которой пользовался Эль-Кано во втором плавании, была просто копией этой планисферы. Но он не располагал ценным описанием первого плавания через пролив, принадлежавшим Хинесу де Мафре, так как де Мафра, оставшийся на Тидоре, вернулся в Испанию только в 1529 году. В своем описании де Мафра во многом использовал материалы, полученные от друга Эль-Кано, кормчего и космографа Андреса де Сан-Мартина, того самого, который незадолго до своей гибели на Себу одолжил Эль-Кано два мореходных трактата.

Во Втором Сужении между островами Санта-Мария и Санта-Магдалена флагман постигло новое несчастье. Смола, кипевшая в котле, вдруг вспыхнула и «начала палить корабль, грозя вот-вот сжечь с ним всех нас», — пишет Урданета. Команду охватила паника, и матросы дрались за место в лодке. Лоайса, сохранивший хладнокровие, «обратился с бичующими словами» к тем, кто спустился в лодку. Остальные «взялись за дело и с Божией помощью погасили огонь». Невзирая на плохую погоду, флотилия отправилась дальше по рукаву, который они называли Снежным проливом, где по берегам вздымались горы, «такие высокие, что уходили в самое небо», а снег на них, по мнению путешественников, лежал «голубой». По ночам на береговых обрывах пылали костры патагонцев, отражаясь в воде. Эль-Кано и в первое свое плавание обратил внимание на эти огненные блики, играющие на волнах. В своем письме императору он указывал, что в этих краях «нет разницы между днем и ночью». Теперь же кормчий записал, что «ночь длится больше двадцати часов»*.

25 апреля корабли покинули бухту Сан-Хорхе, где запаслись водой и топливом, и вновь принялись кружить по извилистым рукавам пролива — как раз там, где Магеллан разделил свои корабли для исследования различных проходов и «Сан-Антонио», воспользовавшись этим, дезертировал.

В этом месте, где с оглушительным ревом сталкиваются волны двух океанов, на флотилию Лоайсы обрушилась буря, и корабли укрылись в заливе Сан-Хуан-де-Порталина. Над ними громоздились горы высотой в семь тысяч футов, хлопья снега бесшумно опускались на черную воду, и только слева, нарушая жуткую тишину, доносился грохот валов. Холод стоял

* *Navarrete M. F.* Colección de Los Viages y Descubrimientos, etc. Madrid. Vol. IV. 1837. P. 36.

лютый. «Как мы ни кутались, согреться не могли», — записывал паж Эль-Кано. От него мы узнаем и о другом бедствии, от которого постоянно страдали моряки в те века, — их заедали вши. Укусы насекомых еще больше раздражали кожу, и без того покрытую сыпью и болячками, и она нестерпимо зудела — один матрос-галисиец умер от расчесов. Помещения под палубой не проветривались, и обычное зловоние превратилось в невыносимый смрад. А по ночам ко всему добавлялась пронизывающая стужа. Нервы у всех, конечно, были напряжены до предела.

Описывая путь от бухты Сан-Хуан-де-Порталина до мыса Эрмосо, кормчий Урьярте сообщает: «В лиге от северо-восточного берега тянется мель, где глубина всего одна сажень. Проходя по этому рукаву, держись середины, а когда мель кончится, увидишь холм, иззубренный и белый, как Сантонья» (Сантонья, или Северный Гибралтар, — это большой утес вблизи Ларедо на кантабрийском побережье. Он отвесно поднимается из моря и усеян живописными скалами. В этих краях родился замечательный баскский мореход Хуан де ла Коса, который участвовал в первом плавании Колумба как штурман на флагманском корабле⁷⁷, прежде принадлежавшем ему самому. Вновь мысли кормчего Урьярте обращались к его родине). Укрываясь в бухтах от непогоды, флотилия наконец приблизилась к выходу из Магелланова пролива.

«Мы прошли пролив вполне благополучно», — заявил матрос-грек, рассказывая впоследствии об их плавании*. Если вспомнить, сколько они натерпелись во время плавания через пролив, эти бодрые слова вызывают не большее доверие, чем некоторые восторженные похвалы Пигафетты по адресу пролива. Как бы то ни было, тот факт, что с 8 апреля по 25 мая флотилия Лоайсы не понесла никаких потерь, свидетельствует в пользу Эль-Кано. Лоайса, не имевший никакого представления об искусстве кораблевождения, во всем полагался на опыт своего главного кормчего, который теперь перешел на флагман. Прошло четыре с половиной месяца, с тех пор как флотилия обогнула мыс Одиннадцати Тысяч Дев, а непосредственно по проливу они плыли сорок восемь дней, то есть им понадобилось для этого на десять дней больше, чем Магеллану. Основной причиной такой задержки были осенние бу-

* Франсиско де Парис, рассказ которого записал Берналь Дариас (оригинал в Archivo General de Indias, Leg. 1°, Papeles del Maluco de 1519—1547. См.: Toribio de Medina. Vol. III. P. 350—352).

ри — Магеллан же проходил пролив, когда в южном полушарии начиналась весна.

Какие воспоминания вызвал у Эль-Кано мыс Десеадо — «мыс, который все жаждали увидеть!». С тех пор как он на одном из трех кораблей, оставшихся у Магеллана, обогнул этот мыс и оказался в Тихом океане, прошло шесть лет, но вряд ли Эль-Кано мог забыть оглушительные крики восторга, которыми было ознаменовано это событие. Он помнил, как по приказу адмирала музыканты, стараясь перешеголять друг друга, исполняли песни своих родных стран и областей. Обмениваясь этими воспоминаниями он мог бы лишь с тремя членами экспедиции: с Бустаменте и двумя канонирами — Ролданом и Гансом. Однако из-за присущей баскам сдержанности он, вероятно, ни с кем не поделился такими мыслями, если они у него и были.

«В субботу 26 мая мы вышли из пролива с юго-западным ветром. Это был день святого Альфонсо и канун праздника Троицы». Так с краткостью, достойной и баска, и кормчего, заключает Урьярте свой рассказ об этом замечательном мореходном подвиге.

«Санта-Мария де ла Виктория», «Парраль», «Сан-Лесмес» и «Сантьяго» вышли в Тихий океан и пошли на северо-запад. О том, что последовало за этим, мы узнаем из суховатого рассказа Урданеты и из записей кормчего де ла Торре.

Днем в воскресенье 27 мая флотилия находилась в двадцати пяти лигах к северо-северо-западу от мыса Десеадо; его название Желанный плохо вяжется с названием острова Отчаяния, на котором он находится. Четыре дня спустя главный кормчий увидел над головой зловещие тучи и заметил, что ветер задул с северо-востока. Это было предвестие того, что их ожидало. Со вторника 29 мая по воскресенье 3 июня «мы не измеряли высоты солнца, так как оно не показывалось»*. Шесть дней без солнца и без луча надежды!

Эль-Кано, которому в течение этого плавания пришлось побывать по крайней мере на четырех судах флотилии, теперь вместе с большинством команды погибшего «Сантиспиритуса» находился на флагмане «Санта-Мария де ла Виктория». Всего на флагмане было сто двадцать человек. В ночь с 1 на 2 июня, когда флотилия находилась на $47^{\circ}30'$ ю. ш., буря, сильнее которой им еще не доводилось испытывать, разметала корабли. Хотя затем погода улучшилась, они уже больше не встретились. А 9 июня разыгрался шторм, сравнимый,

* Записи кормчего де ла Торре.

пожалуй, только с ураганами, трепавшими «Викторию» у мыса Доброй Надежды, о которых Эль-Кано вряд ли забыл. Флагман нес только один грот — под бешеными ударами ветра корабль совсем потерял управляемость. Положение было очень серьезным. Заплаты, наложенные на нижнюю часть кормы в устье Санта-Крус, разошлись, и в трюм потоками лилась вода. Обе помпы работали непрерывно, но воды не становилось меньше. Команда опасалась, что корабль вот-вот пойдет ко дну. На этот раз океан доказал, что в первое плавание Эль-Кано он получил название Тихий совершенно незаслуженно. Любой не слишком верующий человек счел бы горькой насмешкой слова, которые распевали юнги во время вахты: «Amen, Dios nos dé buenos dias, buen viaje, que haga la nao; Señor Capitán y Maestre, y buen compañía amén; así ferá buen viaje; muy buenos dias dé Dios a vuestras mercedes de popa a proa»⁷⁸.

6 июня кормчий Эрнандо де ла Торре еще раз отмечает, что «компас по сравнению с Санта-Крус в Патагонии отклоняется на запад», а 20 июня он записывает, что «до сих пор мы не делали поправку на отклонение компаса к северо-западу, а он отклоняется более чем на румб» * — признание, которое требует внесения соответствующей поправки для установления истинного маршрута плавания Лоайсы.

«Если проложить их маршрут, исходя из данных де ла Торре, то он пересечет экватор на 27° восточнее того места, где его пересек Магеллан, — на 135°30′ з. д. ...Необходимая поправка, вводимая с 22 июня, смещает точки пересечения их маршрута с экватором примерно на 8° к западу, и она находится не на 135°30′ з. д., а на 144° з. д., то есть на 18°, а не на 27° восточнее той точки, где его пересекли корабли Магеллана» **.

Без малого весь июнь Лоайса шел более западным курсом, чем Магеллан: попытки Эль-Кано повернуть на северо-запад оканчивались неудачей, поскольку ветер почти все время был противным, и так продолжалось с 5 июня по 2 июля, когда флагман достиг 20° ю. ш.

В начале июля погода улучшилась, и они пошли на северо-запад, пользуясь пассатами. Но теперь «Санта-Мария де ла Виктория» была совсем одна, и, как ни всматривались вдаль измученные дозорные, на горизонте ни разу не возник парус.

* *Navarrete*. Colección de los Viajes y Descubrimientos, etc Madrid, 1837. Vol. V. P. 271.

** Эти сведения были любезно предоставлены автору Хелен Уоллис и содержатся в ее докторской диссертации «Исследование Южного моря в 1515—1644 годы».

Хотя из семи кораблей флотилии у Лоайсы остался только один, капитан-генерал тем не менее старался вдохнуть бодрость в своих людей, убеждая их, что они и теперь вполне способны выполнить то, ради чего отправились в это плавание. Однако если они и воспрянули духом, то ненадолго: 30 июля, через четыре дня после того, как они пересекли экватор на 144° з.д., Гарсия Хофре де Лоайса умер от болезни, которая в более умеренном климате вряд ли привела бы к трагическому исходу. (Впрочем, судя по словам одного из уцелевших участников экспедиции, болезнь капитан-генерала явилась результатом тяжелой душевной депрессии: он был так удручен потерей всей своей флотилии, «что ослабел и умер» *.) Его смерти, по-видимому, никто не ожидал, так как всего за четыре дня до этого Эль-Кано, составляя свое завещание, назначил Лоайсу одним из душеприказчиков. В завещании же Лоайсы также упоминается его верный друг, главный кормчий флотилии: «Повелеваю, дабы Эль-Кано были возвращены четыре акура белого вина, которое он мне подарил. Повелеваю также, дабы сухари и другая провизия, которая есть у меня на этом корабле «Санта-Мария де ла Виктория», были отданы Альваро де Лоайсе, моему племяннику, а он да разделит их с капитаном Эль-Кано» **.

Однако на корабле хранились приказания, более важные для Хуана-Себастьяна, чем даже последняя воля его друга Лоайсы. Когда были вскрыты и прочитаны инструкции императора, оказалось, что капитан-генералом экспедиции становится Эль-Кано.

Глава X

СМЕРТЬ

Именно об этой чести просил Эль-Кано императора два года назад в Вальядолиде, но был назначен только помощником Лоайсы и его преемником на посту начальника армады. Что же должен был чувствовать Эль-Кано, став

* Показания Франсиско де Париса, данные в Вальядолиде 25 октября 1536 года.

** Это упоминание Лоайсы о «сухарях и другой провизии» несколько противоречит словам, которые приводит Антонио Бласкес: «Единственное, что удалось отыскать на корабле для капитан-генерала в очистительных целях, была крыса» («Relación del viaje de la armade da Garcia Xofre de Loaysa de autor ignopado», представленная Антонио Бласкесом на II испано-американском конгрессе историков и географов).

единовластным начальником экспедиции, хотя по иронии судьбы «армада» и состояла теперь лишь из одного судна? Он только что потерял испытанного и почитаемого друга, чью смерть оплакивала вся команда, «ибо он был хорошим начальником, мудрым и сведущим, беседа его всегда была поучительна, и он пользовался всеобщей любовью». Эль-Кано не забыл, как на Аннобоне, когда против него замыслили мятеж, Лоайса, сын своего века, в гневе приказал подвергнуть виновных пытке. А тех, кого Хуан-Себастьян любил, он любил глубоко и искренне.

Второй раз в жизни Эль-Кано становился начальником экспедиции и по странному совпадению опыт на корабле, носившем то же название, что и судно, на котором он завершил свое кругосветное плавание, — «Санта-Мария де ла Виктория». Однако, хотя нам и рассказывают *, что вступление Эль-Кано на его новый пост, ознаменованное пушечным салютом, вызвало всеобщее ликование, радость нового капитан-генерала, несомненно, была омрачена смертью его друга. А удовлетворение команды показывает, что вера в Эль-Кано как в руководителя была чрезвычайно велика и ее не могла поколебать даже его болезнь: как мы знаем, всего за четыре дня до этого Эль-Кано чувствовал себя уже настолько плохо, что решил составить завещание.

Больных на корабле было много, и он, так же как в первое свое плавание по Тихому океану, видел вокруг себя отечные, почерневшие лица, синие пятна на затылках и шеех, распухшие, кровоточащие десны и слышал стоны ослабевших, измученных лихорадкой людей. Цинга, страшный бич тех времен, унесла уже многих. С тех пор как они вышли из пролива в открытое море, умерло почти тридцать человек. «Все те, кто погиб, — пишет Урданета, — умерли от распухания десен, по причине которого они вовсе не могли есть; я сам видел человека, чьи десны распухли до того, что он вытягивал куски толщиной в палец». Пигафетта рисовал примерно такую же картину.

Эль-Кано, болевший цингой во время первого плавания, скорее всего оказался ее жертвой и на этот раз, во всяком случае его недуг не был внезапным, поскольку он написал завещание за одиннадцать дней до своей смерти. Эль-Кано не выдержал постоянного перенапряжения сил — слишком большая ответственность лежала на нем, главном кормчеме флоти-

* *Navarrete*. Colección de Documentos Inéditos para la Historia de España. Vol. I. P. 246.

лии (особенно потому, что капитан-генерал не был сведущ в мореходстве), не говоря уже о том, что лишения и тяготы первого плавания подорвали его здоровье. Оба историка, и Эрреро, и Овьедо, утверждают, что Эль-Кано «был очень болен», когда принял командование после смерти Лоайсы. И если в этих обстоятельствах Эль-Кано все же не передал свои новые обязанности тому, кто, согласно инструкции императора, должен был стать его преемником, то это лишний раз показывает, как сильны были его воля и целеустремленность.

Став капитан-генералом, Эль-Кано начал с того, что назначил своего брата Мартина-Переса кормчим флагмана, а Альваро де Лоайсу, племянника покойного начальника флотилии, — главным контадором. Бустаменте, своего товарища по первому плаванию, которого он брал с собой ко двору, Эль-Кано назначил контадором корабля, так как прежний контадор, баск Ортес де Переа, умер. Именно Ортесу де Переа продиктовал свое завещание Хуан-Себастьян 26 июля, когда флагманский корабль находился на один градус южнее экватора. Судя по этому документу, и Эль-Кано, и Переа были не слишком сильны в испанском языке: путаница в родах и неправильное употребление артиклей заставляют предположить, что для них обоих он не стал родным. Во вступительной части Переа заявляет, что Эль-Кано болен телом, но здрав духом. Засвидетельствовали завещание семь человек — все баски. Первым после Хуана-Себастьяна подписался Андрес де Горостыяга, уроженец Гетарии, как и Эль-Кано. Далее свои подписи поставили Мартин-Гарсия де Саркисано (казначей флотилии), Эрнандо де Гевара (зять Эль-Кано), Хоанес де Сабала, Андрес де Алече, Андрес де Урьярте (кормчий), Андрес де Урданета (паж Эль-Кано). Каким утешением в подобную минуту служило, наверное, для Эль-Кано присутствие стольких его земляков!

Вероятно, Переа немало намучился, пока составил этот документ, на который потребовалось четырнадцать полных листов — ведь писать приходилось в тесной каюте под скрип переборки и грохот волн за бортом, порой заглушавших голос Эль-Кано. Завещание кажется тем более удивительным, что диктовал его тяжелобольной человек. Длина и обстоятельность этого документа наводят на мысль, что он потребовал большой предварительной подготовки. В противном случае остается только изумляться умственным способностям человека, который в подобный час был способен припомнить каждую вещь в своем обширном гардеробе, длину каждой принадлежавшей ему штуки материи с точностью до четверти эла⁷⁹, каждую

меру зерна и вина, каждую безделушку, предназначавшуюся для меновой торговли.

Последняя воля человека нередко является ключом к его внутреннему миру. Таково и завещание Хуана-Себастьяна. Из него следует, что при всем его внимании к материальным благам первенствовало для него все же духовное начало. Завещание, кроме того, показывает, как неразрывно он был связан со своим родным краем и со своей семьей. А также и то, что он был очень консервативен.

«In Dei nomine amen⁸⁰, Я, Хуан-Себастьян Делькано*, капитан, уроженец города Гетарии, большой телом, но здравый духом, зная, что смерть приходит ко всем людям, но час ее прихода неведом, и твердо веруя во все, во что верит и чему учит Святая Матерь Церковь, здесь изъявляю свою последнюю волю».

Этой фразой начинается длинная духовная; во вступительной части завещатель поручает свою душу Богу и молит Присноблаженную Деву Марию предстательствовать за него перед ее сыном. Он желает, чтобы заупокойная месса и ежегодные панихиды по нему служились со всем благолепием, приличествующим человеку его сословия, в гетарийской церкви Сан-Сальвадор, где погребены его отец и многие предки. Затем его мысли обращаются к дням его юности, когда он, молодой капитан корабля, принимал участие в североафриканских кампаниях и своими глазами видел бедственное положение христиан, попавших в плен к «маврам». Он оставляет шесть дукатов монашескому ордену, занимавшемуся выкупом таких пленников. Тут же он поясняет, что выполнение этого его распоряжения, как и многих других, зависит от выплаты «денег, которые должен ему король». Собственно говоря, все его денежные пожертвования были условными, и, как мы убедимся, ни одна из причитавшихся ему сумм так и не была выплачена. Следующее распоряжение религиозного характера заслуживает того, чтобы рассмотреть его здесь подробнее. Эль-Кано оставляет шесть дукатов тому, кто совершит за него паломничество к реликвии святой Вероники в Аликанте, так как сам он не смог выполнить данный когда-то обет поклониться ей.

Если Хуан-Себастьян был человеком слова в мирской жизни, то уж, обещав что-то Богу и святым, он старался соблюдать свой обет со всей точностью. В каких только портах не дове-

* См. с. 130. В соответствии с современными орфографическими требованиями «Д» здесь и в других цитируемых отрывках дается заглавным, а не строчным, как в оригинале.

лось ему побывать, и все же он не забыл клятвы, данной в знойном Аликанте, где одни только пальмы чувствуют себя уютно, а соляные болота спят нестерпимым блеском и на пристанях оседает каменная пыль от рассыпающихся скал.

Лигах в двух к востоку от гавани дорога выводила к монастырю Санта-Фас, куда и намеревался совершить паломничество Эль-Кано. Там сберегался один из тех платков, которыми, согласно легенде, святая Вероника утирала лицо Христа на крестном пути. Реликвия эта была привезена в Аликанте из Рима в XV веке, и монастырь чрезвычайно дорожил своей «la sagrado reliquia de la Serenisima Faz»⁸¹. Церкви, где она хранилась, Эль-Кано завещает двадцать четыре дуката; доставить их туда и должен был паломник, которому надлежало — тут в Эль-Кано заговорил баск — взять у настоятеля и капитула монастыря расписку в их получении.

Длинный список пожертвований различным церквям и часовням в Гипускоа показывает, как любил Эль-Кано свой родной край. Далеко оттуда, в Тихом океане, чувствуя, что смерть близка, он вспоминает церквушки, где молился ребенком, куда совершал первые свои паломничества, уединенные храмы, освященные простодушной верой прихожан. Не забывает он и местных бедняков: он завещает раздать по платью из белого фриза тридцати бедным женщинам в окрестностях Гетарии.

Если не считать священников, которым предстоит служить по нем в Гетарии заупокойные мессы, первый человек, чье имя называется в завещании, — это Мария де Эрньяльде, мать его незаконного сына Доминго. Он оставляет ей сто золотых дукатов, «потому что она была юной девственницей, когда я познал ее». Эти деньги должны быть выплачены ей в течение двух лет после того, как завещание будет доставлено в Испанию.

Ранее уже говорилось о том, как Эль-Кано обеспечил свою незаконную дочь от Марии Видауретты. Девочку, как мы помним, должна была воспитывать его мать, но нам известно, что в Гетарию ее не привозили — во всяком случае через восемь лет после смерти Эль-Кано его мать даже не знала о существовании этой своей внучки. Затем Эль-Кано вспоминает свою двоюродную сестру Изабеллу дель Пуэрто, которой он оставляет богатый наряд, а своим племянникам, Мартину и Доминго, завещает по двадцати дукатов каждому.

Указав различные суммы, которые ему остался должен король, — как жалованье, так и прибыль в счет его доли в снаряжении флотилии, — он затем перечисляет все принадлежащие ему вещи с тщанием, не только свидетельствующим о его

баскском скопидомстве, но и заставляющим даже предположить, что из него мог бы выйти прекрасный нотариус. Им не забыто ничего: ни топоры (восемьсот штук, предназначавшиеся для меновой торговли), ни горшки, «большие и малые» (пятьдесят одна штука), половину которых он завещает отдать агенту армады. Эти предметы, список которых необыкновенно длинен, он оценивает в 50 962 мараведи. Но общая цифра не может удовлетворить хозяйственного баска. Он сообщает длину каждого куска сукна, каждой льняной или фризовой тряпки. Не пропущена даже ни одна стопа бумаги. Если бы мы полностью привели текст завещания Эль-Кано, нам пришлось бы львиную долю времени потратить на статьи вроде: «Девять кусков тонкой парусины — 14 элов, 16 $\frac{1}{4}$ эла, 13 элов, 11 элов, 12 элов, 10 $\frac{3}{4}$ эла, 13 $\frac{1}{2}$ эла, 13 элов, 13 элов... Две штуки грубой парусины — 40 и 45 элов, а вместе 85 элов...»

В наши дни поведение этого человека, равно способного как на самые дерзновенные замыслы, так и на мелочную скарედность, соблазнительно было бы определить с помощью модного словечка «раздвоенность». Однако все, что нам известно о жизни Эль-Кано, позволяет сделать только один вывод: хотя его характеру и была присуща некоторая противоречивость, он оставался удивительно цельной, гармоничной натурой. Подлинно широкий ум наряду с высокими и славными замыслами может быть занят и житейскими мелочами. Известно, что Магеллан, подготавливая величайшее предприятие, какое только знает история мореплавания, однажды лично наблюдал за погрузкой провианта и тщательно проверял каждый ящик и бочонок.

Склонность Эль-Кано к франтовству, о которой свидетельствует его завещание, указывает на известное тщеславие. Его атласные колеты, подбитые серебряной парчой, плащи из тонкого валенсийского сукна, отделанные золотым галуном штаны, девятнадцать рубашек и другая одежда составляют список, содержащий свыше сорока пунктов. А в этот перечень еще не включены чулки. Когда же дело доходит до этих последних, начинает казаться, что завещание писала въедливая старая дева: Эль-Кано ни разу не забывает упомянуть, какая пара новая, а какая уже ношенная.

Однако внимание, которое он уделяет судьбе своей одежды, в значительной мере отражает его доброе отношение к тем, кому он ее оставляет. Первым в связи с распределением своего гардероба он упоминает астронома и кормчего Андреса де Сан-Мартина, который во время первого плавания к Молуккским островам одолжил Хуану-Себастьяну два своих на-

вигационных трактата. Одним из них — таблицами Иоганна Мюллера — Эль-Кано постоянно пользовался на «Виктории»; и тут мы вновь убеждаемся в его щепетильной честности: эти трактаты он приказывает вернуть Сан-Мартину, если вдруг окажется, что последний жив, а не погиб, как предполагали, во время резни на Себу. Сан-Мартин, кроме того, должен получить три куса «цветного лондонского сукна» на платье. Паж Эль-Кано Андрес де Урданета получает колет из тафты; затем следует племянник Эль-Кано Эстеван, которому он оставляет три пары штанов; его брату Мартину-Пересу предназначаются лучшие из его курток — зеленые кожаные, колет из бомбазина и пестрый плащ. Хуан-Себастьян вообще очень заботился о Мартине-Пересе: приняв командование над флагманской каравеллой, он сразу же назначил своего брата ее кормчим; однако, памятуя о смерти многих своих товарищей по плаванию, Эль-Кано добавляет в завещании: «Если он и остальные его братья будут живы, вся другая моя одежда должна быть поделена поровну между всеми четверьмя».

Затем наступает очередь двух его друзей-басков, участников экспедиции, одолживших деньги Мартину-Пересу: первому должны быть возвращены его четыре с половиной дуката, а второму — два дуката; выплатить их следует из доли Эль-Кано в товарах, предназначенных для меновой торговли. Тут он возвращается к своему племяннику, завещая ему тех же товаров на сорок дукатов, и просит командора Лоайсу присмотреть, чтобы эта его воля была выполнена. (Выполнена она, разумеется, не была, ибо, как нам известно, Лоайса умер через четыре дня после составления этого завещания, а Эстеван пережил дядю всего на месяц.) Урданета и Эрнандо де Гевара должны получить часть мяса и муки, принадлежащих Эль-Кано, аррону (11 $\frac{1}{2}$ килограмма) оливкового масла, вяленых угрей и тридцать сыров. Они должны делиться этим со своими сотрапезниками. Капитан-генералу Лоайсе он оставляет десять сыров. (Эти распоряжения странно противоречат сообщению о том, что умирающему Лоайсе в качестве очистительного могли предложить только крысу.) Эль-Кано педантично указывает, что Мартин-Перес должен разделить один из принадлежащих ему бочонков белого вина с другим его братом — Очоа. Однако вторым бочонком Мартин-Перес может распорядиться по своему усмотрению. Еще один его друг-баск получает цветной шнур и подкладку «для штанов, которые я ему оставляю». Не забыт и капеллан: ему завещаются по полмеры муки, кукурузы и оливкового масла, а также две рубашки.

Любопытно, что Бустаменте — тот самый Бустаменте, которого он взял с собой ко двору, когда ему было предписано привезти с собой туда только двух человек, и которого он недавно назначил контадором флагманского корабля, — не упоминается в завещании ни разу, там говорится только о «цирюльнике», получающем пол-арробы масла; хотя этот дар не так уж мал, он все же не идет ни в какое сравнение с тем, что было завещано друзьям Эль-Кано.

Покончив со второстепенными статьями, Эль-Кано переходит к главному. Наследником остального своего имущества он назначает Доминго де Эль-Кано, своего сына от Марии де Эрньяльде; однако мать Эль-Кано, донья Каталина дель Пуэрто, получает право пользоваться этим имуществом пожизненно или сколько пожелает.

«А если по воле Божией указанный Доминго умрет при жизни моей госпожи матери, то ни его матери и никаким другим его родственникам не дозволено будет распоряжаться его наследством, а право это принадлежит только моей госпоже матери».

Эль-Кано объявляет, что в случае, если его сын умрет, не оставив потомства, наследство должно перейти к его дочери. Свою мать, донью Каталину, он назначает ее опекуницей и прямо указывает, что его братья не должны иметь никакого касательства к управлению наследством его дочери; он поручает это своей «госпоже матери». Он просит донью Каталину присмотреть, чтобы эта его воля была выполнена, но при условии, что его дочь будет во всем слушаться его душеприказчиков.

Центральное место, которое донья Каталина занимает в завещании Эль-Кано, указывает, что она была незаурядной женщиной, наделенной исключительной силой воли. Подтверждение этому мы находим в том упорстве, с каким она добивалась от фискальных властей выплаты сумм, причитавшихся ее сыну. Однако заботливость Эль-Кано по отношению к донье Каталине показывает, что он любил мать, а не просто считал ее практичной и деловой женщиной, способной воспитать двух его незаконных детей, о существовании которых она даже не подозревала. Не забыв, что она дала и ему, и его братьям деньги на покупку доли в грузе экспедиции, и по горькому опыту зная, как часто казначайство задерживает такие выплаты, Эль-Кано разрешает матери взять сто дукатов из имеющихся наличных денег, не отчитываясь в них перед остальными душеприказчиками. И снова, как в случае с «юной девственницей», которую он обесчестил, с астрономом Сан-

Мартином, одолжившим ему книги, и с двумя друзьями — кредиторами его брата, здесь находит выражение щепетильность, свойственная Эль-Кано.

В случае, если и его дочь, унаследовав его имущество, умрет бездетной, оно должно перейти к его брату Мартину-Пересу. Мартин-Перес назначается одним из душеприказчиков Эль-Кано, чьи имена перечисляются в следующем порядке: командор Лоайса, донья Каталина дель Пуэрто, Мартин-Перес, Родриго де Гайнса, Сантьяго де Гевара, Мартин де Уркьола, Доминго-Мартинес де Горостьяга (уроженец Гетарии).

Некоторые авторы клеймили Хуана-Себастьяна за предательство по отношению к Магеллану. Но можно задать вопрос: а способен ли был человек, подобный Магеллану, завоевать преданность такого крайнего индивидуалиста, как Эль-Кано? Лоайсе же он был верен с начала и до конца: в предпоследнем пункте своего завещания Эль-Кано просит капитан-генерала блюсти его интересы «при дворе его величества» и говорит, что во всем уповает на Лоайсу. Человек, который так относится к своему начальнику, не мог быть мятежником по натуре.

В заключение своего завещания он назначает опекунов своим детям. Их он вверяет попечению доньи Каталины, своего брата Доминго (священника в Гетарии), Доминго-Мартинеса де Горостьяги и Родриго де Гайнсы. Он просит их позаботиться о его сыне и о безымянной дочери и сделать все для их благополучия. И дважды повторяет эту просьбу. Хуан-Себастьян не был женат, он не имел детей, рожденных в браке, и все же он был настоящим семьянином.

Приближается последняя минута жизни Эль-Кано. В тесной каюте у койки умирающего собрались его брат Мартин-Перес, преданный паж Андрес де Урданета и друзья-баски, засвидетельствовавшие его завещание. Дрожащее пламя свечей отбрасывает неверный свет на их бледные, изможденные лица, омраченные горем. Урданета, опустившись на колени рядом с койкой, одной рукой поддерживает своего господина. У изголовья стоит капеллан, не сводя с умирающего внимательного взгляда. Вот он поднял руку, и все остальные падают на колени:

«Absolve que sumus Domine, animam famuli tui Juan Sebastian»⁸².

«Понедельник 6 августа. Falleció el magnifico Señor Juan Sebastian de Alcano»⁸³ *.

* Некоторые авторы называют в качестве даты смерти Эль-Кано 4 августа; например, М. Ф. Наваррете (Col. de Los Viages ets. Tom. V. Documento № 22)

Так сообщает Урданета в своем дневнике о смерти великого мореплавателя. Разительный контраст с этой горестной записью о кончине любимого и почитаемого начальника представляет лаконичное заявление матроса Хуана де Масуэкоса о том, что он «присутствовал при смерти Эль-Кано и помогал выбрасывать его тело за борт». Моряки обычно не склонны к словоизлияниям (даже их фольклор отличается известной суховатостью), и нам самим придется вообразить, как именно все это происходило в тот день среди безграничных просторов Тихого океана, в девяти градусах к северу от экватора и примерно в трехстах пятидесяти лигах к востоку от Марианских островов. Четыре человека по сигналу нового капитан-генерала поднимают доску с грузом, к которой привязано завернутое в саван тело Хуана-Себастьяна. Доска наклоняется над фальшбортом, капеллан, читающий молитву, осеняет покойника крестом, раздается всплеск, заглушающий голос священника, и моряки поднимают склоненные головы.

Обширные воды моря,
И дно его от взгляда скрыто.

Никто никогда не узнает точно, где покоятся останки героического сына Гетарии...

* * *

Тот факт, что Эль-Кано и многие другие участники экспедиции умерли вскоре после смерти Лоайсы, послужил основанием для расследования, которое было проведено*, когда в Испанию вернулся вышеупомянутый матрос Хуан де Масуэкос. Его спросили, не говорили ли на корабле, что Лоайса был отравлен. Ведь казначей, главный контадор (племянник Лоайсы), Ортес де Переа (писавший под диктовку Эль-Кано его завещание), кормчий Мартин-Перес (брат Эль-Кано) — все люди, занимавшие в экспедиции высокое положение, как и Эль-Кано, обедали тогда у Лоайсы и умерли вскоре после этого. Масуэкос ответил, что таких разговоров не было.

Как и Магеллан, Эль-Кано не извлек никаких личных выгод из своего подвига — ни он, ни его наследники не полу-

упоминает это число, ссылаясь на «Relaciones Impresas» Урданеты, но в «Relación Inédita» указывается 6 августа, и эта дата теперь общепринята. «Relaciones Impresas» основаны на донесении, которое Урданета представил королю спустя много времени после возвращения с Молуккских островов и которое в отличие от его дневника («Relación Inédita», отобранного у него португальцами) не представляло собой непосредственной записи событий.

* 17 сентября 1534 года в Паленсии. См. Navarrete Docs. de Loaisa. N XXI; «Colección de Viages», etc. Vol. V. P. 361.

чили ни одной из обещанных наград, и в обоих случаях наследникам пришлось начать тяжбу в надежде получить суммы, указанные в королевских соглашениях. Сын Магеллана умер в младенчестве, как, по-видимому, и сын Эль-Кано, — во всяком случае, когда мать мальчика Мария де Эрньяльде подала прошение о выплате ей суммы, названной в завещании Эль-Кано, ее сын Доминго в этом прошении упомянут не был.

Трое братьев Эль-Кано умерли во время второго плавания к Молуккам, как и племянник Магеллана во время первого путешествия. Эрнандо де Бустаменте, любимый товарищ Эль-Кано, после смерти Хуана-Себастьяна обманул его доверие, перейдя на сторону португальцев. (По мнению историка Баррума, Бустаменте даже дал показания, поддерживавшие утверждения португальцев, будто за два года до этого, выступая перед смешанной комиссией в Бадахосе, Эль-Кано фальсифицировал факты, чтобы придать вес испанским притязаниям на Молуккские острова.) Точно так же Магеллан ошибся в своем ближайшем друге Дуарте Барбозе, который после смерти Магеллана на Мактане подверг жестокому обращению его преданного слугу и толмача Энрике. В один день и час с Эль-Кано умер и новый назначенный им главный контадор Альваро де Лоайса (лишь на семь дней пережив своего дядю, капитан-генерала Гарсию Хофре де Лоайсу). Всего через четыре дня после смерти Магеллана один из двух его преемников, Дуарте Барбоза, погиб от руки местных жителей. Сколько сходства можно обнаружить в двух классических путешествиях, совершавшихся примерно по одному маршруту!

Когда Эль-Кано умер, команда, по словам Урданеты, «была совсем измучена тяжелой работой и лишениями, пока мы, находясь на 14 или 15° с. ш., искали Сипангу⁸⁴. Люди настолько обессилели из-за работы у помп, ярости моря, скудной пищи и болезней, что каждый день кто-нибудь умирал. Поэтому мы согласились как можно прямее идти к Малуко». Эль-Кано же до самой смерти лелеял дерзкий замысел: он хотел осуществить то, что еще не удавалось никому — воплотить в жизнь мечту Колумба. Он хотел первым достичь берегов Дальнего Востока с запада. И он действительно собирался добраться до Японии, а потом уже плыть к Молуккским островам. (Весьма вероятно, что Лоайса, пересекая Тихий океан западнее Магеллана, выбрал такой путь по настоянию своего главного кормчего.)

«Я уверен, что, будь Хуан-Себастьян де Эль-Кано жив, мы не добрались бы до Ладронских островов так скоро, потому что он с самого начала намерен был разыскивать Сипангу». Хотя

Урданета и был учеником великого мореплавателя, эти его слова ясно показывают, что он считал замысел Эль-Кано слишком рискованным. Однако «Plus ultra»⁸⁵ — знаменитый девиз Карла V, государя, на службе у которого Эль-Кано совершил два своих исторических плавания, — мог бы быть и девизом самого Хуана-Себастьяна. Дерзание человека — первого кругосветного мореплавателя — было беспредельным.

ХРОНОЛОГИЯ

- 1487 г. — примерная дата рождения Хуана-Себастьяна де Эль-Кано
 1509 г. — служит во флоте, перевозящем войска в Северную Африку во время похода Сиснероса
 1510 г. или позже — капитан на собственном корабле; нарушая закон, продает корабль иностранцам
 1518 г. — назначается штурманом на каравеллу «Консепсьон» во флотилии Магеллана
 1519 г., 9 августа — дает показания в пользу Магеллана на дознании в Севилье
 10 августа — вместе с флотилией уходит из Севильи в Санлукар-де-Баррамеда
 20 сентября — отправляется из Испании на Молуккские острова
 26 сентября — стоянка на Тенерифе, во время которой Эль-Кано надзирает за погрузкой припасов на «Консепсьон»
 20 ноября — пересекает экватор
 13 декабря — прибывает в бухту Санта-Люсия (Рио-де-Жанейро)
 1520 г., 12 января — прибывает в устье реки Солис (Ла-Плата)
 31 марта — достигает бухты Сан-Хулиан
 2 апреля — принимает участие в мятеже; Кесада назначает его капитаном «Сан-Антонио»
 7 апреля — казнь Гаспара де Кесады
 24 августа — покидает бухту Сан-Хулиан; Эль-Кано снова штурман «Консепсьона»
 26 августа — добирается до реки Санта-Крус
 21 октября — достигает входа в пролив [Магелланов]
 25 октября — начинает плавание по проливу
 28 ноября — «Тринидад», «Консепсьон» и «Виктория» выходят в Тихий океан
 1521 г., 6 марта — корабли прибывают на остров Масав (Филиппины)
 7 апреля — корабли прибывают в Себу
 27 апреля — смерть Магеллана на Мактане
 1 мая — гибель на Себу Жуана Серрана, капитана «Консепсьона»

- 2 мая — сожжение корабля Эль-Кано «Консепсьон»; Эль-Кано переходит на «Викторию»
- 9 июля — корабли прибывают к Борнео
- 8 ноября — «Тринидад» и «Виктория» (под командой Эль-Кано) достигают острова Тидоре (Молуккские острова)
- 21 декабря — «Виктория» одна уходит в Испанию под командой Эль-Кано
- 1522 г., 25 января — покидает Омбай
- 8 февраля — покидает Тимор
- 18 марта — открывает остров Амстердам
- 19 мая — гибнет мыс Доброй Надежды
- 10 июля (истинная дата) — прибывает на острова Зеленого Мыса
- 4 сентября — оказывается в виду мыса Сан-Висенти
- 7 сентября — приходит в Сан-Лукар; Эль-Кано пишет императору
- 8 сентября — бросает якорь в Севилье
- 9 сентября — Эль-Кано с восемнадцатью участниками экспедиции во исполнение обета отправляется в церковь Санта-Мария де ла Витория в Триане и в часовню Санта-Мария де Антигуа в Севильском соборе
- 13 сентября — Карл V отвечает на письмо Эль-Кано
- Конец сентября — Эль-Кано, кормчий Альбо и Эрнандо де Бустаменте приезжают ко двору в Вальядолид
- 18 октября — Эль-Кано и два его спутника дают показания королевской комиссии относительно экспедиции Магеллана
- 1523 г., 23 января — Карл V издает указ о ежегодной пенсии Эль-Кано
- 20 мая — Карл V жалует Эль-Кано герб
- 1524 г., 11 апреля — 1 июня — Эль-Кано участвует как представитель Кастилии на заседаниях смешанной комиссии в Бадахосе, где разбирается вопрос о правах на Молукки
- 23 мая — допрос в Бадахосе шестнадцати участников экспедиции Магеллана
- 1 июня — Эль-Кано представляет краткую сводку испанских претензий и карту, обосновывающую права Испании на Молукки
- 1525 г., 15 апреля — Карл V отдает распоряжение, чтобы обещанная Эль-Кано ежегодная пенсия была выплачена только после его возвращения из второго плавания к Молуккам
- Апрель — Эль-Кано надзирает в Португалете за снаряжением четырех кораблей, предназначенных для экспедиции Лоайсы к Молуккским островам
- 13 мая — император подписывает инструкцию, согласно которой Эль-Кано назначается преемником Лоайсы в случае смерти последнего
- Июль — Эль-Кано приводит свои четыре каравеллы в Ла-Корунью
- 24 июля — Эль-Кано в качестве главного кормчего флотилии и капитана каравеллы «Сантиспиритус» отбывает из Ла-Коруньи с флотилией Лоайсы

- 2 августа — флотилия прибывает на остров Гомера (Канарские острова); Эль-Кано рекомендует Лоайсе маршрут для плавания к Магелланову проливу
- 14 августа — флотилия покидает остров Гомера
- 12 октября — флотилия пересекает экватор
- 20 октября — заходит на остров Аннобон
- 31 октября — флотилия покидает Аннобон
- 26 декабря — флагман во время бури теряет остальные корабли; Эль-Кано берет на себя командование флотилией
- 1526 г., 12 января — Эль-Кано на «Санти-Спиритусе» приходит в устье реки Санта-Крус
- 14 января — Эль-Кано принимает за пролив эстуарий какой-то реки; к концу дня находит вход в пролив
- 24 января — бросает якорь у мыса Одиннадцати Тысяч Дев; во время бури корабль Эль-Кано гибнет; он переходит на «Анунсиаду»
- 25 января — флагман, сильно поврежденный, присоединяется к флотилии; благодаря помощи Эль-Кано корабль остается на плаву
- 26 января — Эль-Кано переходит на «Парраль»
- Между 25 января и 14 февраля — «Сан-Лесмес» достигает 54°50' ю. ш.
- 9 февраля — «Сан-Габриэль» и «Анунсиада» дезертируют
- 11 февраля — флотилия уходит в устье реки Санта-Крус для ремонта флагмана
- 17 февраля — флотилия приходит в устье Санта-Крус
- 23 или 29 марта — покидает устье реки Санта-Крус
- 8 апреля — вновь входит в пролив
- 18 апреля — бросает якорь в бухте Сан-Хорхе
- 25 апреля — уходит оттуда
- 2 мая — останавливается в заливе Сан-Хуан-де-Порталина
- 14 мая — уходит оттуда
- 26 мая — флотилия достигает мыса Десеадо
- 2 июня — буря рассеивает флотилию
- 26 июля — флагман пересекает экватор; Эль-Кано составляет завещание
- 30 июля — смерть Лоайсы; Эль-Кано становится капитан-генералом; назначает своего брата Мартина-Переса кормчим флагмана
- 6 августа — смерть Эль-Кано на флагманском корабле «Санта-Мария де ла Виктория»

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Оставшиеся в живых участники экспедиции Магеллана, которые вернулись в Севилью на «Викторию»

Тридцать четыре человека, плывшие на «Виктории» (в том числе четыре индейца, взятые с Молуккских островов), в конце концов добрались до Севильи. Однако тринадцать человек из команды были

арестованы португальцами на островах Зеленого Мыса (двенадцать из них были потом освобождены). Таким образом, на «Виктории» в Севилью вернулось только двадцать два человека — восемнадцать из них впервые в истории объехали земной шар. Имена этих восемнадцати европейцев таковы:

1. Хуан-Себастьян де Эль-Кано из Гетарии. Штурман «Консепсьона», вернулся капитаном «Виктории». Когда он завербовался в экспедицию Магеллана, ему было тридцать два года. Участвовал в работе Бадахосской комиссии (1524). Умер в должности капитан-генерала экспедиции Лоайсы (1526).

2. Франсиско Альбо, кормчий из Ахио. Боцман «Тринидада», вернулся кормчим «Виктории». Вел журнал плавания. Жил в Родасе.

3. Мигель Родас. Боцман «Виктории». Позже стал штурманом. Родом из Родаса, жил в Севилье. Завербовался в экспедицию в возрасте примерно тридцати лет. Был свидетелем в Бадахосе (1524).

4. Хуан де Акурью из Бермео. Боцман «Консепсьона». Завербовался в экспедицию в возрасте двадцати семи лет. Был свидетелем в Бадахосе (1524).

5. Антонио Ломбардо Пигафетта из Виченцы. Сверхштатный участник экспедиции «Тринидада». Ему принадлежит наиболее полное описание плавания.

6. Васко Гомиш Гальего. Португалец из Байоны в Галисии. Матрос на «Тринидаде». Сын кормчего «Виктории», который умер во время плавания. Некоторые исследователи считают его автором «Дневника португальца, спутника Дуарте Барбозы». Был свидетелем в Бадахосе (1524).

7. Эрнандо де Бустаменте из Мерида или Алькантары. Цирульник на «Консепсьоне». Переведен на «Викторию». Завербовался в экспедицию Магеллана в возрасте двадцати пяти лет. Сопровождал Эль-Кано в Вальядолид (1522). Был свидетелем в Бадахосе (1524). Участвовал в экспедиции Лоайсы в качестве казначея (1525). В 1528 году, находясь с флотилией на Молукках, был арестован за серьезные нарушения служебного долга. Вскоре после этого умер на португальском корабле.

8. Николай Грек из Неаполя. Старший матрос на «Виктории». Завербовался в возрасте примерно двадцати семи лет. Был свидетелем в Бадахосе (1524). В 1537 году жил в Севилье.

9. Мигель Санчес де Родас. Старший матрос на «Виктории». Был свидетелем в Бадахосе (1524).

10. Ганс (Айрес) из Аахена. Канонир на «Виктории». Отплыл из Ла-Коруньи в 1525 году с экспедицией Лоайсы, в которой Эль-Кано командовал кораблем «Сантис-Спиритус».

11. Антонио Эрнандес Кальменеро из Уэльвы. Старший матрос на «Тринидаде». Завербовался в возрасте примерно сорока пяти лет. Был свидетелем в Бадахосе (1524).

12. Мартин де Юдисибус из Саоны. Главный баталер на «Консепсьоне».

13. Хуан де Сантандрес из Куэрты. Матрос на «Тринидаде».
14. Франсишку Родригеш из Севильи. Португалец. Старший матрос на «Консепсьоне». Завербовался в возрасте тридцати пяти лет. Был свидетелем в Бадахосе (1524).
15. Хуан Родригес, уроженец Мальорки, хотя сам он называл себя уроженцем Уэльвы. Старший матрос на «Консепсьоне». Завербовался в возрасте двадцати двух лет.
16. Диего Кармона из Байоны в Галисии. Старший матрос на «Виктории». Был свидетелем в Бадахосе (1524).
17. Хуан де Арратья из Бильбао. Матрос на «Виктории». Завербовался в возрасте пятнадцати лет. Был свидетелем в Бадахосе (1524).
18. Хуан де Сибулета из Баракальдо. Юнга на «Виктории». Завербовался в возрасте примерно четырнадцати лет. Самый младший участник экспедиции. Был свидетелем в Бадахосе (1524).

*Моряки с «Виктории», взятые в плен португальцами
на островах Зеленого Мыса
и освобожденные спустя пять месяцев*

1. Маэстро Педро. Завербовался на Тенерифе. Сверхштатный участник экспедиции («Сантьяго»).
2. Ричард де Фодис из Нормандии. Плотник. «Сантьяго». Был свидетелем в Бадахосе (1524). Неграмотный.
3. Симон из Бургоса. Португалец. Сверхштатный участник экспедиции, слуга капитана Мендосы на «Виктории». (Выдавал себя за уроженца Бургоса. В 1523 году жил в Сьюдад-Родриго.)
4. Хуан Мартин из Агилар-де-Кампо. Сверхштатный участник экспедиции, слуга капитана Мендосы на «Виктории». Завербовался в возрасте примерно двадцати пяти лет. Был свидетелем в Бадахосе (1524).
5. Мартин Мендес из Севильи. Контадор «Виктории». В 1525 году участвовал в экспедиции Себастьяна Кабота в Южную Америку.
6. Ролдан де Арготе из Брюгге. Канонир на «Консепсьоне». Участвовал в 1525 году в экспедиции Лоайсы, в которой Эль-Кано командовал каравеллой «Санти-Спиритус».
7. Гомес Эрнандес из Уэльвы. Старший матрос на «Консепсьоне». Завербовался в возрасте примерно двадцати двух лет. Был свидетелем в Бадахосе (1524).
8. Окасио Алонсо из Больулоса. Старший матрос на «Сантьяго». Завербовался в возрасте тридцати лет. Был свидетелем в Бадахосе (1524).
9. Педро де Толоса из Толосы в Гипускоа. Матрос на «Виктории». Был свидетелем в Бадахосе (1524).
10. Фелине де Родас из Родаса. Старший матрос на «Виктории».
11. Педро де Чиндарса из Бермео. Юнга на «Консепсьоне». Завербовался в возрасте пятнадцати лет.
12. Баскито Гальего.

13. Мануэль, индеец.

К числу тех, кто первым объехал вокруг земного шара, следует отнести пятерых уцелевших членов команды злополучного «Тринидада», хотя они и вернулись в Европу лишь много времени спустя.

1. Гонсало Гомес де Эспиноса из Эспиноса-де-лос-Монтерос. Главный альгюасил флотилии («Тринидад»).

2. Хинес де Мафра из Хереса. Старший матрос («Тринидад»). Описал плавание.

3. Леон Панкальдо из Савоны. Старший матрос («Тринидад»). Многие считают его автором «Дневника генуэзского кормчего».

4. Ганс Варг (Маэстро Анс). Немец. Главный канонир «Консепсьона», затем был переведен на «Тринидад». В Лиссабоне, куда он прибыл с Эспиносой и Хинесом де Мафрой, был вместе с ними немедленно брошен в тюрьму, где и умер.

5. Хуан Родригес (Глухой) из Севильи. Старший матрос на «Консепсьоне», был переведен на «Тринидад» и попал в плен к португальцам на Молуккских островах. В 1525 году оказался в Лиссабоне.

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

*Допрос Эль-Кано, кормчего Альбо и Бустаменте
в Вальядолиде 18 октября 1522 года **

18 октября 1522 года Хуану-Себастьяну де Эль-Кано, Франсиско Альбо и Эрнандо де Бустаменте в присутствии алькальда Вальядолида были заданы следующие вопросы:

1. В чем была причина разногласий между Магелланом и Картахеной, а также другими офицерами флотилии?

2. Почему Магеллан приказал схватить и убить Мендосу и действительно ли он подкупил альгюасила Эспиносу, чтобы тот это сделал?

3. Почему Магеллан оставил на берегу Хуана де Картахену и священника и вынес приговор Кесаде и другим?

4. Не вынес ли Магеллан эти приговоры для того, чтобы заменить кастильцев своими родственниками и другими португальцами?

5. Почему Магеллан провел столько времени в разных бухтах на стоянках, из которых одна длилась даже восемь-девять месяцев, истощая, таким образом, запасы провианта и теряя время напрасно?

6. Если на стоянках он мог так легко получать золото, выменивая за один топор золота на десять — двенадцать песо⁸⁶, а за кусок железа — на три-четыре песо, то почему он не использовал для обмена товары армады? И почему он не выменял значительного количества золота, заодно избавившись от части дешевых безделушек, которых они везли так много?

* Archivo General de las Indias, Patronato Simancas. — 1—2^{1/1}.

7. Поступали ли они согласно закону, когда захватывали китайские джонки с товарами?

8. Говорят, что в одной из захваченных ими джонок находился местный правитель, который был освобожден за выкуп, состоявший из золотых украшений, золотых ожерелий и золотых слитков и врученный Карвалью и другим лицам. Почему никаких этих предметов не оказалось на «Виктории» и относительно них не было представлено никакого отчета?

9. Каким образом велись торговые сделки и все ли они точно заносились в корабельные книги?

10. Если гвоздика взвешивалась при покупке и взвешивалась правильно, то каким образом получилось такое значительное уменьшение веса по сравнению с 600 кинталами, показанными в корабельной книге сразу же после приобретения гвоздики?

11. Какое количество гвоздики они скрыли на островах Зеленого Мыса, или где-нибудь еще во время плавания, или в Сан-Лукаре, или на пути вверх по реке к Севилье, или при выгрузке?

12. Если Магеллан был убит туземцами, то почему некоторые из тех, кто вернулся на «Виктории», говорят, что он был убит при других обстоятельствах?

13. Некоторые из вернувшихся на этом корабле говорили, что те, кто остался с Магелланом, когда он был убит на Мактане, могли бы спастись. Если это так, то почему они остались там на свою погибель и кто это был?

Ответы Эль-Кано на дознании 18 октября 1522 года

Три свидетеля содержались отдельно и допрашивались поодиночке. Эль-Кано, дававший показания первым, ответил следующее:

1. Что Хуан де Картахена, веедор (инспектор флотилии), королевским приказом был уполномочен совместно с Магелланом командовать флотилией, и поэтому все решения они должны были принимать совместно, но что Магеллан ни разу не спрашивал совета у инспектора. Что когда они стояли вблизи берегов Гвинеи, Магеллан объявил, будто ничего не знает о таком приказе. И в тот же день, продолжал Эль-Кано, Магеллан лишил Картахену командования его кораблем и должности инспектора. Он хотел тогда же высадить его на берег в Гвинее, но воздержался от этого по просьбе других капитанов. И передал Картахену под охрану Кесаде*. Капитаном «Сан-Антонио» он вместо Картахены назначил своего родственника Мескиту. Позже, когда Магеллан оставил Картахену и священника на патагонском берегу, другие капитаны просили Магеллана советоваться с ними и сообщать им избранный курс. Они также просили его не оставаться

* На самом деле это был не Кесада, а капитан Мендоса. См.: *Lagoa Visonde de Fernão de Magalhães. Lisboa, 1938. Vol. II. P. 20. Note 2.*

на стоянке всю зиму, ибо тогда будет израсходован весь провиант. И они уговорили его уйти в такие места, где было бы не так холодно.

Эль-Кано показал, что все другие капитаны, а также матросы боялись, что Магеллан арестует их, воспользовавшись тем, что на кораблях армады было много португальцев и других иностранцев. Что капитаны Картахена и Кесада просили Эль-Кано, как штурмана, остаться верным королевским приказам и помочь им выполнить инструкции короля. Что он, Эль-Кано, сказал, что будет повиноваться их распоряжениям и готов выполнять приказы короля. Что капитаны Картахена и Кесада приказали Эль-Кано и другим членам экипажа отправиться на шлюпке на «Сан-Антонио» и захватить Мескиту, чтобы во флотилии не начался мятеж. Магеллану должна была быть представлена петиция с просьбой перед принятием решений советоваться со своими офицерами. Эль-Кано заявил, что Магеллан сказал, что не намерен соглашаться на эту просьбу, а также не намерен выполнять инструкции, данные ему его величеством.

2. Что схватить капитана Мендосу Магеллан приказал из-за петиции. Что Магеллан послал пять человек во главе с Эспиносой арестовать Мендосу. Что Эспиноса ударил Мендосу кинжалом и убил его. И что Магеллан дал за это Эспиносе двенадцать дукатов и шесть дукатов остальным, кто в этом участвовал.

(Эль-Кано спросили, откуда ему известно все вышеизложенное, и он ответил, что видел все своими глазами и присутствовал при том, как это случилось*.)

3. Что причина, по которой Картахена и священник были оставлены на берегу Патагонии, а Кесада и Мендоса убиты, уже изложена в его ответе на первый вопрос — это было сделано для того, чтобы Магеллан мог назначить капитаном Мескиту и Дуарте Барбозу. А также потому, что Магеллан сказал, что испанские капитаны подбивали команду на мятеж и подали ему вышеупомянутую петицию. Что Дуарте Барбоза и Мескита постоянно уговаривали Магеллана передать командование и над остальными кораблями португальцам, чтобы вся флотилия оказалась под полным его контролем.

4. Что это уже сказано в предыдущих его ответах.

5. Что Магеллан хотел сделать своих родственников капитанами и заставить всю флотилию беспрекословно ему повиноваться.

6. Что Магеллан приказал, чтобы на островах, где есть золото, никто под страхом смерти не смел его выменивать или брать, потому что он хотел сделать вид, будто золото они совсем не ценят. Что после смерти

* Если Эль-Кано тут не подвела память, то приходится усомниться в правдивости этого его показания — при условии, что он ответил действительно так (возможно, показания Эль-Кано были записаны неточно и на самом деле он говорил, что слышал это, а не видел). В то время, когда Эспиноса убил Мендосу на «Виктории», Эль-Кано находился на «Сан-Антонио», капитаном которого его только что назначил мятежный капитан Кесада. Следовательно, при гибели Мендосы Эль-Кано присутствовать не мог... Не мог он видеть и того, как Магеллан якобы платил Эспиносе, — это могло произойти только на «Тринидаде».

адмирала они бежали с острова, где туземцы убили двадцать семь их товарищей и трех капитанов из-за предательства раба, принадлежавшего Магеллану. И что они отправились на другие острова, где золота не было. Что раб предал их потому, что Дуарте Барбоза назвал его собакой.

7. Что товары на джонках из Китая состояли из бумажных и шелковых материй, топоров, ножей и фарфора и что все, что добывали капитаны его величества, заносилось в книгу контадора флотилии.

8. Что он, Эль-Кано, слышал, что матросы на кораблях говорили, будто Жуан Карвалью получил выкуп золотом от правителя в одной из джонок, но что он, Эль-Кано, не знает, что получил Карвалью и что вообще произошло, так как он в это время был на Борнео.

9. Что все заносилось в книгу контадора с того времени, как он, Эль-Кано, стал капитаном. И в этом он готов полностью отчитаться. Но о том, что происходило прежде, он ничего не знает. Что Магеллан и Карвалью каждый в свое время поступали по своему усмотрению и что после смерти Магеллана Карвалью делал что хотел. Что потом они решили положить конец бесчинствам Карвалью и лишили его командования за ущерб, который он нанес интересам его величества. Что после этого они избрали капитаном* этого самого свидетеля (Эль-Кано.— *М. М.*) и что он выбрал путь к Молуккам, руководствуясь книгами *Regimentos***. Что Магеллан и Карвалью не сообщали этого курса, хотя свидетель просил их об этом.

10. Что они получали гвоздику по весу от «мавров», и что взвешена она была хорошо, и что они сами хорошо умели это делать. И что он доставил этот груз в Севилью, чтобы чиновники его величества могли сравнить вес груза по прибытии с тем, который был занесен в книгу контадора, когда они этот груз получали.

В ответ на вопрос, каким образом они привезли меньше, чем было показано в корабельной книге, Эль-Кано сказал, что они получали гвоздику свежей, прямо с дерева, и что за долгое время плавания она высохла и стала легче. Что доставлена она сухой и в хорошем состоянии и что с его корабля «Виктория» они сняли только три кинтала на островах Зеленого Мыса, чтобы купить провиант, который у них кончился.

11. Что частично ответ на этот вопрос содержится в его ответе на предыдущий. И что больше нигде они не выгружали гвоздику на пути в Севилью ни днем, ни ночью.

12. Что Магеллан предпринял военный поход на Мактан и предал огню жилища, чтобы вынудить правителя Мактана стать вассалом правителя Себу, а также потому, что правитель Мактана не прислал Магеллану дань — меру риса и козу. Туземцы убили Магеллана и еще семь человек, а двадцать семь человек было ранено.

* Эль-Кано был выбран только капитаном «Виктории», а капитан-генералом после смещения Карвалью стал Эспиноса.

** Правила вождения кораблей, утвержденные Торговой палатой.

13. Что он, Эль-Кано, этого не знает, так как был тогда болен и его там не было. Но те, кто там был, расскажут, что им об этом известно.

Эль-Кано было предложено заявить обо всем, что во время плаванья делалось противного интересам его величества и в ущерб его собственности.

Он ответил, что при жизни Магеллана он, Эль-Кано, ничего не осмеливался записывать. Что после того, как его избрали капитаном и казначеем, записывались все сделки до единой. Что его ответы на предыдущие вопросы показывают, что сделал Магеллан противного интересам его величества и во вред его армаде и что Магеллан бросил армаду на произвол судьбы. Что он раздавал штуки материи, собственность его величества. Что он, Эль-Кано, не знает, заносилось ли это в книги. Что он видел, как на Борнео Карвалью посылал со своим родственником выкуп за своего сына из товаров его величества. Что эти два родственника Карвалью остались там.

Что когда они сменили Карвалью, выяснилось еще много его проступков. Что потом он, Эль-Кано, стал капитаном и казначеем и готов отчитаться во всем, что им было сделано. И что если он поступал неправильно, свидетели об этом скажут. Что это все, что он знает, в чем и ставит свою подпись:

Капитан *Хуан-Себастьян Делькано*

ПРИЛОЖЕНИЕ В

*Письмо-указ императора Карла V,
которым Хуан-Себастьян Эль-Кано
освобождается от наказания
за продажу корабля иноземцам*

«Понеже вы, Хуан-Себастьян Делькано, капитан корабля «Виктория», одного из пяти, каковые мы послали на поиски Островов Пряностей, уведомили нас, что вы, владея кораблем в двести тонн, служили нам в Леванте и в Африке и что, поскольку жалованье, полагавшееся вам за означенную службу, выплачено не было, вы взяли заимообразно некоторые деньги у купцов, подданных герцога Савойского, а затем, будучи не в состоянии возратить им долг, продали им означенный корабль, и понеже, согласно законам и установлениям наших королевств, вам не дозволялось продавать означенный корабль означенным иноземцам, и, продав его, вы совершили преступление против закона, и понеже вы обратились к нам с просьбой, дабы мы простили вам означенное преступление и освободили вас от всякого иного наказания, гражданского или уголовного, каковому вы могли подлежать за продажу означенного корабля означенным иностранцам, я, памятуя об означенной услуге, каковую вы

оказали мне при открытии означенных Островов Пряностей, и о тяжких трудах ваших в оном предприятии, посему дарую вам мое прощение и освобождаю вас от всякого наказания, гражданского или уголовного, каковому вы могли подлежать за продажу означенного корабля означенным иноземцам. И я отменяю всякое право, каковое мы или наш совет могли иметь, имеем или могли бы иметь на вас и на ваше имущество, и я освобождаю от оногo вас, ваших наследников и преемников отныне и навечно. И сие наше решение будет иметь силу против всех законов и установлений, действующих в таковых случаях; каковые все в отношении вас я отменяю, хотя в отношении всех других они остаются в силе.

И я повелеваю всем членам нашего совета, и нашим алькальдам, коррехидорам и альгусилам, всем судам, и канцеляриям, и судьям наших королевств и других владений никогда не учинять по означенной причине никаких исков против вас или против вашего имущества и во всем следовать и подчиняться сему королевскому указу и прощению, каковое в нем содержится, и они не должны ни в чем его нарушать под страхом нашего гнева и штрафа в 10 000 мараведи, каковой будет уплачен всяким и каждым, кто его нарушит.

Дано в Вальядолиде 13 февраля 1623 года

Я, Король
По приказу Его Величества *Франсиско де Лос-Кобос**.

* Версия М. Ф. Наваррете из публикаций Варгаса Понсе, на английский язык переведено автором книги (*Navarrete. Colección de documentos Inéditos para la Historia de España. Vol. I. P. 337*).

ПОСЛЕСЛОВИЕ
К КНИГЕ М. МИТЧЕЛЛ

Творчество английской писательницы Мэйрин Митчелл связано с морем: морскими путешествиями и открытиями, жизнеописаниями мореплавателей, описаниями морских сражений и т. п. Через книги, вышедшие в свет за последние десятилетия, проходят лодыи Святослава, корабли викингов, галионы испанского «Золотого флота», линкоры и крейсера Великобритании времен второй мировой войны.

В своих книгах Мэйрин Митчелл не раз обращается к наиболее знаменательным эпизодам в истории мореплавания, и в частности к событиям первого кругосветного путешествия. С этим великим плаванием связана и ее книга, посвященная не очень верному соратнику Магеллана — Хуану-Себастьяну Эль-Кано, человеку, который едва избежал казни за участие в сан-хулианском мятеже, но затем с честью завершил Магеллановы замыслы. Именно Эль-Кано 7 сентября 1522 г. привел в Испанию корабль, который впервые в истории человечества обошел нашу планету.

Судьба Эль-Кано не слишком удачно сложилась в последние годы его жизни, а в последующие времена его имя было предано полужабвению. Хотя оно не исчезло из летописей Великих географических открытий, но было оттеснено на задний план.

Действительная роль Эль-Кано в экспедиции Магеллана не оправдывает подобного отношения к этому выдающемуся мореплавателю, и нельзя не отдать должное Мэйрин Митчелл за ее первую в английской литературе книгу о смелом капитане «Виктории» — легендарного корабля легендарной экспедиции.

Создавая эту книгу, Мэйрин Митчелл шла непроторенными и трудными путями. Ей приходилось поднимать архивную целину, рыться в отчетах, нотариальных актах и послужных списках многовековой давности, сличать путаные и противоречивые показания участников экспедиции Магеллана.

М. Митчелл объездила и исходила всю Страну Басков, родину Эль-Кано. Даже в этом краю, где свято соблюдаются древние традиции, за четыреста тридцать лет изгладились следы кипучей деятельности ее героя, но, блуждая по тесным улочкам Гетарии, посещая рыбацьи гавани провинции Гипускоа, она восстанавливала и воссоздавала ту атмосферу, которой дышала эта земля отважных мореходов в век великих открытий.

Картины Гетарии, Сарауса, Португалеты — старинных городов, с незапамятных времен живших морем, — органически входят в повествование о мореплавателе, которому пожалован был герб с гордым девизом: «*Tu Primus circumdedisti Me*».

В своих суждениях Мэйрин Митчелл проявляет порой чрезмерное пристрастие к Эль-Кано, незаслуженно умаляя роль его замечательного командира — Магеллана.

Однако книга об Эль-Кано — и в этом ее неоценимое достоинство — перерастает рамки биографического очерка. По существу это повесть о кульминационном этапе века грандиозных открытий, эпохи беспримерных подвигов, совершенных рыцарями корыстной мечты, пионерами чистогана, которые в поисках золота и пряностей пересекали неведомые моря и обретали на краю света неведомые земли.

* * *

Мэйрин Митчелл, описывая обе одиссеи Эль-Кано — его кругосветное плавание на кораблях флотилии Магеллана и его поход в Тихий океан на злосчастной армаде Лоайсы, — подробно излагает историю этих экспедиций. Нет нужды поэтому останавливаться здесь на событиях, непосредственно связанных с плаваниями Магеллана и Лоайсы. Наши дополнительные путеводные указания призваны лишь восполнить некоторые пробелы в начальных главах книги. Предыстория экспедиции Магеллана в ней не получила должного отражения, а между тем знакомство с той обстановкой, в которой созрел великий замысел Магеллана, дает читателю возможность истинной мерой оценить роли основных участников этой экспедиции и внести известные поправки в оценки и выводы автора.

Поиски нового, западного, пути в Азию начал в 1492 г. Христофор Колумб. До конца своих дней он считал, что открытые им по ту сторону Атлантики земли лежат в самой преддверии Китая и Индии. Но уже современники Колумба понимали, что бесконечный Американский материк, который тянется с севера на юг на тысячи миль, непроходимым барьером отделяет Европу от Азии.

На рубеже XV и XVI вв. начались упорные, но бесплодные поиски прохода через эту непреодолимую преграду.

Итальянец Джованни Кабото, командуя в 1497 — 1498 гг. двумя английскими экспедициями, искал этот проход у северо-восточных берегов Северной Америки, а два-три года спустя примерно там же крейсировали в тщетных поисках вожделенного пролива португальские мореходы, братья Гашпар и Мигел Кортереалы.

Колумб в своем четвертом, последнем, плавании (1502—1504) открыл самую узкую часть американского барьера — перешеек, соединяющий великие материки Нового Света. Он дознался, что где-то на западе есть большое море, но прохода туда ему найти не удалось.

Одновременно португальцы и испанцы приступили к поискам неуловимого пролива к югу от только что открытого бразильского выступа Южно-Американского материка.

В 1513 г. испанский искатель приключений Васко Нуньес Бальбоа пересек Панамский перешеек и вышел к желанному морю, которое семь с лишним лет спустя Магеллан окрестил Тихим океаном. Это было великое, но до поры до времени бесполезное открытие: ведь Бальбоа не нашел и не мог найти пролива, ведущего из Атлантики в океан, омывающий восточные берега Азии.

С удвоенной энергией искатели новых морских путей приступили к розыскам сквозного прохода на южноамериканских берегах.

В 1515—1516 гг. испанец Хуан-Диас де Солис открыл устье реки Ла-Платы, которое он счел проливом, пересекающим весь материк. Несколько раньше, в 1514 г., португалец Жуан Лижбоа, вернувшись из плавания к берегам Южной Америки, заявил, что ему удалось отыскать сквозной проход на 40° ю. ш. Лижбоа подобно Солису жестоко заблуждался: он открыл не пролив, а глубоко вдающийся в сушу залив Сан-Матиас.

Однако в Европе весть об этом «открытии» неожиданно получила широкое распространение. В 1515 г. агенты Аугсбургского торгового дома Фуггеров опубликовали брошюру «Copia der Newen Zeitung aus Pressilg Landt» («Письмо о новых вестях из бразильской земли»), в которой оповестили мир, что Лижбоа отыскал пролив, причем этим проливом легко было пройти к Островам Пряностей, то есть к Молуккскому архипелагу, лежащему на дальних юго-восточных рубежах Азии.

Экспедиция Лижбоа была частным предприятием. Португальский король владел безопасным путем к Молуккам, который, огибая мыс Доброй Надежды, вел в южноазиатские моря, и не проявлял интереса к поискам новой дороги в страны Востока.

Зато в этих поисках были чрезвычайно заинтересованы испанцы. В их сфере был весь Новый Свет (за исключением Бразилии), но в 10-х годах XVI в. ни Мексика, ни Перу еще не были открыты, а Антильские острова и участки южноамериканского побережья, которые Испания прибрала к рукам, по своим богатствам не могли сравниться с землями азиатского Востока.

Земли эти находились в португальской половине земного шара, но по расчетам испанских космографов получалось, что несметно богатые пряностями Молуккские острова должны были лежать за восточными пределами португальской сферы, то есть в испанской части мира.

Заявляя свои «права» на Молукки, испанцы не имели, однако, ни малейшей возможности ими завладеть. Для испанских кораблей дорога, которая шла туда мимо мыса Доброй Надежды, была заказана.

Оставалось одно — прокладывать новый путь, ведущий на запад, и с этой целью вести поиски пролива через Южно-Американский материк.

В 1515 г. с проектом экспедиции на Молуккские острова, проектом, в основу которого положен был западный вариант пути к родине пряностей, выступил португалец Магеллан.

Опираясь, по всей вероятности, на данные Лижбоа, он полагал, что пройти к Молуккам можно через пролив, пересекающий чуть южнее 40° ю. ш. Южно-Американский материк.

Португальский король Мануэль грубо и резко отверг проект Магеллана. Одновременно он допустил еще один промах — порвал с богатым Аугсбургским торговым домом, фирмой Фугтеров, и кровно обидел фугтеровского представителя, испанца Крестовала де Аро. Сперва де Аро, а затем Магеллан бежали из Лиссабона в Испанию. Действуя от имени дома Фугтеров, де Аро оказал неоценимую помощь Магеллану, который в Испании встретил весьма теплый прием. В 1516 г. на испанский престол вступил шестнадцатилетний король Карл Габсбург. По материнской линии он был внуком Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского, дедом же его по отцу был император Священной Римской империи Максимилиан, во владения которого входили различные германские земли, Австрия и Нидерланды. Спустя три года на деньги Фугтеров Карл приобрел императорскую корону и в качестве императора Карла V и испанского короля Карлоса I стал самым могущественным государем Европы.

Этот венценосный клиент дома Фугтеров одобрил проект Магеллана и в марте 1518 г. подписал с ним соглашение об организации экспедиции. В предприятии Магеллана участвовали, таким образом, испанская корона и фирма Фугтеров.

На этой стадии, которая предшествовала выходу в море флотилии Магеллана, Эль-Кано в делах экспедиции не участвовал; с Магелланом он познакомился, когда в Севилье была начата подготовка пятикорабельной флотилии. Естественно, что проект Магеллана со всеми его расчетами, картографическими материалами и сметами был разработан без помощи Эль-Кано — обстоятельство весьма существенное и, к сожалению, забытое М. Митчелл.

Проект Магеллана был великолепно продуман, но основная заслуга этого мореплавателя состояла не в подготовке плана экспедиции, а в том, что он в немыслимо трудных условиях осуществил свой гениальный замысел. Мэйрин Митчелл справедливо отмечает, что Магеллану уже на начальном этапе организации экспедиции пришлось столкнуться с весьма неприятными неожиданностями.

Касаясь последующих событий, Мэйрин Митчелл немало места уделяет мятежу, вспыхнувшему на кораблях флотилии в бухте Сан-Хулиан. В известной мере она оправдывает поведение Эль-Кано — участника этого бунта. Действительно, в сан-хулианских событиях Эль-Кано играл второстепенную роль, выполняя указания организаторов мятежа, которые были его непосредственными начальниками.

Однако вряд ли справедливо мнение автора, будто эти главные смутьяны, выступая против Магеллана, стремились прежде всего к точному выполнению королевских инструкций.

Магеллан, не обнаружив пролива в сороковых широтах, принял решение идти дальше на юг, решение смелое и мудрое. Его противники, ссылаясь на тот пункт инструкций, в котором шла речь о поисках пролива на 40° ю. ш., заявили, что, следуя дальше к югу, Магеллан нарушает указания его величества, и предлагали возвратиться в Испанию, не предпринимая дальнейших поисков пролива. И только железная воля и неумолимая настойчивость Магеллана спасли экспедицию от позорного провала.

Зачинщики мятежа — Гаспар де Кесада и Хуан де Картахена — подобно большинству мореплавателей и конкистадоров XVI в. были способны и на героические подвиги, и на черную измену, да и у самого Эль-Кано отвага и мужество сочетались с расчетливостью торговца и с тщеславием хуторского гипускоанского идалго. Тут ни прибавить, ни убавить, и нет смысла вытравлять темные пятна в биографии этих типичных сыновей своего времени.

Магеллан нашел пролив, который напрасно искали все его предшественники, он провел через него свою флотилию, он совершил беспрецедентный переход через Тихий океан.

На острове Мактан, одном из бесчисленных островов Филиппинского архипелага, Магеллан погиб в стычке с местными обитателями. Обезглавленная экспедиция дошла, однако, до Молуккских островов, и на острове Тидоре, родине мускатных орехов, которые на вес золота ценились в Европе, начался второй, заключительный этап великого путешествия.

Капитан «Виктории» Хуан-Себастьян Эль-Кано совершил переход через два океана и завершил первое в истории кругосветное плавание.

Как ни велика заслуга Эль-Кано, который вел потрепанный бурями корабль через моря «ревуших» сороковых широт, наперед зная, что ему заказаны любые гавани, ибо на яванских, цейлонских и африканских берегах хозяйничали португальцы, все же по своему значению этот переход несравним с первым, дофилиппинским этапом кругосветного плавания.

Магеллан не только открыл сквозной проход в Тихий океан, но и провел свои корабли через это необъятное и совершенно неведомое водное пространство.

Эль-Кано шел от Тидоре к Санлукар-де-Баррамедра морским путем, уже освоенным португальцами. Мэйрин Митчелл сомневается: избрал ли бы, возвращаясь в Испанию, этот маршрут Магеллан? Она полагает, что Магеллан мог бы предпочесть переходу через Индийский и Атлантический океаны вторичное пересечение Тихого океана,

на этот раз не с востока на запад, а с запада на восток, и тогда земной шар не удалось бы обойти вокруг.

Бесполезно судить и гадать о возможных решениях человека, который погиб в канун свершения своих сокровенных замыслов. Но вряд ли, однако, Магеллан подобно капитану «Тринидада» Гонсало Гомесу де Эспиносе повел бы свои корабли на восток. Ведь именно Магеллан открыл, что в тропических широтах южной половины Тихого океана течения и стойкие южно-восточные пассаты благоприятны для плавания в западном направлении, но создают огромные сложности для продвижения на восток. Трудно согласиться и с основанным на «анкетных данных» заключением Мэйрин Митчелл (с. 179), будто Эль-Кано был «несравненно более умелым и опытным моряком, чем Магеллан». Митчелл полагает, что юность Магеллана прошла в «походах на суше», но ведь Магеллан с 1505 по 1513 г. участвовал во всех важнейших морских битвах, которые португальцы вели в индийских водах, и опыт вождения кораблей он приобрел в экспедициях, которыми руководили лучшие флотоводцы Португалии.

Истины ради Мэйрин Митчелл не стоило бы допускать подобные сопоставления, в которых и не нуждается главный герой ее книги.

Содержательное и правдивое описание плавания «Виктории» и главы, посвященные экспедиции Лоайсы, убедительно свидетельствуют, что Хуан-Себастьян Эль-Кано был одним из наиболее выдающихся мореплавателей века великих открытий.

Нельзя, кстати, не отметить, что «благодарный» король и его услужливые чиновники уже после смерти Эль-Кано сделали все возможное, чтобы предать забвению его имя и пустить по миру его родственников. Испанские власти аннулировали завещание Эль-Кано, лишили его престарелую мать наследства, оставленного ей сыном. Тяжба родичей Эль-Кано с испанской короной продолжалась сорок один год, и неизвестно, удалось ли наследнику великого мореплавателя получить то вознаграждение, которое причиталось Эль-Кано за его подвиги.

И в нашей и в зарубежной историко-географической литературе деятельность Эль-Кано до сих пор не получила должного отражения; книга Мэйрин Митчелл призвана восполнить этот существенный пробел.

Русский перевод книги сделан с некоторыми сокращениями. Морская терминология отредактирована С. И. Ушаковым.

ПРИМЕЧАНИЯ К КНИГЕ А. ПИГАФЕТТЫ
«ПУТЕШЕСТВИЕ МАГЕЛЛАНА»

Автор этого дневника Антонио Пигафетта родился в Виченце (Италия), как полагают, в 1480 г. С 1518 г. он состоял в свите папского нунция (посла) и апостолического протонотария (звание прелата, пользующегося особыми привилегиями) Франческо Кьерикати, когда этот последний, по поручению папы Льва X, отправился в Испанию с особой миссией к Карлу V. После двухмесячного пребывания в Сарагоссе посольство двинулось в Барселону, где Пигафетта получил сведения о подготавливаемой Магелланом экспедиции на Молуккские острова. Заручившись солидными рекомендациями, Пигафетта явился к Магеллану, и тот зачислил его в экипаж флагманского судна «Тринидад» в качестве сверхштатного (*sobresaliente*); он был занесен в списки под именем Антонио Ломбардо (из Ломбардии).

На всем протяжении путешествия Пигафетта вел тщательную запись всего виденного им и слышанного. В Испанию он вернулся на единственно уцелевшем корабле «Виктория».

В августе 1524 г. Пигафетта возбудил ходатайство о разрешении ему напечатать сообщение о совершенном путешествии. Как видно из записи некоего Марина Санудо, Пигафетте было предоставлено исключительное право на издание этой книги в течение двадцати лет. Однако до настоящего времени неизвестно, удалось ли Пигафетте эту книгу издать.

Конспект дневника Пигафетты сохранился в рукописи на итальянском языке, находящейся в библиотеке имени Амвросия в Милане. Для перевода на русский — пользовались текстом, изданным Андреа да Мосто:

Il primo viaggio intorno al globo di Antonio Pigafetta. Raccolta di documenti e studi pubblicati dalla R. Commissione Colombiana pel quattro centenario dalla scoperta dell'America, Roma, 1894.

Существует еще несколько рукописей дневника Пигафетты на французском языке; наиболее старинная относится ко 2-й половине XVI в.:

Premier voyage autour du monde, par le chevalier Pigafetta, sup l'Escadre de Magellan, pendant les annees 1519, 20, 21 et 22; suivi de l'extrait du Traite de Navigation du meme auteur. Она представляет собою краткое изложение содержания записей Пигафетты на итальянском языке. С этого издания и был сделан первый сокращенный перевод на русский язык, опубликованный в 1928 г. в серии «Открытия, путешествия, приключения» изд. Брокгауз — Ефрон: Антонио Пигафетта. Впервые вокруг света (Путешествие Магеллана). Перев. и примеч. Б. П. Дитмара.

При переводе и составлении примечаний были использованы помимо указанных выше также и следующие источники:

Magellan's voyage around the world, by Antonio Pigafetta. I—II, Cleveland, 1906.

Stanley, First voyage round the world, London, 1874.

Martin Fernandez de Navarrete, Coleccion de fijas y descubrimientos que hicieron por mar los espanoles desde fines del siglo XV. T. IV, Madrid, 1837.

Альбо, на которого имеются частые ссылки в примечаниях, был помощником штурмана на корабле «Тринидад» и вел записи в шканцевом журнале.

Антониу Бриту — португалец, в 1523 г. писал португальскому королю донесение на основании сведений, полученных им об остатках экипажа «Тринидад».

«Рутейру» (путеводитель), составленный неизвестным генуэзцем, одним из участников плавания.

¹ Филипп де Вилье Лиль Адан (1464—1534), сорок третий великий магистр ордена иоаннитов (после 1530 г. переименован в мальтийский орден).— 40.

² Испанский король Карл V (I) был избран императором Священной Римской империи только в июне 1519 г.— 40.

³ Франческо Кьерикати состоял на дипломатической службе у папы. В 1518 г. он был направлен с частным поручением папы в связи с замышлявшимся новым «крестовым походом» против турок, вторгнувшихся в это время в Египет. В его доме в Барселоне собирались испанские гуманисты.— 40.

⁴ В июле 1518 г. Магеллан был награжден Карлом V крестом рыцарского ордена Сантьяго.— 40.

⁵ Климент VII вступил на папский престол 19 октября 1523 г.— 41.

⁶ Эти канаты изготовлялись из испанской пеньки (esparto).— 41.

⁷ Груз состоял из вина, оливкового масла, уксуса, рыбы, свинины, фасоли и бобов, муки, сыра, меда, миндаля, анчоусов, винограда, чернослива, фиников, сахара, айвового варенья, каперсов, горчицы, говядины и риса.— 42.

⁸ Флот Магеллана состоял из пяти кораблей: «Тринидад» (Троица), водоизмещением 110 тонн, «Сан-Антонио» (Св. Антоний), водоизмещением 120 тонн, «Консепсьон» (Зачатие), водоизмещением 90 тонн, «Виктория» (Победа), водоизмещением 85 тонн, и «Сантьяго» (Св. Иаков), водоизмещением 75 тонн.

С точностью установить количественный состав всего отправившегося с Магелланом экипажа почти невозможно. Королевским указом от 5 мая 1519 г. максимальная численность экипажа была определена в 235 человек. Помимо 239 человек, числившихся в списках по каждому из кораблей, насчитывалось еще 26 человек, имена которых не были разнесены по корабельным спискам. Таким образом, всего по флотилии было 265 человек.

Ниже помещаем список капитанов и офицеров флота, поскольку многие из них упоминаются в записях Пигафетты:

«ТРИНИДАД»

1) Главный капитан флота Фернан ди Магальянш (Магеллан), португалец.

2) Кормчий его высочества (т. е. назначенный личным приказом короля) Иштеван Гомиш, португалец.

3) Нотариус Леон де Эсплета.

4) Штурман Хуан Баутиста де Пунсороль.

5) Альгусил Гонсало Гомес де Эспиноса.

6) Помощник штурмана Франсиско Альбо.

7) Врач Хуан де Моралес.

На флагманском корабле в числе «сверхштатных» или резерва (*sobresalientes*) находились также Антонио Ломбардо, который, как полагают, и есть Антонио Пигафетта (родом из Ломбардии), Дуарте Барбоза и Альваро де Мескита.

«САН-АНТОНИО»

1) Капитан и инспектор флота Хуан де Картахена.

2) Счетовод Антонио де Кока.

3) Нотариус Херонимо Герра.

4) Кормчий его высочества Андрес де Сан Мартин.

5) Кормчий его высочества Хуан Родригес де Мафра.

6) Штурман Хуан де Алоррьяга.

7) Боцман Диего Эрнандес.

«КОНСЕПСЬОН»

1) Капитан Гаспар де Кесада.

2) Нотариус Санчо де Эредья.

- 3) Кормчий его высочества Жуан Лопиш Карвалью.
- 4) Штурман Хуан-Себастьян де Элькано (Эль-Кано).
- 5) Боцман Жуан ди Акуриу.

«ВИКТОРИЯ»

- 1) Капитан корабля и казначей флота Луис де Мендоса.
- 2) Кормчий его высочества Вашку Галлегу.
- 3) Нотариус Мартин Мендес.
- 4) Штурман Антон Соломон, сицилиец.
- 5) Боцман Мигель де Родас.
- 6) Альгуасил Дьего де Перальта.

«САНТЬЯГО»

- 1) Капитан и кормчий его высочества Жуан Серран.
- 2) Нотариус Антонио де Коста.
- 3) Штурман Бальтасар Генуэзец.
- 4) Боцман Бартоломе Приор.

В состав экипажей входили: 1) командиры, 2) коронные должностные лица и священники, 3) младшие командиры, к числу которых относились корабельные плотники, боцманы, конопатчики, бондари и бомбардиры, 4) матросы *mañeros* — матросы первой статьи и *grumetes* — палубные матросы и юнги, 5) сверхштатные — *sobresalientes* — люди, не имевшие определенных обязанностей на кораблях, и солдаты (к числу запасных относится и Антонио Пигафетта), 6) слуги командиров и должностных лиц.

По своему национальному составу экипаж был весьма пестрым. В его составе находилось: 37 португальцев, 30 или больше итальянцев, 19 французов, не считая испанцев, фламандцев, немцев, сицилийцев, англичан, малайцев, негров, мавров, уроженцев Мадейры, Азорских и Канарских островов. — 42.

⁹ Испанцы и португальцы называли всех мусульман маврами. — 42.

¹⁰ Ныне Санлукар-де-Баррамеда. — 43.

¹¹ Лига — испанская мера длины, равная примерно 6 км. — 43.

¹² Эта легенда основана на рассказе Плиния. В ее основе лежит тот факт, что растущие на Мадейре и Канарских островах лавр и другие многолистные вечнозеленые деревья и кустарники собирают в листьях влагу из туманов в продолжение дня. — 43.

¹³ По мнению древних, в жарком поясе не бывает вовсе дождей, вследствие чего они считали его необитаемым. — 43.

¹⁴ Огни св. Эльма (св. Петра, св. Николая, св. Клары и т. п.) — народное название атмосферного электричества, скапливающегося в форме звезды или кисти на вершинах мачт и на снастях. Они иногда сопровождаются свистом и считаются моряками хорошим знаменем. Явление это когда-то носило название «святого тела» (*Sogrus Sanctum*). — 44.

¹⁵ Птица носит у моряков название «боцман» или «охотник за пометом». Название принималось одно время даже учеными и основано на предположении, что эта птица будто бы питается пометом чаек или морских ласточек. В действительности же она заставляя преследуемых ею птиц извергнуть проглоченную ими рыбу. — 44.

¹⁶ Бразилия. — 44.

¹⁷ Альбо в своем шанцевом журнале отмечает, что это были ламы, похожие на безгорбого верблюда. — 44.

¹⁸ Альбо отмечает, что флот шел вдоль побережья от 29 ноября вплоть до вступления в бухту Санта-Люсия (13 декабря). Берег он описывает так: «Тут горы с острыми вершинами и много рифов вокруг. В указанной стране Верзин

находится много рек и гаваней, а на расстоянии 6 лиг южнее — много бухт, врезающихся в сушу на пространстве 2 лиг. Берег тянется на северо-восток и юго-запад до мыса Фрио, и тут встречается много островов и рек... Внутри эта бухта очень широкая с большим числом гаваней... Она носит название бухты Санта-Люсия... Мы вступили в эту бухту как раз в день св. Люсии и стояли там до дня св. Иоанна, т. е. до 27 декабря. В этот день мы отплыли и взяли курс на запад-юго-запад и встретили множество островов. На востоке от них находится бухта, названная бухтой Королей, с очень удобным входом».

Бриту передает в своем послании португальскому королю: «Отплыв оттуда [из Генерифе], первое, что они увидели, был мыс Амбасских мелей. Они спустились вниз по побережью до реки Жанейру, где простояли 15—16 дней».— 45.

¹⁹ Описанные Пигафеттой индейцы, вероятно, из племени тупи.— 45.

²⁰ Каваджо — это Жуан Карвалью.— 46.

²¹ Пигафетта говорит о хлебе, изготовляемом из корней кассавы, или маниоки.— 46.

²² Это свинья, щетина которой похожа на щетину дикобраза и обычно беловатого цвета. Она бесхвоста, свирепа и не поддается приручению.— 46.

²³ Розовая коллица.— 46.

²⁴ Залив Ла-Плата. Магеллан покинул Рио-де-Жанейро 26 декабря и двинулся дальше к мысу Санта-Мария, к реке, которая получила название реки Су. Христовора. Альбо также упоминает реку, которую называет рекою Солиса. Отправленные по реке суда для нахождения пролива пробыли в пути два дня, в продолжение которых тщательно обследовали устье реки. Бриту в своем донесении пишет: «Они покинули это место [Рио-де-Жанейро] и двинулись вдоль побережья, пока не достигли реки Солис, где Фернан Магальянш думал найти пролив. Они пробыли там сорок дней. Магальянш распорядился, чтобы корабль «Сантьяго» прошел около 50 лиг в поисках какого-нибудь прохода. Не найдя его, он пересек реку, имеющую в ширину 25 лиг, и убедился в том, что [противоположный] берег тянется на северо-восток и юго-запад».— 47.

²⁵ Хуан Диас де Солис (1470—1516) — известный испанский мореплаватель. После смерти Америго Веспуччи в 1512 г. получил звание главного кормчего Испании. В октябре 1515 г. стал во главе экспедиции, отправленной для поисков юго-западного прохода в Индию. Он открыл залив Ла-Плата, устья рек Парана и Уругвай. Он и несколько его спутников были убиты в августе — сентябре 1516 г.— 47.

²⁶ Бухта Сан-Хулиан. «Этот порт, — записывает Альбо, — лежит на широте 49²/₃. Мы конопатили корабли в этом порту».— 48.

²⁷ Гуанако — парнокопытное животное рода лам.— 48.

²⁸ Отсюда и название «патагонцев», т. е. «людей с огромными ногами», данное им Магелланом по причине неуклюжего вида их ног, обернутых в солому для защиты от холода.— 48.

²⁹ Как известно, Калибан в «Буре» Шекспира также взывает к Сетевосу, что свидетельствует о знакомстве Шекспира с работами, в которых описывались патагонцы.— 50.

³⁰ Подобный способ ношения волос практиковался у племени тупи.— 51.

³¹ Наваррете, на основании ряда современных документов, приводимых им в своем «Сборнике», рисует следующую картину мятежа:

«31 марта, в канун Вербоного воскресенья, Магеллан вступил в порт Сан-Хулиан, в котором намеревался перезимовать, в связи с чем распорядился о сокращении рационов. По этой причине, а также потому, что стояли холода и страна была почти безлюдная, люди из экипажа начали убеждать Магеллана либо увеличить рационы, либо вернуться домой, тем более что не оставалось

никакой надежды на отыскание края этой страны или какого-нибудь пролива. Но Магеллан отвечал на это, что либо он погибнет, либо выполнит свой обет; что путешествие, которое надлежит ему совершить, он совершает по королевскому повелению; что он будет плыть до тех пор, пока не отыщет страны или какого-нибудь пролива, который непременно должен существовать; а что касается продовольствия, то им не на что жаловаться: ведь в этой бухте обилие вкусной рыбы, пресной воды, птиц и топлива, в хлебе и вине недостатка у них нет и хватит надолго, если только они будут соблюдать меру в потреблении. В числе других доводов он увещевал и убеждал их не утрачивать доблестного духа, который кастильцы обнаруживали и продолжают обнаруживать повседневно в предприятнях еще более значительных. Наряду с этим он обещал им королевские награды.

1 апреля, в Вербное воскресенье, Магеллан пригласил всех капитанов, помощников их и пилотов отслужить на берегу мессу, после чего пообедать у него на корабле. Альваро де Мескита, Антонио де Кока и все остальные съехали на берег. Но не сошли на берег Луис де Мендоса, Гаспар де Кесада и Хуан де Картахена (последний находился под арестом и наблюдением Кесада).

В эту ночь Гаспар де Кесада и Хуан де Картахена явились вместе с 30 вооруженными с корабля «Концепсьон» на корабль «Сан-Антонио», и Кесада потребовал, чтобы капитан, Альваро де Мескита, покорился ему. Он велел матросам схватить его, как они уже это сделали на «Концепсьоне» и «Виктории». Он сказал, что им уже известно, как с ними обращаться и обращается Магеллан только за то, что они потребовали от него выполнения королевских приказов. Они сказали еще, что все они погибшие люди и что должно еще раз предъявить Магеллану требования, а в случае если он откажется выполнить их, надо будет его арестовать. Штурман «Сан-Антонио», Хуан де Элорьяга, выступил в защиту своего капитана, а Альваро де Мескита, обращаясь к Гаспару де Кесада, заявил: «Я прошу вас именем Господа Бога и короля нашего дон Карлоса отправиться на свой корабль, теперь не время ходить по кораблям в сопровождении вооруженных людей. Равным образом прошу вас освободить нашего капитана». На это Кесада ответил: «Разве мы откажемся от исполнения нашего долга по милости этого сумасшедшего?» — и с этими словами нанес ему четыре удара обнаженным кинжалом в руку, чем навел большой страх на присутствующих. Мескита был арестован, Картахена отправился на корабль «Концепсьон», а Кесада остался на «Сан-Антонио». Таким образом Кесада, Картахена и Мендоса стали хозяевами на кораблях «Сан-Антонио», «Концепсьон» и «Виктория».

После этого они послали сообщить Магеллану, что в их распоряжении находятся три корабля и малые суда всех пяти кораблей, и потребовали от него исполнения королевских приказов. Они поступили так, объясняли они, дабы в дальнейшем он не мог так дурно обращаться с ними, как раньше. Если он обещает исполнять королевские постановления, они будут подчиняться его руководству, при этом прибавили, что, если до сей поры они относились к нему как к старшему, отныне они будут относиться к нему, как к своему господину, и будут оказывать ему еще большее уважение.

Магеллан послал им сказать, чтобы они прибыли к нему на корабль, где ему удобнее будет выслушать их и сделать все возможное. В ответ они заявили, что не осмеливаются явиться к нему, раз он дурно к ним относится, но предлагают ему прийти на «Сан-Антонио», где все они посоветуются вместе насчет того, о чем гласят королевские приказы.

Магеллан решил, что смелость и решительность в подобных случаях более эффективны, чем мягкость, и решил применить силу и хитрость

одновременно. Он взял на свой корабль лодку, которая служила для переговоров «Сан-Антонио», и велел алгусилу Гонсало Гомесу де Эспиносе скрытым образом отправиться на ялике к кораблю «Виктория», взяв с собою шесть вооруженных людей и письмо к казначею Луису де Мендосе, в котором просил его явиться на флагманский корабль. Пока казначей читал, улыбаясь, это письмо, как будто бы думая при этом: «Этим вы меня не возьмете», Эспиноса вонзил ему кинжал в горло, и в это же время другой матрос ударил его в голову, так что он тут же упал замертво. Магеллан, будучи человеком дальновидным, послал лодку с 15 вооруженными людьми под начальством Дуарте Барбоза, резервиста с корабля «Тринидад», и тот, вступив на борт «Виктории», поднял паруса, причем ему не было оказано никакого сопротивления. Это случилось 2 апреля. «Виктория» подошла ближе к флагманскому кораблю, и оба корабля вместе тотчас же подошли к «Сантьяго».

На следующий день Кесада и Картахена попытались выступить на кораблях «Сан-Антонио» и «Концепсьон» в море, но им надо было пройти мимо флагманского корабля, который стоял у выхода. На «Сан-Антонио» подняли два якоря, но так как один якорь был ненадежный, то Кесада решил освободить Альваро де Мескиту, который содержался под арестом на его корабле, и отправить его к Магеллану на предмет ведения мирных переговоров. Мескита, однако, заявил, что из этого ничего путного не выйдет. Наконец они порешили на том, что, когда они двинутся в путь, Мескита выступит вперед, когда они будут проходить поблизости от флагманского корабля, и попросит Магеллана не стрелять и заявит ему, что они намерены остановиться, в случае если переговоры дадут благоприятные результаты.

Не успели поднять паруса на «Сан-Антонио» (была ночь, и весь экипаж спал), как корабль сорвался с якоря и столкнулся носом к носу с флагманским кораблем. С последнего дали несколько выстрелов из пушек и ружей, и матросы повыскачили на палубу, крича: «Вы за кого?», и в ответ им кричали с «Сан-Антонио»: «За короля нашего суверена и за вашу милость» — и сдались Магеллану. Последний велел арестовать Кесаду, счетовода Антонио де Кока и других резервистов, которые перешли к Кесаде на «Сан-Антонио». После этого он послал на «Концепсьон» за Хуаном де Картахена и арестовал его вместе с другими.

На следующий день Магеллан приказал перенести тело Мендосы на берег и четвертовать его, объявляя при этом, что он — предатель. Затем он велел казнить Гаспара де Кесада путем отсечения головы и четвертования с объявлением о нем того же. Казнь эта была выполнена его приверженцем и резервистом Луисом де Молино, который таким образом спас себя самого от повешения, ибо такой приговор уже был над ним произнесен. Магеллан приговорил также Хуана де Картахена и священника Педро Санчеса де ла Рейна, возбуждавшего матросов к мятежу, к оставлению в этой стране. Он простил более 40 человек, которые заслуживали смерти, так как они нужны были для судовых работ, а равно не желая возбуждать недовольства суровыми наказаниями. — 52.

³² «После этого, — отмечает Бриту, — они зимовали там три месяца. Магеллан приказал «Сантьяго» отправиться в дальнейшие поиски. Корабль потерпел крушение, но вся команда спаслась». — 52.

³³ Альбо отмечает в шанцевом журнале: «Мы покинули это место [порт Сан-Хулиан] 24-го этого месяца [августа] и шли вдоль берега между юго-западом и западом. Пройдя 30 лиг, мы нашли реку, названную Санта-Крус, в которую вступили 26-го того же месяца. Мы стояли там до дня св. Луки, то есть до 18 октября. Мы наловили там много рыбы, запаслись топливом и водой. Берег этот тянется между северо-западом и югом и юго-западом и западом. Это превосходный берег с прекрасными выемками».

Наваррете пишет, что Магеллан дал здесь соответствующие распоряжения своим капитанам, «заявив им, что он будет следовать этими берегами, пока не найдет пролива или не достигнет края этого континента, хотя бы ему даже пришлось дойти до широты в 75°, и что после этого он отправился на поиски Молукки на восток и восток-северо-восток по курсу мыс Доброй Надежды и остров Св. Лаврентия». — 53.

³⁴ Это место во французской рукописи изложено так: «Упомянутый пролив представляет собою сферическую площадь, окруженную горами, и большинство моряков считало, что оттуда нет никакого выхода в упомянутое Тихое море. Но капитан-генерал объявил, что тут существует другой пролив, который отсюда выходит, и что он это знает хорошо, так как видел его на морской карте у короля португальского. Эта карта была составлена знаменитым моряком и кормчим по имени Мартин де Беме. Капитан отправил вперед два корабля, «Сан-Антонио» и «Консепсьон», с целью исследования и открытия выхода из упомянутого пролива, который был назван мысом Байя».

Мартин де Бегайм (1459—1506) был торговцем сукнами во Фландрии в 1477—1479 гг., после чего прибыл в Лиссабон, где познакомился с Колумбом. В 1484 г. он участвовал в должности картографа в экспедиции Диего Кама в Западную Африку. Побывав после этого на Азорских островах, вернулся в 1491 г. в Германию, где по заказу своих сограждан построил огромный глобус, основанный на данных Птолемея, Страбона и др. В 1493 г. вернулся в Лиссабон. Вокруг его имени создано много легенд. Говорили, будто он был в Америке до Колумба и открыл Магелланов пролив до Магеллана. — 53.

³⁵ Вероятно, бухта Ломас. — 53.

³⁶ Стефан Гомес (правильнее Иштеван Гомиш) был опытным португальским мореплавателем и пилотом не менее честолюбивым, чем его родственник Магеллан. Его дезертирство с флота имело место в первой половине ноября, и причину этого следует, вероятно, искать в том, что Магеллан относился к нему не с той почтительностью, которой он добивался. Вместе с Херонимо Герра, нотариусом, который был избран капитаном «Сан-Антонио», он участвовал в заговоре и после ареста Альваро де Мескита вернулся в Испанию, став на якорь в Севилье 6 мая 1521 г. Там он был подвергнут тюремному заключению после возвращения «Виктории», но был выпущен на свободу. — 54.

³⁷ Мыс Пилар. — 54.

³⁸ Жуан Серран — брат близкого друга Магеллана Франсишку Серрана и стойкий защитник великого мореплавателя. Пигафетта ошибочно называет его испанцем, хотя, быть может, он и натурализовался в Испании, так как в списках числится уроженцем Севильи.

Он был опытным мореплавателем и капитаном и служил под командованием Васко де Гама, Алмейды и Албукерки. Во второе свое плавание (1502—1503) Васко да Гама назначил его капитаном корабля «Помпоза», построенного в Мозамбике, где он налаживал португальские дела. Во время этого путешествия он впервые увидел побережье Бразилии, так как флот Васко да Гама прежде, чем обогнуть мыс Доброй Надежды, направился к бразильскому побережью, вдоль которого они шли вплоть до мыса Св. Августина. Он отправился с Магелланом в качестве капитана и кормчего «Сантьяго», но после крушения этого корабля получил командование кораблем «Консепсьон», на котором он потом исследовал пролив. После смерти Магеллана он стал вместе с Дуарте Барбоза во главе его флота и был убит на острове Себу (см. примеч. 72 к «Путешествию Магеллана»). — 54.

³⁹ Остров Св. Магдалины. — 55.

⁴⁰ Один из Карловых островов. — 55.

⁴¹ В Патагонии растут разнообразные виды сельдерея и ценятся там очень высоко. — 55.

⁴² Наваррете приводит из записей одного из современников фразу Магеллана, которую он произнес на совещании, созданном для решения вопроса о дальнейшем курсе. Он заявил, что хотя бы ему пришлось питаться коровьей кожей с нока, он будет продолжать открытия, раз он обещал это императору.— 56.

⁴³ Это была цинга. Наваррете, основываясь на сохранившемся в Главном архиве Индий документе, пишет, что от цинги только по пути от пролива до Разбойничьих (Марианских) островов умерло 11 человек.— 56.

⁴⁴ Эти два острова были, вероятно, Пука-пука (остров Гонден) из группы Туамоту, расположенной под 14°45' ю. ш. и 138°48' з. д., и остров Флинт из группы Манихики, расположенной под 11°20' ю. ш. и 151°48' з. д.— 56.

⁴⁵ Магеллановы облачности и созвездие Южного Креста.— 57.

⁴⁶ Сипангу—это Япония, а Сумбдит-Прадит, возможно, Антильский остров. В Европе впервые узнали о Японии в конце XIII в. через Марко Поло, которому в Китае рассказывали баснословные легенды о богатствах Сипангу.— 57.

⁴⁷ Первый остров, открытый ими здесь, был Гуам.— 58.

⁴⁸ Так называл бананы А. Пигафетта.— 59.

⁴⁹ Небольшие быстроходные лодки на веслах, которыми пользовались в венецианских озерах во время охоты.— 59.

⁵⁰ Сулуан — небольшой остров к юго-востоку от Самара. Население его принадлежит к племени висайя.— 61.

⁵¹ Этот остров теперь называется Хомонхон. Он расположен юго-восточнее ближайшей оконечности Самара.— 61.

⁵² Архипелаг назывался также «Безопасной долиной». Название Филиппин было присвоено этому архипелагу лишь в 1542 г. Вильяловосом.— 61.

⁵³ Возможно, что это птица джунглей, которая в больших количествах приручается на Филиппинах для скрещивания с домашней птицей.— 61.

⁵⁴ Нет возможности определить с точностью названия и местоположение этих островов.— 62.

⁵⁵ Раб-голмач Энрике де Малака.— 62.

⁵⁶ Остров Суматра.— 62.

⁵⁷ Церемония кровного побратимства. «Каси-каси» — значит «задушевные друзья». Обычай кровного побратимства был широко распространен среди индейских племен.— 63.

⁵⁸ Компас в несовершенной форме был известен китайцам еще до нашей эры и впервые вошел в практику мореплавания в III или IV в. до н. э., может быть и ранее. В Европе он был введен, вероятно, арабами, которые узнали о нем от китайцев. Впервые в европейской литературе он упоминается в XII в. в книге Александра Неккама «De utensilibus».— 64.

⁵⁹ Острова Лейте, Себу и Минданао.— 67.

⁶⁰ Кваттрино — итальянская медная монета.— 68.

⁶¹ Допьоне — золотая монета, чеканившаяся Людовиком XII во время осады им Милана (1500—1512).— 68.

⁶² Возможно, название монеты того же периода.— 68.

⁶³ Бетель.— 68.

⁶⁴ Острова: Лейте, Бохоль, Канигао, северная часть Дайте и, возможно, Апит или Гимукитан.

Альбо рассказывает: «Мы оставили Масаву и направились на север к острову Сейлон, потом прошли вдоль берегов этого острова на северо-восток расстояние в 10 лиг. Там мы увидели три скалистых острова и, повернув назад и пройдя около 10 лиг, наткнулись на два островка. Мы постояли там ночь, а утром прошли на юго-юго-запад около 12 лиг 10 1/2 градусов. В этом пункте мы вступили в канал между двумя островами, один из которых называется

Мактан, а другой — Субу. Субу, равно как острова Масавы и Сулуан, тянутся между севером и востоком и между югом и западом. Между Субу и Сейлани мы заметили весьма возвышенную область на северной стороне под названием Байбай. Говорили, что на ней находятся огромные количества золота и что она весьма богата продовольствием и столь обширна, что конца-краю ей нет. От Масавы, Сейлани и Субу по пути на юг море изобиловало мелями, и по этой причине каноз, бывшее нашим проводником, отказалось от дальнейшего следования. От устья канала Субу и Мактана мы повернули на запад и достигли города Субу. Тут мы бросили якорь и стали на отдых, а жители дали нам рису, проса и мяса. Мы стояли тут долгое время». — 69.

⁶⁵ Острова Камотес: Поро, Пасихаян и Пансон. — 69.

⁶⁶ Моллюск, водится на Филиппинах, его раковина употребляется для хранения ладана или в качестве сосуда для питья. Внутри она белая, меж тем как ее внешняя сторона вся в пятнах бледно-желтого цвета. Она походит на перламутр, но имеет гораздо большее распространение. — 75.

⁶⁷ Во французской рукописи это место гласит так: «Капитан-генерал отказывался брать слишком большое количество золота, дабы матросы не продавали свою долю слишком дешево, поскольку они были алчны к золоту, и дабы вследствие этого он не был сам вынужден поступать точно так же и со своими товарами; он хотел продать их по возможно более высокой цене». — 75.

⁶⁸ Магеллан клялся своей одеждой, то есть платьем особой формы, присвоенной членом ордена Сантьяго. — 78.

⁶⁹ Один из современников Магеллана датирует бой 28 апреля, его рассказ таков:

«Фернандо Магеллан добивался того, чтобы и другие властители, соседи этого, покорились этому властителю, ставшему христианином, они же отказывались подчиниться ему. Ввиду этого Фернандо Магеллан выступил однажды ночью на своих шлюпках и предал огню поселения тех, что отказывались подчиниться. Спустя 10—12 дней после этого он приказал поселению, находившемуся на расстоянии полулиги от сожженного им поселения и называвшемуся Мактан, также расположенному на острове, прислать ему трех коз, трех свиней, три меры риса и три меры проса. В ответ они заявили, что вместо потребованных им трех штук каждого предмета они готовы дать ему две и, что, если он согласен на это, они тотчас же исполнят все, если же нет, то как ему будет угодно, они же больше ничего не дадут. Ввиду того, что они отказывались дать ему то, что он требовал от них, Фернандо Магеллан дал распоряжение укомплектовать три лодки экипажем в 50—60 человек и выступил против этого селения 28 апреля утром. Их встретило множество людей, около трех-четырёх тысяч человек, которые бились с таким упорством, что Фернандо Магеллан и шесть человек, бывших с ним, были убиты в 1521 г. — 84.

⁷⁰ Дуарте Барбоза родился в Лиссабоне в конце XV в. Годы 1501—1516 он провел на Востоке, в результате чего написал «Книгу, в коей сообщается о том, что я видел и слышал на Востоке», впервые опубликованную в 1813 г. в Лиссабоне; он был служащим на фактории в Кананоре у своего дяди Жила Фернандиша Барбозы и так хорошо изучил малабарское наречие, что говорили, будто он изъяснялся на нем даже лучше, чем туземцы. По этой причине ему было поручено Нуно да Кунья вести мирные переговоры с Саморином. В 1515 г. ему дано было поручение Албукерки проверить работы по постройке нескольких галеонов. В бытность свою в Севилье Магеллан жил в доме отца Дуарте, Диогу Барбозы, где он женился на его сестре, Беатриж. Дуарте отправился на корабле «Тринидад» в качестве резервиста (Sobresaliente). В порту Сан-Хулиан отобрал корабль «Виктория» у мятежников. Он был убит в Себу на роковом пиру 1 мая 1521 г. Помимо

вышеупомянутой книги ему принадлежит еще письмо, написанное им из Кананора 12 января 1513 г., в котором он жалуется на эксцессы португальцев.— 84.

⁷¹ Магеллан женился на Беатриж Барбоза, вероятно, в 1517 г. Он имел от нее сына Родригу, которому было шесть месяцев от роду ко времени отъезда Магеллана. Родригу умер в сентябре 1521 г., а в марте следующего года умерла его мать.— 84.

⁷² Бриту описывает следующим образом смерть Жуана Серрана:

«Как только с кораблей заметили избиение, они немедленно подняли якоря и попытались взять курс на Борнео. Тогда дикари вытащили Жуана Серрана, одного из тех, за которых они собирались требовать выкуп, и потребовали за него два ружья и два бахара меди, помимо полотна, которое находилось на корабле как товар для мены. Серран попросил их доставить его на корабль и обещал там дать им все, что они требуют, но они, напротив, настаивали на том, чтобы эти предметы были вынесены на берег. Но (люди на корабле), боясь еще одного такого же акта предательства, как происшедший, подняли паруса и покинули там этого человека, и больше о нем ничего не было слышно».— 85.

⁷³ «Рутейру» пишет, что на место убитого в Себу были избраны два капитана: «Жуан Лопиш [Карвалью], который был главным казначеем, «главным капитаном флота», и главного альгусила по имени Гонсало де Эспиноса — «капитаном одного из кораблей». Пигафетта вовсе не упоминает имени Эль-Кано, который привел «Викторию» в Европу. Оба вышеупомянутых капитана оставались на «Консепсьоне». Когда этот корабль был сожжен, на оставшихся двух кораблях было всего лишь 115 человек.— 85.

⁷⁴ Остров Панглао.— 85.

⁷⁵ Порт Кипит расположен на северо-восточном берегу Минданао.— 87.

⁷⁶ Первое европейское упоминание об острове Лусон.— 87.

⁷⁷ Пигафетта путает леки с китайцами, которые на протяжении многих лет вели торговлю с Филиппинами и которые одно время владели ими.— 87.

⁷⁸ Остров Кагайян-Сулу, расположенный к северо-востоку от Калимантана (Борнео).— 87.

⁷⁹ «Рутейру» дает более подробное описание событий в Палаване.

«Первое поселение, около которого они попытались высадиться, отнеслось к ним враждебно, ввиду чего они решили отправиться к другому острову, но встречные ветры заставили их стать на якорь вблизи Палавана. Тут они были приглашены на берег жителями другого поселения. Один из солдат, Жуан ди Кампуш, сошел один на берег, чтобы запастись провизией. Он был радушно встречен в этом порту, называемом Дигуасам, и население направлялось собирать продовольствие для чужестранцев. В другом селении, с начальником которого Карвалью вступил в мирные отношения, закупили рис, коз и свиней. В этом поселении они встретили негра, говорящего по-португальски, который был окрещен в Борнео. Он обещал проводить их до Молуккских [островов], но в самый последний момент не явился. Они захватили пирогу с тремя «маврами» поблизости от первого поселения и были доведены до Борнео».— 88.

⁸⁰ От испанского «almadia», нечто вроде каноэ, которым пользуются жители восточной Индии, также и лодка, которой пользовались португальцы и их рабы в Восточных Индиях. Она состоит из выдолбленного ствола, хотя и разнообразной формы.— 88.

⁸¹ Пигафетта преувеличивает численность жителей. Он, вероятно, получил эти сведения из вторых рук.— 91.

⁸² «Cheritatus» — «писатели повествований»; «juruulis» — «приверженцы письма».— 91.

⁸³ Мелкая медная, бронзовая, оловянная и цинковая монета, обращающаяся на восточных островах, называется «richis» или «pitis», название древней яванской монеты, — теперь нарицательное название для денег вообще. Китайская монета была в прежнее время в общем употреблении на всех южных островах восточных архипелагов. — 93.

⁸⁴ Китайская монета кэт, или кэтти. — 93.

⁸⁵ «Бахар» в итальянской рукописи; во французской называется «бочки» или «бочонок». «Anime» (смола), вероятно, один из многочисленных видов резины, добываемой из различных деревьев на Филиппинах. — 93.

⁸⁶ Пигафетта, не будучи испанцем и португальцем, обнаруживает недостаточное знакомство с мусульманскими религиозными предписаниями. Нет, однако, никакого сомнения в том, что эти предписания сильно видоизменились на Калимантане (Борнео). — 94.

⁸⁷ Камфорное дерево растет в пределах небольших пространств на Суматре и Калимантане, где находится в изобилии. Масло (как в жидком, так и в твердом виде) находится в древесине дерева, но не в каждом. Малайское название камфоры — несколько измененное санскритское «капура». — 94.

⁸⁸ Вероятно, Бангей или один из соседних островков между Калимантаном и Палаваном. В «Рутейру» он носит название «Св. Марии Августовской», так как был достигнут 15 августа в день Богородицы Августовской. — 94.

⁸⁹ Живые листья — это насекомые рода *Phyllium*. Они известны как бродячие листья, так как внешним видом напоминают листья. — 95.

⁹⁰ Дата отбытия 27 сентября 1521 г. В этом месте Жуан Карвалью был отстранен от главного командования из-за крутых мер и несоблюдения королевских приказов и занял старое место главного кормчего. На его место был избран Эспиноса, а Эль-Кано стал капитаном «Виктории». — 95.

⁹¹ Холо и Басилан. — 95.

⁹² Кавит — мыс и бухта на западном побережье Самбоанга в Минданао. Субанин представляет собой часть Самбоанга. Остров Монорипа, вероятно, остров Самаль, расположенный на юго-западной оконечности области Самбоанга. — 96.

⁹³ В других сочинениях современников она называется «buiguiday» или «biguday». — 96.

⁹⁴ Альбо называет эти два острова Сибуко и Вирано-Батолаке, первый из которых, вероятно, Сибаго, а второй — часть южной окраины Минданао. — 96.

⁹⁵ Острова Сарангани и Балут, как раз южнее самой южной оконечности Минданао. — 96.

⁹⁶ Эти острова принадлежат к группе Кавио (южнее Минданао). Кавалусао, возможно, остров Кавалусу, а Липан, вероятно, Липанг. — 97.

⁹⁷ Из числа этих островов: Кеама — это Кима, Каракита — Каракитанг, Пара сохраняет свое название и ныне, Сангалура — это Сангалонг, или Сангалуан; Сиау — это Сиао, или Сиан; Пагинсара, вероятно, Тагуланда. — 97.

⁹⁸ Альбо излагает следующим образом события, происшедшие за время, протекшее с того дня, как корабли покинули Борнео, до прибытия их к Молуккским островам:

«Мы оставили Борнео и возвратились тем же путем, которым пришли сюда, и соответственно с этим миновали канал между оконечностью острова Борнео и Полуаном. Повернув на запад [?], мы направились к острову Кагайян и таким образом тем же путем направились на поиски острова Кипит на юге. На этом пути между Кипитом и Кагайяном мы обнаружили на южной стороне остров по названию Соло, где находят много очень больших жемчужин. Говорили, что властитель этого острова обладает жемчужиной величиною в яйцо. Остров лежит под 6° широты. На этом пути мы прошли мимо трех небольших островков к югу и юго-западу от Соло. Ташма лежит под 6⁵/₆°

и расположена напротив мыса Кипит. Между этими двумя островами находится множество островков. Упомянутый мыс лежит под $7\frac{1}{4}^{\circ}$ и тянется на юго-восток и западо-северо-запад к Полуану.

После этого мы пошли вдоль побережья Кипита по направлению к югу. Повернув на восток, мы направились к нескольким скалистым островкам. На побережье расположено было много поселений, и там, где растет в изобилии превосходная корица, мы накупили ее немало. На этом побережье много и имбиря. После этого мы направились на северо-запад, заметили залив и повернули на юго-восток, пока не увидели большой остров. Тут раскинулось большое поселение, которое тянулось от этого места до южной оконечности острова Кипит и находилось на оконечности этого острова. Здесь в большой реке находится огромное количество золота. Эта оконечность лежит на $91\frac{1}{2}^{\circ}$ от меридиана.

Мы оставили Кипит, направляясь на Молукку, и, повернув на юго-запад, встретили остров Сибуко. После этого мы повернули на юго-восток, где увидели другой остров, Вирано Батолаке, затем продолжали путь до оконечности этого острова. Затем мы увидели еще один остров, Кандикар, и направились к югу между этими двумя островами, пока не достигли пункта несколько подале, и тут мы вступили в канал между Кандикаром и другим островом, по названию Сарангани. Мы бросили якорь у этого последнего и взяли тут лоцмана на Молукку. Эти два острова лежат на $4\frac{2}{3}^{\circ}$, меж тем как Кипит лежит на $7\frac{1}{4}^{\circ}$, оконечность Сибуко на 6° южной широты и оконечность Вирано Батолаке — на 5° . Начиная от оконечностей Кипита и Кандикара, курс лежит между северо-северо-востоком и юго-юго-востоком, и на этом пути не встречается ни одного мыса.

Мы оставили Сарангани и направились между югом и востоком, пока не достигли правой стороны острова Сангин. Между этими двумя островами расположено по направлению к западу большое число островков. Сангин лежит на $3\frac{2}{3}^{\circ}$.

Из Сангина мы направились между югом и востоком к острову Сиан. Между этими двумя островами расположено множество скалистых островков. Сиан лежит на 3° точно.

Мы направились между югом и западом к острову Пагинсара, который лежит на $10\frac{1}{6}^{\circ}$. Путь от этого острова до Сарангани лежит между севером и западом и между югом и западом, и все эти острова обследованы.

От Пагинсара мы направились по курсу между югом и востоком, пока не достигли пункта посередине двух островков, расположенных к северо-востоку и юго-западу один от другого. Тот, что в северо-западном направлении, называется Суар, другой — Меан. Первый лежит на $1^{\circ}45'$, а другой — на $1\frac{1}{2}^{\circ}$.

От Меана мы пошли на юго-юго-восток, пока не увидели острова Молукка. Тогда мы повернули на восток и вступили в канал между Маре и Тидоре, где и стали на якорь. Тут нас встретили с величайшим радушием, и между нами установились прочные мирные отношения. Мы построили на берегу дом для торговли с местными жителями и простояли тут много дней, пока грузились кораблями».

«Рутейру» сообщает, что после того, как покинули Борнео, захвачен был в плен экипаж одной джонки, грузенной кокосовыми орехами, и вскоре после этого корабли стали на починку в порте Св. Марии Августовской. Направившись на юго-запад, они встретили остров Фагаджам [Кагаян] и остров Селоке, где, как они узнали, имеется много жемчуга. На следующий день они дошли до Кипе [Кипита], проходя между этим островом и островом Тамгим [Тагима]. Во время плавания вдоль побережья этого острова они захватили пирогу, грузенную саго в виде хлебов; это — хлеб, изготавливаемый из дерева под названием «каджаре» и употребляемый в пищу местными жителями вместо хлеба. На

пирог находился 21 человек, в том числе их начальник, который бывал в доме Франсишку Серрана в Молукке. По пути они заметили несколько островов под названием Семрин. Они наняли проводника до Молуккских островов, но он не внушал доверия, и тогда взяли в плен и его и некоторых других. Туземцы пустились преследовать корабли, но их постигла неудача. Продолжая обследование этих мест, они увидели высокие горы, «принадлежащие народу, который здесь носит название Салабос [Сулавеси], и вскоре после этого, намереваясь пристать к небольшому островку, чтобы запастись свежей водой, они были предупреждены одним из туземцев-проводников, что местное население враждебно относится к ним. Отсюда они увидели Молуккские острова и на радостях дали залп из всех орудий. К этому острову они подошли 8 ноября 1521 г., так что весь путь от Севильи до Молукки продолжался два года, два месяца и двадцать один день, ибо выехали они [из Испании] 10 августа 1519 г.

Другой современник Магеллана исчисляет расстояние между Разбойничьими [Марианскими] островами и островами Молуккскими в 1000 миль. По пути между ними расположен архипелаг Св. Лазаря, «где находится множество островов». — 98.

⁹⁹ Кинталада — проценты от груза или места хранения груза на корабле, которые получали должностные лица и матросы парусных судов. Грузовой корабль получал наименование *aquintalada* после исключения кинталады, т. е. после вычета из стоимости груза всех сумм на погашение затрат по авариям, а из разности нетто — $2\frac{1}{2}\%$, которые распределялись между теми из экипажа, которые работали больше. Общий размер этих процентных отчислений был определен для офицеров и матросов флота Магеллана в п. 74 инструкций, данных Карлом I Магеллану и Фалейру в Барселоне 8 мая 1519 г. Приводим выдержку из этих инструкций:

«Ниже объявляются кинталады, подлежащие погрузке на суда, направляющиеся в области пряностей, равно как и количества, которые дозволяется грузить каждому, из какового ему надлежит уплатить одну двадцать четвертую долю его величеству.

Кинталады

Первое: Фернандо ди Магальяншу и Фалейру, капитан-генералу этого флота, разрешается 60 кинталов содержимого помещения, в каждом	60
Далее: из кинталады и 20 кинталов в каждом 20 кинталов дозволяется грузить под палубой и над декой помещения	20
Остальным трем капитанам — каждому из них разрешается 40 кинталов в помещении каюты, десять из них кинталада	40
Казначею — 20 кинталов в помещении каюты и одну кинталаду под палубой	22
Счетоводу — подобное же количество кинталов	22
Нотариусам кораблей — пятнадцать (?) кинталов в помещении каюты и одну кинталаду	22
Альгусилу флота — шесть кинталов и одну кинталаду	8
Матросам флота — $1\frac{1}{2}$ кинталады	3
Капелланам — четыре кинталы каждому	4
Врачу и хирургу — пять кинталов каждому	5

Штурманам и кормчим — двенадцать кинталад помещения и одну кинталаду каждому	14
Боцманам — восемь кинталов пространства каюты и одна кинталада каждому	10
Матросам — одну кинталаду каждому	2
Простым матросам — 1 1/2 кинталады каждому	2
Старшим канонирам — по три кинтала в помещении каюты каждому и одну кинталаду	5
Остальным канонирам — по одной с половиной кинталады каждому	2 1/2
Плотникам — по полторы кинталады	2 1/2
Конопатчикам — столько же	2 1/2
Бочарам — столько же	2 1/2
Лучникам — столько же	2 1/2
Слугам капитанов — по одной кинталаде каждому	1
Каменотесам, каменосекам — по три кинталады каждому	3
Стюардам — по три кинтала каждому	3

В тех случаях, когда служба нам выразится в постройке крепости на месте, вышепоименованные лица, которые там будут оставаться, имеют право на [погрузку] тех же кинталад на корабли, направляющиеся [в это королевство], и на получение ежегодно подобных же сумм за кинталады всего оставшегося там [товара].

В крепостях, подлежащих постройке, нашему капитану надлежит назначить таких лиц с возложением на них обязанностей и поручений, которые необходимы в означенных крепостях, и положить им надлежащее жалованье, пока мы не возложим на них дополнительных обязанностей.

ТАРА

Капитан-генералу надлежит взять четыре тары, за которые он уплачивает лишь 1/20	4
Остальные капитаны могут взять 3 тары каждый на тех же условиях	3
Счетовод и казначей — по 2 каждый	2
Нотариусы кораблей — по 1 каждый	1
Штурманы и пилоты — по 1 каждый	1
Боцманы — по 1 каждый	1
Альгусил флота — 1	1
Капелланы — каждый по 1	1
Стражники кораблей — каждый по 1	1
Слуги капитанов — по 1 на двоих	1
Врач и хирург — по 1	1
Матросы — по 1 на двоих	1
Простые матросы — по 1 на двоих	1
Юнги — по 1 на троих	1
Старшие канониры кораблей — по 1 на каждого	1

Остальные канониры — по 1 на двоих	1
Плотники, конопатчики, бочары, каменщики, лучники и моряки — по 1 на двоих	1
Стюарды по 1 на каждого	1
Резервисты — по 1 на каждого	1»
	— 99.

¹⁰⁰ Франсишку Серран, брат Жуана Серрана, был близким другом Магеллана. В 1509 г. Серран отправился с флотом, снаряженным Алмейдой для исследования Малакки. Сойдя на берег с большим отрядом вооруженных, он подвергся нападению со стороны малайцев, и ему удалось спастись лишь благодаря тому, что Магеллан поспешил ему на помощь. В январе 1510 г., возвращаясь из этой экспедиции, он потерпел кораблекрушение. В 1511 г. он был отправлен в качестве капитана одного из трех кораблей под командованием Антониу д'Абреу к Молуккским островам с целью их открытия и торговли, но экспедиции не удалось добраться до них; она достигла только островов Банда.

Во время этой экспедиции его корабль стал негодным для морского плавания, а купленная взамен его джонка потерпела крушение у одного из островов. Серрану удалось овладеть судном пиратов и таким образом благополучно добраться до Амбоины [Амбон]. При первом же удобном случае Серран направился в Тернате и там стал на сторону властителя Тидоре, но незадолго до прибытия в эти края Магеллана был отравлен властителем Тидоре. Во время пребывания Серрана в Тидоре он вел оживленную переписку с Магелланом, и последний использовал его письма с целью побудить Карла I согласиться на экспедицию. — 100.

¹⁰¹ Тестон — португальская серебряная монета, впервые отчеканенная в XV в. — 100.

¹⁰² Невозможно с точностью определить подлинные имена. — 100.

¹⁰³ Педру Аффонсу ди Лороза, обвиненный в предательстве по отношению к отечеству. «Рутейру» говорит, что его нашли на острове Таргатель (Тернате) и ему были направлены письма с предложением «явиться и поговорить с ними», но он ответил, «что не смеет сделать этого, так как властитель этой страны запрещает ему». Однако разрешение было получено, и Лороза явился. Он остался на корабле «Тринидад» и вскоре был казнен португальцами. — 101.

¹⁰⁴ Пигафетта, вероятно, говорит тут о различных видах бамбука. — 102.

¹⁰⁵ Гудзерати (Гуджарат) — одна из древних областей Индии. Ее гавани являлись крупными торговыми центрами. — 102.

¹⁰⁶ Намерение запастись свежей водой около Сулавеси объяснялось опасением, что у Молуккских островов им не дадут возможности это сделать. — 102.

¹⁰⁷ Триштан ди Менезиш отправился по поручению Алейшу ди Менезиша на Малакку. По пути следования он нашел острова Ява, Банда и Молуккские. — 103.

¹⁰⁸ Диогу Лопиш ди Сикейра, португальский моряк, капитан-генерал и правитель Индии (1518—1522), отправился 5 апреля 1508 г. из Лиссабона на четырех кораблях для исследования и открытия Малакки. После прибытия его в Индию ему предложено было место главного капитана Индии, но он отклонил это предложение. В декабре 1509 г. отправился в Малакку, но его беззаботность стоила ему жизни. Он пал от руки малайцев. — 103.

¹⁰⁹ Город Джидда. — 103.

¹¹⁰ Вероятно, Педру ди Фарья, который был назначен капитаном корабля в Малакке по распоряжению Албукерки и послан правителем (Диогу Лопиш ди Сикейра) для постройки форта на Молуккских островах. — 104.

¹¹¹ Банда, или «Острова мускатного ореха», — небольших размеров, некоторые из них необитаемы. Эти острова вулканического происхождения, и тут часто происходят извержения и землетрясения. Население редкое. Единственный источник его существования — разведение мускатного ореха. — 104.

¹¹² Туземное обозначение гвоздики — «гомодо» и «бонгалаунт». Главные названия для гвоздики на южном архипелаге скорее иностранного, чем местного, происхождения. На Молуккских островах гвоздика называется «гаумеди», что по-санскритски означает «коровий мозг». Наиболее часто встречающееся название — «кангкек», которое представляет собой видоизменение китайского слова «тенг-хиа» и означает «благоуонные гвозди». Другое название — «лаван», к которому малайцы прибавляют слова «цветок» или «плод» (как «бонгалаван» Пигафетты). — 106.

¹¹³ Св. Варвара считалась у суеврных испанцев покровительницей порохов складов. — 108.

¹¹⁴ Марчелло — венецианская серебряная монета весом 63 грамма. Два марчелло равны были одной венецианской лире, стоимость которой была $\frac{1}{4}$ итальянской лиры. — 108.

¹¹⁵ Сантьяго Компостельский — населенный пункт в Галисии (Испания). В Испании в середине века существовал военно-религиозный орден Сантьяго (св. Иаков). — 110.

¹¹⁶ Шкурки райской птицы издавна составляли предмет оживленной торговли. Существовало поверье, что тот, кто носит такую шкурку, непобедим в бою и ему не грозит никакая опасность. — 111.

¹¹⁷ Другие источники отмечают, что корабль «Тринидад» получил течь у острова Маре уже после того, как запаслись провизией и топливом для обратного плавания. — 112.

¹¹⁸ Бриту рассказывает в связи с этим происшествием следующее:

«Я уже из Банды писал о кастильцах и отослал письма некоего Педру ди Лороза, который прибыл сюда вместе с ними. Я покинул Банду 2 мая 1522 г., намереваясь захватить корабль, оставшийся последним, так как другой покинул эти места около трех месяцев назад. В Тидоре я приехал 13 мая 1522 г. Находившиеся там раньше кастильцы нагроулили два корабля, которые и отравились в Кастилию. Я узнал, что первый корабль уехал четыре месяца, а другой — месяца полтора назад. Второй не мог уехать одновременно с первым из-за течи, которая открылась как раз перед отплытием. Поэтому с него был снят груз, и после починки он тут и остался. Я нашел пятерых кастильцев, один из них был фактор с товаром, а другой — канонир. Я послал фактора Руй Гауго к властителю [Тидоре], прося его добиться того, чтобы кастильцы, их артиллерия и их имущество были переданы мне, и точно так же спросить его, на каком основании он пропустил сюда кастильцев, раз эта область была задолго до того открыта португальцами. Он сказал в ответ, что допустил их только для торговли, и больше всего из страха, а не по своей охоте. На следующий день он прислал ко мне трех кастильцев и некоторое количество товаров. Я уже захватил с собою другого кастильца, когда оставлял Банду, куда он явился познакомиться со страной и возможностью вести здесь торговлю. Пятый кастилец в это время отсутствовал: он находился в Моро, в 60 лигах от Молукки. На следующий день ко мне явился властитель. Он объявил себя верным вассалом Вашего высочества и сумел во всем оправдаться, что подтвердили также и кастильцы. Я предложил ему изложить все это в письменной форме для того, чтобы держать его в страхе в будущем.

Вся страна была наводнена оловянными крестами (некоторые были из серебра), на одной стороне которых находилось изображение распятия, а на

другой — образ Богородицы. Они продавали бомбарды, мушкеты, луки, мечи, дроты и порох. Я закупил все упомянутые кресты для Вашего высочества: они продавали их с полным пониманием того, что они собой представляют.

По прошествии нескольких дней пребывания тут побочный сын властителя Тернате повел меня на свой остров. Он правит от имени наследника, восьми-девятилетнего ребенка, чей отец умер за семь или восемь месяцев до моего прибытия сюда. Остров [Тернате] — обширнейший и главнейший на всей Молукке. Тут именно и жили Франсишку Серран и дон Триштан, когда они сюда прибыли. Потом явилась мать властителя, обладающая большей властью, и они объявили о своей вассальной преданности Вашему высочеству. Я ничего не говорю пока о крепости, — я намерен прежде всего обследовать все острова. Я считаю наиболее подходящим сооружение ее здесь, так как это самый большой остров, а в Тидоре нет гавани.

Пока я находился на берегу, люди моего экипажа захворали и в течение двух месяцев моего пребывания только 50 человек из 200, приехавших со мною, чувствовали себя хорошо. Около 50 человек умерло. С таким-то небольшим числом людей я все же приступаю к постройке крепости.

22 октября я получил известие, что вблизи островов находится какой-то корабль. Я решил, что это — кастильцы, раз они взяли курс в этом направлении. Я отправил три корабля с приказом привезти его сюда, и они это выполнили, захватив 22 кастильца. Они заявили, что, не желая возвращаться по тому же пути, по которому они шли сюда, потому что он слишком длинный, они решили идти к Дариену. Но ветер был слабый, и, не дождавшись муссона, они отклонились на 40° на север. Когда они оставили эти места, их было 54 человека; 30 из них умерло. Была произведена опись товаров, принадлежащих королю Кастилии, и забраны астролябии и карты. Корабль был старый, и течь не прекращалась все время, так что за неделю времени потеряно было 40 бахаров гвоздики. Дерево корабля пошло на постройку крепости, а снаряжение перешло на другие корабли...»

17 испанцев отправлены были им в сопровождении дона Гарсия в распоряжение Жоржи Албукерки, а четверых он оставил у себя, причем о них он говорит в своем послании:

«Что касается штурмана [Хуан Батиста], писца и кормчего [четвертый был плотник, которого Бриту решил использовать на работах по постройке крепости], то я пишу главному капитану, что было бы гораздо полезнее для службы Вашему высочеству, если бы они были обезглавлены, чем отсылать их также [к Албукерки]. Я задержал их в Молукке, так как страна здесь нездоровая, и сделал это намеренно, чтобы они здесь поумирали: я не дерзаю казнить их здесь, так как не знаю, как Вы отнесетесь к такому поступку. Я пишу Жоржи Албукерки, чтобы он задержал их [остальных 17] в Малакке, в которой климат также очень нездоровый».

Смертность на «Тринидаде» была ужасная: из числа 53 человек, оставшихся в Тидоре с Жуаном Карвалью, в Испанию вернулись только: альгусил Гонсало Гомес де Эспиноса, да и то по прошествии многих лет; матрос Хинес де Мафра; матрос Леон Панкальдо и матрос Хуан Родригес. Немец-канонир Ганс Варге также добрался до Лиссабона, но вскоре после прибытия умер там в тюрьме. — 113.

¹¹⁹ Современные названия Молуккских островов: Тернате, Тидоре, Мортър, Макиан и Бачан. Альбо включает в Молуккские острова также и Жилоло. — 114.

¹²⁰ Совершенно очевидно, что Пигафетта полностью доверял сведениям, которые он получал от малайских лоцманов, которые находились на корабле,

и разного рода слухам. Рассказ Пигафетты, возможно, относится к какой-нибудь местной народности, однако, вернее всего, речь тут может идти об орангутангах.— 114.

¹²¹ У Альбо этот остров носит название Сулан. Это — один из островов Сула.— 114.

¹²² С полной уверенностью невозможно отнести эти названия к существующим в настоящее время.— 114.

¹²³ Альбо называет этот остров Лумутола.— 114.

¹²⁴ На современных картах он обозначается как Буру. Альбо называет его Буру и отмечает, что «надо двигаться вдоль его южного побережья». Это было 27 декабря.— 115.

¹²⁵ Местное название — Амбоин. Население было обращено в христианство и принадлежит к голландской лютеранской церкви.— 115.

¹²⁶ Острова группы Банда.— 115.

¹²⁷ Острова: Солор, Нобокамор-Руса и Ломблен. Возможно, что проход, по которому направилась «Виктория», это или Флорес, или пролив Боленга.— 115.

¹²⁸ Черный перец, называемый по-малайски «лада», был, вероятно, завезен сюда из Малабара. Его не найти ни на одном из Малайских островов, но он растет в изобилии на горах и в долинах большинства стран западной части Индии.— 116.

¹²⁹ Согласно записям Альбо, они прибыли к этому острову 8 января 1522 г.— 116.

¹³⁰ Этот обширный остров был Тимор, а Амабан и Балибо — два селения на его побережье.— 117.

¹³¹ Белое сандаловое дерево — низкорослое дерево, напоминающее миртовое. Оно водится на различных островах Малайского архипелага, и особенно на Тиморе и Сумбе (остров сандалового дерева).— 117.

¹³² Болезнь св. Иова — сифилис.— 118.

¹³³ Это название впервые упомянуто у Марко Поло. Пигафетта дал первое, наиболее верное описание этого острова. Растительность Явы богата и разнообразна, остров отличается чрезвычайным плодородием. Столь же разнообразен и животный мир острова. Население составляют малайцы. Яванский язык — один из богатейших в мире. В эпоху вторжения европейцев яванская культура была самой высокой на Востоке.— 118.

¹³⁴ Древняя столица Маджапахит.— 118.

¹³⁵ Бали — это, собственно, не город на Яве, а гористый остров, расположенный приблизительно на расстоянии 1½ мили к востоку от Явы. Малайское значение этого слова — «вернуться».— 118.

¹³⁶ Мадуря в отношении растительности, обычаев и нравов ее населения ничем не отличается от Явы.— 118.

¹³⁷ Сингапола — Сингапур, или Сингапура, названный так от санскритского «синга» (лев) и «пура» (город). Это название и острова и города, расположенного на оконечности полуострова Малакка. Паган — это Паганг — город и область в восточной части полуострова Малакка. Калантан и Патани — области в восточной части полуострова Малакка. Оба этих государства с давних времен являлись данниками Сиам. Лагон — сиамская область Лигора, Пран — река того же названия. Брабри, возможно, Бангри, а Банга — Бангкок. Индия (тут, вероятно, описка переписчика) — Ютия, которая в 1350 г. сделалась столицей Сиам. Мосто полагает, что Джандибум, Сану и Лангонпифа — имена сиамских царей, но с большей вероятностью можно считать, что это названия городов.— 120.

¹³⁸ Это страна Камбоджа, называемая малайцами также Кампа.— 120.

¹³⁹ Кампа — название древнего малайского поселения на восточном берегу Сиамского залива, в Камбодже.— 120.

¹⁴⁰ Пигафетта смешал ремень со сгнившим деревом, растущим в Сиаме и издающим после того, как его сжигают, очень приятный аромат. Оно продается по очень высокой цене.— 120.

¹⁴¹ Южная часть Вьетнама.— 120.

¹⁴² В истории Китая он известен под именем Чистонга из династии Мин. Он наследовал Вутстонгу в 1519 г. и царствовал 43 года.— 120.

¹⁴³ Последний из перечисленных городов — Пекин, который монголы называли Канпалик или Канбалиг (городом хана), а в рассказах, относящихся к тому времени, он упоминается под названием Камбалу.— 120.

¹⁴⁴ «Зонгу», вероятно, название простейшей церемонии «куншау», состоявшей в том, что складывали руки и поднимали их перед грудью.— 121.

¹⁴⁵ По-санскритски «нага» — название баснословного змея или дракона.— 121.

¹⁴⁶ «Ченчи», вероятно, название народности чинчео (Чинчу, современное Гуанчжоу), название, ранее присвоенное одной из китайских провинций.— 122.

¹⁴⁷ Название Катай, когда-то присвоенное северной части современного Китая, стало в середине века общим для всей страны.— 122.

¹⁴⁸ Хань был небольшим китайским государством, по которому и названа была первая китайская династия. Возможно, что именно об этом государстве и говорит Пигафетта.— 122.

¹⁴⁹ Суматра впервые упоминается у Вартемы, но ранее ее посетил Марко Поло, который назвал ее Малой Явой; Трапробан (Тарпобан) — древнее название Шри-Ланки, а не Суматры. Суматра — самый западный из всех островов Малайского архипелага и после Калимантана и Новой Гвинеи самый обширный. До 1816 г. ни англичанам, ни голландцам не удалось прочно утвердиться тут.— 123.

¹⁵⁰ Пегу (вместе с одноименной столицей) одно время представляло собой одно из могущественных государств на Востоке, но с течением времени соседние государства затмили его. Келин — это, собственно, Кулам, или Килон, на Малабаре, в свое время значительный торговый центр, утративший, однако, свое значение в середине XVII в. Нарсинга, или Виджайнагарам, ныне город в развалинах, был в свое время столицей древнего государства браминов Карнатика, власть которого распространялась на большую часть полуострова между Малабарским и Коромандельским побережьями.

Каликут, Камбей, Кананоре, Гоа и Ормуз являлись крупными торговыми центрами до и во время занятия португальцами Востока.— 123.

¹⁵¹ Пигафетта не упоминает жреческой касты и путает все другие. В действительности же существовали только четыре основные касты: браманы, или жрецы, происшедшие из уст Брамь; военные (кшаттира, ксеттри, или чуттри), которые «произошли из рук Брамь»; промышленный класс, занимающийся промыслами (вайсья), «происшедшие от пояса и бедер Брамь»; судра, или класс рабов, «происшедший от ног Брамь» и совершенно бесправный.— 123.

¹⁵² Альбо отмечает под датой 13 февраля 1522 г., что курс был взят на запад-юго-запад по направлению к мысу Доброй Надежды.— 123.

¹⁵³ Оккупация португальцами Мозамбика началась в 1498 г., когда Васко да Гама вступил в устье Замбези. В первом десятилетии XVI в. там было основано много поселений.— 123.

¹⁵⁴ 14 марта экипаж «Виктории» был занят ремонтом корабля до полудня, после чего снова отправился в путь. Спустя семнадцать дней они увидели возвышенный остров, к которому им не удалось пристать, так как они вынуждены были снова заняться ремонтом корабля. 6 апреля они вновь двинулись в путь, но переменили курс на север. 8 апреля увидели землю и на

следующий день стали на якорь около сурового берега. 16 апреля корабль снова вынужден был остановиться из-за потери мачты. После многих дней плавания они увидели наконец 22 мая мыс и взяли курс на север. Если дата Альбо соответствует действительности, то Пигафетта делает ошибку почти на полмесяца. — 123.

¹⁵⁵ О событиях у острова Сантьяго Альбо рассказывает так: «В понедельник 14-го мы послали на берег шлюпку за рисом. На следующий день она вернулась и вновь отправилась за грузом. Мы ждали ее до ночи, но она не возвращалась. Тогда мы решили прождать до утра, но она все не возвращалась. Тогда мы подошли ближе к порту, чтобы узнать причину такого опоздания, и в это время к нам подошла лодка, с которой потребовали, чтобы мы сдались им, заявляя, что нас отошлют с кораблем, который они ожидают из Индий, а своих людей они погрузят на наш корабль — таков, дескать, приказ их начальства. Мы потребовали, чтобы они вернули наших людей и нашу шлюпку. Они ответили, что передадут наши слова своим начальникам. Ввиду всего этого мы поворотили на другой галс и подняли все паруса. На нашем корабле осталось 22 человека, и больных и здоровых. Это происшествие имело место во вторник, в 15-й день месяца июля». — 124.

¹⁵⁶ Наваррете приводит на основании официального документа, хранящегося в Главном архиве Индий, список оставшихся в живых на «Виктории» и благополучно добравшихся до Испании:

- 1) Хуан-Себастьян де Эль-Кано, капитан
- 2) Франсиско Альбо, пилот
- 3) Мигель Родас, штурман
- 4) Хуан де Акурью, боцман
- 5) Мартин де Юдисибус, стражник
- 6) Эрнандо де Бустаменте, цирюльник
- 7) Айрес, канонир
- 8) Диего Кармона, матрос
- 9) Николао де Наполес, матрос
- 10) Мигель Санчес де Родас, матрос
- 11) Франсишку Родригеш, матрос
- 12) Хуан Родригес де Уэльва, матрос
- 13) Антонио Эрнандес Кальменеро, матрос
- 14) Хуан де Арратья, моряк
- 15) Хуан де Сантандрес, моряк
- 16) Васко Гомиш Гальего, моряк
- 17) Хуан де Сибулета, юнга
- 18) Антонио Ломбардо (Пигафетта), резервист. — 124.

¹⁵⁷ Пигафетта не упоминает, что на «Виктории» были привезены пряности, стоимость которых значительно превысила затраты на снаряжение остальных четырех кораблей и на их оборудование. Груз состоял из гвоздики, корицы, мускатного ореха и сандалового дерева. «Виктория» после этого совершила благополучный рейс до Кубы, но при вторичном рейсе потерпела крушение. — 124.

ПРИМЕЧАНИЯ К КНИГЕ М. МИТЧЕЛЛ «ЭЛЬ-КАНО — ПЕРВЫЙ КРУГОСВЕТНЫЙ МОРЕПЛАВАТЕЛЬ»

¹ На глобусе немецкого картографа Иоганна Шёнера (1515) Америкой была названа часть Южно-Американского материка, соответствующая примерно Бразилии, а южнее ее был показан в сороковых широтах Южного

полушария сквозной проход, причем земля, лежащая к югу от него, была названа *Brazilio Regio* — Страна Бразилия. — 128.

² Руй Фалейру — португальский космограф. См. с. 18. — 129.

³ В каждой из провинций Страны Басков — в Гипускоа, Алаве и Бискайе — имелись органы местного самоуправления, возникшие в XV в. Депутациями назывались комиссии представителей сословий, ведавшие внутренними делами провинции. — 130.

⁴ В Испании вплоть до XVIII в. Новый Свет назывался Индиями, а истинную Индию обычно называли Восточной Индией. В Главном архиве Индий в Севилье и в архиве в городке Симанкас, расположенном близ Вальядолида, хранится большинство документов, связанных с открытиями и завоеваниями в Новом Свете. — 130.

⁵ Следует особо отметить имена наиболее известных авторов, упомянутых в связи с дискуссией о роли Эль-Кано в первой кругосветной экспедиции: Эррера Антонио (1559—1626) — видный испанский историк-хронист, автор многолетнего труда «Всеобщая история деяний кастильцев на островах и на материке в Море-Океане» — хроника, в которой описана история открытия и завоевания Нового Света. Стефан Цвейг (1881—1942) — выдающийся австрийский писатель, автор книги «Подвиг Магеллана», одной из лучших биографий великого мореплавателя. Дрейнер Джон-Уильям (1811—1882) — американский историк и социолог, англичанин родом. Его книга «История умственного развития Европы» неоднократно издавалась в русском переводе. Барруш Жуан (1496—1570) — наиболее выдающийся португальский историк-хронист XVI в. Его труд «Азиатские декады» посвящен эпохе открытия и завоевания португальцами заморских земель в Африке, Азии и Южной Америке. Петр Мартир (Пьетро Мартире д'Ангьера) (ум. в 1526 г.) — итальянский историк-гуманист, долгое время живший в Испании. Автор многочисленных писем, в которых содержится ценнейшая информация о первых открытиях в Новом Свете, и историко-географического труда «Декады Нового Света». Каштаньеда Фернан Лопиш (ум. в 1559 г.) — португальский историк, автор многолетней хроники завоевания Индии. Гоиш Дамиан (1501—1573) — португальский историк и дипломат, автор весьма содержательной хроники, посвященной эпохе царствования Мануэла Счастливого (1495—1521). Теве Андре — французский географ VI в., автор труда, посвященного открытиям в Южных морях. — 131.

⁶ Английский пират Фрэнсис Дрейк (1540—1596) совершил второе в истории мореплавания кругосветное путешествие в 1577—1580 гг. — 132.

⁷ Пляж, берег (*исп.*). — 133.

⁸ Ганза — торговый союз северогерманских городов во главе с городом Любеком, существовавший с XIV по XVII в. — 134.

⁹ Энрике II — король Кастилии (1369—1379). — 134.

¹⁰ Фердинанд III — король Кастилии и Леона (1230—1252). — 134.

¹¹ Альфонс VIII — король Кастилии (1158—1214). — 135.

¹² Предположения, о которых здесь идет речь, совершенно бездоказательны. — 135.

¹³ Имеется множество легенд о различных мореплавателях, которые будто бы задолго до плавания Колумба доходили до берегов Америки. Ни одна из этих легенд не находит сколько-нибудь основательного подтверждения. — 135.

¹⁴ Андрес Урданета (1508—1568) — выдающийся испанский мореплаватель, участник экспедиции Лоайсы — Эль-Кано 1525 г.; в 1564—1565 гг., участвуя в экспедиции Легаспи на Филиппины, проложил путь с запада на восток через Тихий океан. Мигель-Лопес Легаспи (ум. в 1572 г.) — испанский мореплаватель, завоеватель Филиппинских островов. Антонио Окендо (1577—1640) — испанский флотоводец, которому в эпоху упадка Испании удалось

одержать ряд побед над голландцами в Атлантическом океане. Блас Лесо (1680—1741) — испанский адмирал, выдвинувшийся в войнах первой половины XVIII в. — 136.

¹⁵ Кантабрийское побережье — северный берег Пиренейского полуострова. — 137.

¹⁶ «Ты первый объехал вокруг меня» (лат.). — 137.

¹⁷ Благородного и верного (исп.). — 137.

¹⁸ Орден Калатравы — один из духовно-рыцарских орденов, основанных в Кастилии в XII в. в разгар войн Реконквисты, в ходе которых были покорены мавританские области в южной части Пиренейского полуострова. — 137.

¹⁹ Игнасио Сулоага (1870—1945) — испанский художник-баск из города Эйюар в провинции Гипускоа, портретист и мастер жанровой живописи, запечатлевший в своих произведениях особенности жизненного уклада соотечественников. — 138.

²⁰ «Я объехал вокруг света, 8 сентября 1522 года» (исп.). — 139.

²¹ См. примеч. 14 к «Путешествию Магеллана». — 140.

²² Игнатий (Иньиго) Лойола (1491—1556) — основатель ордена иезуитов, уроженец Гипускоа. — 141.

²³ Франциск Ксавьер, точнее, Франсиско Хавьер (1506—1552) — друг Лойолы, один из создателей ордена иезуитов, организатор иезуитских миссий в Индии, на Молукках и в Японии, уроженец соседней с Гипускоа провинции Наварра. — 141.

²⁴ Родовое имя (исп.). — 143.

²⁵ Гражданские войны в Испании в 1833—1840 и 1872—1876 гг. Страна Басков поддерживала карлистов, сторонников архиреакционных претендентов на испанский престол Карлоса Старшего и его внука Карлоса Младшего. — 145.

²⁶ Речь идет о войне между Англией и Францией (1337—1453). Кастилия была втянута в эту войну в 60-х годах XIV в. — 146.

²⁷ Баскская игра в мяч. — 147.

²⁸ Гонсало де Кордова (1453—1515) — выдающийся испанский полководец. С 1500 по 1507 г. успешно руководил военными операциями в Италии и завоевал Неаполитанское королевство, вытеснив оттуда французов. — 148.

²⁹ Хименес де Сиснерос Франсиско (1437—1517) — архиепископ толедский и кардинал, организатор африканских походов, в 1516—1517 гг. правил Испанией в качестве регента. Вошел в историю как жестокий изувер; с его именем связаны гонения на морисков и маранов (насилъственно крещенных мавров и евреев). — 148.

³⁰ В результате брака кастильской королевы Изабеллы и арагонского короля Фердинанда (1474) Кастилия и Арагон вступили в тесный союз. В 1492 г. эта двуединая держава завоевала Гранаду, последний оплот мавров на Пиренейском полуострове, а в 1504—1506 гг. она овладела Неаполитанским королевством. Однако после смерти Изабеллы (1504) союзные связи ослабли, и окончательное объединение Испании произошло лишь после вступления на престол внука Изабеллы и Фердинанда — Карла (1516), который унаследовал от бабки Кастилию и от деда Арагон. — 148.

³¹ Педро Наварро (1460—1528) — испанский военачальник, выдающийся военный инженер. В африканском походе 1509—1510 гг. фактически командовал всеми вооруженными силами. — 149.

³² 2 января 1492 г. после долгой осады войска Изабеллы и Фердинанда взяла Гранаду. Ее правитель Абу-Абдаллах (Боабдиль испанских хроник) в замке Альхамбре подписал акт капитуляции, условия которой вскоре были вероломно нарушены Изабеллой и Фердинандом, за свое изуверское рвение получившими от папы Александра VI в 1493 г. титул «католических королей». — 149.

³³ Река Фрейт-Фиш, впадающая в Индийский океан.— 152.

³⁴ Часть Португалии, занятая маврами, была отвоевана еще в середине XIII в.— 153.

³⁵ М. Митчелл несколько сгущает краски. Падение в 1453 г. Византии не затронуло главный путь на Восток, который шел через Египет. Венецианцы торговали с Индией и после захвата Константинополя турками. Но ни Испания, ни Португалия не могли воспользоваться этими венецианско-египетскими путями.— 153.

³⁶ См. примеч. 1 к книге «Эль-Кано — первый кругосветный мореплаватель». В данном случае М. Митчелл называет так не ту южную землю, которую Шёнер показывал в Антарктике, а бразильский выступ Южно-Американского материка.— 153.

³⁷ См. примеч. 11 к «Путешествию Магеллана».— 153.

³⁸ Новая линия была проведена в 370 лигах к западу от островов Зеленого Мыса.— 154.

³⁹ Лицо, ведающее торговыми операциями.— 154.

⁴⁰ Латинские (треугольные) паруса в комбинации с прямыми (прямоугольными) парусами применялись задолго до XV в. Заслуга португальцев состоит в том, что они широко использовали этот тип парусного вооружения на судах необычной конструкции, хорошо приспособленных для дальних плаваний в открытом море (каравеллах и так называемых науш-ридондуш — кораблях большой вместимости с прямыми парусами на фок- и грот-мачтах).— 156.

⁴¹ Здесь явное недоразумение: в бытность Америго Веспуччи главным кормчим Кастилии (1508—1512) Эль-Кано в Севилье не было и в мореходной школе он не учился.— 158.

⁴² Мать Карла Хуана с 1504 по 1555 г. официально считалась королевой Кастилии, но в последние сорок четыре года жизни была умалишенной и к делам управления не имела ни малейшего отношения, хотя от ее имени и составлялись различные документы.— 159.

⁴³ Так древние греки называли Атлантический океан.— 159.

⁴⁴ Укрепленное поселение португальцев на побережье Западной Африки. Ныне порт Элмина в Гане.— 160.

⁴⁵ Мараведи — мелкая разменная монета. 3000 мараведи в начале XVI в. соответствовали 30 граммам золота. Эль-Кано получал в полтора раза большее жалованье, чем штурманы Колумба.— 160.

⁴⁶ Хиральда — минарет сеvilьской мечети, воздвигнутый в 1184—1196 гг. После завоевания Севильи Кастилией (1248) этот минарет стал колокольной католического собора.— 162.

⁴⁷ Речь идет о действующем вулкане Тейде, высочайшей вершине Канарских островов (3718 м).— 164.

⁴⁸ Кортесы — периодически созывавшиеся собрания представителей трех сословий: дворянства, духовенства и горожан, на которых решались важнейшие государственные дела.— 164.

⁴⁹ А. Пигафетта не был ломбардцем. Его родной город Виченца входил во владение Венецианской республики.— 165.

⁵⁰ Мыс Кабо-Вирхенес.— 169.

⁵¹ Deseado — желанный (*исп.*)— 170.

⁵² Тихое (мирное) море (*исп.*)— 170.

⁵³ См. с. 29.— 171.

⁵⁴ Здесь и в других местах автор весьма отрицательно отзывается о Дуарте Барбозе. Споры нет, характер у него был нелегкий, но следует иметь в виду, что он был одним из просвещеннейших мореплавателей и географов своего времени. Его описание различных стран Африки и Азии — ценнейший исторический источник, не утративший значения и в наши дни.— 173.

- ⁵⁵ Ныне остров Амбон.— 181.
- ⁵⁶ Испанцы и португальцы называли язычниками людей, не исповедующих христианскую веру и ислам. Буддисты и индуисты слыли у них поэтому язычниками.— 181.
- ⁵⁷ Gobeznador — правитель (*исп.*)— 182.
- ⁵⁸ Немецкий космограф Иоганн Мюллер (1436—1476) — уроженец Кенигсберга во Франконии (латинское название этого города — *Региомонтанус* — стало вторым именем ученого) — составил за период с 1475 по 1506 г. таблицы эфемерид — видимого положения на небесной сфере Солнца, Луны и планет на каждый день. Эти таблицы входили в «*Liber Directionum*» — «Путеводную книгу» Мюллера, которая стала необходимым справочником для капитанов и кормчих. Аналогичные таблицы составил в те же времена испанский еврей Авраам Закуто.— 186.
- ⁵⁹ «Да хранит Вас Господь, сеньор капитан-генерал, и кормчего, и всю Вашу команду» (*исп.*)— 188.
- ⁶⁰ Острова Зеленого Мыса.— 190.
- ⁶¹ Овьедо-и-Вальдес Гонсало-Фернандес (1478—1557) — видный испанский хронист, автор многотомной «Всеобщей и естественной истории Западных Индий», в которой он использовал многочисленные свидетельства участников заморских экспедиций конца XV и начала XVI в.— 207.
- ⁶² Речь идет о плодах одной из разновидностей хлебного дерева.— 213.
- ⁶³ Здесь у автора непонятное противоречие: М. Митчелл принимает версию Овьедо о гибели «Виктории» и в то же время указывает, что корабль в 1570 г. еще был жив. Книга же Овьедо вышла в свет в 1535 г.— 214.
- ⁶⁴ Диогу Лопиш ди Сикейра — видный португальский мореплаватель начала XVI в. В 1509 г. привел португальские корабли в Малакку, участвовал в завоевании индийских земель.— 216.
- ⁶⁵ Речь об архисекретной карте морских путей сеvilьской Торговой палаты (*Padron Real*).— 220.
- ⁶⁶ Великие труды и муки голода (*исп.*)— 221.
- ⁶⁷ Здесь явное недоразумение. Кортесы в Ла-Коруны созданы были весной 1520 г., спустя десять месяцев после того, как Карл был избран императором Священной Римской империи.— 222.
- ⁶⁸ Овандо Николас, назначенный в 1501 г. наместником на остров Эспаньола (Гаити), по прямому приказу Изабеллы и Фердинанда не допустил Колумба на берег острова в период четвертой экспедиции великого мореплавателя.— 224.
- ⁶⁹ См. примеч. 147 к «Путешествию Магеллана».— 227.
- ⁷⁰ Английский генерал Джон Мур (1761—1809) погиб в победоносной битве с наполеоновскими войсками в окрестностях Ла-Коруны и был похоронен в крепостной стене.— 228.
- ⁷¹ Сантьяго-де-Компостела была центром многолюдных паломничеств. Пилигримы из различных стран Европы устремлялись к гробнице апостола Иакова (Яго), покровителя Испании.— 229.
- ⁷² Врата славы (*исп.*)— 229.
- ⁷³ Так называлась Мексика, когда она была испанской колонией.— 232.
- ⁷⁴ Ныне залив Толуз-ус-Сантус (Бразилия).— 233.
- ⁷⁵ Роберт Фитцрой (1805—1865) — английский мореплаватель, в 1831—1836 гг. — командир корабля «Бигль», на котором совершил кругосветное путешествие Чарлз Дарвин. Барни Джемс (1750—1821) — английский мореплаватель, спутник Кука, автор капитальных работ по истории исследования Южных морей.— 237.
- ⁷⁶ В Магеллановом проливе есть несколько крайне узких участков (сужений). Первое Сужение находится в восточной части пролива, неподалеку от входа в него.— 239.

⁷⁷ Здесь недоразумение: баскский мореплаватель Хуан де ла Коса в первом плавании Колумба не участвовал. В этой экспедиции в качестве владельца корабля «Санта-Мария» принимал участие однофамилец знаменитого баскского морехода и картографа.— 246.

⁷⁸ «Хвала Богу за хорошие дни, и хорошую погоду, и за попечение Его о корабле; сеньору капитану и кормчему, а также всей честной команде — хвала; да будет и впредь путь счастливым; уповаем на Твою милость, о Господи, дабы от носа до кормы была хорошая удача» (*исп.*).— 248.

⁷⁹ Эл равен примерно 70 сантиметрам.— 251.

⁸⁰ Бо имя Божие аминь (*лат.*).— 252.

⁸¹ «Святая реликвия Светлейшего Лица» (*исп.*).— 253.

⁸² «Прими, Господи, душу раба Твоего, Хуана-Себастьяна».— 257.

⁸³ «Скончался достославный сеньор Хуан-Себастьян де Эль-Кано» (*исп.*).— 257.

⁸⁴ Так в средние века европейцы называли Японию.— 259.

⁸⁵ «И еще больше» (*лат.*).— 260.

⁸⁶ Песо — монета, содержащая 4,6—4,7 грамма золота.— 266.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Я. М. Свет. Первое кругосветное плавание — 5

Антонио Пигафетта ПУТЕШЕСТВИЕ МАГЕЛЛАНА

Мэйрин Митчелл ЭЛЬ-КАНО — ПЕРВЫЙ КРУГОСВЕТНЫЙ МОРЕПЛАВАТЕЛЬ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА — 128

Вступление. ЕГО РОДНОЙ КРАЙ — 131

Глава I. ШТУРМАН ВО ФЛОТИЛИИ МАГЕЛЛАНА — 141

Глава II. МЯТЕЖНИК — 163

Глава III. КАПИТАН «КОНСЕПСЬОНА» — 170

Глава IV. КАПИТАН «ВИКТОРИИ» — 180

Глава V. В ВАЛЬЯДОЛИДЕ — 200

Глава VI. В БАДАХОСЕ — 214

Глава VII. В ЛА-КОРУНЬЕ — 222

Глава VIII. ГЛАВНЫЙ КОРМЧИЙ ВО ФЛОТИЛИИ ЛОАЙСЫ — 232

Глава IX. КАПИТАН-ГЕНЕРАЛ — 239

Глава X. СМЕРТЬ — 249

ХРОНОЛОГИЯ — 260

ПРИЛОЖЕНИЕ А. *Оставшиеся в живых участники экспедиции Магеллана, которые вернулись в Севилью на «Виктории»* — 262

Моряки с «Виктории», взятые в плен португальцами на островах Зеленого Мыса и освобожденные спустя пять месяцев — 264

ПРИЛОЖЕНИЕ Б. *Допрос Эль-Кано, кормчего Альбо и Бустаменте в Вальядолиде 18 октября 1522 года* — 265

ПРИЛОЖЕНИЕ В. *Письмо-указ императора Карла V, которым Хуан-Себастьян Эль-Кано освобождается от наказания за продажу корабля иноземцам* — 269

Я. М. Свет. Послесловие к книге М. Митчелл — 271

Примечания к книге А. Пигафетты «Путешествие Магеллана» — 277

Примечания к книге М. Митчелл
«Эль-Кано — первый кругосветный мореплаватель» — 296

Пигафетта Антонио

Путешествие Магеллана / Антонио Пигафетта.— Эль-Кано — первый кругосветный мореплаватель / Мэйрин Митчелл / Вступ. ст. Я. М. Света. Примеч. В. С. Узина, Я. М. Света.— М.: Мысль, 2000.— 300,[2] с.: ил.— (Путешествия и путешественники).

ISBN 5-244-00473-5

Драматические события первого в мире кругосветного путешествия Ф. Магеллана до сих пор привлекают живой интерес читателей. Этой странице в истории Великих географических открытий посвящен публикуемый дневник Антонио Пигафетты, непосредственного участника экспедиции, и повесть-исследование английской писательницы М. Митчелл об Эль-Кано, завершившем это кругосветное плавание, фигуре загадочной и противоречивой.

**УДК 910.4+929 [Магеллан + Эль-Кано]
ББК 26.8г**

Научно-популярная

**Антонио Пигафетта
ПУТЕШЕСТВИЕ МАГЕЛЛАНА**

**Мэйрин Митчелл
ЭЛЬ-КАНО — ПЕРВЫЙ КРУГОСВЕТНЫЙ
МОРЕПЛАВАТЕЛЬ**

Редактор И. А. Невзорова

Оформление художника А. А. Брантмана

Художественный редактор Е. М. Омеляновская

Технические редакторы В. Н. Корнилова, С. П. Лебедева

Корректоры Т. И. Орехова, З. Н. Смирнова

ЛР № 010150 от 30.12.96

OCR - Давид Титиевский, март 2017 г., Хайфа

Сдано в набор 17.02.2000. Подписано в печать 03.04.2000. Формат 60 × 90^{1/16}.

Бумага газетная. Гарнитура «Таймс». Офсетная печать. Усл. печ. листов 19.

Усл. кр.-отг. 20,5. Учетно-издат. листов 20,62. Тираж 5000 экз. Заказ № 3631.

Издательство «Мысль».

117071, Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Отпечатано с готовых диапозитивов в Государственном ордена Октябрьской
Революции, ордена Трудового Красного Знамени Московском предприятии
«Первая Образцовая типография»

Министерства Российской Федерации

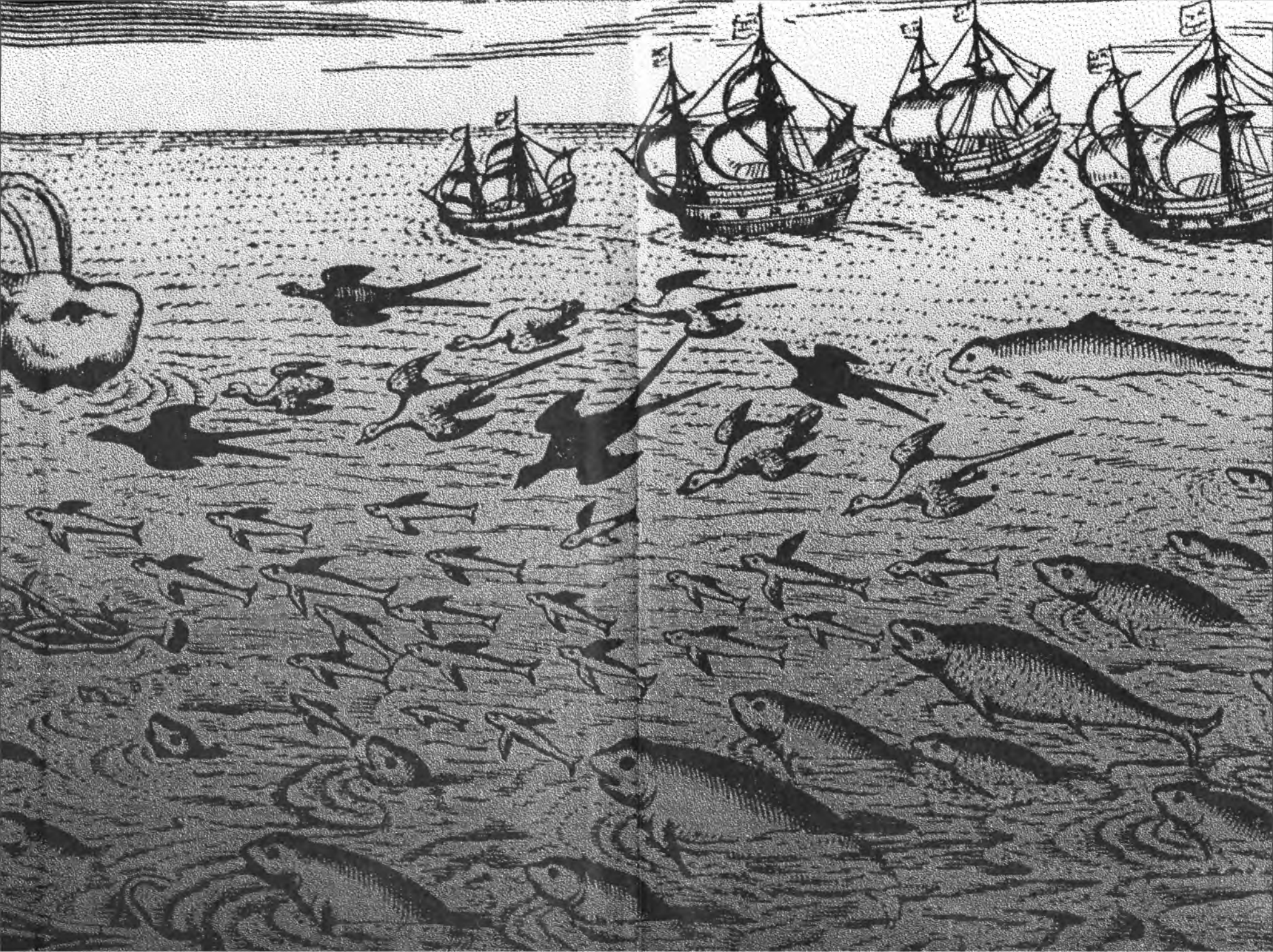
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

113054, Москва, Валуевская, 28.

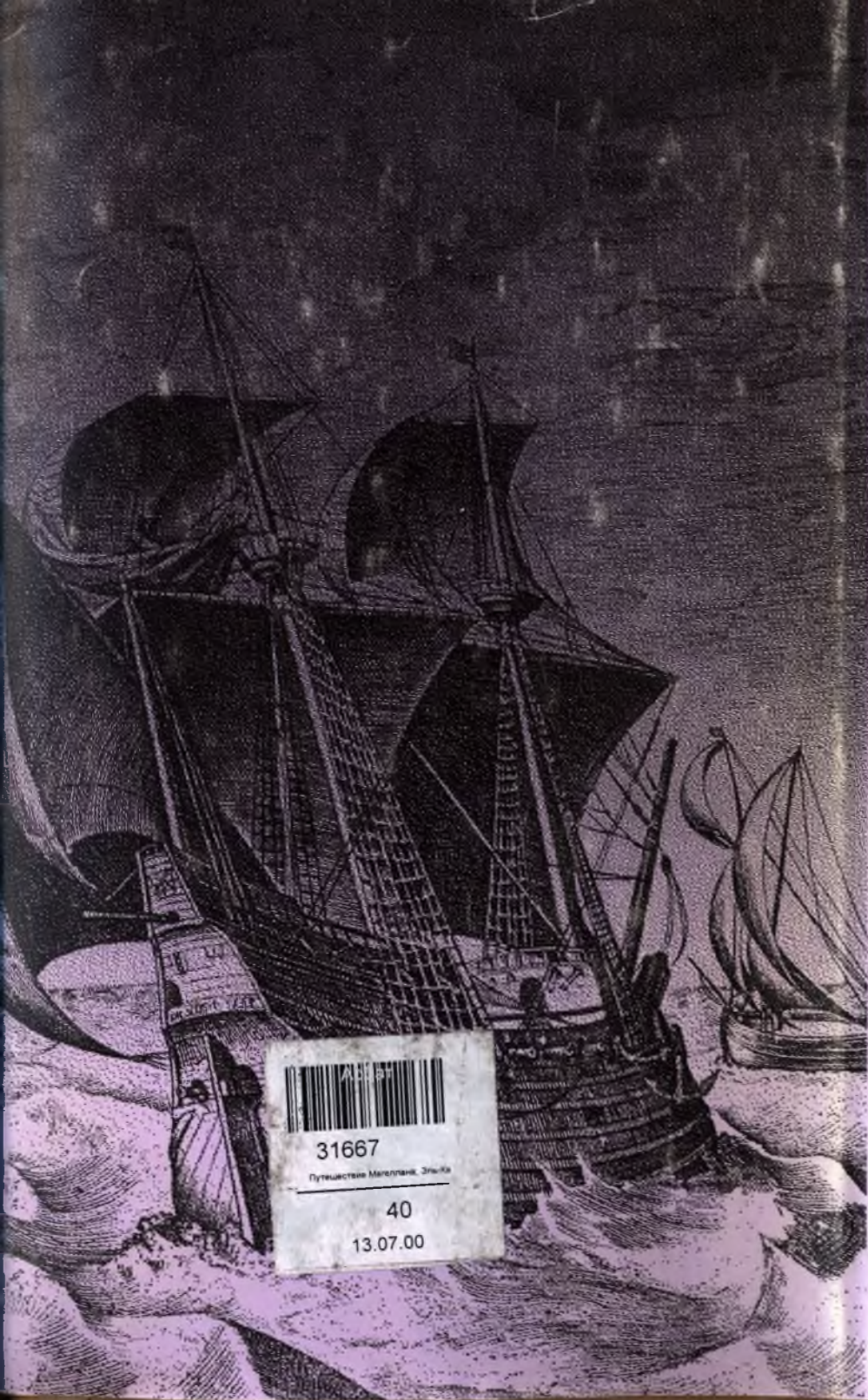
ISBN 5-244-00473-5

9 785244 004731

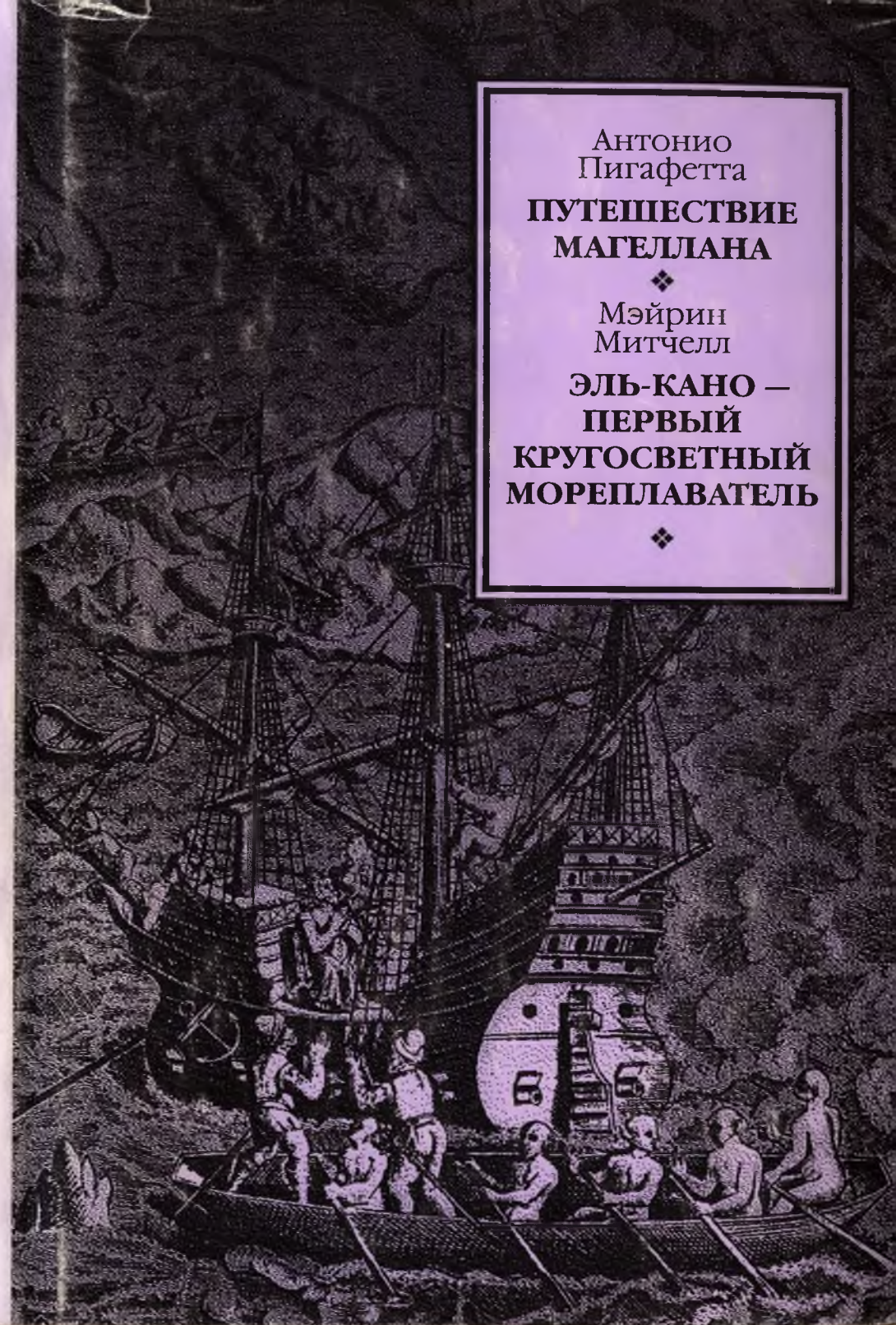
31667

Путешествие Магеллана. Эпизод

40

13.07.00

ПУТЕШЕСТВИЕ МАГЕЛЛАНА

Антонио
Пигафетта
**ПУТЕШЕСТВИЕ
МАГЕЛЛАНА**
◆
Мэйрин
Митчелл
**ЭЛЬ-КАНО —
ПЕРВЫЙ
КРУГОСВЕТНЫЙ
МОРЕПЛАВАТЕЛЬ**
◆

**Фернан
Магеллан**

**Хуан-Себастьян
Эль-Кано**

